

В
С
П
О
М
И
Н
И
В
А
Н
Д
Р
О
В
И
Ч
И
Н
И
Т
С
Я

С
В
Я
Т
Ы
Ц
Ы
М
И
Р
А
С
Н
О
Г
О
Р
О
Д
І
Т

У
Ч
А
С
Т
Н
И
Ц
А
М
И
Р
А
С
Н
О
Г
О
Р
О
Д
І
Т

С
В
Я
Т
Ы
Ц
Ы
М
И
Р
А
С
Н
О
Г
О
Р
О
Д
І
Т

В кресле, развалясь, сидела женщина. Длинные волосы цвета красного дерева разметались по плечам такого же форменного кителя, как и у Валленкура. Сияющий ореол мониторов, окружавший её, придавал её лицу загадочное выражение, выхватывая его из полумрака диспетчерской и отбрасывая новые, необычные тени. Женщине перерезали горло. Пиджак и брюки потемнели от густо забрызгавшей их крови. Капли на лице напоминали слёзы из застывших, остекленевших глаз. Шея представляла собой кровавое месиво: удивительно, что её голова вообще держалась на плечах.

Желудок замутило. Это было очень знакомое чувство. В Сатурнианской Гегемонии нету свободного владения огнестрельным оружием (а тем более — кинетическим). В результате, семьдесят процентов убийств совершается с применением холодного оружия.

В Титане-Орбитальном, где каждая девчонка из дворовой шпаны мнит себя Жюли д'Обини, этот процент приближается к ста. На раны, нанесённые холодным оружием, я посмотрелся предостаточно. Это был не тот случай. Никаким ножом или тесаком нельзя было причинить такие ранения: шея трупа выглядела так, будто бы убийца поработала цепной пилой. Или, как вариант, виброклинком...

Итак, перед нами — детектив. И при том интересный детектив. Подача информации и сюжета именно такая, какая и должна быть в хорошем детективном сюжете.

Мир и сеттинг. Подробно, обстоятельно, может заинтересовать самого взыскательного читателя, даже человека который все-таки сторониться подобной фантастики. Отдельного упоминания стоит гендерная тема — тут все з...б...сь. (интересно, по этому вопросу ни у кого из читателей пукан не подгорит?)

Отсылки, пасхалки, мелочевка, пословицы, выражения, всякая прочая требуха. Тут их много и видно, что автор приложил в этом плане много сил и времени, чтобы создать нужную ему атмосферу.

Люси Сорью

СТРАНА ВАСИЛИСКОВ

День первый

Лифт вздрогнул и остановился.

Я с трудом подавил очередной усталый вздох. Будь прокляты ночные смены, а особенно — ночные смены, в которые мне приходится срываться с места и бежать не куда-нибудь, а в Портовую Администрацию...

Двери лифта тихо разошлись в стороны, и я вышел наружу, машинально поправляя расстёгнутый воротник блузы. Полы плаща взметнулись за моей спиной.

Парень, встретивший меня у лифта, был бледен, как полотно. С людьми, впервые увидевшими труп, такое случается. При виде меня он побледнел ещё больше.

— Инспектор Штайнер, Национальная полиция. — представился я и взмахнул левой рукой. Из рукава пальто в ладонь выкатился ослепительно блестящий кругляш Линзы, который я продемонстрировал ошеломлённому парню. Его глаза следили за ним, как камеры за мячом на теннисном матче. — Вы?

— С-С-Сэйдзи Валленкур, — дрожащим голосом выдавил парень. Его всего колотило, и я готов был поставить ракету против чайника, что он только что расстался со своим ужином. — В-в-второй диспетчер...

— Труп?

— Т-т-там, п-пойдёмте... — Валленкур дёрнул небесно-голубой макушкой в направлении лестницы. — Г-г-господин инспектор...

Я кивнул и зашагал к лестнице. Валленкур поспешил за мной, нервно комкая полуформенного пиджака. Служащие Портовой Администрации носили форму — светло-синие пиджак и брюки, будто школьники или вагоновожатые. Для школьника Валленкур был старше, но не более того; возраст сатурниан старше двадцати лет на глаз определить сложно.

Мы поднялись по дребезжащим металлическим ступеням на два пролёта вверх, оказавшись перед открытым люком диспетчерской. Здесь орбиталище куда сильнее напоминало о своём происхождении — люки, комингсы, переборки, рукоятки через каждые полметра в потолке и стенах и лестницы, готовые упасть вертикально вниз при исчезновении гравитации. Когда эта часть орбиталища только строилась, гравитации здесь не могло и быть.

Из-за приоткрытой массивной створки люка лилось мертвенно-бледное сияние — будто там работало не меньше дюжины волюметрических экранов, причём одновременно. Я подошёл поближе, сощурившись от яркого света, и распахнул люк. Доводчики, отозвались негромким шипением.

На полу, у комингса, лежала форменная фуражка: Валленкур торопливо бросился к ней. Я придержал его за плечо.

— Но-но! — предостерегающе произнёс я. Сколько не повторяй, но непосвящённые люди всё равно бросаются убирать улики.

— Это моя, — запротестовал Валленкур, — я её... ну, просто...

— Потом подберёте. — отрезал я и, отпустив его плечо, шагнул дальше — к диспетчерскому креслу, вокруг которого громоздились десятка два мониторов. Осторожно, ничего не касаясь руками, заглянул за него.

Да уж, здесь действительно было с чего бледнеть.

В кресле, развалясь, сидела женщина. Длинные волосы цвета красного дерева разметались по плечам такого же форменного кителя, как и у Валленкура. Сияющий ореол мониторов, окружавший её, придавал её лицу загадочное выражение, выхватывая его из полумрака диспетчерской и отбрасывая новые, необычные тени.

Женщине перерезали горло. Пиджак и брюки потемнели от густо забрызгавшей их крови. Капли на лице напоминали слёзы из застывших, остекленевших глаз. Шея представляла собой кровавое месиво: удивительно, что её голова вообще держалась на плечах.

Желудок замутило. Это было очень знакомое чувство.

В Сатурнианской Гегемонии нету свободного владения огнестрельным оружием (а тем более — кинетическим). В результате, семьдесят процентов убийств совершается с применением холодного оружия. В Титане-Орбитальном, где каждая девчонка из дворовой шпаны мнит себя Жюли д'Обини, этот процент приближается к ста. На раны, нанесённые холодным оружием, я насмотрелся предостаточно.

Это был не тот случай. Никаким ножом или тесаком нельзя было причинить такие ранения: шея трупа выглядела так, будто бы убийца поработала цепной пилой. Или, как вариант, виброклинком.

Даже если вынести всю кухонную утварь за скобки, хороший нож делается на любом домашнем принтере за полчаса. Отдел по контролю за незаконным оборотом оружия каждый месяц конфискует целую тележку изготовленных таким способом самопалов, но контролировать изготовление и оборот холодного оружия просто невозможно. К виброклинкам это не относится.

Люди, всерьёз задавшиеся идеей самостоятельно сделать оружие, обычно берутся сразу за огнестрельное: очевидно, для них законы создаются для того, чтобы их нарушать. Виброоружие облагается таким же количеством запретов, как и кинетическое; у меня перед глазами был наглядный пример, почему. Изготовить виброклинком в домашних условиях практически невозможно.

Разумеется, всегда есть исключения. Случай про «пырнула подругу дедушкиным штык-

ножом, и так сорок четыре раза подряд» вовсе не такой анекдотический, как может показаться — особенно после десяти лет службы в уголовном розыске. Это был не тот случай.

Хотя исключать что-либо было ещё слишком рано.

— Когда вы её нашли? — не оборачиваясь, спросил я у Валленкура. Тот застыл поодаль, старательно держась от кресла подальше.

— Т-т-тридцать минут за п-полночь... — пробормотал он и сглотнул. — Я только п-п... поднялся её проведать и увидел... увидел... — он замолкнул. Я мог поклясться, что парень готов расплакаться.

— Сразу вызвали полицию?

— Д-да, — Валленкур шмыгнул носом, — господин инспектор...

— А лифт вы на кого оставили, а? — строго спросил я. Он снова сглотнул.

— Но я... я... я же не думал... что могло случиться? — дрожащим голосом переспросил он, и я обернулся. Валленкур съёжился под моим взглядом, как пригвождённая лазером бабочка.

— Вот. — процедил я, рукой указав на труп. — Вот что случилось, господин Валленкур.

Губы Валленкура издали какой-то сдавленный булькающий звук. Он застыл, испуганно глядя на меня, не в силах пошевелиться. На его глаза навернулись слёзы; одна, блеснув, сбежала вниз по гладкой щеке.

— Впрочем, — чуть мягче добавил я, — едва ли убийца проскочила мимо вас, пока вы поднимались сюда... — я щёлкнул пальцами; Валленкур вздрогнул, как от пощёчины. — Другие входы есть?

— П-п-пожарная лестница, — прошептал Валленкур. — Шлюз на в-в-в... втором этаже... но он д-должен быть закрыт...

— Он много чего должен... — пробормотал я и присел на корточки. На полу, в луже крови, обнаружилась ещё одна фуражка — видимо, принадлежавшая жертве. Кровь заляпала герб Портовой Администрации на околыше.

Значит, Валленкур не лгал. Но парень обойдется и без фуражки. Судя по всему, ему сейчас не до фуражки.

— Как её звали? — выпрямившись, спросил я.

— Широко Вишневецкая, г-господин инспектор.

Я махнул рукой — Линза выпала в открытую ладонь, и я, вызвав пустой файл, вписал туда имя жертвы. Прицелившись, сделал несколько снимков — общий план, лицо, остатки шеи крупным планом. Недавний кофе с эклерами беспокойно зашевелился в желудке.

Ненавижу.

— Вам известно, — вслух спросил я, — отчего могли убить вашу... коллегу, господин Валленкур?

— Н-н... нет. — замотал головой Валленкур. — Понятия не имею...

— Точно? — прищурившись, глянул на него я. Валленкур отшатнулся, словно ударенный током. — Ревнивые подруги, мстительные друзья, карточные долги?

— Нет! — воскликнул Валленкур. — Широко не играла в карты, ничего такого, и у неё здесь не было друзей! Ну, она... понимаете, она нездешняя, господин инспектор. — я понимающе кивнул, давая ему знак продолжать, — У неё были только я и Анжи, господин инспектор, и я не знаю... никого, кто мог бы сделать... такое. — последние слова Валленкур произнёс сдавленным голосом. Либо по нему плачет Национальный театр драмы и комедии, либо он действительно представить себе не мог, что кто-то перережет его — подруге? девушке? — горло, да ещё и таким образом.

— Как видите, кто-то сделала, господин Валленкур. — сказал я. Он ничего не ответил. Я отвернулся к сияющим экранам.

— Жюст, приём.

— Слушаю. — отозвалась моя напарница. — Ну, что там?

— Подымайся, полюбуешься. — ответил я. — Интересно, блин.

— Ну, раз интересно... сей секунд. — сказала Фудзисаки и отключилась.

— Мне помочь?.. — тихо спросил Валленкур. Я помотал головой.

— Сама справится. Господин Валленкур, — я вздохнул, — вашей подруге только что перерезали горло виброклинком. Вы уверены, что точно не знаете, почему?

— Говорю же вам, нет! — выкрикнул Валленкур. — Клянусь вам, я не знаю, господин инспектор! Широко... Широко всегда была такой... такой хорошей, пунктуальной, работающей, самой лучшей девушкой во вселенной! — его голос сломался от рвущихся наружу рыданий. — Понимаете, господин инспектор?!

— Понимаю. — сухо ответил я. Валленкур рухнул на колени, обхватив трясущиеся плечи руками, и зарыдал. — Я всё понимаю.

Я несколько покривил душой. Откровенно говоря, сейчас я не понимал совершенно ничего.

Но в том, чтобы понять, и заключалась моя работа.

* * *

Младший инспектор Жюстина Фудзисаки появилась почти мгновенно — почему-то у меня лифт тащился, как троллейбус на батареях, но Жюстине это не помешало.

— Ой, а у вас там фуражка валяется. — сообщила она, перемахнув через комингс. Я прищурился. Мы с ней почти одного роста — я на пару сантиметров пониже — но у Фудзисаки большая часть этого роста ушла в ноги, и чудеса лёгкой атлетики она

демонстрирует весьма часто.

Ещё Фудзисаки сходит с ума по всему, у чего есть ствол и спусковой крючок, и это не самая лучшая черта её характера. Учитывая, что в своё время Жюстина трижды становилась чемпионкой Академии по стрельбе, к её маленьким странностям я уже давно привык.

— Пускай валяется. — ответил я. Фудзисаки осторожно обошла всхлипывающего Валленкура и пересекла диспетчерскую. — Вот, полюбуйся.

Жюстина любовалась.

— У-у-у. — протянула она, обходя кресло и разглядывая труп покойной Вишневецкой. На лице напарницы не дрогнул ни один мускул. — Чем это её так?

— Виброклинком. Но я не знаю, тут хоть электропилой. — я пожал плечами. — Разницы никакой.

— Да уж, — поморщилась Фудзисаки, наклонившись к самой растёрзанной шее Вишневецкой. Чему я искренне завидую у своей напарницы, так это крепости желудка; на моей памяти её никогда даже не мутило. Или, по крайней мере, она не подавала виду. — Кто это её так?

— Без понятия. — снова пожал плечами я. — Ну вот ни малейшего.

— И что ты думаешь? — прищурилась она, взглянув на меня.

— Я думаю, — ответил я, — что ты сейчас останешься здесь и расспросишь, — я кивнул в сторону бедняги Валленкура, — потерпевшую сторону. Постарайся разузнать о жертве побольше. Снимки я сделал, но если найдешь чего-то интересного...

— А комнату ты осмотрел?

— Осмотрел. — отмахнулся я. — Ничего.

— Совсем ничего? — повторила Жюстина.

— Совсем ничего. — ответил я. — Это и самое странное.

Перед приходом Фудзисаки я, действительно, воспользовался случаем и осмотрел диспетчерскую, в том числе и с помощью Линзы. Линза, главный рабочий инструмент полицейского (а вовсе не пистолет и даже не свежая коробка с эклерами), может и не такое, но в данном случае её усилия оказались напрасны.

Здесь были камеры наблюдения. Камеры наблюдения в последние полтора часа показывали исключительно помехи.

Здесь не было отпечатков пальцев — кроме Валленкура и покойной Вишневецкой. Я уже подшил к делу биометрические данные их обеих; разрешения на это мне не требовалось. Были и другие отпечатки, но они не вписывались во временной промежуток и принадлежали, скорее всего, другой смене.

И здесь не было следов. Не то, чтобы Линза могла разглядеть следы на твёрдом полу, но убийца — кем бы она ни была — явно не была любительницей. Я встречал предостаточно преступников, ухитрявшихся на месте преступления вступить в лужу крови или

подсолнечного масла; отслеживать их было не просто неинтересно, а даже неспортивно. Убийца Вишневецкой определенно была не из таких.

Зачем профессиональной убийце убивать простую диспетчера?

Да ещё и таким образом?

— А что потом? — прервала мои размышления Фудзисаки.

— А потом звони в участок, — как ни в чём ни бывало ответил я. — Пусть высылают экспертов и забирают труп.

— А ты что?

Я развернулся на каблуках и замер, всё ещё глядя на неё.

— Тут ещё шлюзовая камера. — только и сказал я. — И пожарная лестница.

— О. - только и сказала Жюстина.

— Я немного задержусь.

— Да богов ради. — отмахнулась она. Я кивнул и вышел из диспетчерской, по дороге едва не наступив на горемычную фуражку Валленкура.

Остановившись на лестничной площадке, я вытащил Линзу. Камеры обнаружались почти мгновенно.

Когда и они продемонстрировали мне сплошные помехи, я недоумённо приподнял бровь. Система видеонаблюдения, не работающая в одной комнате — нечто из ряда вон выходящее, но это единичный случай. Система видеонаблюдения, не работающая в двух комнатах...

Ступеньки дребезжали, пока я спускался по ним. Сбежав на второй этаж, я сделал то же самое. Камеры шли помехами. Больше того, они шли помехами ровно столько же, сколько и все остальные — последние полтора часа.

Это было очень подозрительно. Если система видеонаблюдения не работает во всей диспетчерской (одной из четырёх диспетчерских в Порту, но всё же), то это уже не просто из ряда вон выходящее. По всем правилам, Портовая Администрация уже полтора часа должна была бить тревогу; но вместо этого всё, что получает МВД — это вызов от Валленкура?

Я тяжело вздохнул и обернулся к шлюзу. Люк поначалу не поддался, но среагировал на мою Линзу и послушно отскочил в сторону, встав на стопор. Валленкур и тут не лгал — шлюзовая камера была закрыта, как положено. Внутренний герметичный люк шлюза был распахнут; в самом шлюзе горел зелёный светодиод. Вдоль стен камеры выстроились стойки с безжизненно свисавшими с них скафандрами.

Я поднял Линзу. Список камер наблюдения вылетел мне прямо в лицо. Когда первая же из них продемонстрировала мне серый шум помех, я даже не удивился.

Всё-таки Валленкур был на редкость невнимательным помощником диспетчера: проворонить выключенные камеры... Я пожал плечами. Ладно, это мы ещё проверим.

Я включил терминал шлюза, и моргнул, когда мне навстречу вылетело окно с журналом активности. Подтверждать доступ мне не потребовалось. Последнее использование шлюза значилось три недели назад, во время планового техосмотра. Нашёлся даже протокол, заверенный электронными подписями ответственных лиц и украшенный логотипом МинСЖО. Я бегло пролистал его и, на всякий случай, сохранил копию. Но, похоже, шлюз можно было смело вычёркивать.

Или нет.

Скафандры — стандартная безразмерная модель, сертифицированная МинСЖО — тоже оказались нетронутыми. Но у убийцы мог быть и свой. Герметичные люки убийца могла трогать только в перчатках, но я всё равно осмотрел их на предмет наличия отпечатков. Отпечатков не нашлось.

Итак, мысленно подытожил я. Некто перерезает горло Хироко Вишневецкой, диспетчеру ночной смены, прямо в диспетчерской. При этом она пользуется виброклинком, что уже как минимум странный выбор орудия убийства. Виброоружие режет плоть (и большинство других материалов), как нож масло. Отсечь голову виброклинком — даже сравнительно небольшим — было проще, чем перерезать горло. Но его именно перерезали.

И при этом убийца отключает камеры наблюдения. Причём, похоже, все камеры в диспетчерской, ничем при этом не насторожив ни остальную Портовую Администрацию, ни всё орбиталище. Да, видеозапись можно отредактировать, хотя и непросто; обмануть таким способом полицию, которой по долгу службы приходится иметь дело с подобными записями, ещё сложнее. Но отключать камеры?

Даже не так. Отключать камеры, не подняв тревоги?

Я раздосадованно пнул ближайшую стойку со скафандром. Стойка задрезжала; скафандр задёргался на ней туда-сюда.

Бред какой-то. Зачем идти на такие сложности, чтобы убить обыкновенную диспетчера? Почему не всадить в неё пять пуль из одноразового самопала, который потом отправится в ближайший мусоропровод, где-нибудь в Акиниве или Шамп-Марез? Почему не перерезать горло обыкновенным ножом, как это делают подручные госпожи Адатигавы? (справедливости ради, одноразовые самопалы среди мафии ничуть не менее популярны) Почему именно так? Именно здесь?

Я наградил стойку очередным пинком и вышел из шлюза. Плащ дёрнулся у моих ног.

Грохот ступенек сопровождал мои шаги. Пожарная лестница оказалась люком в стороне

от лестницы настоящей, скрытая заглушкой в стене: заглушка послушно отползла в сторону перед моей Линзой, и моему взгляду предстала шахта, уходящая куда-то вглубь орбиталища. Вдоль стенок шахты шли рукоятки лестницы, исчезавшие вдаль, и направляющие полозья для невесомости. Полозья были в очевидно нерабочем состоянии.

Я не знал, куда вела пожарная лестница. У Портовой Администрации, скорее всего, была автономная система борьбы за живучесть: вероятно, лестница вела именно туда. Но где именно находился центр борьбы за живучесть, я не знал.

Зато я знал, что пожарные лестницы оснащались датчиками использования — как и любые другие объекты, связанные с системами жизнеобеспечения. СЖО — слишком серьёзная вещь, чтобы оставлять её на откуп первой встречной-поперечной.

Датчик на этом конце пожарной лестницы работал исправно. Датчик также сообщал, что этой лестницей никто не пользовался в ближайшие три недели — именно так было датировано последнее использование (во время планового техосмотра). Датчик на противоположном конце лестницы сообщал то же самое.

Датчики. Могут ли датчики врать?

Уже отступив от лестницы, я начал было подниматься обратно, как вдруг остановился, развернулся и прошёл в зал диспетчерской. Лифт не подавал признаков жизни. Стол, оставленный Валленкуром — тоже.

Я поднял левую руку с зажатой в ладони Линзой и вызвал список камер. Выбрал первую из них и открыл запись.

Я с удивлением уставился сам на себя, стоящего посередине комнаты с дурацким выражением на лице. При перемотке назад появились сначала я, разговаривающий с Валленкуром, потом Валленкур, бегающий туда-сюда, потом просто спокойно сидящий за столом Валленкур... Я выключил запись.

Валленкур действительно не заметил ничего необычного. Камеры на первом этаже работали так, как и должны были.

* * *

Наверху была идиллия: измученный Валленкур (на парня было больно смотреть — похоже, у него выдалась тяжёлая ночь) и необычно бодрая Фудзисаки, возившаяся с консолью диспетчера. Экраны консоли отражались в её карих глазах. Ей пришлось перегнуться через кресло, но неудобная поза ей нисколько не мешала.

Труп в кресле не вызывал у неё беспокойства.

— Что-то интересное? — поинтересовался я, подходя ближе и заглядывая напарнице через плечо.

— Да так себе. — ответила Жюстина, не отрываясь от монитора. — В общем, отсюда есть доступ в остальную сеть Администрации. Вот, смотри. — она движением руки вызвала какое-то окно с внутренним адресом, покрутила и свернула обратно. Я многозначительно кивнул. — Но камеры при этом не работают. За два часа до там всё нормально, но после...

— Там внизу то же самое. — ответил я. — В шлюзе и на лестнице камеры идут помехами.

— А пожарная лестница что?

— Её никто не трогал. Кстати, там и возле лифта камеры работают нормально.

— Интересно, блин. — повторила Жюстина. — Ладно, вот ещё, — она взмахнула рукой, и на экране появилось другое окно: таблица со списком кораблей. Названия, транспондеры, даты прибытия. Последняя из них значилась ровно за час до того, как Вишневецкой перерезали горло, а полтора десятка камер наблюдения одновременно перестали работать.

Я отодвинул Фудзисаки и перенёс на Линзу весь список. Она вопросительно подняла бровь.

— Лучше какие-то зацепки, чем вообще ни одной. — пояснил я. — А если в поведении диспетчерской были какие-то странности, то логичнее всего расспросить об этом командиров кораблей, верно?

— А у нас что, ни одной зацепки? — спросила Фудзисаки.

Я вздохнул.

— Нет. — сказал я. — Ни одной. Ну, почти.

Протянув руку, я немного пошарил по системе, пока наконец не вытащил на свет Амагэрасу нужное мне окно. Диспетчерская обслуживала четыре стыковочных узла. Три из них были отмечены, как занятые.

Четвёртый был пуст.

— Ага. — сказал я и машинально скопировал изображение.

— Что «ага»? — спросила Фудзисаки.

— Три узла из четырёх заняты, вот что.

— Четвёртый узел не занят только потому, что последний корабль, стыковавшийся в Порту, направили на соседний терминал. И пристыкуется он там же. — пояснила Фудзисаки. — Я посмотрела.

— И запомни. — посоветовал я. — Возможно, придётся наведаться и туда.

— Не городи ерунды. Они понятия не имеют, что Вишневецкую убили. И, похоже, не имеют до сих пор.

— А что Валленкур? — кивнул я. Жюстина скосила глаза на Валленкура, закрывшего лицо руками.

— Валленкур позвонил в полицию. — сказала она. — ЦКП Порта интересуется только то

работает ли диспетчерская. Консоль, как видишь, работает прекрасно.

— А если бы сюда направили корабль?

— У них интервал примерно полчаса между диспетчерскими. А сейчас, наверное, ещё больше.

— Откуда ты это знаешь? — раздражённо спросил я. Вместо ответа Фудзисаки ткнула пальцем в экран. Экран вокруг её пальца пошёл помехами.

— Там всё написано. — пояснила она и вдруг подняла палец вверх. — По лестнице наверх, третий этаж.

— Кто это?

— Криминалисты приехали.

Я бросил последний взгляд на тело Вишневецкой, так и сидящее в кресле. Её голова была запрокинута, остекленевшими глазами смотря в потолок. Кровавое месиво вместо шеи, залитый кровью пиджак. Побелевшие руки на подлокотниках кресла.

Почему именно так? У меня не было ответа.

Я отвернулся.

Фудзисаки уже ждала меня снаружи, на лестнице. Мимо неё сквозь люк протиснулась подоспевшая наконец команда криминалистов.

— Доброй ночи, господин инспектор. — сказала шедшая впереди эксперт, почтительно наклонив голову. Выглядела она свежо, чему я, среди ночи, мог только позавидовать. Неудержимо захотелось кофе.

— Доброй ночи. — кивнул в ответ я и обернулся к Фудзисаки. Та пожала плечами и начала спускаться по лестнице.

Лифт ждал нас на первом этаже диспетчерской. Камера в углу помещения мигала зелёным глазком, уставившись на нас. Я наградил камеру недовольным взглядом и вошёл в лифт.

Фудзисаки вошла следом, нажимая кнопку. Двери с негромким шелестом захлопнулись.

— Итак? — спросила она, облокотившись на поручень. В зеркале за её спиной я мог полюбоваться на своё хмурое отражение: да уж, эту ночь я собирался провести другим образом. — С чего начнём?

— С Валленкура. — ответил я. — Ты с ним говорила?

— Обижаешь. — фыркнула Жюстина. — Сэйдзи Валленкур, 2367 года рождения, место жительства — Титан-Орбитальный, в Портовой Администрации работает последние два года...

— Помощником диспетчера?

— Ну конечно. — закатила глаза моя напарница. — Он же мужчина.

— А. А что Вишневецкая?

— Широко Вишневецкая, 2365 года рождения. Нездешняя. Работает в Портовой

Администрации... тоже последние два года. Место жительства — общежитие N8 Портовой Администрации...

Я присвистнул.

— В Дэдзиме?

— Ага, разогнался. — отмахнулась Фудзисаки. — Здесь они, эти общежития, в самой Администрации.

— Толково. А откуда эта Вишневецкая родом?

— Что-то на «м». Маруямайск или Микатагавск, я не запомнила. — Жюстина состроила гримасу. — Точнее в личном деле посмотрим, но да, она нездешняя. Даже не из округа.

— Однако. — сказал я. Под «округом» жители Титана-Орбитального понимали собственно округ Титан, лежавший за его пределами. Всё остальное, за исключением разве что Монмартра, считалось жуткой провинцией. — Про эту Анжи ты узнала?

— Немного. Она их подруга или что-то в этом роде. — Фудзисаки пожала плечами и добавила: — «Их» — это Вишневецкой и Валленкура. Как ты уже понял.

— Я понял, спасибо. — действительно, об этом несложно было догадаться по одной только реакции Валленкура. — Надо будет её разыскать.

Лифт остановился. Я машинально глянул на глазок камеры, работавшей в кабине. Зелёный. Испарилась эта убийца, что ли?

— Штайнер? — обернувшись, спросила Фудзисаки. — Чего застрял?

— Не мешай. — ответил я, вытащив Линзу. Камера послушно прокрутила мне сначала нашу поездку в лифте, затем — криминалистов, а затем — Фудзисаки, меня и больше никого. Ни в те полтора часа, когда камеры в диспетчерской вздумали подать в отставку, ни до того. В шесть вечера моим глазам предстали Валленкур и весьма живая Вишневецкая: они слились в поцелуе.

— Ага. — только и сказал я, велел изображению исчезнуть. — Значит, тут всё работает.

— А они неплохо целовались. — с тоской протянула Фудзисаки.

— Жюст, перестань.

Мы пересекли лифтовый холл Администрации: часы приближались к пол-второго ночи, и здесь было ни души.

Четыре робота-охранника встрепенулись, когда мы подошли ближе, но тут же утратили к нам интерес: чем хороша Линза, так это тем, что она сводит любые проблемы с такими параноидальными жестянками на нет.

Живые полицейские были гораздо надёжнее. Но если сам Порт кишмя кишит сотрудниками УМВД Сатурнианской Гегемонии на транспорте, то Администрация обходится роботами и вахтёрами. И то последних было не видать.

Чему я удивляюсь? Валленкур сказал проще всего: что могло случиться? Они даже представить себе не могли, что внутри Администрации действительно может случиться хоть что-то, нарушающее их привычную рутину.

Пока оно действительно не случилось.

* * *

— Доброй ночи, господин инспектор. — поздоровался сержант СПОР, дежуривший у лифта. Шлем с прозрачным забралом он держал под мышкой; коротко стриженные тёмно-красные волосы украшал оранжевый берет. — Доброй ночи, госпожа инспектор.

— Доброй. — сказал я; Фудзисаки ограничилась кивком. — Как обстановка, сержант?

— Тихо, господин инспектор. — ответил тот. Я удивлённо приподнял бровь: тихо? в Дэдзиме? — Нам самим непривычно.

— Да уж... — протянул я. — Удачного дежурства.

— Спасибо, господин инспектор.

Дэдзима, гордость и печаль Титана-Орбитального, представляет собой бублик, нанизанный на ствол, связывающий первую столицу с её портом, крупнейшим в Сатурнианской Гегемонии. Порт с его распахнутыми ветвями грузовых терминалов издали напоминает цветок азалии — точь-в-точь как на флаге Гегемонии. К сожалению, большинство космонавтов понятия не имеют о языке цветов, иначе они были бы осторожнее.

Следом за цветком идёт Дэдзима, на внутренней стороне которой постоянно проживает десять тысяч сатурниан, половина которых занята в самом Порту. Другая половина занята в сфере услуг, которые Дэдзима щедро предоставляет своим гостям — заезжим гайдзинам и космонавтам торгового флота со всех уголков Вселенной. Это обеспечивает Дэдзиме дурную славу невыводимого пятна на безупречной репутации Титана-Орбитального — Верхнего, первой столицы, старейшего орбиталища Сатурнианской Гегемонии. Ещё более невыводимо это пятно со статистики главного управления МВД по особому административному округу Титан-Орбитальный, в юрисдикцию которого Дэдзима входит целиком и полностью.

Из-за Дэдзимы и её посетителей уровень преступности Титана-Орбитального неприятно зашкаливает по сравнению с остальными округами и отдельными субъектами Гегемонии. Средний космонавт, вернувшись из долгого полёта, вовсе не склонен к спокойному времяпровождению. Жители Дэдзимы стараются не отставать. Сочетание этих двух фактов приводит к тому, что Дэдзима просто-таки напичкана служащими Национальной полиции.

И СПОР в том числе. Каждому главному управлению МВД в округе положено своё Специальное Подразделение Оперативного Реагирования — тысяча блестяще вышколенных и снаряжённых до зубов бойцов специальной полиции, готовых придти на помощь рядовым полицейским. То, что весь СПОР Титана-Орбитального постоянно базируется в Дэдзиме

говорит о многом.

Служебный люфтмобиль, бело-синий «Кордонье Муракумо», дожидался нас в гараже. По моему сигналу он, натужно жужжа колёсиками, вышел на посадочную площадку, а по следующему сигналу — откинул вверх дверцы. Со стороны, как и все люфтмобили, он напоминал мыльницу с короткими крылышками вертолёта по бокам моторного отсека. Большую часть мыльницы занимал четырёхместный салон, закрытый тонированным колпаком.

Я уселся за штурвал; Фудзисаки плюхнулась на сидение справа от меня. Пришлось немного подождать, пока заново раскрутится застоявшаяся турбина, но вскоре надрывный гул сменился протяжным свистом, и я подал летающую машину вперёд и вверх. С жужжанием сложились стойки шасси.

Дэдзима простиралась вокруг нас. Над головой было ночное небо, странно низкое и странно пустое: за все годы, включавшие в себя множество дежурств в Дэдзиме, я так и не смог к нему привыкнуть. Снизу на нас смотрели крыши домов и складов, уютившихся между стенками тороидального орбиталища. Внизу, посередине улицы, бежал одинокий ночной трамвай, разгоняя темноту перед собой.

— Мы в участок? — спросила, наконец, Жюстина. С заднего сидения она вытащила коробку эклеров и теперь задумчиво жевала один из них: коробку она захватила перед самым вылетом, и пирожные были совсем свежими.

— А куда ещё? — хмуро спросил я, отгоняя запах сладостей. До этого я и не задумывался, насколько голоден. — Нам с тобой ещё отчёты писать. Вот шеф порадуетя.

— Надеюсь, ты уже мысленно настроился утром на ковёр к начальству, — фыркнула Фудзисаки.

— Как ты догадалась?

— Дедуктивный метод. Если Мэгурэ с утра увидит наши отчёты с очередным нераскрытым трупом, то, следовательно, нам придётся пасть перед ней ниц и объясняться. Как тебе такое?

— Мне некогда, я за приборами слежу. — ответил я, уставившись на горящий на лобовом стекле авиагоризонт. Сбоку шли высота и скорость. — А вообще, я не знаю. Какая-то бессмыслица.

— Что именно бессмыслица? Вишневецкая с распотрошённой шеей? Выжженные камеры?

— Да всё вместе. Вот скажи мне, Жюст, если бы кому-то перерезали горло на рабочем месте, что бы ты подумала?

— Что она что-то не поделила с коллегами. — не раздумывая, ответила Жюстина. — Ну или с парнем поссорилась, но здесь не тот случай.

— Почему это? — поинтересовался я.

— Ты же видел, как они целовались. — пояснила Фудзисаки. — И Валленкур... знаешь, он не похож на человека, только что зарезавшего свою любимую.

— Они все не похожи. — угрюмо сказал я. — Пока нож не достанут...

— А камеры кто сжёт? — осведомилась Фудзисаки.

— Валленкур и сжёг. Может, он гений электроники.

Жюстина вздохнула.

— Валленкур художку закончил. — сказала она. — Не городи ерунды. Сейчас на Валленкура ничего не указывает. Ни отпечатки пальцев, ни сумка с ЭМИ-гранатами, ни окровавленный дедушкин штык-нож.

— Так у нас ещё и гранаты? — прищурился я.

— Ты это начал. — пожала плечами Жюстина. — Не я.

Она была права, подумал я. Электромагнитные гранаты были определенно не теми вещами, которые может раздобыть любой помощник диспетчера. На домашнем принтере их не сделаешь: это военное снаряжение, как штурмовой карабин или вибротренинг.

Получалось, что Вишневецкую убил случайно проходивший мимо отряд спецназа. Я мало что знал о спецназе, но был готов допустить, что проникнуть в диспетчерскую, перерезать горло диспетчеру и попутно выжечь все камеры им вполне по силам.

Оставался только один вопрос.

Зачем?

* * *

В участке — стеклянной хлебнице с буквами «ПОЛИЦИЯ» на весь фасад — мы провели остаток ночи, занимаясь благородным делом — написанием отчётов. В другое время, я предпочёл бы заниматься этим благородным делом когда угодно, только не среди ночи... но сегодня выбора не было: идти к шефу на ковёр с пустыми руками мне хотелось ещё меньше.

Люминёр в небе только разгорался, когда я поднял «Муракумо» в серое дэдзимское небо и к лифту. Дэдзима ещё только пробуждалась от своего необычно спокойного сна: первые omnibusы и фургоны шарили фарами по тёмным улицам, разъезжаясь из автопарка.

Дэдзима, в которой ночью не пытались никого убить, ограбить, нанести тяжкие телесные повреждения, или всё это вместе — это очень странная Дэдзима. Но так и случилось. За весь остаток ночи не последовало ни одного вызова.

В глубине души я был рад. Одного дела мне хватало с головой.

Титан-Орбитальный в кои-то веки встретил нас ясной погодой. С взлётной площадки лифтового вокзала, открывался прекрасный вид на весь город — всё внутреннее пространство исполинского цилиндра орбиталища. То тут, то там над городскими улицами плыли кучевые облака: их движение было единственным, что выдавало мерное вращение Титана-Орбитального.

Большинство сатурниан представить себе не может, как можно жить с половиной города, всегда висящей у тебя над головой, и без горизонта, резко уходящего вверх где-то вдалеке. Большинство жителей Титана-Орбитального отвечают, что представлять и не требуется: большую часть года в Титане-Орбитальном и люминёра-то не видно, не то, что половины города.

Сегодняшний день, похоже, был исключением.

На лобовом стекле люфтмобиля возник зелёный иероглиф «вверх», и я дал газ: «Муракумо» пробежался по взлётной площадке, как самолёт, и взмыл в небо. За нами уже взлетал кто-то другой, и я поспешил занять свободный эшелон.

После бессонной ночи следовало бы поставить машину на автопилот, а не вести её вручную. Как всегда, сегодня я решил пренебречь здравым смыслом в пользу своего лётного мастерства: летать я умею, и умею хорошо. Фудзисаки, впрочем, тоже далеко не промах, так что хвастаться мне особо не перед кем.

С воздуха Титан-Орбитальный выглядит впечатляюще. Любое орбиталище впечатляет уже само по себе — это крупнейшие рукотворные объекты, построенные человечеством; но Титан-Орбитальный впечатляет ещё больше, представляя из себя один огромный город. С щедрыми вкраплениями зелени парков, скверов и аллей, с пронизывающими добрую половину города реками, с синевой озера Авауми (которое жители Титана-Орбитального испокон веков зовут Швестерзее), но всё же город. Орбиталища типа «Остров 3++», к которым принадлежит и Титан-Орбитальный, первоначально вовсе не рассчитывались на полтора миллиона человек постоянного населения — и почти два миллиона наличного — которые проживают тут сейчас.

Последний квадратный метр свободного места в Титане-Орбитальном был застроен ещё полтора века тому назад, и с тех пор город, лишённый возможности расти вширь, старается расти ввысь — за исключением исторического центра, районов Гюйгенса и Меако. Минимальная безопасная дистанция до люминёра — пятьсот метров, так что расти ещё есть куда. Нынешнее поколение архитекторов, а с ними и Законодательное Собрание, всё ещё ограничиваются семьюдесятью этажами.

Конечно, Монмартр больше. Но столица Гегемонии с её городами-спутниками проектировалась, планировалась и строилась с чистого листа, тогда как Титану-Орбитальному пришлось обходиться тем, чем есть. Здесь широкие улицы, рассчитанные на обилие дорожного транспорта (а не обычные полтора троллейбуса), дворы на несколько этажей выше тротуаров и угнетающе высокие жилые дома.

Главное управление МВД Сатурнианской Гегемонии по особому административному округу Титан-Орбитальный размещалось в Цитадели — монументальном тёмно-сером небоскрёбе, похожем на грубо вытесанную каменную колонну. Здание, высившееся на углу проспекта Гершеля и улицы Мацуноо, было одним из построенных ещё до отбытия

орбиталища к Сатурну; поговаривали, что в где-то в подвалах можно было найти табличку на немецком, с названием давно исчезнувшей фирмы-подрядчика. Возведённая в эпоху ещё до изобретения люфтмобиля, Цитадель не имела посадочных площадок: их пришлось устраивать прямо во дворе.

На одну из них я и посадил «Муракумо», с облегчением выдохнув, когда шасси люфтмобиля коснулись твёрдой поверхности. Затем я растолкал задремавшую Фудзисаки.

— А?.. Что?.. — сонно пробормотала Жюстина. Я помахал рукой у неё перед носом:

— Приехали. Вылазь.

— Отстаньте, спать хочу... — буркнула Жюстина, но выбралась из салона. Я выдернул стартер из приборной панели, захлопнул дверцу и потянул напарницу ко входу: от её вида меня и самого начинало клонить в сон.

Первым, что предстало нашим глазам на проходной, была тележка. В тележку по самые её края были с горкой навалены устройства, единственной общей чертой которых было наличие ствола и спускового механизма. Позади к тележке был приставлен кидотай, чья наполовину скрытая бронёй синяя форма и синий берет городской полиции сразу выделялись на фоне чёрно-серебрянного великолепия проходной.

Кидотай — «мобильные отряды полиции», что-то между полицейским спецназом, жандармерией и патрульно-постовой службой. В отличие от нашего СПОР, кидотай подчиняются муниципалитету и муниципальной полиции; в отличие от СПОР, разных кидотаев столько же, сколько в Сатурнианской Гегемонии орбиталищ, и различаются они примерно настолько же.

Кидотай Титана-Орбитального мало в чём уступает нашему СПОР. Отчасти это из-за того, что наш СПОР постоянно занят в Дэдзиме, и городским приходится одалживать нам кидотаев для работы в городе. Оружейному отделу их услуги требовались чаще всего. Ну, примерно раз в месяц.

Отчасти это обыкновенное соперничество. СПОР и кидотай нечасто соседствуют друг с другом, но Титан-Орбитальный, один из особых административных округов Гегемонии — как раз такой случай.

— Доброе утро, — махнул я рукой офицеру, копошившейся возле тележки. Та обернулась. — Как поживаешь, Тацуёси?

— Штайнер, старая сволочь, вернулся из своего зоопарка? — вместо приветствия спросила Тацуёси. Мы пожали друг другу руки, затем она обменялась рукопожатием с уже менее сонной Фудзисаки, и напоследок я кивнул кидотаю; тот неуверенно ответил мне тем же. — Как оно у вас?

С Женевьевой Асуной Тацуёси мы давно знакомы. Вообще, весь отдел по контролю оружия со мной в хороших приятельских отношениях со времён одного моего громкого ареста, когда я выследил и отправил в изолятор певицу, перестрелявшую на бытовой почве

почти всю свою группу. Госпожа Акияма уже третий год продолжает своё круглосуточное купание в местах весьма отдалённых, а с оружейным отделом мне тогда пришлось работать очень и очень плотно.

Два месяца спустя мне на шею впервые посадили Фудзисаки.

— Убийство. — ответил я. — Горло перерезали.

— А-а-а. — протянула Тацуёси. — Ну, это не наш профиль.

— Ваш. Перерезали горло вибротлинком.

Тацуёси поперхнулась.

— Это как? — удивлённо спросила она.

— Да вот так. — я развёл руками. — Голова жертвы на ниточке держится.

— Надо же. Впервые о таком слышу. — покачала головой Тацуёси. — Мэгурэ уже знает?

— Нет, конечно. Не против, если мы полюбуемся?

— Да любуйтесь, мне-то что... — она пожала плечами. — Каждый месяц одно и то же, всё им неймётся...

Мы с Фудзисаки полюбовались. Было на что.

Самопалов было много, и среди них не было двух похожих. Здесь были все шедевры подпольного оружейного дела Титана-Орбитального за предыдущий месяц — от безгильзовых трубок с проволочными рукоятками до вычурных экземпляров с древней браунинговской автоматикой, украшенных богатой резьбой. Огнестрельное оружие давно достигло венца своей эволюции и мало изменилось — но этого было достаточно, поскольку обычные люди с тех пор не стали крепче. За незаконным изготовлением и распространением стрелкового оружия строго следили, но отбоя от желающих попытаться почему-то не было.

— Ого, — восхищённым и совершенно проснувшимся голосом сказала Фудзисаки. — А это что за штука?

Не спрашивая разрешения, она запустила руки в гору самопалов и вытянула оттуда что-то крупное, деревянное и продолговатое. Гора тотчас осыпалась, но Жюстина уже извлекла искомое наружу. Деревянным и продолговатым оказался приклад, переходивший в ружейное ложе с небольшой рукояткой спереди. Пистолетной рукоятки не было, но сразу перед спуском зияло отверстие для магазина.

— Вау. — только и сказала Фудзисаки. Её глаза загорелись: всё стреляющее, вне зависимости от калибра и принципа действия, вызывает у неё совершенно нездоровый интерес. Она с любопытством повертела необычный самопал в руках. — «Фё-до-ро-в Ав-то-ма-т»... надо же. Это под какой калибр? — спросила она и, не дожидаясь ответа, заглянула в дуло. — Погоди, он что, кинетический?

Я заглянул и сам. Ствол «Фёдоров Автомата» был толстым, выходное отверстие — в несколько раз меньше диаметром. Нарезов не было: вместо них выглядывали едва заметные спиральные полосы стабилизаторов.

— Этот? — переспросила Тацуёси. — Этот да, кинетический.

— Самопальный? — Фудзисаки восхищённо присвистнула. — Ты смотри, ещё и автоматический!

— А то как же. — невесело хмыкнула Тацуёси. — Он ещё и под боеприпасы от семейства F.80, и магазины те же. Пули, правда, самодельные.

— А где автор? — хмуро спросил я.

— А где ещё? — Тацуёси многозначительно указала на потолок. — Поёт оперной дивой. Статья 233, до двух лет. Лишения свободы.

Я мрачно поджал губы. Пули кинетических винтовок, пробивающие боевую броню, делали с незащищёнными людьми страшные вещи. Проблема была в том, что среди этих людей могли оказаться и полицейские. Наши табельные пистолеты, разумеется, тоже были кинетическими, но с винтовками они не шли ни в какое сравнение.

Меньше всего мне хотелось, чтобы такой «Фёдоров Автомат» оказался в руках у первой встречной-поперечной, которой взбредёт в голову оказать сопротивление при аресте. Перспектива получить очередь в живот из кинетической винтовки меня совершенно не радовала.

— За такой ствол я бы её, пожалуй, простила, — пробормотала Фудзисаки, нехотя возвращая «Фёдоров Автомат» обратно в кучу самопалов. Я укоризненно зыркнул на напарницу. По сравнению с кинетическим автоматом самопалы казались безобидными трубочками-плевалками с жёванной бумагой.

— Ну, это не наш профиль. — пожалала плечами Тацуёси. — Это к девочкам Сказочницы. Но всю эту гору ещё нужно свезти в оружейную и внести в каталог. — она махнула рукой. — На весь день работы.

— Слушай. — встрял я. — А у вас, случаем, кофейку нигде не найдется? А то в очереди неохота стоять, ещё к Мэгурэ на ковёр опоздаем...

— Мэгурэ? — переспросила Тацуёси и, вздохнув, отряхнула руки в белых форменных перчатках. — Ну, это серьёзно. Пойдём, в отделе должен быть...

— Госпожа инспектор, а тележка? — подал голос кидотай. Видимо, перспектива караулить тележку самопалов посреди проходной его не прельщала.

— А тележку ты в подвал свези и сдай. Минус второй этаж, там дальше сам увидишь... Штайнер, вы двое идёте или как?

Фудзисаки всё ещё провожала тележку самопалов восторжённым взглядом, когда мы проходили через турникет. Оружие действовало на неё лучше любого кофе.

Комиссар Жюли Мэгурэ, госпожа и повелительница вся уголовного розыска ГУМВД Титана-Орбитального, восседала за своим рабочим столом. В своём тёмно-синем платье, украшенном белыми цаплями в камышах, она была похожа на левого министра двора эпохи Хэйан. Каштановые волосы шеф собрала в пучок, удерживаемый трёмя помигивающими шпильками.

— Явились. — дружелюбно промурлыкала она, когда мы с Фудзисаки зашли в кабинет. Для стеклянного кубика с одной стеной это было довольно громкое название, но, по крайней мере, тут была звукоизоляция. Иногда я был искренне этому благодарен. — Присаживайтесь.

Я опустил в кресло перед столом. Жюстина приземлилась в соседнее. Приземление вышло довольно пристойным: кофе всё-таки оказывал своё благотворное воздействие. Мэгурэ откинулась в своём кресле, сцепив руки перед собой, и окинула нас взглядом сытого удава. Из рукава показался браслет с Линзой, которую шеф по старой привычке носила на запястье. Двадцать лет назад Мэгурэ была лучшим сотрудником уголовного розыска во всём Титане-Орбитальном, и хотя сейчас шеф носит платье и выслеживает разве что коллег и начальниц, она никому не даёт об этом забыть.

А у начальницы уголовного розыска ГУМВД не так-то и много начальниц.

— А теперь рассказывайте. — улыбнулась шеф, и от этой улыбки мне стало не по себе.

Я довольно подробно пересказал ей все события прошлой ночи — начиная с вызова в Портовую Администрацию и заканчивая нашим с Фудзисаки осмотром камер и записей стыковки. Мэгурэ слушала, нахмутив брови и подперев лицо кулаком. Её глаза при этом неотрывно смотрели на меня.

— Знаешь, Штайнер, — задумчиво проговорила она, когда я закончил, наконец, рассказ, — вся эта история мне совершенно не нравится. Слишком много в ней странного: идти на такие ухищрения, проникнуть в диспетчерскую Портовой Администрации, чтобы зарезать... кого? Диспетчера ночной смены? — она покачала головой. — Да ещё и выжигать камеры, при этом не поднимая тревоги... Нет, это мне определённо не нравится.

— Диспетчер могла увидеть что-то, чего ей не полагалось. — предположил я, впервые произнеся эту фразу вслух. Мэгурэ удивлённо приподняла бровь. — Контрабанду, например. Вот её и убрали.

— Виброклинком? — спросила шеф. — В самой Администрации? И выжгли при этом камеры?

— Ну, да. — недолго думая ответил я. — Это самый простой вывод. Она что-то видит. Её убивают.

— Сразу же? — скептически произнесла Мэгурэ.

— Тем меньше вероятность, что она кому-нибудь разболтает.

— Это всё равно слишком странно. — покачала головой шеф. — Тем более, контрабанда? Для какой контрабанды может понадобиться Порт — и понадобится убирать диспетчера?

Я промолчал, но намёк был понятен. Контрабанда была явлением постоянным — всегда находились люди, готовые что-то раздобыть вне официальных каналов: но точно так же это было слабым звеном. Вместо последних центаврийских хитов на орбиталище можно загрузить вирус, а вместо сувениров с Эпсилона Индейца — провезти ядерную бомбу. О ядерной бомбе мне даже думать не хотелось: для него орбиталище было чересчур хрупким.

Адатигава не сумасшедшая, чтобы вот так резать курицу, несущую золотые яйца. Или, в данном случае, кромсать её цепной пилой. Если, конечно, запоздало подумал я, это вообще Адатигава.

Контрабандистами, действующими в обход общепринятых каналов, должна заниматься не полиция. Этим должна заниматься, как минимум, ГСБ. Судя по лицу шефа, та же мысль пришла в голову и ей.

— Ладно. — сказала, наконец, Мэгурэ. — С чего вы двое планируете начинать?

— С кораблей. — ответил я; Фудзисаки встрепенулась в своём кресле, уставившись на меня. — Если в поведении диспетчерской было что-то подозрительное, то командирам кораблей, стыковавшихся с этим терминалом, это должно быть очевидно в первую очередь. Если в Порту были какие-то другие корабли — если это контрабанда, разумеется — то им это тем более должно быть известно.

— Но убрали при этом почему-то диспетчера? — недоверчиво спросила Мэгурэ.

— Вы сами сказали, что это странно. — парировал я. — Я всего лишь хочу узнать, насколько.

— Допустим. — кивнула шеф. — Что ещё?

— Вишневецкая. Расспросить её коллег, начальниц, подругу — эту самую Анжи. Возможно, ещё раз допросить Валленкура. Осмотреть жильё — Вишневецкая жила в общежитии Портовой Администрации. Как бы странно её не убили, но должно же быть хоть что-то?

— Ага. — снова кивнула Мэгурэ. — И сколько времени вам обоим на это понадобится, Штайнер?

— Можем начать хоть сегодня. — сразу же, не колеблясь, ответил я; не было смысла тянуть с расследованием, особенно в таком деле. Чего доброго, Мэгурэ найдёт кого-то другого. — И да, шеф, диспетчерская: на неё нужно натравить отдел киберпреступности. Что-то там нечисто.

— Без тебя знаю, что нечисто. — ответила Мэгурэ и подалась вперёд, облокотившись на стол. Её Линза блестела и переливалась всеми цветами радуги в свете люминёра за окном. — А теперь послушайте меня, вы оба: это дело сейчас очень и очень некстати. Через пять дней прибывает с визитом премьер-министр, и мёртвая гражданка Гегемонии в Дэдзуме — как раз то, чего мне так не хватало. Ладно, если бы это был мёртвый гайдзин, на него ещё закроют глаза, но меня ещё за прошлый месяц бомбардируют официальными запросами депутаты от Конституционной партии — дескать, «Национальная полиция работает недостаточно эффективно»... — Мэгурэ закатила глаза. — Их послушать, так СПОР должен снести Дэдзиму до нулевого слоя только потому, что так поступила бы премьер Клериссо... А теперь ваша Вишневецкая. Вовремя. — она недовольно скрестила руки на груди. — Очень вовремя.

Как хорошо, подумал я, что простому инспектору вроде меня не требуется, вдобавок к загадочным убийствам, морочить голову ещё и политикой. А вот Мэгурэ приходится иметь дело ещё и с депутатскими запросами от членов Законодательного Собрания (в том числе, увы, и от Конституционной партии, этого клуба поклонников давно покойной одиозной премьер-министра Клериссо) — а заодно и с городской администрацией, городской полицией, окружной прокуратурой и собственным начальством, щедро рассылающим выговоры и предупреждения откуда-то сверху.

Иногда я понимаю, насколько неблагоприятная у шефа работа. К моему стыду, надолго моего сочувствия не хватает.

— Поэтому слушайте меня внимательно. — продолжала Мэгурэ. — У вас есть три дня. Ввиду того, что вы двое спите на ходу — начиная с сегодняшнего вечера. В четверг вечером у меня на столе должен лежать отчёт, в котором, — она подняла руку и начала загибать тонкие пальцы, — будут три вещи: кто это сделала, как это сделала и почему это сделала. Всё остальное, — пальцы сжались в обманчиво изящный кулак, — меня совершенно не интересует. Если же в четверг я отчёта не увижу, — ладонь раскрылась, — то ваше дело отправится в следственный отдел, где девочки Гешке будут шить его белыми нитками, как раз к высочайшему визиту, а вы останетесь несолоно хлебавши. — она вновь сложила руки на груди и посмотрела на нас испытующим взглядом. — Вы меня поняли?

— Так точно, госпожа комиссар. — не задумываясь, ответил я: перспектива отдавать дело на творческую обработку следователям под чутким руководством комиссара Гешке меня совершенно не прельщала. Для этого уголовный розыск и следствие слишком друг друга недолюбливали. — Начнём сегодня же.

— Выспаться только не забудьте. — добавила Мэгурэ. — А то Фудзисаки, похоже, ухитрилась проспять весь разговор с открытыми глазами, — Фудзисаки запоздало попыталась сесть в кресле прямее, — а инспектора, которые спят на ходу, мне совершенно ни к чему...

— Не извольте беспокоиться, — невпопад пробормотала Жюстина, — всё будет сделано в лучшем виде...

— Понятно, — кивнул я и встал с кресла; Фудзисаки, пошатываясь, поднялась следом за мной. — Разрешите идти?

— Три дня, Штайнер. — ласково пропела Мэгурэ. В устах шефа такой тон не предвещал ничего хорошего. — Свободны.

* * *

Фудзисаки отмалчивалась до тех пор, пока мы не покинули наш этаж, от стены до стены занятый уголовным розыском, и не побрели вниз по лестнице. В здании, где все поголовно пользуются лифтами, лестница как всегда пустовала — только на третьем этаже кто-то, усевшись задом в чёрных брюках на подоконник, курила в открытое окно.

Я поморщился.

— Три дня. — наконец сказала Жюстина. От неожиданности я остановился на середине шага и обернулся, чтобы посмотреть на неё: вид у моей напарницы был откровенно ужасный. Хорошо, что у меня под рукой не было зеркала. — И что мы делать будем?

— Смотри на это по-другому, — посоветовал я, — шеф могла затребовать с нас это дело через двадцать четыре часа. С неё станется.

Положа руку на сердце, Мэгурэ хорошая начальница — она, конечно, была требовательной (хотя до двадцати четырёх часов, на моей памяти, никогда не доходило), но её совершенно не волновало, как был получен результат, лишь бы он был. Побочным эффектом, правда, была исповедуемая Мэгурэ политика «пистолет тебе дадут, а дальше крутись как хочешь» в отношении подчинённых, но меня она вполне устраивала.

— А что мы будем делать, — продолжал я, — будем работать. Вечером. Тебя до дому подбросить?

— Валяй. — милостливо разрешила Фудзисаки. — Всё равно на метро я сейчас доеду только до конечной... Так какой у нас план?

— Ты что, действительно всё проспала? — удивлённо спросил я, шагая дальше; мы только что спустились со второго этажа, обогнув поднимающуюся вверх сержанта с объёмистой коробкой в руках. — Мы будем разделять и властвовать. Ты расспросишь коллег жертвы — начальников, диспетчеров с другой смены, смежников, сама понимаешь. Заодно разузнай, где у них центр борьбы за живучесть и посмотри, что там — камеры, датчики, кто дежурил и не видели ли они чего... ну ты поняла, младший инспектор. Не мне тебя учить.

— Есть, господин инспектор. — фыркнула Фудзисаки. — А ты что тем временем будешь делать, напиваться в «Ядерной лампочке»?

— Почти угадала, но нет. — хмыкнул я и толкнул дверь заднего входа. «Муракумо» дождался нас на прежнем месте — убирать его никто не додумался, и слава гравитации. — Я займусь кораблями. Возьму себе в помощь Еремеева, он в Порту, между прочим, работает. Заодно и без ордеров обойдусь...

— А они нужны?

— Летунам... э-э, сотрудникам Транспортной полиции? Нет. Иначе зачем, ты думаешь, мне брать Еремеева?

Фудзисаки поморщилась. Как и большинство моих коллег, она была невысокого мнения о моей дружбе с летуном — офицером Транспортной полиции. В том, что и от летунов бывает польза, я так и не смог её убедить. До сих пор.

— А потом что? — спросила она, когда мы забрались в люфтмобиль, и я включил питание. Позади начала с натужным свистом разгоняться турбина.

— А дальше, — ответил я, — мы с тобой нанесём небольшой визит на дом Вишневецкой. Как я уже сказал, должно же там быть хоть что-то.

— Ага, конечно. — пробормотала Жюстина, пристёгиваясь.

— А ещё, — продолжил я, пропустив её комментарий мимо ушей, — не знаю, как ты, но мне придётся кое с кем повстречаться... и задать ей пару вопросов. Но тебе там присутствовать необязательно.

Фудзисаки неодобрительно хмыкнула. От этого моего знакомства она тоже была не в восторге.

Турбина пронзительно засвистела, и я вдавил шаг-газ, поднимая люфтмобиль в небо. «Муракумо» взмыл в воздух, разворачиваясь, и полетел прочь над крышами Гюйгенса и Меако, к дальней стороне орбиталища.

Жюстина жила в знаменитом «Пентагоне», в одной из пяти высоток на развилке Танигути и Вайденштрассе, недалеко от одноименной станции метро. В полёте она начала клевать носом, из машины выбралась, слегка пошатываясь, а на моё предложение донести её до квартиры довольно внятно послала меня к чёрту. Я проводил её взглядом, пока медно-рыжая макушка Жюстины не скрылась за дверью, и снова взмыл в воздух.

С транспортом нам не повезло. Цитадель, даром что в центре города, находится в десяти минутах от ближайшей станции метро — до которой нам с Фудзисаки ехать с пересадками и такими кружными путями, что хочется сесть на троллейбус. Троллейбусы же, особенно утром и вечером, обычно забиты под завязку, и даже так приходилось пересаживаться в центре города.

Уж лучше было пользоваться служебным люфтмобилем.

Я жил на улице Васильевой-Островской, по-нашему — Инзельштрассе, в противоположной стороне и от Фудзисаки, и от Цитадели. Эту часть Нойшгадта нарезали на почти равные части три реки, впадавшие в Швестерзее — Аракава, Мицуиси и Кимоцуки. Собственно, балкон в моей квартире выходит прямо на набережную Кимоцуки, по обеим сторонам которой и тянется Инзельштрассе, но это не особенно заметно — если только не посмотреть вниз. Гораздо чаще я таращусь на метровую вывеску «АКУЛОН» кислотно-зелёными буквами, прямо на доме напротив. Иногда она является мне по ночам, и я просыпаюсь в холодном поту, чтобы ещё плотнее задвинуть шторы.

Оказавшись дома, я первым делом завалился спать, велел ассистенту разбудить меня ровно через пять часов. Ассистент выполнил приказ с особым машинным энтузиазмом, ровно в 16:17 затрезвонив мне в ухо. За окном всё ещё было светло — темнеет в орбиталищах всегда одинаково поздно, а сейчас ещё и вступает в свои права весна. Кислотные литеры АКУЛОНа, впрочем, уже загорелись; хвост вывески заглядывал мне в окно спальни.

Я погрозил ему кулаком и нехотя поднялся с постели. Квартира, хозяин которой подолгу пропадает на дежурствах, производила впечатление отчаянного беспорядка. Не творческого, а просто беспорядка. Когда он размазывается на две немаленьких (по меркам Титана-Орбитального) комнаты, в нём даже можно жить.

Здесь есть книжная полка, заставленная аж пятью книгами и примерно дюжиной папок с бумагами, здесь есть обеденный стол на шесть персон, которым никто не пользуется, здесь

(в большой комнате) есть даже рояль. Его крышку украшал такой густой слой пыли, что я ужаснулся.

Когда-нибудь сделаю уборку, твёрдо (в десятый, наверное, раз) решил я. И отправился в душ.

Выходя из ванной комнаты, я остановился, чтобы посмотреть в зеркало. Пять часов сна определённо пошли мне на пользу. Тёмно-лиловые волосы, всё ещё влажные, заканчивались чуть выше плеч. Из-под тонких бровей на меня смотрели лиловые глаза — фиалки вместо сирени. Когда-то я даже комплексовал из-за такой однообразности.

Я ухмыльнулся своему отражению.

Любили меня отнюдь не за красивые глазки.

* * *

На обед я решил сварить суп. Сатурнианская кухня, при всём многообразии, богата морепродуктами, и в готовом супе плавали розовые кусочки сёмги. Одним из последствий долгих дежурств и ненормированного рабочего дня было то, что питался я где придётся и чем придётся (в основном, конечно, кофе с эклерами). Дома я ел в основном супы.

Кстати о ненормированном рабочем дне, подумал я: прежде, чем куда-то собираться, нужно было сначала вызвонить Еремеева. Чисто теоретически попасть в Порт и обойти корабли я мог и сам. Практически это натыкалось на некоторые препятствия.

Ни для кого не было секретом, что летуны (транспортные полицейские) терпеть не могут «землю» (остальных полицейских), и мы платим им той же монетой. За парой исключений, вроде меня и Еремеева, но исключения, как всегда, подтверждали правило.

Я отхлебнул чаю, этого несоизмеримо благороднейшего, чем кофе, напитка, и велел ассистенту набрать Еремеева. Ждать мне пришлось чуть меньше минуты.

— Инспектор Еремеев, транспортная полиция. — раздался голос Еремеева у меня в ухе. — О, Штайнер, привет. Как жизнь молодая?

— Всё так же. — отмахнулся я. — Слушай, Жан, я к тебе, собственно, вот по какому делу. Ты сейчас на работе?

— Ну на работе. — протянул Еремеев. — Чего тебе?

— Мне тут остро приспичило наведаться к вам в Порт. Составишь компанию?

— Какую компанию? — переспросил Еремеев. — Какой Порт? Тут всё с утра закупорено, корабли не принимают, экипажи в Дэдзиму не пускают, сидим как на бочке с гидразином, и всё потому, что в Администрации пришили диспетчера. А ты говоришь, наведаться...

— Жан, — прервал его тираду я, — я как раз из-за этой диспетчера.

— А. О. Что, серьёзно?

— Да. Так что?

Еремеев замолчал. Я воспользовался паузой, чтобы отпить ещё чаю. Если мне чего-то и не хватает на работе, так это именно его.

— Доведёшь ты меня когда-нибудь до служебного взыскания, Штайнер, — вздохнул Еремеев, и я встрепенулся. — Ладно. Где тебя ждать?

— Прямо у лифтов и жди. Я маякну, когда буду подъезжать.

— Чего тебе надо-то?

— Порасспросить командиров кораблей. Двух-трёх, не больше.

— Как пить дать доведёшь. — обречённо заявил Еремеев. — Ладно, езжай давай. До скорого.

— Ага. До скорого. — ответил я, и Еремеев оборвал связь.

Я пособирал посуду, ткнул посудомойку и поставил кастрюлю в холодильник — супа должно хватить ещё на два-три дня. Регулярные приёмы пищи мне в ближайшее время не светили. Закончив с этим, я пошёл в ванную, прополоскал зубы, и отправился на другой конец квартиры — одеваться.

Платяной шкаф был единственным местом в доме, где сохранялась хоть какая-то упорядоченность на фоне всеобщего полупустого бардака. По сравнению с ним шкаф был прямо-таки забит вещами: мундир, ещё мундир, парадный мундир, вечернее платье (тёмно-фиолетовое с кроваво-красными цветами и синим подворотником), летнее фестивальное платье (нечто серебристо-белое с узором из зелёных тростников), куртка, куртка, о, вот, наконец, и плащ — светло-серый, в отличие от вчерашнего. Вчерашний преспокойно висел себе в прихожей, и я решил там его и оставить.

Немного разнообразия не помешает.

Под плащом скрылась белая блуза, а поверх блузы — кобура с табельным оружием, пятнадцатизарядным пистолетом Симоно. Браслет Линзы занял привычное место на запястье, поверх рукава. Это удобно, — Линза всегда под рукой, а не, скажем, в кармане или на груди кителя, — и это одна из причин, по которой инспектора уголовного розыска предпочитают носить одежду с длинными рукавами.

Другая причина — стиль.

Набросив плащ, я задержался возле зеркала, чтобы пройтись щёткой по ресницам и слегка распушить их. Я уже долгое время одинок и горю на работе весь остаток времени, но следить за собой мне это не мешает.

Выйдя из квартиры, я вызвал лифт и набрал Фудзисаки. На этот раз ждать мне пришлось гораздо дольше.

— Жюст, я вылетаю. За тобой заехать?

— Уже? — раздражённо поинтересовалась Фудзисаки; судя по её тону, я только что оторвал её от какого-то очень важного занятия. — Да нет, не заезжай, я сама... на метро доберусь.

— Ага. Где встречаемся?

— В холле Администрации. Ради всех богов, Штайнер!..

— Что? — удивлённо спросил я. Ответа не последовало. — А, ладно. Пока.

«Вызов сброшен», сообщила мигающая красная надпись. Я пожал плечами. Похоже, это было действительно важно.

В гараже было пусто. В пять часов вечера все только возвращаются с работы, и куда больше людей предпочитало для этого метро, троллейбус и трамвай, чем люфтмобиль. Стоящий в свободном боксе бело-синий «Муракумо», должно быть, смотрелся дико.

Меня это мало беспокоило. Люфтмобилей в личном владении, по сравнению с прокатными, очень мало, и определённо не у кого-то из моих соседей. У нас же с Фудзисаки машина мало того, что служебная, так и вообще одна на двоих.

Красная линия метрополитена заканчивалась на лифтовом вокзале, на дальнем конце орбиталища. Все дороги, ведущие в Порт и Дэдзиму, ведут туда, поэтому и мне пришлось провести остаток пути среди добрых двух десятков других люфтмобилей, на грузовой платформе несущегося вверх лифта. Внутри Порта, разумеется, не полетаешь — самое большое помещение, не являющееся складом, там не больше теннисного корта — но специально для таких случаев у них есть стоянка.

Еремеев, как мы и условились, ждал меня у лифтов. Лифтовый холл Порта, в отличие от Администрации, перегородивал ряд рамок, большая часть которых была наглухо закрыта. У оставшихся двух столпились космонавты в разномастных комбинезонах — то ли пытавшиеся пройти внутрь, то ли выйти наружу. Где-то позади выглядывали чёрные полицейские береты.

Я непроизвольно поморщился. Почти никто из этих космонавтов не был похож на сатурниан, даже отдалённо.

— Видал? — спросил меня Еремеев вместо приветствия. Я кивнул и пожал ему руку.

— Да уж, весело тут у вас. — сказал я с плохо скрытым сарказмом. Еремеев скривился.

— Хвала богам, что я не из тех неудачников. — кивнул он на полицейских за толпой. Я фыркнул: для постовой службы у нас с Еремеевым было слишком много азалий на погонах. — Пошли.

С Жаном-Мари Еремеевым мы знакомы с самой академии МВД, где мы с первого года сидели за одной партой, списывали одни и те же конспекты и в разное время встречались с одними и теми же девушками (один раз даже одновременно); одним словом, это было началом прекрасной дружбы. Дружба никуда не делась даже тогда, когда Еремеев пошёл

доучиваться на транспортного полицейского (а это целый год малополезных предметов навроде космической навигации, миграционного права и таможенной юриспруденции), а я начал разносить кофе и эклеры на этаже уголовного розыска. В полноценные инспекторы мы выбились почти одновременно.

Работа у Еремеева, в целом, куда размереннее, чем у меня. Иногда, конечно, ему приходится срываться, натянув скафандр, на таможенные досмотры и прочие весьма отдалённые от Титана-Орбитального вещи, но это сказывается близость космоса.

Еремеев провёл меня через дверь под волюметрической вывеской «ПОЛИЦИЯ» избавив нас обоих от необходимости ходить через одну рамку с гайдзинами. По дороге я ввёл его в курс дела. Немногие мои коллеги одобрили бы это, но их одобрение волновало меня меньше всего.

— Что-то действительно какая-то несвязица. — изрёк Еремеев, выслушав мой рассказ. — Ну ладно, раз так, придётся помочь тебе её распутать. Что бы ты без меня делал?

— То же самое, что и с тобой. — буркнул я. — Но из тебя получается слишком хороший штурмовой таран, чтобы просто пройти мимо.

— Ага. — хмыкнул он. — Так какие корабли тебе нужны?

Я извлёк из рукава Линзу. Еремеев нахмурился. В транспортной полиции нету своего эквивалента уголовного розыска per se — у них несколько другой профиль, и форму они носят постоянно. Линза Еремеева украшает левую сторону его груди, поблёскивая всеми цветами радуги и, если честно, мне и моей нарукавной Линзе он немного завидует.

— Вот эти. — я вызвал нужный документ и продемонстрировал его Еремееву. — «Синеvir», «Лепанто Экспресс» и «Гваэчжу Грин», вот эти трое. Знаешь таких?

— Не-а. Я вчера днём дежурил. — я метнул в его сторону уничтожающий взгляд. — А что я такого сказал?

— В том-то и дело, что ничего... — пробурчал я; бессонная ночь всё ещё не давала мне покоя. — Ну ладно, веди, о местный провожатый. Куда идти-то знаешь?

— Обижает. — Еремеев постучал по своей Линзе; та на секунду блеснула, и перед нами возникла путевая точка. — С какого корабля начнём?

Я призадумался.

— С самого позднего. — объявил я. — С «Синевира».

* * *

MV «Синеvir», прыжковый грузовик класса F, был огромным полукилометровым монстром, похожим на ископаемого кита. К сожалению, иллюминатор стыковочной галереи был слишком мал, чтобы я мог оценить это зрелище полностью, и мне пришлось довольствоваться выглядывающим в иллюминатор куском обшивки и своим воображением.

На золотистом корпусе грузовика белели огромные буквы СИНЕВИР и чуть ниже, более приличных размеров — бортовой номер. Ещё ниже красовался шильдик верфи.

Транспортная капсула, доставившая нас к терминалу, исчезла внутри своего туннеля: Порт был слишком велик, чтобы его можно было обойти пешком. Причальная галерея терминала уходила вдаль — горящие табло занятых стыковочных узлов, разделённые широкими иллюминаторами. За низким потолком шумел конвеер.

О людях проектировщики Порта думали в последнюю очередь.

У стыковочного коридора «Синевира» скучали двое космонавтов в оранжевых комбинезонах. Заметив нас с Еремеевым (подозреваю, нас выдала его блистающая Линза), они тут же притихли, следя за нами. Судя по росту и внешности, на каллистян они были не похожи. Набирать в команду жителей внесолнечных колоний и сибирских миров было обычной практикой.

— Инспектор Еремеев, Транспортная полиция. — представился Еремеев; его Линза тут же продемонстрировала удостоверение. — Ваша командир на борту? — говорил Еремеев по-французски, но на лицах гайдзинов всё равно проскользнуло недоумение. Я искренне не мог понять, отчего.

— У вас есть какое-то дело к командиру? — спросил, наконец, один из космонавтов, сощуривая зелёные глаза. Его товарищ облокотился на переборку, скрестив руки на груди.

— Хотим задать ей пару вопросов. — ответил Еремеев. — Это важно.

Космонавт медленно кивнул, глядя на Еремеева, и потянулся за гарнитурой на воротнике комбинезона.

— Дежурный. Командир, вас хочет видеть полиция. Нет, они здесь, у шлюза. — он замолчал, прислушиваясь, и ответил: — Есть, командир. Господа, — космонавт обернулся к нам, — следуйте, пожалуйста, за мной.

Командир «Синевира», каллистянка по фамилии Федорчук, приняла нас в кают-компании грузовика. Путь туда занял немного времени — не считая всех люков, через которые нам пришлось пройти. Сама кают-компания отличалась от других отсеков только столами, баром в углу и закрытыми техническими панелями на стенах. Очевидно, и здесь о комфорте экипажа думали в последнюю очередь.

Командир «Синевира» восседала в одном из кресел кают-компания. Стоило нам переступить через комингс, как она поднялась на ноги:

— Господа полицейские! — поприветствовала она. — Чем обязана вашему визиту?

— Инспектор Штайнер, Национальная полиция. — представился я; её бровь удивлённо приподнялась, и я продолжил: — Я расследую убийство в Портовой Администрации, и хотел бы задать вам пару вопросов. Ваш корабль прибыл вчера, я полагаю?

— Так вы по этому делу... — проговорила Федорчук и грациозно кивнула. Я учтиво склонил голову в ответ — совсем чуть-чуть, чтобы расставить приоритеты в разговоре. Командир вопросительно обернулась к Еремееву.

— Инспектор Еремеев, Транспортная полиция. — ответил тот. — Я здесь по просьбе инспектора Штайнера.

— Я понимаю. — вновь кивнула Федорчук и обратилась к сопровождавшему нас космонавту: — Оставь нас.

— Есть, командир. — отрапортовал космонавт и исчез. Зажужжал доводчик люка, а затем раздались частые шаги. В корабле, окружённом вакуумом, звуки разносятся гораздо лучше, чем в атмосфере.

Федорчук вновь обернулась к нам. Если что-то и бросалось в глаза при виде каллистанки, то это был её рост: Каллисто, как и другие спутники планет-гигантов, не мог похвастаться высокой гравитацией. Командир «Синевира» была очень высокой — под два метра росту, никак не меньше — и очень стройной, почти худощавой. К счастью, высокое (для неё) притяжение не причиняло ей дискомфорта. И, я был готов поспорить, отлично сказывалось на физической форме.

— Присаживайтесь, пожалуйста, господа. — пригласила она, хозяйским жестом указывая на свободные кресла позади нас. Мы уселись, и после этого Федорчук сама опустилась в своё кресло, скрестив длинные ноги. Даже не так: очень длинные ноги. Будь здесь Фудзисаки, она пошла бы лиловыми пятнами от зависти.

— Благодарю вас, госпожа Федорчук, — ответил я. Линза выпала из левого рукава в подставленную ладонь. — Вы не против, если я буду записывать нашу беседу?

Федорчук весело хмыкнула.

— А у меня есть выбор? — с улыбкой спросила она. Я пожал плечами и включил запись.

— Госпожа Федорчук, — начал я, — ваш корабль прибыл в порт Титана-Орбитального вчера, в 23:00 по местному времени. Это верно?

— Разумеется. — кивнула Федорчук. — 23:10, если быть точным. — разговор шёл на русском, и я сразу заметил, какой род использовала тут собеседница.

— Спасибо. Вы раньше бывали в Титане-Орбитальном?

— Корабли нашей компании совершают регулярные рейсы с заходом на Сатурн, поэтому да, разумеется.

— Как давно вы командуете «Синевиром»?

— Два года. — чуть подумав, ответила Федорчук. — Но до этого я командовала другими кораблями, которые также заходили сюда.

— Когда вы были в Титане-Орбитальном в последний раз?

— Семь месяцев назад. — ответила она. — Это имеет отношение к делу?

— Может иметь. — сказал я; и правда, это было вполне возможно. — Вернемся ко вчерашним событиям. — Федорчук с готовностью кивнула. — Вы заметили какие-то странности в поведении диспетчера во время захода на стыковку?

— Нет, ничего неестественного. — она замешкалась, глядя поверх моего плеча. Похоже,

она только что подключалась к базе данных своего корабля. — Мы сравняли скорости, получили необходимые указания, выполнили манёвр и начали заходить на стыковку, и всё это время нас вёл диспетчер. Я не заметила ничего необычного в её поведении.

Ну вот, опять. В системе Юпитера все говорят по-русски, причём каллистяне — лучше всех: украинский гораздо ближе к русскому, чем, скажем, французский (*lingua franca* половины космоса). И всё же манера речи Федорчук упорно раздражала меня — и её произношение здесь было не при чём. Проблема была в употреблении женского и мужского рода.

В Сатурнианской Гегемонии одновременно употребляются сразу три языка — французский, русский и японский, причём по-японски не говорят нигде, кроме Гегемонии. Перейти исключительно на русский мне не составляло труда. Но разговариваем мы совершенно иначе.

— Вы уверены в этом? — уточнил я. — Никаких пауз дольше положенного, никаких запинок, ничего?

— Была небольшая пауза, — ответила Федорчук, — как раз когда мы запрашивали, к какому из стыковочных узлов нам приближаться. Диспетчер помедлила секунду и после этого сказала, чтобы мы приближались к третьему узлу. Я не придавала этому особого внимания: возможно, она просто задумалась. Как её звали, господин инспектор?

— Вишневецкая. — я посчитал, что одной фамилии будет достаточно. — А зачем вам?

— Простой интерес. Это довольно необычная фамилия для сатурнианки, не находите?

— Не нахожу. — моя фамилия тоже не самая обычная для большинства жителей Гегемонии, но это не значило ровным счётом ничего — кроме того, что я с Титана-Орбитального. — Госпожа Федорчук, присутствовали ли какие-то другие корабли в пространстве Порты, пока вы заходили на стыковку?

— В свободном полёте? — уточнила Федорчук. Я кивнул. — Нет, не было. На других орбитах были корабли, приближающиеся к Титану... но вы ведь не об этом хотели знать, господин инспектор?

— Не об этом. — кивнул я; на других орбитах полным-полно кораблей, что в таком густонаселенном округе, как Титан, и неудивительно. — Вы видели корабли, пристыкованные к этому терминалу, во время вашего манёвра?

— Видела. Два узла из четырёх уже были заняты... Знаете, господин инспектор, это было довольно необычно, если так подумать. — добавила Федорчук. Я внимательно посмотрел на неё; лицо каллистянки приобрело тот же вид, как когда она подключалась к памяти «Синевира». — Да, точно: когда мы приближались, я заметила, что не заняты два узла на терминале: самый дальний и самый крайний. Никакой разницы нет, но я была уверена, что нам дадут крайний узел. Но диспетчер проинструктировала нас заходить на стыковку с самым дальним узлом, ближайшим к терминалу. Тогда мне показалось это странным, но я не придавала этому значения.

Я глянул на Еремеева. Тот покачал головой и характерным жестом постучал по рукаву двумя пальцами.

— Стыковочные узлы нумеруются от терминала, — возникло у меня перед глазами сообщение Еремеева. — Первый-второй-третий-четвёртый. Это — первый.

Я кивнул.

— Вы точно уверены, что было пристыковано только два корабля? — вслух уточнил я.

— Прыжковые грузовики довольно крупные. — усмехнулась Федорчук. — Мы точно видели, что их было двое. А что вы имеете ввиду, господин инспектор?

— Что четвёртый узел был занят кораблём меньших размеров. — не моргнув глазом, ответил я. Федорчук покачала головой:

— Диспетчер сообщила нам, что свободны два узла из четырёх. — сказала она. — Это было перед тем, как мы получили инструкции стыковаться к первому узлу. Но куда именно направлять прибывающий корабль — дело диспетчера, а не моё. Я не придавала этому значения.

— Я понял вас. — кивнул я. — Как долго вы остаётесь в порту?

— Ещё три-четыре дня. — ответила Федорчук. — Зависит от того, как быстро будет идти погрузка и разгрузка: мы должны взять на борт новый груз... Обычно мы устраиваем увольнение для команды, но так как доступ в Порт ограничен... — она пожала плечами.

— Мы работаем над этим. — заверил её я и поднялся с кресла; Еремеев поднялся следом за мной. — Большое спасибо, что согласились уделить нам своё время.

Я вежливо поклонился. Еремеев сделал то же самое. Федорчук удивлённо заулыбалась, прикрыв губы ладонью (совершенно сатурнианский жест, между прочим) — видно было, что для неё это немного внове.

— Я рада, что смогла быть вам полезной. — проговорила она, и её глаза загорелись: — Послушайте, господин инспектор, вы не хотели бы задержаться? Сейчас ещё рановато, но, я думаю, мы смогли бы накормить вас обедом на прощание.

— Благодарю, — я развёл руками, незаметным движением убирая Линзу обратно в рукав, — но я на службе.

* * *

— Слушай, Штайнер, — начал Еремеев, стоило нам отойти на приличное расстояние от «Синевира», — а тебе, часом, не приходило в голову просто взять записи с камер Порта?

— Наружных, что ли? — уточнил я; Еремеев утвердительно кивнул. — Приходило. Но это не в моей компетенции.

— Это как?

— Это так: изъятие больших объёмов данных находится в компетенции отдела по борьбе с киберпреступностью. — отчеканил я и добавил: — Ну, или мне нужен ордер. Ордера у меня нет, да и тогда оно проблематично.

— И поэтому ты таскаешься по кораблям? — закатил глаза Еремеев.

— Человеческий фактор. — многозначительно сказал я. — Заметь, мы уже знаем, что за час до убийства Вишневецкой четвёртый узел был пуст...

— И что это нам даёт?

— А вот это, — ответил я, — нам с тобой и предстоит узнать.

«Лепанто Экспресс», судя по виду из иллюминатора, был не менее внушительным кораблём. Видимо, у полукилометровых прыжковых грузовиков это общее. Пока Еремеев разговаривал с дежурными космонавтами, женщиной и мужчиной примерно одного с нами роста, но с характерной внешностью людей, выросших при другой гравитации и под другим солнцем, я разглядывал корабль, повисший у терминала. Исполинские стыковочные захваты удерживали его — огромную сигарообразную громаду, в свете прожекторов отливавшую зелёным, как будто «Лепанто Экспресс» покрывала благородная патина.

— Штайнер! — окликнул меня Еремеев, и я обернулся. — Пошли.

Командир «Лепанто Экспресса» поспешил к нам навстречу. Я одобрительно хмыкнул себе под нос. От каллистянки Федорчук я не ожидал бы такого поведения, но космонавт откуда-то с Лепанто (в тридцати годах от Солнечной) — совсем другое дело.

— Инспектор Еремеев! — воскликнул он. Под густым слоем лепантийского акцента слышалось беспокойство, смешанное с тревогой. — Что привело вас сюда? С моим грузом что-то не в порядке?

— Насколько мне известно, нет, господин Гучетич. — повелительно ответил Еремеев и отступил на шаг, кивнув на меня. — Это инспектор Штайнер, мой коллега из Национальной полиции, и он здесь, чтобы задать вам пару вопросов.

— Господин Гучетич. — слегка наклонил голову я. Интересно, что у него за фамилия? На каллистянскую, или даже какую-то из наших, она была непохожа. — Очень приятно.

— Взаимно, уверяю вас, взаимно. — торопливо заговорил лепантиец. — Позвольте провести вас в более подходящее место... надеюсь, кают-компания вас устроит, господин инспектор?

— Вполне. — на этот раз я не стал удостаивать его кивком. Гучетич выказывал нам должное почтение, но я-то был совершенно не обязан.

Путешествие до кают-компания оказалось не в пример короче, чем на «Синевире». Переступив комингс, я на секунду обомлел: никаких технических панелей и привинченной к полу мебели не было и в помине. Переборки скрывала деревянная отделка, кресла были выложены атласными подушками и стояли на ножках в виде львиных лап, а пол застилала такие ковры, что мне захотелось разуться.

— Присаживайтесь, прошу вас, господин инспектор Штайнер, — пригласил Гучетич. Сам он садиться первым отказывался. — Располагайтесь поудобнее, пожалуйста! Господин инспектор Еремеев...

— Чего ты не сказал, что раньше с ним общался? — молча спросил я.

— Ты и не спрашивал, — написал в ответ Еремеев. Я покачал головой и сел в ближайшее кресло.

Только после того, как мы уселись, командир «Лепанто Экспресса» опустился в другое кресло сам. Видно было, что Гучетич нервничает. Дурацкие тонкие усы на тёмном лице космонавта топорщились. Лишних волос у сатурниан нету, и усы Гучетича меня откровенно раздражали.

— Господин Гучетич, — начал я, включая Линзу на запись.

— Милорад Гучетич, к вашим услугам, господин инспектор.

— Спасибо. — холодно ответил я. — Господин Гучетич, ваш корабль произвёл стыковку вчера, в 21:49 по местному времени. Это верно?

— Верно, разумеется. — кивнул Гучетич. — Это важно?

— Да, господин Гучетич, это важно. Вы заметили какие-то странности в поведении диспетчера при заходе на стыковку?

— Дайте подумать... — Гучетич нервно побарабанил пальцами по колену. — Нет, господин инспектор, никаких странностей.

— Вы не заметили, сколько стыковочных узлов было занято на терминале во время захода на стыковку?

— Нет, но... — Гучетич снова побарабанил пальцами, скосив глаза в сторону, — не могу ручаться, господин инспектор, но занят был только один. Во всяком случае, других грузовиков у терминала мы не видели.

— А не грузовиков? — спросил я. — Менее крупных кораблей?

— Разрешение сенсоров. — развёл руками Гучетич. — Если они и были, то различить их на фоне терминала было невозможно.

— Я понял. — кивнул я. Один грузовик... значит, только «Гваэчжу Грин», а это следующий. Его командира нужно будет расспросить поподробнее. — Господин Гучетич, диспетчер давала вам конкретные указания, к какому узлу заходить на стыковку?

— Ну разумеется! — ответил Гучетич. — Она приказала нам приближаться сюда, ко второму узлу. Если честно, я бы предпочёл самый крайний, четвёртый, но не стану же я пререкаться с диспетчером!

— Диспетчер делала какие-то паузы или задержки, когда указывала вам стыковочный узел?

— Нет... нет, точно. Никаких пауз, господин инспектор.

— Понятно. — ответил я. — Вы раньше были в Титане-Орбитальном?

— Был. Два года назад, для наших кораблей это нечастый маршрут. — быстро ответил Гучетич. Ничего удивительного: Лепанто находится за добрых десять прыжков от Солнечной, да ещё и к галактическому западу. — Это важно?

— Да, господин Гучетич, это важно. — снова повторил я. — Как долго вы остаётесь в порту?

— Обычно это было бы четверо суток, — начал Гучетич, — но половина моей команды застряла в Дэдзиме, а другая половина — злые как черти из-за пропускного режима. Я уже думал, что что-то не так с моим грузом...

— Что у вас за груз?

— Машиностроительные полуфабрикаты. Хорошо хоть конвейеры работают... но моя команда этому вовсе не рада, да и я тоже. Скажите, господин инспектор, нас могут задержать?

— Это не в моей компетенции, — ответил я, — но, возможно, нам может понадобиться

ваше сотрудничество.

— Разумеется, разумеется. — Гучетич прямо-таки рассыпался в заверениях. — Буду рад услужить вам, инспектор!

— Вы уже оказали незаменимую помощь следствию, господин Гучетич, — сказал я, — но всё равно спасибо.

Предлагать нам угощение Гучетич не стал. Видимо, он был научен горьким опытом.

* * *

— Ты видел его груз? — спросил я у Еремеева, когда мы вышли наружу. Вести такие разговоры внутри «Лепанто Экспресса» я не собирался: в космическом корабле переборки в прямом смысле имеют уши.

— Ну да. — ответил Еремеев. — Он не врёт, там действительно полуфабрикаты. А что, ты у меня работу отбирать собрался, Штайнер?

— Держи карман шире. — ответил я. — Нужна мне твоя работа.

Еремеев гневно засопел.

«Гваэчжу Грин» был нашей последней остановкой. У стыковочного узла никто не дежурил, и Еремееву пришлось несколько раз нажать кнопку интеркома.

— Спят они там, что ли? — недовольно пробурчал он, когда и в третий раз не было ответа.

— А зайти внутрь? — предположил я, одним глазом глядя в иллюминатор. Снаружи простирался серый борт грузовика. — Твоя Линза же вскрыет их шлюз, да?

— Ага, вскрыет. А потом сюда сбежится весь Порт. — кисло ответил Еремеев. — Оно тебе надо?

— Ну как сказать... — определенно, за такой переполох Мэгурэ меня по головке не погладит, да и начальство Еремеева едва ли отнесется с пониманием. Я оставил конец фразы висеть в воздухе.

Воздух тут был очень спёртый.

— Дежурный, говорите. — ожил интерком характерным выговором селенитского французского. Еремеев просиял:

— Инспектор Еремеев, Транспортная полиция; инспектор Штайнер, Национальная полиция, нам нужно переговорить с вашей командиром. — сказал он.

— Вас понял. Подождите. — ответил интерком. Мы с Еремеевым одновременно посмотрели друг на друга и пожали плечами: да уж, конечно, от селенитов вежливости тем более не дождётся. — Проходите, господа полицейские. Вас встретят.

— Прощу. — Еремеев жестом указал на коридор. Я покачал головой и вошёл первым.

В шлюзе нас встретила космонавт, совершенно непохожая на селенитку — абсолютно

непохожая: вторая половина Лунно-Лагранжийского Альянса живёт в орбиталищах, мало чем отличающихся от Титана-Орбитального (кроме, разве что, плотности населения). Она провела нас внутрь корабля — но, как оказалось, не в кают-компанию, а сразу в каюту командира.

По дороге нам встречались и другие космонавты — и лагранжийцы, и селениты, худые и высокие из-за низкой гравитации, и колонисты — рядовые космонавты из внесолнечных миров. Так как наш путь следовал через жилые отсеки, нас провожали недовольные взгляды: нашему вторжению никто не был рад.

Мне было не привыкать к таким взглядам, а уж Еремееву, имеющему дело с гайдзинами восемь, а то и двенадцать, часов в сутки — и подавно. Но в кои-то веки ощущать чужаком себя было неприятно.

Командира «Гваэчжу Грин» звали Армистед — по крайней мере, так говорила надпись на груди её комбинезона. Она сидела за столом, занимавшим большую половину каюты, погрузившись в окружающие её волюметрические экраны — точь-в-точь, подумал я, как убитую Вишневецкую. Но экраны рассеялись, один за другим, и Армистед перевела взгляд на нас.

— Господа полицейские. — вежливо проговорила она на безукоризненно нейтральном французском. Ни следа акцента. — Чем я обязана вашему визиту?

Командир была селениткой. Это совершенно неудивительно: селенитов в ЛЛА элементарно больше, чем всех лагранжистов вместе взятых. Она подалась вперед в кресле, сложив длинные руки на столе. Чёрные глаза смотрели на нас с вызовом. Луна-Лагранж — великая держава, пусть и растерявшая за годы немалую долю своего величия, и это находит своё отражение.

— Инспектор Штайнер, Национальная полиция. — представился я. Брови Армистед чуть приподнялись, прежде чем её лицо снова приобрело беспристрастное выражение. — Я провожу расследование, и хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Вопросов. — повторила Армистед и перевела взгляд на Еремеева. — А вы, господин..?

— Инспектор Еремеев, Транспортная полиция. Я сопровождаю инспектора Штайнера.

— О. - только и сказала селенитка. Я даже не стал её винить: сатурнианский мужчина-полицейский — это уже достаточно необычно, а два сатурнианских мужчины-полицейских — необычно вдвойне. — Что ж, задавайте свои вопросы, инспектор Штайнер.

— Спасибо. — ответил я и встряхнул левой рукой. Линза послушно выпала в подставленную ладонь.

— Госпожа Армистед, — начал я, — ваш корабль прибыл на Титан-Орбитальный вчера, в, — я сверился с записями, — 19:22 по местному времени?

— Именно так. — слегка наклонила голову она.

— Вы заметили какие-нибудь странности в поведении диспетчера при заходе на

стыковку?

— Никаких. — ответила Армистед после недолгой паузы. — Связь проходила штатно.

— Диспетчер давала вам какие-то конкретные указания, к какому из узлов заходить на стыковку?

— Разумеется. Она приказала нам стыковаться к этому узлу. Мы так и поступили. Учитывая, что терминал был пуст, у нас не было причин жаловаться.

— Терминал был пуст? — уточнил я и скосил глаза на записи: так и есть, сразу после начала дежурства и до 19:22 не было зарегистрировано ни одного корабля. Ни прибытия, ни отбытия. Но что-то казалось мне странным.

— Мы не заметили других кораблей у терминала. — снисходительно пояснила Армистед.

— Других грузовиков? — вновь уточнил я. Селенитка кивнула:

— Разумеется. Кораблям других классов нету повода стыковаться у узлов, рассчитанных на прыжковые грузовики. Я не права, инспектор?

Она была права, подумал я. Действительно, кому придёт в голову стыковаться к терминалу, принимающему полукилометровые грузовые корабли?

Точно так же, как никому не придёт в голову убивать обыкновенную диспетчера Портовой Администрации прямо на рабочем месте, не оставив при этом за собой следов. Действительно, зачем?

Что могло случиться?

— Вы правы, — вслух ответил я, — но отсутствие поводов не означает отсутствия возможности. Вы уверены, что ничего не видели... скажем, у четвертого узла терминала?

Армистед удивлённо уставилась на меня. Её глаза вдруг остекленели на несколько секунд; затем селенитка несколько раз моргнула и покачала головой:

— К сожалению, — медленно проговорила она, — мы не располагаем такими данными. Мы специально не приглядывались к терминалам, господин инспектор. При сближении для стыковки меня интересовало только наличие у терминала других грузовиков. Их не было. Кроме того, диспетчер направила нас к другому узлу, и у меня не было причин возражать. Окончательное решение по стыковке всегда остается за диспетчером.

Я непроизвольно вздрогнул от её слов. То же самое мне говорили и другие командиры — и Федорчук, и Гучетич. Окончательное решение принимает диспетчер. И если диспетчер хочет скрыть что-то, относящееся к четвертому узлу, то никто не сможет ей помешать.

А значит, Вишневецкая что-то скрывала. Это что-то её и убило.

Но что?

— Вы раньше посещали Титан-Орбитальный? — спросил я вместо ответа. Армистед

снова недоумённо моргнула: видимо, я сбил её с толку.

— Несколько раз. — ответила она. — Раза три за этот год. Всего, наверное, раз двенадцать. Я на «Гваэчжу Грине» уже пятый год.

— Надолго задерживаетесь на этот раз?

— Собираемся отбывать завтра. — пожала худыми плечами селенитка. Плечи у неё были широкие, и с её худобой они делали её похожей на вешалку. — Отбыли бы и сегодня, но этот пропускной режим спутал нам все карты. У нас график. — последние слова она произнесла так, будто бы выбивалась из графика исключительно по моей вине. В чём-то она была права.

— У вас насыщенный график?

— И два дня из него мы уже потеряли при заходе на Землю. — кивнула Армистед. — Редкоземельные элементы. В некоторых системах их не так-то и много. — она нахмурилась. Мысль о Земле не особо радовала её... да и меня, положила руку на сердце, тоже.

Земля обезлюдела. После Второй Солнечной войны и краха Земной Империи вздумавшей поквитаться со всеми космоноидами за многочисленные нанесённые ей обиды, родина человечества лежала в руинах. Титаническими усилиями союзники сумели расселить по сибирским мирам на окраинах космоса полмиллиарда землян: после орбитальных бомбардировок и разрушенной за столетия биосферы Земля была совершенно непригодна для жизни.

На Земле было примерно два миллиона человек. Учитывая, что большинство из них было родом с Луны-Лагранжа, никого из них нельзя было назвать землянами. На Земле добывали ресурсы — те же редкоземельные элементы, которые сложнее было достать на других планетах или в космосе. Оттуда привозили артефакты, присыпанные пеплом и пылью безделушки, усеивавшие руины городов — вечная статья контрабанды, и не только в Гегемонии. Туда приезжали туристы и паломники — полюбоваться на развалины и места боевой славы, если, конечно, позволяли сверхбури. Государства Солнечного Альянса использовали Землю в качестве огромного военного полигона.

Но Земля была мертва. Учитывая, какие преступления вершили земляне под бело-голубыми знамёнами Империи, это было только к лучшему.

— Я... понял вас. — пробормотал я и кивнул. — Благодарю вас за сотрудничество, госпожа Армистед. Надеюсь, вас не задержат дольше необходимого, но в случае необходимости нам может вновь понадобится ваша помощь.

— Пожалуйста. — кивнула в ответ Армистед. Она помедлила секунду. — И смею надеяться, что она вам больше не понадобится.

* * *

— И вот он, — произнёс Еремеев, — узел номер четыре.

Смотреть здесь было не на что. Табло над проёмом шлюза горело красным; сам люк был

прочно закрыт. Снаружи, судя по индикатору, был вакуум. Ставни обзорных иллюминаторов были опущены.

— Их можно как-нибудь открыть? — спросил я, подходя ближе к иллюминатору. В стекле, закрытом ставней, на меня уставилось моё отражение.

— Изнутри? — спросил Еремеев. — Нет. Во всяком случае, не отсюда. А что?

— Да так. — сказал я, отступая от иллюминатора. — Интересно, что же там такого. Причём такого, что ради этого можно убить обыкновенную диспетчера...

— А тебе не кажется, что там ничего нет? — поинтересовался Еремеев. — Может Вишневецкой было удобнее по-другому стыковать прибывающие корабли? Четвёртый-то перенаправили к соседнему терминалу...

— А предыдущая вахта? — спросил я. — Там корабль отчего-то не красуется, если ты не заметил. Им-то что мешало?

— Понятия не имею. — развёл руками Еремеев. — Посмотри записи дневной вахты.

— Как только — так сразу. — отрезал я. — Как будто тебе проще.

— Ну, мы же не занимаемся этим расследованием. — пожал плечами Еремеев. — Тогда может быть.

— Может... — раздражённо вздохнул я и отвернулся от закрытого иллюминатора. — Пошли отсюда.

Уходя, я ещё раз обернулся. Стыковочный узел всё так же оставался закрытым.

Я покачал головой.

— Ты здесь закончил? — спросил Еремеев, когда мы подходили к станции транспортных капсул.

— В смысле, буду ли я обращаться к командирам кораблей ещё раз? — уточнил я. — Если они не лгали, то нет. Если же мне они сказали одно, а на записях переговоров диспетчерской — совершенно другое, то у меня появится больше подозреваемых. — я покачал головой. — Что меня не сильно радует.

— Да неужели. — недоверчиво хмыкнул Еремеев.

— Конечно. — ответил я. — Потому что в таком случае заниматься этим делом будет уже ГСБ. А не мы с тобой.

Еремеев помрачнел.

— И что теперь? — спросил он после недолгой паузы.

— Встречусь с Фудзисаки. — пожал плечами я. — Вдвоем наведаемся по месту жительства Вишневецкой. А завтра с утра возьмемся за это дело в полную силу.

— Только не говори, что я тебе ещё понадоблюсь. — пробурчал Еремеев. Я развёл руками.

Дрожь палубы и приглушённый гул сообщили о приближении капсулы. Вдруг возникла и она сама — бело-зелёный цилиндр, стремительно затормозивший прямо напротив дверей в ограждении платформы. Двери распахнулись.

— Терминал Уэно. Выход к стыковочным узлам У-1, У-2, У-3, У-4.

Из капсулы вышли несколько космонавтов в оранжевых и синих рабочих комбинезонах — счастливицы, протиснувшиеся через кордон полиции, или же из другой части Порта. Все, как один — гайдзины, и за исключением пары долговязых космонавтов — не из Солнечной. Нас с Еремеевым они почтительно обошли стороной.

Я поморщился и уже вошёл в капсулу, когда меня вдруг окликнул незнакомый, но отчётливо сатурнианский, женский голос:

— Господин Штайнер, верно?

Я обернулся. На платформе, сразу за дверьми, стояла незнакомая женщина в длиннополом чёрном плаще. Длинные чёрные волосы спадали ей за спину; аккуратно подстриженные пряди и чёлка обрамляли лицо. Она смотрела прямо на меня: в свете ламп блестнули жёлтые, почти золотые, глаза.

— Кто вы? — спросил я. — Что вам от меня нужно?

— Уважаемые пассажиры, ускорьте высадку и посадку. — потребовала капсула. — Не задерживайтесь у дверей, проходите дальше в салон.

— Удачи. — произнесла она. — В вашем расследовании.

— Расследовании? — машинально переспросил я. Великие боги, никто за пределами МВД ещё не должен даже знать об этом расследовании! — Кто вы такая?

Губы женщины тронула улыбка. Вместо ответа она отвернулась, взмахнув полами плаща, и ушла вглубь платформы, со станции.

Двери капсулы зашипели. Я торопливо отшатнулся назад, и они захлопнулись у меня перед носом.

Кто она такая? только и подумал я.

И откуда, чёрт возьми, ей было знать про расследование?

* * *

Фудзисаки поджидала меня в лифтовом холле Портовой Администрации. В конце смены здесь было полно народу — одни собирались по домам, другие занимали их места — но моя напарница выделялась в любой толпе.

В лимонно-жёлтом макинтоше, с недовольной миной на лице и засунув руки в карманы, Фудзисаки и сама выглядела кисло. Видимо, ей повезло меньше.

— Как успехи, Жюст?

— Так себе. — зло процедила Фудзисаки. — Если я ещё раз услышу от кого-то рассказ о том, каким хорошим, трудолюбивым, дружелюбным и компанейским человеком была покойная, и как они вместе с ней замечательно выпивали на корпоративах, я разобью этой кому-то лицо аварийным молотком.

— Аварийным молотком? — переспросил я. — Это ж не наш метод.

— Да мне как-то уже всё равно, — отмахнулась Жюстина. — Я час убила на шатания по коридорам, кабинетам и столовым, чтобы в итоге узнать о том, каким замечательным человеком была Хироко Вишневецкая. Будто мне её в сёстры сватают. — она поморщилась. — Что у тебя?

Я указал на лифт.

— По дороге расскажу. — ответил я. — Поехали.

Покойная Хироко Вишневецкая жила (правильнее сказать — обитала) в общежитии Портовой Администрации — месте, пригодном для жизни весьма условно. Главным и единственным плюсом общежития было то, что оттуда до Администрации было пять минут и одна поездка на лифте. Бесплатное трёхразовое питание в столовой по соседству шло в подарок.

В остальном общежитие было лучше, скажем, капсульного отеля в Дэдзиме. Но ненамного.

— Значит, ты думаешь, что Вишневецкая что-то скрывала про четвёртый узел? — переспросила Фудзисаки. Я утвердительно кивнул. — И послушно скрывала до последнего? Странно. А что сам узел?

— Изнутри он закрыт. — ответил я. — И, судя по приборам, пуст. Тем страннее.

— Всё страньше и страньше... — пробормотала Жюстина. — Слушай, а твои гайдзины тебе не врут?

— Можно ещё перепроверить по записям, — сказал я, — но сама подумай, какой им резон? Разве что кто-то из них замешан в этом деле, но это вскроется.

— Ты же сам говорил, что «Гваэчжу Грин» отбывает завтра. — напомнила Жюстина. — До записей — учитывая, как работает отдел киберпреступности — мы доберёмся хорошо если завтра с утра. Что тогда?

— Так «Гваэчжу Грин» — наши главные подозреваемые? — спросил я. — Жюст, брось. Они, конечно, селениты, но даже селениты не настолько сошли с ума, чтобы убивать диспетчеров...

— Но записи стоит проверить в первую очередь.

— Конечно. — хмыкнул я. — Нам вообще много чего стоит проверить.

Фудзисаки только пожала плечами.

Камеры над входом в общежитие развернулись в нашу сторону, стоило нам приблизиться. Я непроизвольно пригляделся: под обоими глазками камер горели красные

огоньки записи.

Значит, убийца не навевывалась к Хироко Вишневецкой домой. Хотя учитывая, как она испарилась из диспетчерской, это не сильно обнадёживало.

— Вы к кому? — послышался голос, и мы с Фудзисаки обернулись: из-за стойки у входа выглянул консьерж — зеленоволосый сатурнианин неопределенного (между тридцатью и ста пятьдесятью годами) возраста. На нас он глядел, как на отъявленных нарушителей спокойствия, насупив светло-зелёные брови.

— Национальная полиция. — сказал я, встряхивая рукавом. Лиловые глаза консьержа удивленно округлились, уставившись на внезапно блестящую Линзу. Фудзисаки таким же жестом извлекла из рукава макинтоша свою, и консьерж непроизвольно отступил назад. — Здесь проживала Хироко Вишневецкая?

— О, да, разумеется, — торопливо заговорил консьерж, отступая ещё на шаг. Его тон преобразился, словно по волшебству. — Сию минуту, господа полицейские... Вишневецкая, Вишневецкая... да, у нас такая проживает... седьмой блок, комната 58. Покорнейше прошу прощения, господа полицейские, но что она натворила?

— Её убили. — сказал я. — Ночью. Вы не знаете?

— Я? Нет, я... О боги. — миловидное лицо консьержа побелело. — Я не знал... Покорнейше прошу прощения, я не знал!

— Но она живёт здесь. — сухо заметила Фудзисаки. — И вы не заметили, что её нет?

— Она часто отлучается. — пробормотал консьерж, опираясь об стену за спиной. Его рука заметно дрожала: ещё чуть-чуть, и он сполз бы на пол. — Всемилоствивая Каннон, но как..?

— Это мы и хотим узнать. — прервал его я. — Вы впустите нас?

— О, да, конечно, сию минуту... — турникет входа загорелся зелёным. — Покорнейше прошу прощения, господа полицейские...

— Спасибо. — кивнул я. Он не ответил. Видимо, весть о смерти одной из жильцов потрясла его до глубины души.

Проклятая Портовая Администрация.

Общежитие N8 занимало три этажа по краям одного небольшого зала, от которого расходились коридоры с комнатами. Лифтов здесь не было: нам пришлось подняться по узкой лестнице, отделанной под дерево и звучащей почти так же, на второй этаж. Лестница казалась слишком чужеродной, будто бы её добавили позже всего остального орбиталища — и я сразу понял, почему.

В стенах лестничной клетки всё ещё остались направляющие полозья — такие же, как на пожарной лестнице в диспетчерской. Вдоль стен на этажах и в коридорах тянулись поручни для невесомости, а в полу и на потолке были заметны места, где когда-то были ручки и упоры для ног. Общежитие изначально проектировалось для невесомости, когда в этой части орбиталища и речи не могло идти о гравитации. Видимо потому и этажи были крошечными галереями по краям колодцеобразной залы — зачем лестницы, если можно было просто оттолкнуться и спуститься вниз?

Искусственная гравитация свела невесомость на нет, и в общежитии поспешно добавили лестницы. Едва ли они действительно были из дерева — настоящее дерево весьма дорогой строительный материал — но какие-то из норм МинСЖО при их постройке точно обошли стороной.

Мы прошли вглубь седьмого блока, разглядывая зажигающиеся при нашем приближении таблички на дверях. Коридоры были широкими, с всё теми же старыми полозьями, но двери при этом были самыми обычными дверьми, хоть и раздвижными.

51, 52, 53... В воздухе стоял сильный запах табака, будто кто-то здесь недавно курил. Я опять поморщился; Жюстина пробормотала что-то нецензурное.

Номер 58 обнаружился в самом конце коридора: запах табака здесь был ещё сильнее, а воздух затянуло сизым дымом. Прямо по коридору виднелась дверь в душевую с санузлом: это был самый конец блока.

На замке двери горел красный огонёк. Впрочем, это было ненадолго: с должными разрешениями Линза может открыть любую дверь и любой шлюз, а в Портовой Администрации разрешений у меня хватало.

Линза скользнула мне в ладонь. Индикатор замка загорелся зелёным.

Дверь беззвучно отодвинулась в сторону.

— Вам что-то нужно в чужой комнате, — раздался за спиной чей-то голос, — или вы просто заглянуть решили?

Я резко развернулся на каблуках. Правая рука против воли потянулась к отвороту плаща, за пистолетом. Но в последний момент я удержался.

Из-за угла, затянутого табачным дымом, выступила темноволосая женщина. В отставленной руке она держала дымящийся мундштук. Голубые глаза смотрели возмущённо, почти враждебно: и здесь мы опять были незваными гостями.

— Национальная полиция. — ответил я, вместо пистолета демонстрируя женщине зажатую в ладони Линзу. Фудзисаки продемонстрировала свою, правую руку всё ещё держа за отворотом макинтоша, на кобуре. — Инспектор Штайнер, уголовный розыск.

— И у вас есть ордер? — не отставала женщина. Всё ещё глядя на нас, она затянулась, приложив мундштук к губам. Сигарета зажглась алым огоньком. — Что вам нужно от Хироко?

— Мне не нужен ордер. — сказал я (и это было чистой правдой: открывать двери я мог без всякого ордера). — Госпожа Вишневецкая убита.

Алый огонёк погас.

— Убита?.. — потрясенно прошептала женщина. Мундштук со стуком выпал из её пальцев. — Но как... почему... Хироко не... Что случилось?!

— Этого мы не знаем. — ответил я. — Пока не знаем. — запоздалая догадка пришла мне в голову, и я перешел в наступление: — Вы её подруга?

— Д-д-да, — заикаясь, ответила женщина. — А-Анжи. Анжелика Ицуко Г-Грушина...

Та самая Анжи, про которую упоминал Валленкур. Отлично.

— Я п-п-просто... — пробормотала, запинаясь, Грушина, — п-просто думала что она уехала... на выходные, к Сэйдзи... к её парню. А она...

— Часто отлучается? — спросила Фудзисаки, обменявшись со мной взглядом. Я едва заметно кивнул.

— Д... Да, — кивнула Грушина. — Они познакомились чуть больше года назад. Хироко стала ездить к Сэйдзи на выходные, уезжала к нему, когда у нас был отпуск...

— Каждые выходные? — уточнила Жюстина.

— Как получалось... — Грушина моргнула; в углах её миндалевидных глаз блеснули слёзы. — В последний месяц она уезжала очень часто, каждые выходные. Пару раз в середине недели... Здесь она оставалась только когда работа совсем поджимала. Она всё хотела переехать к нему насовсем, уйти с работы...

Она шмыгнула носом.

— Многие уходят с работы? — спросил я. Лояльность к работодателю в сатурнианском обществе обычно сильна — но не настолько, чтобы терпеть плохих работодателей бесконечно долго. Отчасти поэтому настолько же сильна была корпоративная культура.

— Не знаю, как в остальной Администрации, — покачала головой Грушина, — но у диспетчеров условия не блещут. Смены длинные, работа монотонная, а платят... — она пожалала плечами. — Соцпакет тоже негустой... Тут и работают-то в основном, ну, понаехавшие, Сэйдзи, наверное, один был такой — из местных... Нас с Хироко и наняли-то из-за того, что тогда, два года назад, ушло много здешних диспетчеров, с Титана-Орбитального. Мы заселились вместе, дружим с тех пор... — Грушина снова заморгала. — А жалование подняли, но не настолько, чтобы хватило на квартиру в городе, не в Дэдземе же...

Действительно, подумал я: низкую арендную плату Дэдзема с лихвой компенсирует соседями, гайдзинами и преступностью. В тесном же Титане-Орбитальном, где каждый клочок земли — на вес золота, цены, мягко говоря, астрономические. Мне, учитывая, сколько я платил за аренду своей квартиры, это было известно не понаслышке.

Учитывая, сколько крови льётся каждый год из-за этих клочков земли — тем более.

— ...Почему её убили? — тихо спросила Грушина. — Почему — её? Хироко никогда... она всегда была такой доброжелательной, такой трудолюбивой... просто пыталась честно работать... почему — её?

— Мы не знаем. — ответил я, и в этом было куда больше правды, чем мне хотелось бы. — Но обязательно узнаем.

Грушина молчала, опустив глаза. Длинные волосы упали водопадом, скрыв её лицо.

— Вы позволите осмотреть её комнату? — спросил я.

— ...Конечно, — сдавленным голосом произнесла Грушина. — Едва ли она уже... будет... против...

Она отвернулась.

Я промолчал и переступил порог.

* * *

Комната Хироко Вишневецкой была аккуратной. Отчего-то, несмотря на свои скромные размеры, она казалась едва ли не вдвое больше. всю левую сторону комнаты занимал шкаф и узкая кровать (неудивительно, подумал я, что Вишневецкая переехала к Валленкуру при первой же возможности), затем маленький стол с висевшим над ним экраном и несколько шкафчиков на стене справа. Под стеной стоял одинокий вращающийся стул с тёмно-синей обивкой. Стены приобрели выцветший пастельный цвет.

Да, решил я, это было намного лучше капсульного отеля в Дэдземе. Насчёт капсульного отеля на Минбане я не был бы столь категоричен, но от помещения, переделанного под гравитацию, я готов был ожидать худшего.

— Что мы ищем? — спросила Жюстина, входя вслед за мной. Дверь с негромким шипением захлопнулась за ней. — И кстати, я спускалась в их чёртов центр борьбы за живучесть, как ты мне сказал. Датчики там в полном порядке.

— А камеры смотрела? — спросил я, выуживая из кармана перчатки. Обыкновенные белые форменные перчатки, в таких случаях — совершенно незаменимые.

— Да смотрела я. — отмахнулась Жюстина. — Всё работает. Как бы наша убийца не испарилась из диспетчерской, это определено было не через пожарную лестницу.

— Тогда остается только шлюз. — поджал губы я, натягивая перчатку. — А это дохлый номер, в космосе ищи-свищи.

— Так с чего мы начинаем?

Я призадумался. Взглядом я обшарил всю комнату, непроизвольно задержавшись на потолке. Так и есть — из дальнего угла чёрным глазком на нас таращилась камера.

— Начинаем мы, — вслух сказал я, — вот с чего. Ты обыщи шкаф. Я пока займусь столом.

— Что искать-то?

— Всё, что угодно. — я пододвинул себе стул. — У нас настолько мало улик, что сейчас

сойдёт хоть что-то.

Фудзисаки фыркнула и распахнула шкаф. Я постучал пальцем по столешнице и не особенно удивился, когда компьютер сразу же, без дополнительных премудростей, включился. На столешнице проступила клавиатура; экран над столом зажёгся и затребовал пароль. Линза разобралась с этим очень быстро, и я забрался на рабочий стол.

За каждым использованием Линзы ведётся строгий учёт — отслеживается и записывается каждое включение, и получить доступ к записям для Собственной Безопасности МВД было не просто, а очень просто. Я больше чем был уверен, что одна из этих милейших людей прямо сейчас заглядывала мне за плечо.

Меня это не беспокоило.

- М-м-м, какие милые трусики. — пробормотала Жюстина у меня за спиной.
- Положи на место. — бросил я. — Тебе своих мало?
- Уже и полюбоваться нельзя...

Я покачал головой.

Ничего очевидно подозрительного на компьютере Вишневецкой не было. Почту заполняли циркуляры и служебные записки Администрации, в основном непрочитанные. Учитывая, что такие циркуляры зачастую генерируются с минимальным человеческим участием, меня это нисколько не удивляло. В записной книге было много, очень много исходящих звонков Валленкуру: входящих тоже не меньше, но там наблюдалось хоть какое-то разнообразие. Из него я узнал только Грушину, а вот на одном звонке годичной давности моё внимание привлек адрес — Маруморийск, округ Рея: родители? Похоже было на то. Жуткая провинция, одно из тех орбиталищ по сто тысяч жителей, каких в Сатурнианской Гегемонии без числа. Я боялся даже представить себе жизнь в таком месте.

Я начал перебирать файлы: фотографии, фотографии, снова фотографии... надо будет поинтересоваться, сколько у диспетчеров Портовой Администрации оплачиваемых выходных, поскольку, судя по количеству снимков, Вишневецкая исходила вдоль и поперёк чуть ли не весь Титан-Орбитальный. Музыка, сериалы, даже небольшая аккуратная папка с порнографией, как и положено любой приличной девушке, была на месте.

И ничего, что могло бы намекать на то, почему Вишневецкую убили.

- Нашла что-нибудь? — спросил я, не оборачиваясь.
- Шмотки, шмотки и опять шмотки. — уныло ответила Фудзисаки. — После таких трусиков я ожидала чего-то более интересного.
- Они что, из одних завязок состоят?
- Ну-у-у... можно сказать и так...
- Они всё равно не вещественное доказательство, и перестань на меня так смотреть. — отрезал я. В своём фетишизме Фудзисаки даст фору некоторым сотрудницам пенитенциарной

службы. — Лучше проверь шкафчики.

— Ну ладно... — с сожалением протянула она и закрыла шкаф. Я же посмотрел на монитор.

Ладно. Я бы тоже не стал ничего хранить на устройстве с заводскими настройками доступа. Нет, компьютер заслуживал более пристального внимания, но эту работу я без зазрения совести оставил отделу киберпреступности. В отличие от меня, им за эту скучную и однообразную работу платят.

Итак, что остаётся?

У Вишневецкой могла быть при себе флешка — но тогда её скорее всего забрала убийца, и мы оказываемся в тупике. Или, что наиболее вероятно, Вишневецкая могла отдать такую флешку Валленкуру, если уж она переехала к нему жить. Или же...

Я отъехал от стола и выдвинул ящик. Кроме початой упаковки умной бумаги, в нём ничего не было. Я выдвинул второй ящик. Здесь были какие-то бумаги, открытки, кошелёк, из которого высыпались пластиковые сатурнианские марки. Карточки — это было уже подозрительно: наличные валютные операции отследить банально сложнее безналичных. Но здесь было слишком мало, сотня марок карточками по 25. Недолго думая, я обшарил и кошелёк — какие-то клиентские ваучеры («Кафе Хайфиш»? никогда не слышал, должно быть что-то новенькое), фотография, предсказуемо, Валленкура (распечатанная, это серьёзно), и ничего больше. Я всё же вытащил Линзу и сделал снимки: ваучеры ещё могли понадобиться, магазины и гастрономические предприятия обычно хранят информацию о постоянных клиентах. Затем я перерыл остальные бумаги и открытки. Ничего.

Я наклонился и выдвинул третий ящик. Ящик был завален распечатанными фотографиями, теми же, что я видел на компьютере Вишневецкой. Господи, сколько же она их печатала? Валленкур, Валленкур, Валленкур... а он даже довольно милый, когда улыбается. Некоторые фотографии были сделаны дроном с камерой — Вишневецкая и Валленкур на мосту Кодама, Вишневецкая и Валленкур на фоне Правительственного особняка, Вишневецкая и Валленкур на площади перед Домом Промышленности Вишневецкая и Валленкур в Музее ксенобиологии (лишайники и папоротники под стеклом прилагаются), Вишневецкая и Валленкур...

Мои пальцы нашарили что-то под последней фотографией. Я бережно оттолкнул её в сторону.

Это оказался листок бумаги — настоящей бумаги, коричневатой, грубой, похожей на упаковочную. Совсем неудивительно — писчей бумагой, по причине дешевизны и многоразовости бумаги умной, не пользуются даже в Сибири. Печать фотографий и то происходит на умной бумаге, пусть и несколько более тупой — но на ней с таким же успехом можно печатать видеозаписи. Где ещё было найти обычную, доисторическую, бумагу? правильно, в упаковке от чего-то. Или в туалете.

Я осмотрел листок. Наверху его карандашом было выведено:

12.03 — 3-4.

TCD 51584.

— Жюст, — позвал я. — Подойди-ка сюда.

— Что там? — спросила Фудзисаки, оставив шкафчик. Она заглянула ко мне через плечо: — Нашёл что-то?

— Возможно. Жюст, ты видела почерк Вишневецкой?

— Почерк? — переспросила Жюстина и задумалась. — Нет, — сказала она после короткой паузы. — Не видела. Думаешь, это её?

— Может быть. — ответил я, разглядывая листок. — А может быть и нет. Как ты думаешь, «TCD 51584» похоже на код транспондера?

— На него и похоже, — пробормотала Жюстина, — пять цифр, всё правильно... погоди, двенадцатого марта?

— За три дня до того, как Вишневецкую убили. — сказал я.

* * *

Грушина дождалась нас в коридоре, где сплошной завесой стоял дым: она снова курила, теперь уже прямо здесь. Я решил удержаться от замечания.

Курение успокаивает нервы. От этого табак не становится меньшей гадостью (в конце концов, нервы можно успокаивать и другим способом), но Грушиной определенно нужно было успокоиться.

— Вы что-нибудь нашли? — подрагивающим голосом спросила она. Её глаза были покрасневшими и опухшими от слёз.

— Нашли. — я продемонстрировал ей листок. — Вам о чём-нибудь говорят эти цифры?

— Н-нет... — Грушина прищурилась, присматриваясь, и покачала головой. — Нет, не говорят. Простите меня, пожалуйста, но я впервые вижу этот листок. Откуда он?

— Мы нашли его в ящике стола. — сказал я. — Госпожа Вишневецкая ничего вам не передавала в последние три дня?

— Я её даже не видела. — грустно произнесла Грушина. — В пятницу мы работали в разные смены, я её не застала... — её губы задрожали. — Моя подруга мертва, а я не помню, когда я последний раз видела её.

— Не волнуйтесь. — мягко сказал я. — Госпожа Грушина, я вынужден буду просить вас не покидать Титан-Орбитальный в ближайшее время. Полиции может понадобиться ваша помощь.

— Я и не собиралась... Где Сэйдзи? — вдруг спросила она. — Что с ним?

— Господин Валленкур, я полагаю, у себя дома. — ответил я. — Он первым обнаружил тело госпожи Вишневецкой.

— О боги. — прошептала Грушина. — Бедный Сэйдзи...

— Не сомневаюсь. — кивнул я. — Скоро сюда прибудет экспертная группа. Возможно,

им понадобится ваша помощь.

— Я... я поняла. — ответила Грушина.

— И перестаньте грубо нарушать нормы техники безопасности. — добавила Фудзисаки. — Неработающие датчики не освобождают от ответственности.

— Здесь вытяжка. — сухо ответила Грушина.

— Наличие вытяжки — тоже. — парировала Жюстина.

Грушина гневно уставилась на неё. Я поднял руку.

— Спасибо за то, что уделили нам время, госпожа Грушина. — сказал я.

— Не стоит... — начала она и осеклась. — Простите, господин инспектор. Вы найдёте её? Убийцу Хироко?

— Найдём. — твёрдо сказал я и отвернулся. — Хорошего вам вечера.

Особого выбора у меня не было: либо я найду убийцу, либо Мэгурэ сдерёт с меня три шкуры. Я предпочёл бы первое.

Грушина осталась стоять посреди коридора. На двери комнаты проступили иероглифы «ПОЛИЦИЯ — НЕ ВХОДИТЬ», оставленные моей Линзой.

* * *

— Тебя завезти домой? — спросила Жюстина, пока лифт спускался вниз, в Титан-Орбитальный. На этот раз за штурвалом была она. Я пожал плечами.

— Завези, конечно. — ответил я. — И забирай машину. Завтра утром заглянешь за мной, и будем работать дальше.

— Замётано. — согласилась Фудзисаки. — А с чем работать?

— С записями. Я надеюсь, хоть завтра Ямагата с подручными возьмётся за это дело... — так как практически любое преступление имеет какое-то отношение к информации, отдел киберпреступности постоянно завален работой. — Ещё надо бы полюбоваться на труп Вишневецкой и на результаты экспертизы... да и Валленкура опять допросить. Особенно теперь, когда у нас есть это. — я многозначительно постучал по внутреннему карману плаща, где, зажатый между кобурой и подкладкой, покоился листок с цифрами.

— Думаешь, Валленкур знает, что там? — спросила Жюстина.

— Скажем так, я подозреваю. — ответил я. — Как минимум, я подозреваю, что ему известно, что произошло три дня назад.

— Если что-то произошло. — поправила меня Жюстина.

— Ты сама в это веришь? — спросил я. — Это листок. Что ещё могло произойти такого, чтобы его можно было доверить только бумаге?

— И потом оставить в ящике стола? — спросила в ответ Фудзисаки. — Страшная тайна, нечего сказать...

— Если не знать, где искать? — уточнил я.

Жюстина хмыкнула.

— Посмотрим. — только и сказала она. Я развёл руками.

Когда мы вылетели из лифтового вокзала в Титане-Орбитальном, уже темнело. Люминёр в небе стремительно гас, пока не угаснул совсем. Небоскрёбы Инненштадта и жилые башни Ракунана, Штеллингена и Среднегорского загорелись гирляндами габаритных огней. Внизу, в Акиниве, бежали по эстакаде поезда метро. В цилиндрическом орбиталище нету неба: вместо этого огни города загорались сразу всюду вокруг нас. Я мог, подняв голову, разглядеть через колпак кабины созвездия огней Шамп-Марез и Тэннодзи, остроконечную спицу Штеллингеновской телебашни — даже, приглядевшись, затерявшуюся где-то вдали Цитадель. Выглянула из-за облаков чёрная гладь Швестерзее в обрамлении фонарей набережной, и реки, сияющими нитями разделяющие город.

Когда Фудзисаки высадила меня дома, на Инзельштрассе, было уже совсем темно. Вывеска «АКУЛОНа» сияла во всю свою неоновую мощь, кислотными бликами играя на оконных стёклах. Здоровое пятно зеленого света падало на пыльную крышку рояля.

Тёмная квартира казалась ещё более пустой и недружелюбной, чем обычно.

Я скинул плащ и прошёл в комнату, включая свет. Ненавистные кислотные блики тут же исчезли. На проклятую вывеску у меня выходят даже не одно, а все окна, и если из кухни можно наблюдать только букву «А» (и то из угла, занятого раковиной), то в спальне я имею сомнительное удовольствие наблюдать это зелёное великолепие каждую ночь.

Толкнув дверь, я вышел на балкон, поёжившись от холодка мартовской ночи. В орбиталищах смена времён года только отдалённо напоминает свой первоисточник, Землю далёкого прошлого. Здесь всегда темнеет одинаково поздно, в начале весны и конце осени холоднее, чем летом, дождь идёт строго по расписанию, а снег всегда выпадает за неделю до Рождества. Маленький рукотворный мир, лишённый всякой случайности.

И очень хрупкий.

Я поднял голову кверху, к чёрной тени погасшего люминёра и огням города в небе. Стояла на удивление ясная погода: обычно в Титане-Орбитальном небо затянуто облаками, через которые едва пробивается свет люминёра, а в некоторые дни так и вообще не разглядишь ничего дальше собственного носа. Орбиталище действительно не было рассчитано на такое количество людей — и хотя системы жизнеобеспечения не могли оставить нас без воздуха, за всё приходилось платить. Например, пасмурной погодой.

Мне стало зябко. Поёжившись, я вышел с балкона, мысленно велев кухне заварить чай. Да, именно так: чай, потом поест (суп!), а потом...

А что потом?

Я вернулся в прихожую, поднял с пуфика у зеркала плащ и запустил руку во внутренний карман. Пальцы сразу нащупали шершавую бумагу — настоящую бумагу — злополучного листка Вишневецкой. Я перевернул его и вчитался в написанное.

Вишневецкая скрывала, что четвёртый узел был занят — цифры «3–4» наверняка обозначали именно его. И вполне возможно, что он был занят не только вчера. Можно ли держать стыковочный узел свободным несколько дней в крупнейшем порту Сатурнианской Гегемонии, со сменой дежурств каждые двенадцать часов?

Логика подсказывала, что нельзя. А значит, либо я ошибался в своих догадках... либо загадочный корабль стыковался в Порту дважды.

Ассистент замерцал на краю зрения, и я поспешил на кухню, где чайник негодуяще отсвистел последнюю трель и выключился. Нацедив заварки и залив кипятком, я опустился на табурет, грея ладони об чашку, и снова пытливо уставился на листок.

Может, узел был закрыт? Я мысленно вызвал страницу Порта и раздел объявлений. Отмотал на три дня назад: двенадцатое марта. Вишневецкую убили в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое.

Вот вам и мартовские иды.

Двенадцатое... «терминал Уэно, четвёртый узел»... ничего. Сообщение о поломке грузового конвейера на терминале, из-за которого пришлось остановить погрузочно-разгрузочные работы на два часа, я отмёл как несущественное: оно произошло за три часа до начала дежурства Вишневецкой.

Я прокрутил объявления дальше, на следующий день — тринадцатое число... и обомлел: сообщение, примерно в полдень, сообщало о «закрытии стыковочного узла У-4 для проведения внеплановых ремонтно-эксплуатационных работ», сроком до... я лихорадочно прокрутил новостную ленту вперед и выругался: сообщение, датированное 19:30 пятнадцатого числа, гласило, что «ремонтно-эксплуатационные работы на стыковочном узле У-4 закончены».

Вишневецкой не нужно было держать узел свободным. Всё это время, ровно три дня, он был попросту закрыт.

Я зло отхлебнул из чашки. Итак, допустим, узел был свободным. Почему именно четвёртый узел, хотя можно было бы преспокойно воспользоваться любым другим, вынесем за скобки: можно ли оставить что-нибудь на несколько дней в стыковочном узле в крупнейшем порту Сатурнианской Гегемонии?..

Куда интереснее другой вопрос.

Что именно?

Не раздумывая, я набрал Еремеева. На этот раз он снял трубку (образно выражаясь) почти сразу же:

— Алло? — ответил он, — Штайнер? Чего тебе?

— Занят? — спросил я, глянув на время. Рабочий день у Еремеева гораздо нормированнее, и сейчас уже должен был закончиться... но мало ли что.

— Ещё как, — заверил меня Еремеев, — в метро стою... Так чего ты хотел?

— Двух вещей. Почему ты не сказал мне, что четвёртый узел был закрыт всё это время?

— Ты и не спрашивал. А это было важно?

Я тяжело вздохнул.

— Вот поэтому, Жан, ты и не работаешь в уголовном розыске. — укоризненно сообщил я.

— И хвала богам, что не работаю. — отмахнулся Еремеев. — Кроме того, в дежурство твоей Вишневецкой четвёртый узел всё равно работал. И к нему никто не стыковался. А что второе?

— Второе? — переспросил я и вспомнил. — А, да. Жан, можно ли что-то спрятать в стыковочном узле в Порту?

— Если там проходил ремонт, то точно нельзя. — тут же ответил Еремеев. — Ремонтники бы заметили. Его всё равно чуть ли не по винтику разбирали...

— Стоп. — прервал его я. — А вот с этого места поподробнее. Насколько по винтику?

— Там что-то навернулось. — сказал, чуть подумав, Еремеев. — Не помню, что именно, фонариком не светил, но вроде что-то с системой. Так что данных там тоже толком не спрячешь, у шлюза и памяти-то толком нет.

— Ага. — только и сказал я.

— Слушай, Штайнер, поговорим попозже, а? Мне в дороге будет неудобно, я и так ничего не сообщаю... твоими молитвами, между прочим...

— Обязательно. — заверил его я. — Завтра и поговорим.

— Завтра?

— Пока, Жан. — прервал я дальнейшие расспросы и отключился.

Придется верить Еремееву на слово, решил я. По крайней мере, пока что: мне очень хотелось удостовериться в этом своими глазами.

Но это не решало той проблемы, что я всё ещё не мог даже напасть на след таинственной убийцы. Если, конечно, у неё вообще был след.

Но кто-то перерезал Вишневецкой горло. Причём так, что выдать его за самоубийство было в принципе невозможно — это не «ударил себя в грудь ножом, и так сорок раз», нарочно такого не сделаешь. Вернее, не сделаешь без посторонней помощи.

Кроме того, три дня назад произошло что-то. Что-то такое, что Вишневецкая записывает дату на настоящей бумаге, карандашом. Что-то связанное со стыковочным узлом,

который на следующий же день закрывается на ремонт...

Я опять вздохнул. Мне очень не хотелось этого делать, но придется совершить ещё один звонок.

Сейчас мне не хотелось этого делать особенно.

Я отпил из кружки, раскрыл адресную книгу и пролистал вниз, пока не нашёл нужный номер. Секунду я поколебался, но всё же набрал его. В ухе раздались гудки. Я едва успел сделать ещё один глоток, когда их сменил мягкий мужской голос:

— Вы позвонили в главный офис кооператива «Монплезир». Чем могу быть полезен?

— Я хотел бы встретиться с госпожой Адатигава. — произнёс я. Нужно отдать секретарю должное: от такой наглости с моей стороны он даже не помедлил. — Это важно.

— Виртуально или лично? — вместо этого спросил он.

— Лично. — уточнил я.

— Кто вы?

— Государев человек. — ответил я, назвав условленную кодовую фразу. На другом конце линии ответили молчанием.

Я ждал, облокотившись на стену и глядя в окно. Огни ночного города размывались в жёлто-оранжевое зарево, затмевая даже неоновое-зелёное великолепие «АКУЛОНа».

— Госпожа Адатигава передаёт свои извинения, — ожила линия учтивым голосом секретаря, — и сообщает, что желает видеть вас завтра, в 18:40, в «Лепестке розы». Вас проведут.

— Форма одежды? — на всякий случай уточнил я. Такие детали лучше было выяснять заранее.

— На ваше усмотрение. — ответил секретарь. — Доброй ночи.

Связь оборвалась. Я вздохнул с облегчением. Без двадцати семь... пожалуй, управлюсь, а вот после этого...

Карта послушно раскрылась перед лицом — цилиндр орбиталища, развернувшийся в прямоугольник, на котором тут же выросли дома, проспекты и улицы. «Лепесток розы», «Лепесток розы»... ага, вот: Кирхвегерштрассе, дом 82-бис. Значит, Адатигава приглашает меня в один из лучших дамских клубов города.

Оставалось надеяться, что это не превратится в свидание.

Кирхвегерштрассе всё ещё находилась в Среднегорском, за добрых полгорода от меня, но тут ничего не поделаешь, решил я. Не стану же я отменять встречу: другой такой может и не быть. Да и ставить Адатигава в неудобное положение мне хотелось меньше всего.

В конце концов, это было бы просто невежливо.

День второй

Утро началось с громкого звонка, раздавшегося прямо в ухо. С прямым доступом к барабанной перепонке можно было разбудить даже мёртвого.

— ...Алло! — сонно рявкнул я, ладонью хлопая по уху. На часах в углу зрения было полдевятого. Полдевятого!

— С добрым утром! — поприветствовал меня голос Жюстины. — Может,пустишь?

— Фудзисаки,какого чёрта?!

— Штайнер,я стою у тебя под дверью. Такпустишь?

Я поднапрягся и вызвал изображение с камеры в парадном. Так и есть: в поле зрения камеры маячила медно-рыжая макушка моей напарницы.

— Какого чёрта тебя вообще так рано принесло? — простонал я и поднялся с постели. Со сна я был весьма неодет, поэтому пришлось торопливо запахнуться в первый попавшийся халат. Халат был замечательный, шелковисто-чёрный и с голубыми цветами, но я бы предпочёл показываться напарнице в более презентабельном виде.

Жюстина впорхнула, стоило мне открыть дверь, вчистую проигнорировав мой неодобрительный взгляд. В руке она держала белый бумажный пакет, а вместо вчерашнего лимонно-жёлтого макинтоша её сегодняшний наряд был бледно-зелёным.

— Восхитительно выглядишь. — одобрила она и сунула мне пакет. — Держи.

— Таккакого чёрта? — спросил я, всё ещё глядя на неё. Репарка Жюстины заставила меня запахнуться в халат поплотнее.

— Ты же сам просил заехать за тобой. — пожала плечами Фудзисаки и принялась разуваться. — Напоишь страдающую кофе или нет?

Я фыркнул и ушёл на кухню, по дороге мысленно попытавшись включить чайник. Это мне не удалось: в чайнике не было воды.

Пока я возился с чайником, вошла Жюстина; свой бледный макинтош она оставила в прихожей, и Линза на её левом запястье разбрасывала отблески света по всей кухне. Она без приглашения уселась на стул, вытянув длинные ноги в чулках.

— С сахаром? — спросил я, оборачиваясь к ней. Фудзисаки помотала головой.

— Как ты вообще живёшь в этом мавзолее? — вместо ответа спросила она меня. — Я заглянула мельком, это же ужас один.

Фудзисаки произносит эту маленькую речь каждый раз, когда бывает у меня дома. Это главная причина, по которой я стараюсь приглашать её к себе как можно реже.

Впрочем, были и другие причины.

— Загляни в ванную, — посоветовал я, — приятно удивишься... И вообще-то, я здесь не живу. Я здесь сплю. Если тебе так будет спокойнее.

— Я дома тоже в основном сплю, — возразила Жюстина, — но он-то у меня не напоминает мавзолей!

— Ага. Он меньше. — ответил я и снял чайник за секунду до того, как он выключился. Разлив чашки и размешав, я вернулся к столу и вручил Фудзисаки кофе. — Держи.

— О, спасибо. — одобрила она, принимая чашку. — Ты пакетик-то открой.

Внутри пакета оказались какие-то розовые пирожные. Я вытащил одно из них и надкусил: внутри оно было воздушным и наполненным заварным кремом — судя по вкусу, клубничным.

— Где ты их берешь? — спросил я, дожевав пирожное. Пришлось встать и взять блюдо: оставшиеся пять пирожных красиво уместились на нём.

— Там же, где и везде, в кондитерской. — ответила Жюстина. — На перекрёстке Ворониной и Семнадцати космостроевцев. Я же уже говорила.

Говорила, про себя признал я. Улица Семнадцати космостроевцев была как раз за «Пентагоном» Фудзисаки, в трёх кварталах и через одну остановку троллейбуса. На люфтомобиле это и вовсе меньше пяти минут лёту — и целая вечность проблем с парковкой.

Какое счастье, что полицейские машины могут парковаться почти где угодно.

— Нам с тобой только по кондитерским ходить. — хмыкнул я и сел к столу.

— А почему бы и нет? — спросила Жюстина, склонив голову набок. Её лицо приобрело донельзя мечтательный вид.

Определенно, дело было не только и не столько в пирожных.

— Кто-то тут, между прочим, мой напарник. — напомнил я. — Да ещё и младший.

— Будто это когда-то кому-нибудь мешало. — смешливо фыркнула Жюстина, не сводя с меня полуприкрытых глаз.

Разумеется, не мешало, подумал я. Только во всех таких случаях всё было совершенно наоборот. Он был младшим, она — старшей, и дальнейшее было просто делом времени. Служебные романы происходили сплошь и рядом: у меня самого был такой в начале моей карьеры, в должности младшего инспектора — иными словами, где-то через два месяца после того, как я перестал разносить по отделу кофе с эклерами.

Но теперь я был старшим, а Фудзисаки — младшей. И хотя одиночество мне порядком наскучило, я сомневался, что из этого выйдет хоть что-то хорошее.

— Ходить по кондитерским? — вслух спросил я. — Мне жаль тебя разочаровывать, но у нас с тобой ещё работа.

— Представь себе, я помню. — хмыкнула Жюстина и отпила из чашки. — И куда мы сейчас, если не за пирожными?

— Сначала в Порт. — ответил я. — Ямагата должна уже была добраться до нашего дела, тут без неё никуда.

— Великие боги, — устало вздохнула Жюстина. — Что мы там будем делать? Гайдзинов опрашивать?

— Гайдзинов — нет... хотя проверить записи переговоров с диспетчерской было бы неплохо. — покачал головой я. — Нет, там кое-что другое. — и я пересказал Фудзисаки новость про закрытый стыковочный узел.

— Ага. — кивнула она и откусила ещё одно пирожное. — То есть ты всё ещё думаешь, что Вишневецкая что-то скрывала про четвертый узел?

— Более того, — добавил я, отставив чашку, — скрывала два раза подряд. Двенадцатое, помнишь?

— Ну двенадцатое. — пожала плечами Фудзисаки. — Может, оставишь это летунам? Гоняться за неизвестно какими кораблями нам не с руки, у нас, блин, дело...

— Да, у нас, блин, дело. — сказал я. — Но оставлять этот конец болтаться в воздухе я тоже не намерен, мало ли что. Особенно, — добавил я, — если дело касается контрабанды.

— Контрабанды? — прищурилась Фудзисаки. — Ты всё ещё думаешь, что тут дело в контрабанде?

— У тебя есть мотив получше? — спросил я.

Жюстина развела руками.

— Уговорил. — произнесла она. — Допустим. А потом куда?

— Вернемся в Цитадель, полюбуемся на Вишневецкую... — ответил я. — Потрясем Валленкура на предмет денег и бумажки. Потому что что-то мне здесь не нравится: контрабанда контрабандой, но что они сюда провозили, чтобы потом зарезать диспетчера на рабочем месте, ядерную бомбу?

— Боги упаси. — пробормотала Жюстина. — Это вообще не наша юрисдикция.

— Вот именно. — про незнакомую женщину, окликнувшую меня по имени, я предпочёл пока не упоминать. — Ну и мне нужно будет встретиться с кое-какими источниками, так что неплохо бы нам управиться со всем этим до вечера.

— Знаю я твои источники... — буркнула Жюстина, насупившись. — А потом что?

— А потом будем думать. — сказал я и сам, в свою очередь, откусил кусок пирожного.

* * *

Бело-синий «Муракумо» ждал нас на крыше. Сегодня, на фоне стущающихся над городом серых облаков, люфтомобиль как нельзя лучше соответствовал своему названию.

Фудзисаки снова была за штурвалом, и я сел рядом, убрав с сидения пустую коробку из-под эклеров. Со свистом ожила турбина, выходя на режим, и Жюстина подняла люфтомобиль в воздух.

— Может, всё-таки, за пирожными? — спросила она с улыбкой.

— Обойдёмся. — отмахнулся я. — Ты веди пока, мне надо позвонить.

— Опять твой Еремеев?

— Он не мой Еремеев, он свой собственный.

Жюстина фыркнула и отвернулась к приборам. Люфтмобиль развернулся и пошёл вверх, набирая высоту для назначенного эшелона. Внизу промелькнула Аракава и мосты через неё, мелькающие белые спины троллейбусов и омнибусов на перекрестках. Девять часов: город уже проснулся, умылся, позавтракал и теперь судорожно пытался добраться на работу.

Я отвернулся и набрал Еремеева.

— Инспектор Еремеев, Транспортная полици... — А, Штайнер, это ты. — оттарабанил Еремеев, стоило ему снять трубку. — Чего тебе?

— И тебе доброе утро, Жан. — благодушно ответил я. — Ты на работе?

— Ну на работе. В чём дело?

— Отпрашивайся. Мне опять нужна твоя помощь.

— Опять? — простонал Еремеев. — Кого ты ещё не расспросил?

— Никого. В смысле, всех, но сегодня никого расспрашивать не придётся. Во всяком случае, тебе. О, даже лучше: дай сюда свою шефа, я с ней поговорю.

— О чём?

— О твоей помощи моему расследованию, Жан.

— Ты с ума сошёл?

— Так ты даёшь или нет?

— Да, да, сейчас... — проворчал Еремеев и переключил звонок. Я ждал. Примерно минуту спустя в ухе раздался щелчок и приятный женский голос:

— Суперинтендант Нидермайер, УМВД Сатурнианской Гегемонии в порту Титан-Орбитальный, слушаю вас.

— Госпожа суперинтендант, — начал я самым вежливым тоном, — вас беспокоит инспектор Штайнер, из уголовного розыска. Покорнейше прошу вашего прощения, но я вынужден просить вас одолжить мне инспектора Еремеева, для помощи в моём расследовании.

— Вы имеете ввиду, — уточнила после небольшой паузы Нидермайер, — вчерашнее убийство диспетчера Портовой Администрации, верно?

— Совершенно верно, госпожа суперинтендант.

— Тогда простите меня, инспектор Штайнер, но я не вижу, каким образом ваше расследование входит в компетенцию Транспортной полиции. И, следовательно, не вижу, зачем бы мне отряжать вам в помощь инспектора Еремеева.

Я закатил глаза. Служебное соперничество: как раз то, чего мне так не хватало. Особенно сейчас.

— Прошу прощения, госпожа суперинтендант, но оно входит. По моему предположению, в деле замешана контрабанда. Контрабанда входит в компетенцию

транспортной полиции, поэтому я и прошу помощи у вашего сотрудника.

— По вашему предположению, инспектор?

— Госпожа суперинтендант, — сказал я так, будто бы меня только что оскорбили в лучших чувствах (что было правдой), — я — сотрудник уголовного розыска. Предположения — моя профессия.

Нидермайер замолчала. Я ждал ответа, откинувшись на сидении, пока Фудзисаки заводила люфтмобиль на посадку на лифтовом вокзале. Она посадила машину горизонтально; нас обоих встряхнуло, когда люфтмобиль чиркнул по посадочной площадке колёсами шасси. Козырёк лифтового вокзала нависал над нами; Жюстина вырулила в сторону, освобождая посадочную полосу, и встала в очередь таких же люфтмобилей перед лифтом.

— Хорошо, инспектор Штайнер, вы меня убедили. — снова раздался в ухе голос Нидермайер; моя просьба определенно не доставляла ей удовольствие. Впрочем, я не стал бы просить её, не будучи уверен в результате. — Инспектор Еремеев в вашем распоряжении.

— До конца расследования? — тут же уточнил я.

— Сколько вы посчитаете нужным. Но я бы просила вас поторопиться, инспектор Штайнер.

— Нижайше благодарю вас, госпожа суперинтендант. — ответил я, пропустив её последнюю ремарку мимо ушей. Когда мне понадобится, чтобы меня торопили, я пойду к Мэгурэ.

— Хорошего вам дня, инспектор. — бросила Нидермайер и отключилась. Вместо неё на линии появился терпеливо ожидавший Еремеев.

— Ну? — спросил он.

— Сетевой кабель гну. — ответил я. — Минут через двадцать жду тебя в лифтовом холле Администрации, и без проволочек.

— Иди ты. — буркнул Еремеев. — Увидимся. — и положил трубку. Я моргнул, убирая завершённый вызов.

— Ты уверен, что это разумно? — спросила Фудзисаки, не оборачиваясь. На лобовом стекле перед ней горела то и дело уменьшавшаяся цифра — порядковый номер в очереди.

— Абсолютно. — не моргнув глазом, ответил я. — Жан мне пригодится, а проблемы с начальством ему уж точно ни к чему.

— А о наших проблемах с начальством ты подумал? — поинтересовалась Фудзисаки.

— Каких проблемах? — невинно спросил я. — Уж не думаешь ли ты, что Нидермайер побежит ябедничать Мэгурэ?

— Ага. — хмыкнула Жюстина. — Я напомню тебе это, когда мы оба останемся без премии.

— А что, — поинтересовался я, — у нас ещё намечалась какая-то премия?

* * *

Лифтовый холл Администрации со времен нашего последнего посещения изменился в

лучшую сторону — плотность полицейских на квадратный метр тут приближалась к критической. Патрульные в одинаковых чёрных мундирах и чёрных беретах слонялись по залу и прохлаждались у лифтов, всячески изображая бдительность и рвение. Поблизости от ожидавшего нас Еремеева они занимались этим с удвоенными усилиями.

Давнешних роботов я тоже заметил — жестянки таращились безглазыми головами на назначенные охранной системой сектора. На полицейских они даже не обращали внимания. Пистолеты роботов оставались там, где и положено — в кобурах; но уже то, что какая-то светлая голова додумалась раздать жестянкам настоящее оружие, меня несколько пугало.

— Да вы опоздали. — бросил мне Еремеев вместо приветствия. — Шеф сказала, что будет ждать от меня рапортов, так что я тебя предупредил. Привет, Жюстина.

— Здравствуй. — безрадостно сказала Жюстина.

— Рапортов, говоришь? — невинно переспросил я. — Ну и замечательно: ты мне вчера так жаловался, что я отбираю твой хлеб... Пойдём.

— Штайнер, так зачем я-то тебе нужен?

— За компанию. — сказал я и развернулся к лифту. Фудзисаки за моей спиной хмыкнула.

Еремеев пробормотал что-то неразборчивое и поспешил за нами.

Лифт вознёс нас наверх, к месту преступления, где уже всю хозяйничала Ямагата: во всяком случае, кофры, которыми был заставлен весь первый этаж, красноречиво об этом свидетельствовали. Через комингсы была переброшена связка кабелей, в нарушение всяческих норм безопасности змеившаяся вверх по лестнице. На одном из кофров скучала одинокая патрульная, оставленная здесь сторожить лифт. Мне пришлось прокашляться, прежде чем она обратила на нас внимание и торопливо вскочила на ноги.

— Инспектор Штайнер, — представился я, демонстрируя патрульной Линзу. — Со мной инспектор Фудзисаки, уголовный розыск. Инспектор Еремеев, Транспортная полиция.

— Покорнейше прошу прощения, господин инспектор, — извиняясь, склонилась патрульная. — Инспектор Ямагата там, наверху. — поклон перешёл в кивок в сторону лестницы. Я кивнул в ответ и пошёл дальше, перешагнув сначала через комингс, а потом — через некстати уложенный пучок кабелей.

Ямагата обернулась ко мне, стоило мне переступить комингс диспетчерской. Из-за того, что её глаза скрывало глухое забрало шлема виртуальной реальности, выглядело это довольно пугающе.

— А, Штайнер! — воскликнула она. Ямагата — на редкость жизнерадостная и энергичная женщина, чего никак не ждёшь от её профессии, и это не перестаёт меня удивлять. — Доброе утро! Какими судьбами?

— Да вот, — ответил я, — пришёл за результатами. Вы что-то нашли?

— Фу, как это невежливо. — протянула Ямагата и сдвинула визор на затылок. Глаза у неё были цвета необычайно густой синевы, и от того казались ещё более живыми. — Нашли

мы. Кое-что. Здоров, Жюст!

— Привет-привет. — помахала ей Фудзисаки. Ямагату она любила. Ямагату все любили. Её непосредственная манера этому очень располагала.

— Это инспектор Еремеев, — представил я. — Транспортная полиция. Жан, это инспектор Тиэко Стефани Амели Ямагата, отдел борьбы с киберпреступностью.

— Очень рада знакомству. — промурлыкала Ямагата и зевнула, потягиваясь. Кабели, выходящие из затылка её шлема, заколыхались в такт её движениям.

Еремеев сглотнул.

— Взаимно... — пробормотал он. Ямагата одарила его лучезарной улыбкой.

— Девочки, идите погуляйте немного, — обернулась она к двум своим подчинённым, занятым чуть поодаль. — Кофе там выпейте, не знаю. Мне с господами инспекторами потолковать нужно.

«Девочки», зевая и потягиваясь, встали со своих мест за раскладными консолями, вежливо кивнули нам и исчезли, то и дело бросая на нас с Еремеевым любопытные взгляды. Когда вдали раздался звон ступенек, Ямагата снова развернулась к нам и с невинным видом развела руками.

— Кофе? — спросила Фудзисаки. — Вы что, в столовую Администрации бегаете?

— Боги упаси. — отмахнулась Ямагата. — Я в этой столовке карманную собачку своей тётушки кормить не стала бы, не то что... — она всплеснула руками. — Так что, Штайнер, меня обманули и этим делом теперь занимаются лету-э-э-э, Транспортная полиция?

— Инспектор Штайнер, — тут Еремеев метнул в меня такой взгляд, что им можно было пробить стенку орбиталища, — попросил моей помощи в его расследовании. Чем я и занимаюсь.

Ямагата широко заулыбалась.

— Ах, Штайнер-Штайнер... — пропела она, — непослушный ты мальчик, тебе же Мэгурэ голову оторвёт... за самоуправство и что в рамочках не держишься...

— А она узнает? — спокойно спросил я. Ямагата ухмыльнулась.

— Пошли, — сказала она, — я вам покажу, какую интересную штуку мы откопали. Во всяком случае, попытаюсь...

Она развернулась и помахала нам рукой, приглашая следовать за собой. Кабель из шлема волочился за ней по полу, змеясь к переносной консоли. Ямагата и её подчинённые взаимодействуют с информацией гораздо плотнее, чем может позволить любой ассистент: вместо этого им нужны консоли, шлемы и кабели вместо беспроводной связи и дополненной реальности. Единственным минусом было то, что нормально отобразить такой объём информации могла только всё та же консоль.

Кресло Вишневецкой какая-то бдительная душа заботливо обмотала лентой и иероглифами «ПОЛИЦИЯ — НЕ ПРИКАСАТЬСЯ». Тело уже давно забрали, единственным напоминанием об убийстве осталась только кровь, тщательно покрытая ламинатом. Когда расследование закончится, ламинат растворят и смоят вместе с кровью, но не раньше. Ямагата подошла к консоли и включила её, ткнув пальцем в сенсорной перчатке в стол.

— Должна вам сказать, — комментировала она, пока консоль загружалась и мониторы один за другим возникали из небытия, — что мы тут сидим примерно часов с шести утра, и что лопатить все эти записи и файлы было очень и очень нудным занятием... — она снова зевнула, прикрыв ладонью в перчатке белозубый рот, — ...но мы всё-таки кое-что нашли.

— Ту самую интересную штуку? — спросила Фудзисаки.

— Ну да. Между прочим, это было, помимо прочего, не очень-то и легко... где же она... вот. Стандартная процедура в таких случаях — поднять записи, вот мы и подняли... с предыдущих вахт... начали за десять дней до, что поиск ничуть не упростило... вот. — палец Ямагаты ткнул в экран, остановив прокручивавшийся вниз список, и я придвинулся поближе. — Вот такой вот пробел между двумя записями. Вот здесь. — первая запись была датирована 20:34; следующая, сразу после неё — уже 00:15 следующего дня. Я отодвинул в сторону руку Ямагаты и прокрутил вниз, затем снова вверх: в оба предыдущих дня записи шли 20:15–22:36 — 00:44 и 20:01–21:50 — 01:12 соответственно. Конечно, тогда просто мог выдаться несколько более спокойный вечер... кстати, а что это за вечер?

Я прокрутил список обратно и пригляделся к дате. 12.03.94.

Двенадцатое марта.

— Вы нашли удалённую запись? — спросил я.

— Ага. — кивнула Ямагата. — То, что от неё осталось, внимательнее удалять надо было... Хотя системы безопасности слова не сказали, факт.

— Знакомый почерк. — заметила Фудзисаки. Ямагата покосилась на неё и протянула руку к экрану:

— Вуаля. — сказала она, проделав несколько движений пальцами, и на экране возникло окно с такой же формой записи, как и в списке. Большая часть данных отсутствовала, превратившись в бессмысленный набор символов, но главное тут было.

«TCD 51584».

— Жан, — спросил я, не оборачиваясь, — другие диспетчерские же не следят за кораблями, прибывающими к другим узлам, нет?

— Ну, — начал Еремеев, — технически у орбиталища есть свои радары, но... Штайнер, ты что, серьёзно хочешь ещё и радарную картинку перебирать?

— Нет, — покачал головой я, — этого я делать не собираюсь. — я отстранился от экрана. — Тиэко, с меня бутылка.

— С тебя свидание. — мягко, но решительно поправила меня Ямагата. — А тогда можно и подумать о бутылке...

— Милостливые боги, Тиэко, какое свидание? — отмахнулся я. — Но всё равно спасибо. Жан, — обернулся я к Еремееву, — тебе это напоминает транспондер?

— Чего напоминать-то? — пожал плечами Еремеев. — Он и есть: Тидори-Синбун-Дзиндо, пять-один-пять-восемь-четыре... А что?

— Спасибо. — кивнул я и обернулся к недоумённо наблюдавшим за мной Фудзисаки и Ямагате. — Значит, так. Жюст, ты с Тиэко остаешься здесь, и постарайся отговорить её от свидания, хорошо? — Жюстина скромно прикрыла губы кончиками пальцев. Ямагата обиженно сдвинула брови домиком. — Тиэко, ну... не буду указывать тебе, как делать твою работу. Жан, идём. Ты мне нужен.

— Жюстина, мы их теряем. — с серьёзным видом прокомментировала Ямагата.

Я покачал головой и развернулся к выходу.

— Так зачем я тебе нужен? — спросил вдогонку Еремеев; сам он, очевидно, никуда не спешил, и я обернулся к нему.

— А как давно, ты думаешь, я в последний раз одевал скафандр?

* * *

— Штайнер, так как давно ты в последний раз надевал скафандр? — осведомился Еремеев, держа в руках шлем. Мы с ним стояли в предбаннике шлюза, где я только что ухитрился под его руководством влезть в один из многочисленных скафандров. Сейчас тот висел на мне мешком.

— Ну, два года назад у нас были учения по технике безопасности. — ответил я, ощупывая рукав скафандра. — Инспекция МинСЖО приезжала, всё как положено. А что?

— Всё с тобой ясно. — обречённо вздохнул Еремеев. — Левее. Да.

Я наконец нащупал на рукаве нужную кнопку и нажал её. Скафандр тут же с негромким звуком сдулся, подстраиваясь под форму моего тела и плотно обжимая меня со всех сторон. Шею охватывал высокий жёсткий воротник, а в паху, в нижней части спины и под мышками скафандр наоборот оставлял немного свободного места. Ну и, конечно, перчатки и сапоги, герметично пристёгнутые к скафандру: с ними-то Еремеев и возился, отчаявшись глядеть на мои неудачные попытки. Левое запястье скафандра опоясывал браслет с Линзой.

— Вроде нормально. — сообщил я, сгибая правую руку в локте. По ощущениям скафандр казался очень тесным и твёрдым, но не настолько, чтобы сильно ограничивать движения. — Шлем.

— Подожди шлем, дай проверю сперва. — отмахнулся Еремеев. Подойдя ближе, он внимательно оглядел скафандр, местами даже ощупав, нажал что-то у меня за спиной и кивнул.

— Значит, так. — сказал он серьёзно. — Инструктаж. Страховку не отстёгивать, если отстегнёшь — не паниковать, аварийный маячок сам включится. Если в тебя чем-то влетит — не паниковать, в лучшем случае — сломаешь ребро, в худшем — паника тебе уже не

поможет. Как ранцем пользоваться знаешь?

— Не учи учёных, — ответил я, — Что я, физику в школе не учил?

— Физику он учил... — фыркнул Еремеев. — Ну, в общем, если что, то страховка отматывается назад и там должны рукоятки быть, вообще говоря.

— Они много чего должны.

— Штайнер, какого чёрта ты там забыл? — в третий раз спросил Еремеев. — Там же нету уже ничего. И никого. А ещё там три дня подряд возились ремонтники, после них шлюз должен чуть ли не блестеть...

— Но там кто-то был. — ответил я. — Причём неизвестно, кто и откуда. Давай сюда шлем.

— Ну, — пожал плечами Еремеев, — как хочешь. Удачи. — наклонившись, он подал мне шлем, и я натянул его на голову.

— Дай сюда. — скомандовал Еремеев. Я подчинился, и он поправил шлем у меня на голове. Послышалось негромкое шипение. — Всё, готов. Опускай забрало.

Стеклянный щиток шлема опустился вниз и защёлкнулся. От притока кислорода сразу же заложило уши. Я поднял вверх оттопыренный большой палец и пошёл к ожидавшей меня внешней двери шлюза. Еремеев повторил мой жест и ретировался. Внутренняя дверь закрылась за ним.

— Пожалуйста, подождите. — сообщил шлюз на правильном японском. — Идёт разгерметизация. Пожалуйста, подождите. Идёт разгерметизация.

Звуки снаружи, доносившиеся из-за шлема сильно приглушёнными, постепенно исчезли вовсе, когда шлюз покинули остатки атмосферы. Красный светодиод шлюза сменился зелёным.

— Разгерметизация завершена. — сообщил шлюз. — Хорошего вам дня.

Внешний люк открылся, и я вышел в космос. Впрочем, правильнее было бы сказать — вылетел: пристегнул ожидавший карабин страховки, оттолкнулся от края шлюза и взмыл наружу, пока трос не натянулся. Раскинул руки и ноги, чтобы убрать начавшееся вращение.

Что-то я всё-таки помню.

— Раз-раз-раз. — сказал я вслух. — Проверка. Раз-раз-раз. Меня слышно?

— Замечательно. — отозвался голос Еремеева в наушниках. — Всё нормально?

— Чудесно. — ответил я. — Камера работает?

— Работает, всё в порядке.

— Ага. — сказал я. — Терминал же должен быть ниже шлюза, так?

— Ну, так.

— Значит, я повёрнут к ним спиной. — вслух заметил я и осторожно обернулся.

Что и сказать? Это было красиво.

Циклопические туши прыжковых грузовиков поднимались передо мной, как гигантские колонны, на фоне сияющего звёздного неба. В орбиталищах нету звёзд: как ни странно, но, живя в космосе, мы удивительным образом обходимся без них. Зрелище света родом из далёкого прошлого — десятки, а то и сотни, световых лет — захватывает дух, несомненно... но только первые раз пять, не меньше.

Космос большой. Это может показаться очевидным, но смотреть в космосе не на что. И чем дальше от других людей и их творений, тем более не на что.

Неудивительно, что космонавты предпочитают летать исключительно по приборам.

Как оказалось, здесь действительно были рукоятки: фонарь шлема выхватил целую вереницу, убегающую куда-то вдаль по корпусу орбиталища. Половины недоставало; другая половина выглядела настолько ненадёжно, что я постеснялся за них братья. В космосе некуда срываться, а вот внутри орбиталища я один раз схватился за пожарную лестницу в Гюйгенсе и упал с высоты второго этажа. Мэгурэ тогда хватило одного взгляда, чтобы отфутболить меня в отпуск на целый месяц, пока срастались кости и сходили синяки. Подозреваемую пришлось ловить Курнаковой и Харагути, но шеф даже не оставила меня без премии. Наверное, из жалости.

С другой стороны, в космосе тебя может убить случайно обороненной гайкой.

— Штайнер! — раздался весёлый голос Ямагаты в наушниках. — Ты как там?

— Пока никак. — отмахнулся я, спускаясь вдоль поверхности Порта к терминалу и его стыковочным узлам. Здесь было темно: фонарь шлема выхватывал только круг на корпусе орбиталища, ничего больше. Логично: Титан-Орбитальный развёрнут в другую сторону от Сатурна, а Солнце здесь — всего лишь ещё одна звезда, пусть и чуть более яркая. — Ты просто поинтересоваться или что-то серьёзное?

— Я только что придумала, куда мы с тобой пойдём на свидании, конечно, это серьёзно! — я гневно закашлялся. Забрало шлема перед лицом пошло волнами, убирая постороннюю влагу. — А вообще, я тут полезла в камеры слежения с соседних диспетчерских, ещё и девочек позвала, ну, чтобы время не терять...

— Вас тут что, только трое?

— А чего ты хочешь? Остальные заняты, там ещё банкомат три дня назад обнесли, до сих пор работаем...

— И ты лично занялась моим делом?

— Ну конечно! — обиженно воскликнула Ямагата. — Что я, брошу на произвол судьбы милашку инспектора Штайнера?

«Синевир» закрывал собой полнеба: громада прыжкового грузовика, чёрная на чёрном, выхваченная из темноты габаритными огнями. По правую руку от меня возвышались костлявые руки манипуляторов, напоминавшие скрюченные пальцы.

Я включил ранец, слегка ускоряясь. Фонарь шлема выхватывал то обрывки белого

корпуса терминала, местами выщербленного и посеревшего от времени и радиации, то исполинские сервоприводы манипуляторов, то бесконечный золотистый панцирь «Синевира». Могильную тишину нарушало только мое дыхание и треск в наушниках шлемофона.

— И что, — спросил я, впервые поражаясь, как одиноко звучал мой голос, — есть успехи?

— Пока нет, — погрустнела Ямагата. — Но я тебе скажу, хорошо?

— Пожалуйста. — попросил я, оглядываясь под сторонам. Сразу за «Синевиром» возвышался «Лепанто Экспресс» в своей благородной патине корпуса. Я проплыл мимо него, оглядываясь назад: страховочный трос разматывался позади меня оборванной струной.

— Штайнер, осторожно. — вмешался голос Еремеева; я встрепенулся. — «Гваэчжу Грин» открывает люки.

Я развернулся в сторону третьего грузовика, выглядывавшего из-за зеленоватой громады «Лепанто Экспресса»; на моих глазах часть серого, как реголит, корпуса загорелась оранжевыми предупредительными огнями, затем возникла щель, и в полном молчании величественно разошлись в стороны исполинские створки грузового отсека. Наружу хлынул свет — яркое жёлтое зарево на фоне темноты.

— Вижу. — сказал я, наблюдая за грузовиком. Против света было ясно видно чёрные точки — людей в скафандрах, служебных роботов — высыпавших из распахнутого люка. — А что не так?

— Манипуляторы, — только сказал Еремеев.

Я развернулся в другую сторону и чуть не закрутился волчком.

Один из манипуляторов Порта пришёл в движение. На моих глазах огромная рука отклонилась назад, одновременно разворачиваясь над моей головой, и пошла вперед, к «Гваэчжу Грину». Следом за ним ожил следующий манипулятор: я неотрывно следил, как бесшумно вздрагивают приводы у его основания, а стрела манипулятора расцветает габаритными огнями.

Манипуляторы, словно костлявые пальцы, нырнули в яркий зёв грузового отсека «Гваэчжу Грина», на секунду заслонив его сияние, и вынырнули, держа в захватах по контейнеру — прямоугольные силуэты, тёмные на фоне ярко освещенного отсека. Я поспешил мимо, пока стрелы манипуляторов складывались, как квантовое оригами, у меня над головой.

— Однако. — сказал я вслух.

— Не беспокойся, тебя никто не заметил. — отозвался Еремеев. — Четвертый узел следующий. Ну, сам увидишь...

— А кто говорил, что я беспокоюсь?

«Гваэчжу Грин», неожиданно оживший, остался позади. За ним вдоль терминала простиралась пустота. Где-то впереди терминал обрывался, очерченный ритмично мигающими габаритными огнями.

Четвертый стыковочный узел был пуст. По мере того, как я приближался, фонарь шлема выхватывал из темноты сдвинутые внутрь стыковочные захваты, похожие на облетевшие зимой деревья, выставленный в пустоту стыковочный коридор. Выдвинутые шлейфы кабелей питания безжизненно болтались в вакууме. Чуть в стороне от стыковочного узла гигантской мачтой торчал вытянутый в никуда топливный штуцер.

— Жан, ты это видишь? — спросил я.

— Я-то вижу. — пробормотал Еремеев. — Но чего-то не понимаю.

— А именно?

— Того, что стыковочный узел просто взяли и бросили. Как будто корабль был, но исчез. Прямо из стыковочных захватов.

— А так что, можно?

— На маневровых... нет, нельзя, захваты не дадут. А тут они даже не погнулись. — Еремеев замолчал. Через несколько секунд его голос вернулся: — Вот что: проверь-ка шлейф. Вон тот, справа снизу, семьдесят градусов.

— Что-что, простите? — переспросил я и обернулся, кувыркнувшись вниз головой. — А, вижу. Сейчас, секунду...

— Радар включи. Надо было с тобой идти...

— Так чего не пошёл?

— Так ты и не приглашал...

Радар был прямоугольной коробкой с пистолетной рукоятью, свисавшей с пояса. Тыльную сторону коробки украшал небольшой индикатор. Я поднял его, отставил в сторону (условный рефлекс после многих лет обращения с оружием) и нажал кнопку. Наушники прорезал громкий, леденящий душу писк. От неожиданности я выпустил радар из рук; прибор затрепыхался на конце страховки, как взбесившийся маятник.

Насилу мне удалось схватить его и отключить. Писк, разрывавший наушники, как ножом отрезало.

— Жан, что это за дерьмо?!

— А ты чего хотел? — уныло поинтересовался Еремеев. — У него настройки сбиты, хоть бы в пространство его ткнул...

— А предупредить сложно было? — огрызнулся я, нащупывая нужную кнопку. Индикатор загорелся вновь, и нужную настройку я нашёл только с третьего раза: работать в перчатках скафандра было, мягко говоря, неудобно.

Я отвёл радар в сторону. Душераздирающего писка на этот раз не последовало.

— Вроде нормально. — сообщил я. — Что теперь?

— Шлейф видишь?

— Момент... — я поводил радаром; наушники отозвались громким писком. — Вижу. Сейчас, секунду...

Ранец на спине зашипел, выплёвывая струи холодного газа; я снизился и подался вперед, неторопливо подлетая к шлейфу. Фонарь выхватывал титанических размеров штекеры, торчащие из белого корпуса, каждый — размером с молодое деревце. Ну да, всё логично: космическим кораблям нужно много электричества, даже когда они состыкованы со станцией...

На корпусе шлейфа торчали несколько рукояток, выделенные ярко-жёлтым; я подлетел поближе и протянул руку, хватаясь за неё. В ответ я получил пренебрежительный толчок в плечо и повис над шлейфом, лицом к нему.

— Что мне искать? — спросил я.

— Там должна быть служебная панель, — после недолгой паузы сообщил Еремеев. — Правее тебя... нет, чуть ниже... — я, неловко переставляя руки, сместился ниже по корпусу шлейфа. Радар на привязи дёргался туда-сюда, то и дело ударяя меня по ноге. — Ага, вот. Открывай.

— Сейчас, секунду... — первым делом я унял непослушный радар, пристегнув его к поясу; затем я взялся пальцами за крышку панели и откинул её. Мне навстречу вылетело небольшое окно волномерической консоли. — Что мне искать?

— Журнал активности, что же ещё...

Журнал обнаружился почти сразу. Окно консоли заполнилось непонятными строчками, в которых я понимал разве что первый столбик цифр. Но и этого было достаточно.

— Двенадцатое марта. — сказал я, постучав пальцем по твёрдому свету консоли. — Предпоследнее включение.

— Когда?

— 21:22. Как раз пока Вишневецкая сидела без дела: у неё тогда выдался спокойный вечер... — я перевёл взгляд ниже, пальцем притронувшись к следующему, последнему включению. — А вот это уже интереснее.

— Пятнадцатое?

— Ага. И погоди, это ещё не всё. — я пригляделся ко времени. — 23:45. Вишневецкую убили незадолго до пол-первого ночи. Примерно полчаса времени между. Это оно, Жан.

— Меня другое интересует, — пробормотал Еремеев, и я насторожился. — Разверни вкладку. — я подчинился; навстречу мне вылетели какие-то графики и цифры.

Еремеев молчал. Он наблюдал за происходящим через мою нашлемную камеру — для этого мне и потребовалась его помощь. В космической технике мой друг разобрался определенно больше моего.

— Жан? — наконец спросил я. Графики, состоящие из одного столбика, тут даже читать было нечего.

— Открой двенадцатое число. — только и сказал он. Я вздохнул и подчинился;

столбики сменились другими и резко прибавили в числе. Теперь, приглядевшись, я сумел разобрать и цифры — временные промежутки и значения, указанные в мегаваттах.

Кроме того, столбиков на графике было больше.

— Жан, что это? — спросил я.

— Рабочий цикл. — пояснил Еремеев. — И вечером двенадцатого он был полный. Здесь был корабль, он стоял примерно час — видишь, здесь график идет более-менее ровно — и отстыковался сразу после.

— А на следующий день у стыковочного узла летит система. — добавил я. — Какое совпадение.

— Не в этом дело. — отмахнулся Еремеев. — Посмотри на график за пятнадцатое.

— Смотрю. — я заново открыл вкладку. — И что... погоди-ка, здесь всего один здоровенный столбик. Что это значит?

— Стартовая подача энергии в начале процедуры стыковки. — произнес Еремеев. — И всё. Здесь не было корабля, Штайнер. Узел работал вхолостую.

Не было. Хотя Вишневецкая наверняка думала, что он там будет... её предупредили. Предупредил кто?

Но, главное, зачем?

— Один вопрос. — медленно проговорил я. — Шлюз в стыковочном коридоре можно открыть изнутри?

— Конечно. Нужно только знать код... Погоди, ты что, думаешь, что через шлюз вышли?

— Тиэко! — вместо ответа выкрикнул я. Канал переключился сам собой:

— Да, Штайнер, в чем дело? — нежно спросила Ямагата. Я сделал глубокий вдох. Сердце колотилось в груди.

— Камеры. — наконец, выговорил я. — В терминале Уэно. Они работают?

— Минутку... — она замолчала. Через пару ударов сердца Ямагата появилась вновь: — Да, работают, всё в порядке. А зачем тебе?

Я выдохнул. Кажется, впервые за последние два дня я напал на след.

— Просмотри их записи за вчерашний день. — сказал я. — Примерно с девяти вечера.

— Поняла. — ответила Ямагата. — Сейчас поглядим... А что такое?

— Потом объясню. — ответил я. — Я возвращаюсь.

* * *

Еремеев снова ждал меня в шлюзе; не говоря ни слова, я вручил ему шлем и с наслаждением принялся раздеваться. По сравнению с этим сертифицированным МинСЖО убожеством полицейские скафандры были верхом совершенства.

— Убийца вошла через шлюз. — сказал я, стащив с себя половину скафандра. Кожа на груди сильно покраснела от давления. — Этот, ну и тот что в стыковочном коридоре, заодно. Солнце-Аматэрасу, я столько ломал себе голову над тем, как убийца попала сюда, но даже не подумал, что она спокойно могла пройти через Порт...

— Ну, это не настолько логично. — разумно заметил Еремеев. — В конце концов, через стыковочные узлы обычно на корабли ходят, а не в космос...

— Но на контрабанду это всё больше похоже. — продолжил я, стянув, наконец, скафандр целиком и пнув его напоследок. — Теперь вопрос только в том, насколько свободно убийца могла перемещаться по Порту. Если она действительно из людей Адатигавы, то искать её — ищи-свищи...

— А если нет? — спросил Еремеев.

— То тоже ищи-свищи. — вздохнул я и принялся одеваться. — Жан, из Порта много выходов в центральный ствол орбиталища?

— А ты как думаешь? — сощурился Еремеев.

— Я-то? — спросил я, набросив блузу и состязаясь теперь с пуговицами. — Я думаю, что очень много. Но на каком-то же должна сработать сигнализация!

— Там служебные коммуникации. — ответил Еремеев. — Ну, частично. Не СЖО.

— И ими что, — недоверчиво уточнил я, — может пользоваться любая встречная-поперечная?

— Ну, не любая, начнём с того... но ремонтные работы там часто бывают. Человек тоже пролезет, если вдруг работы сломаются. А что?

— Да так, — сказал я, — прикидываю объём работы.

Объём работы предстоял большой.

В диспетчерской была идиллия: скучающая Фудзисаки, стоявшая посередине, и Ямагата с двумя своими подручными, с головой нырнувшие в информационные дебри Администрации. Что совершенно не помешало Ямагате заметить нас, стоило мне переступить порог. Опять.

— Так как прогулка, Штайнер? — спросила она, широко улыбаясь. Визор шлема она так и оставила надвинутым на глаза.

— Замечательно. — ответил я. — Ещё одна такая прогулка, и на груди у меня будет один сплошной синяк. Ты сделала, что я просил?

— Ну-у-у... — протянула Ямагата, — сделала, конечно. Но там ничего нет. И никого. Ни в девять вечера, ни до, ни после.

— У четвертого шлюза? — уточнил я.

— Ну конечно! — всплеснула руками Ямагата. — Поэтому мы сейчас смотрим резервные копии записей в архивах Администрации. И Транспортной полиции, заодно.

Еремеев закашлялся.

— Один вопрос, — встряла Фудзисаки, многозначительно подняв указательный палец. — Если наша убийца может виртуозно — без обрывов, без артефактов, без ничего —

подделать записи камер наблюдения, да ещё и на лету, то зачем ей было, — она обвела рукой диспетчерскую, — выжигать камеры здесь?

— Жюстина, ну это же очевидно. — назидательно проговорила Ямагата прежде, чем я успел раскрыть рот. — Невозможно найти копию того, чего камеры не видели.

Я покачал головой. Ямагата была права, разумеется: записи камер наблюдения всегда копируются — специально для того, чтобы было проще опознать подделку. Искушённые преступники об этом знают — и поэтому стараются обходить проблему другими способами. Неискушённые... ну, такими преступлениями полиция в основном и занимается. У городских, на которых ложится бремя борьбы с мелкими кражами, хулиганством и ездой на трамвайном зацепе, всё ещё хуже.

Но если камеру выключить... то не будет ни записи, ни копии. С тем же успехом могло ничего и не произойти.

Но оно произошло. А я теперь вынужден гоняться за призраками и искать зацепки.

— Кстати! — оживилась Ямагата. — Я совсем забыла, Штайнер, мы тут кое-что накопили про твой стыковочный узел, давай покажу! — бросив своё место, она весело перебежала к консоли диспетчера, поманив меня за собой.

— Давай. — согласился я, подходя ближе; Фудзисаки тоже шагнула следом за мной. — А что именно?

— Да так... — протянула Ямагата, взмахом руки перебирая мониторы, — записи телескопов, радаров и ИК с терминала Эйго — это четвертый, сразу напротив...

— Что, целиком? — ужаснулся я.

— Да нет же! — замахала руками Ямагата. — Между 20:34 и 00:15. 21:22, если быть точной. Там конкретно один отрезок, в общем, — она элегантно жестом придвинула ближе один из мониторов, движением пальцев увеличив его в полтора раза, — сам посмотри.

Я посмотрел.

На экране расстилалась бархатная темнота космоса, усеянная россыпью ярких звёзд; только потом я заметил непроглядную чёрную тень в одном из углов — терминал Уэно, казавшийся с места съёмки совсем маленьким. Прыжковые грузовики, пристыкованные к нему, выглядели и вовсе крошечными.

— Вот! — воскликнула Ямагата, и запись замерла. — Вот тут, — она указала пальцем в верхнюю часть экрана, где телескопы наблюдали часть звёздного неба, — сейчас, секунду, приближу. Вот тут.

Я проследил за её указательным пальцем. Сперва мне показалось, что это был всего лишь очередной участок неба, но, приглядевшись, я заметил, что его оттенок был чуть посветлее непроглядной черноты космоса. Приближенное изображение шло ступенчатыми пикселями, но контур можно было различить. Несколько пикселей ещё более светлого

оттенка по краям, очевидно, были вспышками маневровых двигателей.

— Чёрный корабль. — произнёс Еремеев, и я рассеянно кивнул. Визуальное обнаружение в космосе бесполезно, но большинство военно-космических сил (и Космические Войска Сатурнианской Гегемонии — не исключение) сознательно тяготеет к серой или тёмно-серой расцветке своих кораблей. Силуэт серого корабля было бы не сильно проще заметить, если не знать, где искать... но этот корабль был попросту чёрным.

— В чёрном-чёрном корабле, в чёрном-чёрном космосе... — проговорила Фудзисаки, глядя на экран.

— Так подождите, это ещё не всё! — воскликнула Ямагата. — Вот то же самое, только через ИК!

Визуальное обнаружение в космосе было бесполезно ещё и потому, что корабль, а особенно — корабль с работающими двигателями, в инфракрасном спектре было видно через всю Солнечную систему, причем — в деталях вплоть до типа корабля, его массы, ходовых характеристик и количества людей на борту. Единственное, чего не может дать ИК — понимания того, друг это или враг; да и кораблей в большинстве населённых мест Солнечной столько, что нужный корабль можно искать часами. А если выбрать слишком широкий радиус обзора — то и сутками. Возможно, вне Солнечной с этим было проще.

Это был не тот случай. Тот участок космоса, где мы высмотрели силуэт чёрного корабля, в инфракрасном спектре ярко пылал, как, собственно, и положено любому кораблю.

Видя, что мы не особо впечатлены, Ямагата насупилась и вызвала другое окно, на котором было изображено точь-в-точь такое же яркое пятно, как и на экране тепловизора.

— Это же курьер. — выдохнул Еремеев. — Лунная Е-серия, второй транш, судя по оттенку. Делается по лицензии... да где только не делается! Таких тысяч десять наклепали, наверное, с шестидесятых годов...

— Курьер? — спросила Фудзисаки. — Стыкующийся в Порту?

— И, главное, совершенно незамеченный никем в Порту. — закончил за неё я. — Что-то здесь не так.

Еремеев нахмурился. Его можно было понять: на его глазах только что крупно облажалась вся Транспортная полиция.

— Да погодите, это ещё не всё! — взмахнула рукой Ямагата, и застывшее изображение с тепловизоров сменилось сеткой радарной полусферы. Отметки кораблей мерцали внутри неё, будто светлячки в банке, и поначалу я не заметил ничего особенного — пока Ямагата движением пальцев не приблизила один из участков полусферы и не показала мне координаты.

Я вызвал обратно предыдущее окно. Затем картинку с телескопов. На обеих были одни и

те же координаты. Снова посмотрел на радар. На месте корабля горело крошечное пятнышко, размером с заблудший спутник или метеорит.

Внутри полусферы их было великое множество.

— Какой-то это интересный курьер. — вслух заметил я. — Который на радаре даже на корабль совсем не похож. Да ещё и стыкуется в Порту, а не на Минбане или где ему положено. Жан, курьеры обычно каких размеров?

— Самые крупные метров восемьдесят. — тут же отреагировал Еремеев. — Их «Татибана» из бомберов переделывает. Близняшки вроде тоже. А Е-серия 56 метров, если мне не изменяет память... — он сделал паузу, сверяясь со справочником, — нет, 56.3, не изменяет.

— И, разумеется, его не разглядишь, если он на радаре выглядит как летающий камешек. — закончил я. — Он же вообще может пристыковаться в Порту?

— В захваты не влезет, — сказал Еремеев, — но переходник на шлюзе-то универсальный, шлейф — универсальный, а выровняться тягой ему не проблема, он же маленький... — он остановился. — Вот чёрт.

Я отстранился от консоли.

— Тиэко, большое тебе спасибо. — сказал я. — Честно. С меня две бутылки эриданского.

— Всегда пожалуйста. — улыбнулась Ямагата. — С меня бокалы и свечи. Так а что с камерами?

— Работай, — пожал плечами я. — Мы сейчас тоже дальше поедem... но чем больше у нас будет материала, тем лучше. Надо же где-то искать эту убийцу...

— Ну тогда удачи, — помахала рукой Ямагата. — Я тебе сообщу, если чего-то накопаю, хорошо?

— Ты сказала. — усмехнулся я и кивнул. — До скорого.

* * *

Перед лифтом в гараж я отвёл Еремеева в сторону. Фудзисаки проводила меня взглядом и понимающе кивнула.

— Жан, — сказал я, — разыщи что-нибудь по этому кораблю. Иди к Нидермайер, напиши отчёт, транспондер ты знаешь... может, поможет. Главное, постарайся узнать, не появлялся ли такой корабль у Титана-Орбитального раньше... да и вообще в нашем пространстве, если уж на то пошло.

— А если нет? — уточнил Еремеев.

— Тогда у нас проблема. — угрюмо заключил я. — И, похоже, очень большая проблема.

— Ладно, попробую. — он зло помотал головой. — Боги милосердные, я чувствую себя полным идиотом...

— У вас же и до этого шла контрабанда. — сказал я; это был не вопрос.

— Ну шла! — огрызнулся Еремеев. — У девчонок с Минбана ещё больше идёт, там же все эти тысячелетние соколы только в путь стыкуются. Но у тех хорошо если на один контейнер наберется, а здесь — сотни; конечно, что-то проходит! Информация... — он умолк.

— Вот и найди его. — попросил я. — И, пожалуйста, попробуй не поднимать межведомственного шума, хорошо? Аппелируй там к вашей летунской гордости, я не знаю... но если твоя шеф начнет жаловаться моей, то за последствия я не ручаюсь. Хорошо?

— Хорошо, земля. — хмыкнул Еремеев. Я ухмыльнулся. — Что-нибудь придумаю. Идёт?

— Идёт. — ответил я. — Удачи, Жан.

— Ты собираешься говорить Мэгурэ про этот корабль? — спросила меня Фудзисаки, когда мы сидели в салоне «Муракумо», спускаясь обратно в Титан-Орбитальный. Я пожал плечами:

— Наверное. — сказал я. — Небольшой курьерский корабль, вполне вписывается в нашу теорию о контрабанде, а если он ещё и залетал сюда раньше...

— Курьерские корабли обычно не бывают малозаметными, — заметила Жюстина, — скорее наоборот... Да и зачем стыковаться в Порту? И главное, зачем убивать Вишневецкую?

— Больше того, — добавил я, — сначала договариваться с Вишневецкой, а уже затем её убивать... Так дела не делаются.

— Из собственного опыта говоришь? — насмешливо спросила она.

— Иди ты. — отмахнулся я. — У меня опыт другого рода... Так просто не принято.

— Разве что это что-то очень ценное. — заметила Фудзисаки. — Настолько, что нужно замести все следы, убить диспетчера, и гонять при этом малозаметный корабль...

Да, молча согласился я, корабль совершенно не вписывался. Курьерские корабли необходимы: несмотря на то, что космические корабли регулярно совершают сверхсветовые прыжки через гиперпространство, за доли секунды пересекая световые годы, передавать таким же образом информацию невозможно. Вместо этого её приходится загружать в память на борту курьерских кораблей, чтобы потом, в пункте назначения, выгрузить в местную сеть. Некоторые курьерские корабли за один полёт посещают десятки обитаемых систем — на выгрузку информации требуется время; некоторые летают между двумя-тремя системами. Многие частные курьеры не прочь подзаработать на стороне: идеологические разногласия между Солнечным Альянсом и Внесолнечным Договором их не беспокоят, а уж информация много места не занимает и проста в транспортировке.

Информация. Порт, в отличие от Минбана, плохо приспособлен для передачи информации — не больше необходимого для обмена телеметрией и стыковки. Но и через это можно пропихнуть рецепт, чертёж, схему... что угодно. Такая контрабанда менее ценится, чем настоящие предметы, но и она тоже имеет своё место.

Но курьерский корабль — это одно; курьерский корабль-невидимка — это уже совершенно другое. Как минимум, это далеко за пределами доступности частных организаций, и контрабандистов в том числе: их просто нет на рынке. Истребитель-

невидимку КВСГ продемонстрировали публике всего два года назад; до того его существование держалось в строжайшем секрете. Логично было ожидать, что ни мы, ни Марс, ни Луна-Лагранж, ни Центавра, не будем торговать кораблями-невидимками направо-налево.

А здесь курьерский корабль. Который на радаре выглядит не больше астероида.

Это меня и беспокоило.

— Летим в Цитадель. — вслух сказал я. — Надо хотя бы узнать, как именно убили Вишневецкую, для начала...

— Виброклинком. — напомнила мне Фудзисаки. — Забыл?

— С одним и тем же клинком можно обращаться по-разному. — заметил я. — Кроме того, здесь и орудие убийства странное, и голова жертвы разве что не на ниточке держится...

— Слушай, — прервала меня Фудзисаки, — ты не против сначала завернуть перекусить? Лично у меня уже ноги от голода подкашиваются...

— И не только у тебя, — заметил я, почувствовав определенную слабость; утренние пирожные после прогулки в космосе забылись за давностью, и есть хотелось с удвоенной силой.

Мы взмыли над Титаном-Орбитальным, где день едва-едва перевалил за полдень, такой же пасмурный, как и утро. То там, то тут из-за облачного покрова пробивался свет люминёра. Фудзисаки заложила вираж, снижаясь почти к уровню крыш, и повела люфтмобиль вдоль Монмартрского проспекта, бежавшего вглубь города. Эстакада метро, выходящая из лифтового вокзала, здесь шла вдоль проспекта: под нами туда-сюда шмыгнули поезда.

Я смотрел в окно. По обеим сторонам проспекта морем низких крыш простиралась Дальняя Акинива: вопреки названию, садов здесь оставалось совсем немного. Белые дома с красными полосами на фасадах, построенные в середине прошлого века, деревья вдоль широкого тротуара, стеклянный лоб кинотеатра прямо напротив оседлавшей эстакаду станции метро. Окраина города — хотя, конечно, в Титане-Орбитальном были места и позахолустнее. Один Шамп-Марез, это безвкусное осушённое болото, чего стоит...

Жюстине удалось посадить нас на парковке посреди Берлинерплатц, и мы вышли из машины. Дверцы салона опустились и надёжно захлопнулись за нами. Проспект, во всей своей четырёхполосности, огибает каплевидную Берлинскую площадь с одной стороны: на другой же стоит, наверное, лучший имбисс во всём Титане-Орбитальном. Лучшим он был потому, что здесь готовили самый вкусный карривурст в городе. То, что он был на полпути из Дэдзимы, было приятным бонусом.

Карривурст был коричневым, зажаренным до корочки, обильно политым острым кетчупом и сверху ещё и присыпанным приправой. Здесь его подавали на круглых одноразовых тарелочках, щедро наполненных картофелем-фри. Взяв заказ, мы с Фудзисаки отошли к одному из крайних столиков и принялись за еду.

Был полдень. Многочисленные фирмы и учреждения Титана-Орбитального почти синхронно закрываются на обеденный перерыв; но если в Инненштадте буфетов пруд-пруди в каждом небоскрёбе, то площадка перед имбиссом на Берлинерплатц стремительно заполнялась обедающими. Сатурнианки-офисные работницы в жакетах и брюках, с расстёгнутыми рукавами блуз; их коллеги-мужчины, куда более редкие, в пиджаках и кружевных рубашках. Всем им недоставало того инненштадтского флёра блестящей бижутерии и показной деловитости — сияющей заколки в волосах, билетов на вечерний сеанс в Европа-театре или Сюгаку-холле, прокатного люфтмобиля на парковке — но и здесь, на краю города, деловая жизнь была ключом.

Национальная полиция занимается преступлениями высокого профиля — высотой как раз с небоскрёбы Инненштадта: мошенничеством, инсайдерской торговлей, присвоением в особо крупных размерах. Время от времени все они идут рука об руку с убийством, поэтому повращаться в мире кружевных воротничков мне пришлось вдоволь.

Из-за угла показалась выпуклая морда троллейбуса, а затем и он весь: машина вырулила к остановке, слегка вильнув кормой, и распахнула двери, выпуская пассажиров. На лобовом стекле горела цифра «17». Следом за ней побежали слова «ул. Канэмару — Каирская площадь»: семнадцатый маршрут шёл через весь Среднегорский район, на самый край Инненштадта.

— Когда я только начала, — сказала Фудзисаки, оторвавшись от еды и тоже глядя на троллейбус, — у меня одно из первых дел было с семнадцатым троллейбусом: на перекрестке Янаги и Вовинкельгассе сбил человека. Сначала думали — несчастный случай, городские так и написали... а потом оказалось, что парня кто-то толкнул. — она помолчала, прикрыв глаза. — Жалко было парня.

— И кто? — спросил я. Троллейбус тем временем захлопнул двери и тронулся дальше; до нас донеслось гудение моторов.

— Да подружка. — махнула рукой Жюстина. — Не понравилось ей, мол, что он с другой по кафешкам ходит... — она фыркнула. — Ходили бы вместе, так нет же, ей больше всех надо...

Я хмыкнул.

— Обычная история. — я наколол на вилку ещё кусочек карривурста и задумчиво прожевал. — Жаль, что на этот раз не такая.

— Как-то даже слишком. — недовольно проговорила Фудзисаки и отпила из своего стакана. Я не стал с ней спорить.

Расправившись с карривурстами, мы неторопливо вернулись к нашему «Муракумо»; бело-синяя полицейская машина так и притягивала к себе взгляды прохожих. Жюстина вновь забралась за штурвал и включила турбину; я же только устроился поудобнее на переднем сидении, как раздался голос диспетчера:

— Кавасэ-Одиннадцать, Кавасэ-Одиннадцать, ответьте.

— Говорит К-11. - ответил я, принимая вызов. — Слушаю вас, Цитадель, приём.

— Кавасэ-Одиннадцать, городская полиция запрашивает помощи по адресу улица Регенераторная, дом девять, труп, предполагаемое убийство. Подтвердите, приём.

— Труп? — переспросила Жюстина. — А что, городские сами не могут этим заняться?

— Цитадель, у нас дело. — дипломатичнее произнёс я. — Никак не можем подтвердить вызов. Приём.

— Кавасэ-Одиннадцать, отрицательно. Вы единственная команда в пределах досягаемости. — я уже начал готовить отповедь, как диспетчер добавила: — Кавасэ-Одиннадцать, примите во внимание: на Регенераторной труп гайдзина.

Гайдзина?! Я ошеломленно глянул на Фудзисаки; она была потрясена не меньше моего. Мертвый гайдзин? В Титане-Орбитальном? Хуже того — в Акиниве?

Какого черта ему вообще делать в Акиниве?

— Цитадель, К-11 подтверждает вызов. — проговорил я. — Вылетаем.

— Ничего не понимаю. — пробормотала Жюстина. — Кроме того, что только гайдзинов нам не хватало...

Второй раз за десять минут я не стал с ней спорить.

* * *

Улица Регенераторная тянулась вдоль основания цилиндра орбиталища, проходя почти четверть его диаметра: протянувшись по краю Дальней Акинивы, она миновала Вишнёвый массив и упиралась одним (наиболее живописным) концом в закуток гидропарка Кацурагава. По большей части своей длины она представляла собой ряды унылых складских помещений с одной стороны и шеренги таких же унылых жилых домов, крепостными стенами отгородивших свои дворы и зелёные садики, с другой. В самом прямом смысле это был край мира: отвесные скалы орбиталища начинались сразу за унылыми складами, возносясь высоко к небу и теряясь в облаках, подсвеченных близким сиянием люминёра.

Не то место, где ожидаешь встретить гайдзина.

Фудзисаки посадила люфтмобиль прямо на проезжей части, перед мерцавшей лентой полицейского ограждения. Чуть подальше, прижимаясь к поребрику, стоял омнибус городской полиции, а рядом с ним — несколько патрульных люфтмобилей. Похоже было, что сюда сбежался весь районный отдел. Один из синих мундиров подбежал к нам, не успели мы ещё и выйти из люфтмобиля.

— Старший сержант Зорькин, городская полиция, — отрапортовал он, щёлкнув каблуками и вытянувшись в струнку. — Чем могу быть полезен, госпожа инспектор? —

добавил он, обращаясь к Фудзисаки.

Та деликатно прокашлялась.

— Инспектор Штайнер, — представился я, выступая на шаг вперед. — Национальная полиция. Это инспектор Фудзисаки. Где труп?

— Нижайше прошу вашего прощения, господин инспектор, — низко поклонился Зорькин. Берет с трудом удержался у него на голове. — За мной, прошу вас...

Труп обнаружился на тротуаре по складской стороне улицы; на сером пенобетонном заборе висел, мерцая, знак «улица Регенераторная, 9». Мертвый гайдзин лежал лицом вниз, слегка раскинув руки. Рядом с ним валялись разбитые очки.

Крови не было. Ни капли. Как будто гайдзин просто рухнул посреди тротуара, лицом вперед, и не поднялся на ноги.

— Вы обнаружили его в таком виде? — спросил я у сержанта. Тот кивнул. — Кто вызвал полицию?

— Свидетели. — махнул рукой Зорькин. — Там. Инспектор Ивасэ берёт у них показания.

— Передайте инспектору, что мы хотели бы перекинуться с ней парой слов. Мы осмотрим тело?

— Разумеется, господин инспектор. — козырнул Зорькин и трусцой удалился. Берет, из-под которого выглядывали золотистые кудри, до сих пор не свалился с его головы. Жюстина презрительно глянула ему вслед.

Я натянул перчатки и встряхнул левой рукой: Линза послушно выпала из рукава в раскрытую ладонь, и я направил её на мертвеца.

Согласно базе данных Национальной службы миграционного контроля, мертвец был никем иным, как Франтишекот Котерой, туристом с Остравы; дата прибытия — 07.03.2394; срок истечения визы — 28.03.2394; место регистрации — управление НСМК по округу Титан-Орбитальный, отдел при космовокзале Минато (проще говоря, Минбане). Острада, насколько я помнил, находилась где-то на полпути между Тау Кита и приснопамятным Фольксляндом, и в остальном была довольно обычной планетой — член Солнечного Альянса, стратегический партнёр, девяносто процентов населения составляют собственно коренные остравцы. Всех остальных они считают в лучшем случае гражданами второго сорта; одним словом, всё прямо как у нас в Сатурнианской Гегемонии.

Это не давало мне ни малейшей подсказки, что могло привести туриста с Остравы сюда. Наш город всегда был достопримечательностью, как кольца Сатурна или озеро Гитигами на Энцеладе, но приехать сюда, в Дальнюю Акиниву, на край орбиталища, вдали от видов и зрелищ Нойштадта или Меако...

И не давало мне ни малейшей подсказки, почему он умер.

Я присел на корточки рядом с телом и повернул голову мертвеца к себе. На меня уставились остекленевшие карие глаза. Ничего особенного в них не было — чуть расширенные зрачки, будто покойный чему-то ужаснулся за секунду перед смертью, но ни лопнувших сосудов, ничего. Глаза и глаза.

Вдвоём с Фудзисаки мы осмотрели труп, но не нашли ничего: ни пулевых ранений, ни ножевых, ни даже следа от укола или попадания дротика. Впрочем, это ещё ничего не означало — убить человека можно было великим множеством способов. Но зачем было убивать именно этого гайдзина?

Жюстина заглянула в рот мертвецу, подсвечивая себе Линзой. Язык трупа посинел и попытался вывалиться наружу, но она отпихнула его.

— Ничего? — негромко спросил я. Она помотала головой.

На самом деле, я мог назвать несколько причин, по которым можно было убить гайдзина. Одно дело — Дэдзима: то, что творится там, мало волнует всю остальную вселенную (за исключением статистических показателей и некоторых не в меру ретивых депутатов ЗакСа). Титан-Орбитальный же — дело совсем другое. И гибель иностранного туриста, да ещё и накануне премьерского визита, вполне способна повлечь за собой крупный скандал.

Я поднял с тротуара очки и оглядел их с разных сторон. Стёкла разбились и торчали кривыми оранжевыми зубами, дужка треснула. Огонёк на ободке не горел; при нажатии кнопки включения он загорелся зелёным. На одном из осколков стекла промелькнуло какое-то изображение и тут же погасло; на мгновение у меня будто бы закружилась голова.

Я выключил очки.

Меня не беспокоит политический курс, который держит Гегемония под руководством премьер-министра Кисараги-Эрлиха. Меня даже не особо беспокоит, что премьер-министром Гегемонии в кои-то веки стал мужчина — времена давно уже не те, что прежде. Меня не особо беспокоят ни перевооружение, ни разрядка с Центаврой после «странной войны» в восемьдесят седьмом; мне и без них есть чем заняться. Но я хорошо знаю, что отнюдь не все в Гегемонии разделяют мое мнение.

Четыре года назад, прямо перед премьерскими выборами, произошёл нашумевший инцидент в Китаюсюйске, из-за участия в котором Конституционная партия и её кандидат — главные соперники Кисараги-Эрлиха — пролетели мимо премьерского кресла, как комета мимо Солнца. С тех пор Конституционная партия, хоть и прибегает к более законным методам — например, к депутатским запросам и громким выступлениям о том, как «при Клериссо такого не было!», хотя самая старая из членов партии никак не могла застать времена Клериссо — но всё же затаила злобу на действующее правительство.

Устроить громкий скандал прямо перед высочайшим визитом им на руку. Да что там: убийство Вишневецкой им тоже на руку, и из-за этого мы с Фудзисаки мечемся между Портом и городом; но убийство гайдзина — это громкий скандал. Очень громкий. И он вполне в духе Конституционной партии. Гайдзинский турист, да ещё и из-за пределов Солнечной; и утаить его будет невозможно.

Мотив? Да, мысленно согласился я, мотив налицо. Но, в отличие от дела Вишневецкой, здесь не было ни следа метода.

Даже на яд не похоже. Да и способа доставки яда не было заметно: не в пищу же его подсыпали, да и настолько точно рассчитать дозу...

— Инспектор Штайнер? — раздался незнакомый голос у меня над плечом.

Я обернулся. Передо мной стояла невысокая женщина в тёмно-красном, как у инспектора Дзэнигаты, пальто; каштановые завитки волос падали ей на плечи. Не говоря ни слова, женщина продемонстрировала мне свой значок.

— Инспектор Азалия Ивасэ, городская полиция. — представилась она мягким голосом. — Вы хотели со мной переговорить?

— Да, если позволите. — ответил я, коротко кланяясь. Ивасэ поклонилась в ответ.

— Вы осмотрели труп? — спросила она.

— Да. — кивнул я.

— Вы что-то нашли?

— Ничего. — развёл руками я. — Никаких внешних следов. Это мог быть какой-нибудь яд, или что-то ещё более необычное, но без вскрытия проверить это невозможно. Мы не чародеи, инспектор.

— Я знаю. — мягко ответила Ивасэ; её голос был немного печальным. — Вы заберете тело?

Я бросил ещё один взгляд на мёртвого гайдзина. Фудзисаки, стоя чуть поодаль, делала снимки, отставив руку с Линзой. Несколько городских заворуженно смотрели на неё.

— Скорее всего. — я сверился со своей Линзой. — Да, я полагаю, наши эксперты уже в дороге.

— Вы весьма оперативны. — сухо заметила Ивасэ. Я покосился на неё, но она покачала головой: — Не считите за обиду, инспектор, но в данном случае, — она рукой указала на мёртвеца, — ваша оперативность только к лучшему. В кои-то веки.

— Действительно. — только и сказал я. Учитывая, что ни я, ни Фудзисаки криминалистов не вызывали, сделано это было сверху... а значит, Хомура или Мэгурэ — скорее всего, разумеется, Мэгурэ — держат это событие на контроле.

Логично. Если шума не избежать, то его нужно, по крайней мере, минимизировать. И чем меньше журналистов пронюхает о валяющемся посреди улицы Регенераторной трупа, тем лучше.

— Ваш сержант сказал, что были свидетели. — снова заговорил я. — Вы с ними закончили?

— Да, конечно. — ответила Ивасэ. — Они только что дали показания.

— Кто они?

— Две девушки и их парень. Случайные прохожие.

— Вы не против, если мы переговорим с ними?

— Не против, разумеется. — покачала головой Ивасэ и повернулась. — Пойдёмте.

Я позвал Жюстину и пошёл следом за Ивасэ: инспектор привела нас к синему с белыми полосами люфтмобиллю городской полиции, припаркованному у тротуара, где в окружении городских в форме и в гражданском стояли свидетели. Ничего необычного в них не было, обычная троица — две девушки и их парень; все довольно юные, но уже вступившие в тот расплывчатый период, когда возраст сатурниан становится невозможно определить по внешности. Я благодарно кивнул Ивасэ и подошёл к ним: Фудзисаки подошла и стала рядом со мной.

— Инспектор Штайнер, Национальная полиция. — сказал я, демонстрируя свою Линзу. Все трое тут же уставились на неё, как на что-то диковинное.

— Инспектор Фудзисаки, Национальная полиция. — добавила Жюстина, показывая свою. — Мы хотели бы задать вам несколько вопросов. Вы позволите?

— Конечно. — с готовностью кивнула одна из девушек, в очках с розовыми дужками и коротко стриженными светло-каштановыми волосами. — Маиру Куртэ-Добровольская, к вашим услугам. Это Тамара, — она указала на другую девушку, с лиловыми волосами, — и Эйдзи, — светловолосый парень застенчиво кивнул. — Мы будем рады помочь вам, госпожа инспектор, господин инспектор!

Небывалый энтузиазм, прозвучавший в её голосе, заставил меня удивиться — как будто бы и не было мёртвого гайдзина, лежащего за нашими спинами на тротуаре, точно таких же вопросов инспектора Ивасэ, ничего. Вообще, полицию в Сатурнианской Гегемонии уважают — нас, Национальную полицию, немного меньше — но не до такой же степени.

— Спрашивайте, пожалуйста. — добавила Тамара, учтиво наклонив голову. Стоявший рядом с ней парень переступил с ноги на ногу и покрепче сжал её руку. Я прищурился: либо парень просто чересчур волнуется, либо что-то здесь было не так.

— Вы обнаружили тело? — спросил я. Куртэ-Добровольская снова кивнула:

— Да, господин инспектор.

— Что вы делали перед этим?

— Мы прогуливались, — начала она, — мы живём здесь неподалёку, в тридцатом доме, там, дальше, — девушка махнула рукой вглубь улицы. — У нас выходной, и мы решили прогуляться. Вышли из дому и увидели... — она сделала паузу, — ну, гайдзина. Эйдзи ещё удивился, как странно он выглядит.

— Мне показалось, что у него ужасно смешные очки, господин инспектор... — пробормотал Эйдзи негромким голосом.

— И что было дальше? — спросил я.

— Ну, мы шли ему навстречу, мы с Тамарой ещё удивлялись, что у нас на улице делает гайдзин, да ещё и турист... а потом, — Маиру остановилась, чтобы перевести дух, и продолжила снова: — Потом он вдруг остановился, как вкопанный, будто что-то увидел... ну, нам так показалось, мы не видели его лица. Я тогда обернулась, но на улице за нами ничего не было, а когда я обернулась, гайдзин уже лежал на земле, вот так. — она кивком указала на тело, скрытое спинами полицейских. — Мы подбежали к нему, не знаю, может с ним что-то случилось, а он мёртвый. Тома вызвала полицию. А остальное... — она взмахнула руками.

— Я поднял его очки. — вновь заговорил Эйдзи; я обернулся к нему. Парень всё ещё неловко переминался с ноги на ногу. — Там была кнопка... ну, на ободке... и я нажал на неё. У меня вдруг сильно заболела голова, там был какой-то... не знаю, отблеск на стекле очков... и я выронил их. — он замолчал. — Я их разбил. Покорнейше прошу простить меня, господин инспектор! — выпалил он и уронил голову на грудь, стараясь не смотреть на меня. Тамара ещё крепче сжала его руку.

— Отблеск, значит. — повторил я; забавно, мне тоже показалось, что там был какой-то отблеск... — Я вынужден буду попросить вас впредь больше не трогать предметы на месте происшествия, господин...

— Лисицин, господин инспектор...

— ...Господин Лисицин. — закончил я. — Вы меня поняли?

— Д-да. — выдавил он. — Покорнейше прошу прощения.

— Хорошо. — кивнул я и обернулся к Куртэ-Добровольской: — Вы не видели ничего подозрительного за спиной у гайдзина?

Она помотала головой.

— Нет, — ответила она. — На улице было пусто, только мы втроем... и он. И всё.

— Ясно. — ответил я. — Скажите, а вы не заметили никаких... конвульсий или других движений тела, пока он падал, или сразу после того, как упал?

— Не заметили. — покачала головой Тамара. — Он просто упал, лицом вниз... и не пошевелился. Мы и не сразу поняли, ну... — она пожала плечами, — что он умер.

Я кивнул.

— Большое спасибо. — поблагодарил я и склонил голову.

— Не за что! — просияла вдруг Куртэ-Добровольская. — Рады были помочь!

— Счастлива была оказаться полезной. — более скромно добавила Тамара. Эйдзи ничего не ответил, избегая встречаться со мной взглядом.

Мне не было дела до того, что он разбил очки. Во-первых, они всё ещё работали — иначе я не видел бы в стеклах никакого отблеска.

А во-вторых, я сомневался, что это дело зайдет хоть куда-то. С очками или без.

Я оставил свидетелей вместе с городскими и их инспектором, распрощавшись с ней, и

мы с Фудзисаки пошли обратно, к люфтомобилю. Разбитые очки лежали у меня в кармане: я положил их туда совершенно машинально. Осторожно выудив их из кармана, я протянул очки Жюстине:

— На, включи. — попросил я. Фудзисаки покосилась на меня, но очки приняла. Повертела в руках, нащупав кнопку на ободке. Огонек загорелся зеленым.

— ...Ай. — пробормотала она. — В виске что-то заныло.

— Однако. — сказал я и протянул руку. Жюстина вернула мне выключенные очки. На них она старалась лишней раз не смотреть.

— О чём ты? — спросила она, подходя к люфтомобилю и поднимая дверцу.

— Когда я включил их, у меня тоже будто заболела голова. — сказал я. — Совпадение?

— Скорее всего... — протянула Фудзисаки. — И что будем делать? Что-то не так с этими очками.

Я засунул очки обратно в карман.

— Полетели к Мэгурэ. — сказал я. — Заодно и спросим, что... Честное слово, Жюст меня это уже раздражает, — я обошёл люфтомобиль и уселся на место, с силой захлопнув дверцу за собой. — Мало того, что с Вишневецкой у нас аж одна-единственная — пока — зацепка, так ещё и очередной глухарь мне подсовывают, с какими-то очками... Благодарю покорно!

— Глухарь, говоришь? — прищурилась Жюстина.

— Ну да, глухарь. — повторил я. — А тебе что, так хочется бегать ещё и за убийцей гайдзина?

Турбина пронзительно загудела, пуская во все стороны волны горячего воздуха. Из-за угла с протяжным воем тормозов вынырнул старый омнибус, белый с синей полосой и надписью «ПОЛИЦИЯ» аршинными иероглифами на боку. Чуть ниже бежала надпись «Экспертная служба».

— Совершенно не хочется. — глядя на омнибус, сказала Фудзисаки. — Полетели отсюда.

* * *

— ...Нет, когда я говорила, что лучше бы укокошили гайдзина, я не имела ввиду, что лучше бы его укокошили в Титане-Орбитальном! — бушевала Мэгурэ, расхаживая туда-сюда по кабинету. Рукава платья шефа металась туда-сюда, как ветровые указатели в десятибалльный шторм. — Так нате, пожалуйста! За два дня до высочайшего визита! Получите, распишитесь!

Мы с Фудзисаки хранили молчание, пока шеф металась в четырёх стенах, топча сапогами тёмно-синий ковёр. Герб Национальной полиции над креслом укоризненно взирал на разворачивающуюся сцену. В коридоре и соседних кабинетах, наверное, уже дюжину раз

возблагодарили всех богов за то, что прозрачные стенки были оборудованы звукоизоляцией. Наконец Мэгурэ утихомирилась и рухнула обратно в кресло, жалобно заскрипевшее от неожиданно свалившегося на него веса.

— Ну, — грозно спросила она, — и что вы двое скажете в своё оправдание?

— Э-э-э... не виноватый я, она сама пришла? — неловко предположила Фудзисаки. Я укоризненно зыркнул на неё.

Мэгурэ улыбнулась. Судя по её улыбке, шутка была неуместной.

— Ничего особенного, — поспешно сказал я, наградив Жюстину ещё одним взглядом (та и бровью не повела), — поскольку мы не обнаружили никаких внешних следов. Возможно, гайдзина могли отравить, — Мэгурэ нахмурилась, и я торопливо продолжил, — но, во-первых, мы не можем определить этого без вскрытия, а во-вторых, непонятно, как его отравили. Как и то, что он вообще делал на Регенераторной. Кроме того, — я извлек из рукава Линзу, — свидетели говорили, что гайдзин замер — будто бы что-то увидел — и рухнул замертво. Зрачки трупа были расширены, будто бы он что-то увидел перед смертью. Вот, — я включил запись разговора с Куртэ-Добровольской и её спутниками. Мэгурэ сощурилась, слушая запись; я наблюдал, как тонкие брови шефа сдвигаются всё ближе и ближе к переносице. Наконец, когда запись закончилась, она кивком велела мне продолжать. — Подтвердят или опровергнут их слова только камеры наблюдения... но доступ к ним необходимо получить отдельно. У гайдзина было это, — я извлёк из кармана плаща очки и подал их шефу. — Но они разбиты.

— Спасибо, Штайнер, я вижу. — Мэгурэ повертела очки в руках, разглядывая их со всех сторон. — Это про них говорил тот парень с записи?

— Именно так, — кивнул я. Мэгурэ перевернула очки, пальцем нащупала кнопку включения и нажала её. Осколок стекла снова блеснул.

— Чёрт, голова разболелась... — пробормотала шеф и вдруг уставилась на меня. На секунду я почувствовал себя пригвождённой лазером бабочкой. — У того парня тоже болела голова, так?

— Так. — сказал я. — Больше того, у нас с Жюстиной возникло похожее ощущение.

Мэгурэ протянула мне очки. Я осторожно принял их.

— Расширенные зрачки, значит? — переспросила она и вздохнула, покачав головой. — Сдайте их в лабораторию, пусть засунут в какой-то ящик подальше. И понадежнее.

— Шеф, что это? — спросил я. Мэгурэ вновь зыркнула на меня:

— А я почём знаю? — резко спросила она. — Но это может оказаться что-то очень серьёзное. Поэтому, Штайнер, вы пойдете, сдадите их в лабораторию и скажете им засунуть эти очки в самое надежное место, которое только возможно. А потом... — она вздохнула и заговорила уже гораздо спокойнее, — а потом мне придётся доложить о них по инстанции. То есть, даже не начальству, а в ГСБ.

— То есть, расследования не будет? — уточнила Фудзисаки. Мэгурэ фыркнула:

— Какое расследование, Фудзисаки? Не будет здесь никакого расследования. Даже если бы не эти ваши очки, нам для вскрытия придется запрашивать разрешения из остравского

консульства, что уж говорить обо всём остальном! Не говоря уже о том, что придется звонить ещё и в посольство. По межорбитальной связи. — шеф поморщилась, словно раскусила кислый лимон. — Кстати о глухарях, — продолжила она, как ни в чём ни бывало, — что у вас с Вишневецкой?

— Как раз собираемся в морг, — браво доложил я, и думать забыв о кораблях-невидимках. — А после этого — ещё раз допросить Валленкура: мы обнаружили дополнительные улики...

— Ну смотрите. — пробормотала Мэгурэ. — Времени у вас немного... Ордер нужен? — я утвердительно кивнул. — Хомура! — рявкнула Мэгурэ в пространство. — Штайнеру с Фудзисаки нужен ордер на обыск, дело номер, — она назвала номер, — адрес: набережная Сэкигава, 34, квартира 136. Да, да. И побыстрее! — закончив с этим, она снова обернулась к нам: — Заберёте в отделе, уже должен быть.

— Есть, шеф. — сказал я. Возможно, ордер нам и не понадобится, но...

— Так а что насчет мотива? — неожиданно спросила Мэгурэ. Я запнулся на полуслове. По спине пробежали мурашки.

— Ничего особенного, — осторожно проговорил я, — но мы прорабатываем направление с контрабандой, и я как раз собирался... — я замешкался, подбирая наиболее обтекаемые выражения, — ...пообщаться по этому вопросу с некоторыми источниками.

— Хм-м-м. — протянула Мэгурэ; по её виду можно было заключить, что шеф прекрасно догадывалась об этих «некоторых источниках». — Ну ладно. Отчётом удовлетворена. Идите работайте, не смею задерживать. А гайдзина, — она сделала паузу, — выкиньте из головы.

Я встал, поклонился и вышел из кабинета. Фудзисаки последовала моему примеру.

Уже уходя я обернулся и заметил, как шеф достаёт из стола лист бумаги, — такой же упаковочной, как и записка Вишневецкой, — и очень медленно и очень сосредоточенно рвёт его на маленькие-маленькие части.

* * *

У кабинета Хомуры — суперинтенданта Хомуры, как любезно сообщала табличка на двери — мы столкнулись с Цунэмацу. Молодое дарование, недавно пополнившее собою стройные ряды уголовного розыска, выглядело донельзя формально — в чёрном с серебром полицейском мундире, на плечах которого красовались одинокие лейтенантские азии. Под мышкой у неё была зажата стопка папок.

— Штайнер! — воскликнула она. — Жюстина!

— Здравствуй, Нонна. — слегка наклонил голову я — насколько позволяло мне моё старшинство. — Ты куда?

— Да вот, — Цунэмацу развела руками, продемонстрировав папку с «ДЕЛО N__» и гербом Национальной полиции, — попросили в отдел кадров снести, вот я и...

— Они там совсем охренели? — спросила Фудзисаки. — Сами не могли переслать, надо обязательно тебя гонять?

— Так это, ну... — Цунэмацу снова беспомощно развела руками, — там официальное.

Награды, представления, всё такое...

— А на нас там ничего нет? — полюбопытствовал я. Кто с кадрами не дружит, тот хорошо не служит... к счастью, ко мне у кадровиков претензий не было.

— Да нет, вроде... — задумчиво протянула Цунэмацу и посмотрела на нас: — Слушайте, мне бежать пора...

— Можно с тобой? — спросила Жюстина. — Нам всё равно вниз.

— Ну... — призадумалась Цунэмацу; но перед ней стояли два старших товарища, и отказывать в такой ситуации было неудобно. — Ну давайте... Вам куда?

Следом за Цунэмацу мы прошли через весь этаж, здороваясь с коллегами по дороге, пока не вышли к лифтам; один из них как раз подошёл, высадив пассажиров, и мы втроём нырнули в кабинку. Следом за нами машинально втиснулась чем-то занятая инспектор Дюлафо; я кивнул ей, но она даже бровью не повела.

— Работаете? — спросила Цунэмацу, пока лифт пополз вниз.

— Есть такое. — ответила Фудзисаки, подозрительно буравя глазами ярко-зеленую макушку Дюлафо. — А что?

— Да вот, не видела вас поутру... — протянула Цунэмацу. — А что у вас?

— Убийство. — расплывчато сообщил я.

— Что-то случилось, пока нас не было? — полюбопытствовала Фудзисаки. Цунэмацу пожалала плечами:

— Да не особо... Эрхард и Тидзимацу вот вернулись, у них был угон люфтмобиля. Вчерашним утром, только сегодня нашли.

— Погоди-ка. — сказал я, — Эрхард и Тидзимацу позавчера с нами дежурили, в Дэдзиме. Да я даже с Жанной здоровался, когда возвращался... Угон, говоришь?

— Ага. — кивнула Цунэмацу. — Кто-то угнал со стоянки, на станции лифта в Дэдзиме... Тидзимацу сказала, насилу нашли, его как след простыл. Тревогу вообще диспетчерская и начала бить, как транспондер отвечать перестал... несколько часов подряд...

— Так они его нашли? — спросила Жюстина.

— Конечно! — закивала Цунэмацу. — Посредине Комендантской площади.

Мы с Фудзисаки переглянулись. Все люфтмобили отслеживаются диспетчерской службой МВД; надолго утаить его пропажу невозможно, а люфтмобиль, не отвечающий на запросы диспетчера, посадят дистанционно или вышлют машину на перехват, если угонщица успела поковыряться в системе (а это, как правило, делается в первую очередь)... но угнать люфтмобиль так, чтобы пропажу заметили слишком поздно, исчезнуть на целые сутки и потом бросить угнанную машину на Комендантской площади, едва-едва в десяти минутах лёту от лифтового вокзала?

— Угонщицу нашли? — спросил я.

Цунэмацу отрицательно помотала головой.

— Они там отчёты пишут. — сказала она и глянула на табло над дверями: — Ну, я

пошла?

Лифт остановился на втором этаже. Звякнули двери.

— Ага. — сказала Жюстина. — Давай, удачи.

— Спасибо! — просияла Цунэмацу и выскочила из лифта. Двери закрылись следом за ней.

Стоило лифту тронуться, как инспектор Дюлафо недоуменно моргнула с видом человека, оторвавшегося от чтения, и глянула через плечо на нас.

— Штайнер. — сказала она. — Жюстина. Вы чего тут делаете?

— Едем в морг. — сказал я. — Привет, Локи. Я с тобой даже здоровался.

— А-а-а. — протянула Ханнелора Сидзуки Дюлафо. — Зарапортовалась, прости.

— Работаешь? — поинтересовался я. Дюлафо пожалала плечами; на ней был голубой жакет с просторными рукавами, из которого выглядывала стратегически расстёгнутая белая блуза. В левом рукаве поблескивал кругляш Линзы.

— Вроде того. — сказала она. — Адзуса Халтурина, знаешь такую?

— Не знаком. — подумав самую малость, ответил я. — А чем знаменита?

— Менеджер по продажам в «Сэнкё Ретроэклер». — С улыбкой сообщила Дюлафо. — Сегодня утром уволилась по собственному.

— Ага.

— Позаимствовала у компании примерно два миллиона марок. — все с той же улыбкой добавила Дюлафо.

— Ого.

— И я лечу её ловить. — завершила Локи. — Пока след ещё горячий. — лифт остановился на первом этаже, звякнув, и она помахала нам изящной ручкой. — Пока, ребята.

— Пока... — протянул я, но зеленая макушка Дюлафо уже маячила где-то в другом конце проходной. Двери снова закрылись у меня перед носом.

— Два миллиона. — произнесла Жюстина, когда лифт тронулся. — Что бы я сделала, если бы у меня было два миллиона...

— Переехала на Ландштрассе? — предположил я. — Уехала бы в отпуск на Берлин?

— Точно. — мечтательно протянула Фудзисаки. — И тебя бы с собой взяла.

— Жюст, перестань.

— А что перестань? — возмутилась Фудзисаки. — На тебя и так половина отдела смотрит, глотая слюнки, а я что?

— Не поедешь со мной на Берлин. — дипломатично ответил я. — Без отпускных так точно.

— Отпускные... — фыркнула, надувшись, Жюстина, и лифт остановился снова.

Мы были в подвале.

Сказать, что подвал Цитадели большой — не сказать ничего. В части его действительно располагались ангары для люфтмобилей и спецтехники, но далеко не в тех масштабах, как

предполагали архитекторы Цитадели. Подвалы уходили вниз на несколько уровней, но, насколько я знал, ничего кроме зеленоватых аварийных ламп и запечатанных входов в служебные коммуникации орбиталища (включая как минимум один, ведущий в метро) там не было.

Остальную часть подвала же занимали криминологические лаборатории, морг, КПЗ и оружейная — необязательно в таком порядке. Очки гайдзина всё ещё лежали у меня в кармане; их надо будет сдать, но это можно сделать в самую последнюю очередь.

Вместо этого мы подошли к дверям морга, и я постучался.

— Открыто! — раздался голос из-за двери, и я толкнул её, входя внутрь — в стерильное помещение с белым полом и зелёными стенками. За стеклом слева скрывались ряды холодильных камер, и свет там был потушен; справа же, в секционной, в свете операционного светильника кружила старший судмедэксперт Нагиса Маршан. «Кружила» было подходящим словом — Маршан танцевала, раскинув руки; подол белого халата кружился, открывая тонкие ноги в чёрных чулках. Из-под халата выглядывал зеленый свитер.

Фудзисаки кашлянула. От неожиданности Маршан оступилась, нелепо взмахнув руками, и обернулась к нам.

— О, Жюст, это ты? — спросила она. — О, привет, Штайнер. Вы по поводу своего трупа, да?

— Нет, мы решили тебя навестить. — ответила Фудзисаки. — Вдруг тебе тут скучно одной... в такой компании... — она поёжилась; из-за работающих за стеной холодильников в морге было зябко.

— Скучно? — переспросила Маршан и махнула рукой: — Благая Бэнтэн, я тебя умоляю! Меня тут, по крайней мере, не дергает каждая встречная-поперечная... — она осеклась. — Так вам нужен труп или нет?

— Нужен, конечно. — ответил я. — Ты её смотрела?

— Нет, так оставила... — фыркнула Маршан. — Вишневецкая, Хироко, шестнадцатого третьего, так?

— Так. — кивнул я. Маршан улыбнулась и картинно взмахнула руками; зашуршали колёсики, и из-за угла выехала каталка, на которой, скрытое покрывалом, лежало тело.

— Прошу. — сказала Маршан, подходя к замершей у одного из столов каталке. Мы подошли следом, и судмедэксперт отдёрнула покрывало.

Мёртвая Хироко Вишневецкая смотрела в потолок невидящими глазами. Её голову удерживал пластиковый воротник, обёрнутый вокруг того, что осталось от шеи. Я глянул на рваную рану, уже застывшую, и непроизвольно содрогнулся.

— Будете смотреть — одевайте перчатки, — добавила Маршан. — Сами знаете.

— И что ты можешь нам сказать? — поинтересовался я, подходя ещё ближе. Кожа Вишневецкой была неестественно бледной; можно было различить каждую жилку, каждый сосуд.

— Я-то? — переспросила Маршан и вздохнула, сложив руки за спиной — ни дать ни взять прилежная ученица мединститута. — Что я не знаю, кому это пришло в голову перерезать Вишневецкой горло вибромечом, но смотрится это очень подозрительно. А при близком рассмотрении — тем более...

— Чем именно подозрительно? — спросила Фудзисаки, натянув перчатки.

— Кроме того, что у неё всё ещё голова на плечах? — уточнила Маршан. — А это, кстати, самое главное: вот честно, я на вспоротые глотки насмотрелась по самое некуда, — ребром одетой в гигиеническую перчатку ладони она чиркнула себе по тонкой шее, — но обычно после вибромеча такого размера голова должна лежать отдельно от тела. А тут она держится. На вот такой ниточке. — она показала. Ниточка действительно вышла тоненькой.

— Ты сказала «вибромеч», — уточнил я. — Именно меч? Не нож?

— Ну да. — сказала Маршан так, будто это было бы нечто само собой разумеющееся. — На ширину раны посмотри, у виброножа — даже у штык-ножа М2341, это тот, который не нож, а короткий меч — рана вышла бы гораздо меньше. Тоже рваная, но тут горло вспороли, как мертвую рыбину. — я поморщился. — Чуть до позвоночника не дошло, но там уже без разницы...

— То есть что, — проговорила Фудзисаки, — убийца просто так стояла и резала Вишневецкой горло, — она прищурилась, — здоровенным вибромечом? А Вишневецкая что?

— А вот это-то и самое подозрительное! — провозгласила Маршан и схватила запястье Вишневецкой, подняла его и продемонстрировала нам: — Ни-ка-ких следов борьбы!

Пальцами, одетыми в перчатку, я взял ладонь Вишневецкой и рассмотрел её: да, это должно было сразу броситься мне в глаза. Ни сломанных ногтей, ни крови, ничего... и за запястья никто её не держал: синяков и отметин не было. Я отпустил руку, окинув взглядом тело: ничего, намекавшего на то, что убийца удерживала Вишневецкую против её воли. Но когда тебе пытаются перерезать горло, ты всё равно будешь сопротивляться... разве нет?

— Поза. — пробормотал я; Маршан с интересом глянула на меня. — Я нашёл её сидящей в кресле. Просто так, спокойно, развалясь... никаких следов борьбы, никаких конвульсий.

— Борьбы нет, конвульсий не было... — задумчиво проговорила Фудзисаки. — Она что, уже была мертва, когда ей горло перерезали?

— Ну, мышцы у неё расслабились, всё как положено. — добавила Маршан и нахмурилась. — А до этого... понятия не имею.

Она беспомощно развела руками.

— И это подозрительнее всего.

* * *

— Тебе не кажется, что в последнее время чересчур много подозрительных убийств? — спросила Фудзисаки, когда мы вышли во двор Цитадели, к ожидавшему люфтболисту —

Сначала Вишневецкая, теперь ещё и гайдзин этот... И в обоих случаях, заметь, ни убийцы, ни мотива, и обстоятельства смерти уж больно странные...

— Шеф же говорила выкинуть гайдзина из головы, — напомнил я, обходя люфтмобиль, чтобы сесть на своё место. — Знаешь, куда лететь?

— Набережная Сэкигава, 34? — фыркнула Фудзисаки, забираясь за штурвал. — Знаю, конечно. Пристегивайся.

«Муракумо» взвыл турбиной и оторвался от земли, убрал шасси и перешел на горизонтальный полёт: Фудзисаки развернулась над улицей Мацуноо, одновременно набирая высоту для эшелона, и люфтмобиль взмыл над крышами Меако, устремляясь к противоположному концу орбиталища.

— Помнишь, кстати, что Мэгурэ говорила про депутатские запросы, когда мы пришли к ней после Вишневецкой? — невзначай спросил я, глядя в окно: за бортом промелькнули серая громада Домпрома, одинокая башня Законодательного Собрания, корпуса Тидая, — Титан-Орбитального Национального Университета, — Меако во всей своей красе.

— Про Конституционную партию? — уточнила Жюстина. — Помню. А что?

— Ты говорила про недостаток мотива. — напомнил я. — Так вот он: КП из рук вон надо устроить большой скандал перед высочайшим визитом. Скандала нет. Вот они и устраивают его сами: сначала убивают гражданку Гегемонии в, считай, Дэдзиме, а потом — гайдзина в Титане-Орбитальном...

— Порт — не Дэдзима. — заметила Фудзисаки. — Ты серьёзно думаешь, что они пошли бы на такое?

— Думаешь, кто-то за пределами Титана-Орбитального разбирается в таких тонкостях? — отмахнулся я. — И потом, Жюст, это же Конституционная партия. Они четыре года назад угнали драгуна, да ещё и с помощью каких-то полоумных ветеранов. Помоему, убить гайдзина гораздо проще.

— А ещё — убить Вишневецкую. — добавила Фудзисаки. — И не оставить в обоих случаях следов. И, при этом, убить самым подозрительным способом. Не слишком ли сложно?

— Ну как же. — сказал я. — Чем больше полиция — это мы — будет расследовать эти убийства, тем больше у КП поводов заявить, что-де «полиция работает неэффективно, а вот при премьер-министра Клериссо..!». Великие боги, далась им эта Клериссо...

— Она была великой женщиной. — сказала Фудзисаки, выразив, таким образом, усредненное сатурнианское мнение по этому вопросу. — Жестокой, но великой.

— Ключевое слово — была. — уточнил я. Жестокость Клериссо в своё время привела к революции — восстанию, в честь которого называют проспекты и площади — и выборам премьер-министра Гегемонии общенациональным голосованием, а не Конвентом. — Кроме того, в Китакусюйске те ветераны же угнали драгуна. И не одного. Убить Вишневецкую, не оставив следов, для них будет проще простого...

— Переманивать на свою сторону ветеранов спецназа ради громкого скандала? — спросила Жюстина. — Как-то слишком. Даже для КП.

— А почему нет? — возразил я. — Вспомни Китакусюйск: они тогда оправдывали угон драгуна и войнушку в мирном орбиталище «странной войной». Теперь вот разрядка, нормализация отношений, культурный обмен, солтуристы... выбирай — не хочу.

— Но и перевооружение. — заметила Фудзисаки. — Разрядка разрядкой, а все эти учения, новые корабли, истребители... Ты видел «Адмирала Идзанами» на испытаниях? Я тебе потом покажу, но выдать это за «однобокое потакание Центавре» — или за что там ещё — едва ли удастся...

— Меня боевые корабли мало интересуют, ты же знаешь. — отмахнулся я. — А некоторые люди чересчур застряли в прошлом, чтобы надеяться на их благоразумие. Например, Конституционная партия...

— Они не настолько умны. — пожала плечами Фудзисаки. — И не в том положении для интриг такого рода.

— А что, — удивился я, — для интриг нужно какое-то положение?

Река Сэкигава змеится вдоль границы Меако, прежде чем повернуть у самого Нойштадта и устремиться к противоположному, дальнему, концу орбиталища. Через неё в изобилии перекинуты мосты; сразу за ней, отгороженный крепостной стеной старых жилых домов с покатыми крышами, начинается Инненштадт — небоскрёбы, блестящие холодным светом под вечно облачным небом Титана-Орбитального. По другую сторону, между деловым и официальным центром города, лежит Ракунан: там-то, на неимоверно длинной набережной, и жил Валленкур. Когда-то давно Ракунан считался пристанищем оранжевых комбинезонов, рабочего класса: с тех пор были застроены Штеллинген, Среднегорский и обе Акинивы, и население Ракунана изменилось — вместе с ценами на недвижимость, выросшими в геометрической прогрессии.

По моему скромному мнению, Валленкур очень неплохо устроился.

Дом 34 по набережной Сэкигава был высоченной пятидесятиэтажной башней, шахматным ферзём высившейся среди двадцатипятиэтажных домов-кораблей. Посадочная площадка и стоянка напоминала балкон на уровне как раз двадцать пятого этажа, выходящий во двор (который башня делила с несколькими соседними домами), и с неё открывался вид на море плоских крыш Ракунана, кое-где прерываемое такими же, как эта, высотными башнями, маленькими триумфами новых денег над старой застройкой.

Поднимаясь на лифте (квартира Валленкура была несколькими этажами выше площадки), я поневоле вспомнил своё первое задание в качестве инспектора уголовного розыска — безумного Акиюки Дитриха, который предпочел свести счёты с жизнью, кувыркнувшись спиной вперед с такой башни, чем сдать полиции. В свидетели этого акробатического трюка он призвал недавно произведенного младшего инспектора Штайнера. Пятно, оставшееся от Дитриха, счищали с поребрика ультразвуком, а его безумная, от уха до уха, улыбка продолжала преследовать меня во сне ещё несколько месяцев после.

— Кстати, — прервала мои воспоминания Фудзисаки, и я обернулся к ней, — так какие у нас рабочие гипотезы? Ну, помимо Конституционной партии?

— Адатигава, разумеется. — пожал плечами я. — Хотя, конечно, пришить Вишневецкую прямо на рабочем месте — не их метод, да ещё и не оставить при этом следов...

— Всё упирается в следы. — пробурчала Фудзисаки. — И куда только подевались простые преступления: пырнула подругу дедушкиным штык-ножом, и так сорок четыре раза...

— Ну, Жюст, — укоризненно проговорил я, — ты думала, что всё будет так просто?

Лифт остановился на тридцать четвёртом этаже, выпустив нас в бежево-алое парадное, с матовым каменным полом под ногами. Дневной свет проникал через стеклянные стены напротив: отсюда виднелась набережная, небоскрёбы Инненштадта напротив, крошечный белый троллейбус, убегаящий вглубь Ракунана.

Лакированную дверь со светящейся табличкой «ВАЛЛЕНКУР СЭЙДЗИ» катаканой хираганой мы нашли без особого труда. Я поднёс руку к сенсорной панели домофона и коснулся её. Секундой позже зажётся глазок камеры:

— Кто это?

— Господин Валленкур! — позвал я. — Вас беспокоит инспектор Штайнер, Национальная полиция. Вы можете уделить нам пару минут?

Последовало молчание. Я терпеливо ждал, пока, минутой спустя, огонёк на двери с красного не стал зелёным, и она не отъехала в сторону.

За порогом стоял Валленкур. Вид у второго диспетчера был донельзя растрёпанный: волосы невымытые и торопливо расчёсанные, глаза красные и ввалившиеся, на теле — майка с логотипом «Пылающих Валькирий» и чересчур короткие шорты. Видимо, переодеть их Валленкур в спешке не догадался.

— Господин инспектор. — пробормотал он и перевёл взгляд на Жюстину. — Госпожа инспектор. Проходите, пожалуйста.

— Спасибо. — ответил я и переступил порог. Валленкур ушёл куда-то вглубь квартиры, оставив нас разуваться. Дверь неслышно затворилась за нами.

Квартира Валленкура была, что странно для такой жилой башни, однокомнатной. Впрочем, Жюстина как-то живёт в точно такой же в своём «Пентагоне» (разве что её квартира ровнёхонько на углу здания), и ничего. Длинный коридор пересекал всю квартиру, заканчиваясь в конце окном, выходящим на набережную. По левую руку была кухня и, очевидно, туалет; по правую — собственно жилая комната и ванная. Я мельком заглянул в жилую комнату, заметив только разбросанную в беспорядке двуспальную кровать. В воздухе стоял характерный запах работающего принтера.

— Проходите, пожалуйста. — сказал Валленкур, появившись из кухни. — Хотите чаю?

— Нет, спасибо. — покачал головой я, проходя на кухню; торопливо расчищенный стол, горящая жёлтым посудомоечная машина, окно, смотревшее в сторону Нойштадта и Меако. На горизонте можно было различить поднимающийся над низкими крышами обелиск Цитадели.

На мгновение мне стало жаль Валленкура: смотреть в окно, зная, что его любимая женщина лежит в морге Цитадели, мёртвая и недосыгаемая... Ему не позавидуешь, подумал я, и выбросил эту мысль из головы.

— Господин Валленкур, — начал я, отодвигая себе табурет; Жюстина облокотилась на стену, сложив руки на груди. — Мы хотели бы задать вам несколько вопросов, связанных с убийством вашей... подруги, Хироко Вишневецкой.

— Опять? — не глядя на меня, глухо спросил Валленкур. — Я же ответил на все ваши вопросы. Той ночью. Ваши и госпожи инспектора.

— Так и есть. — кивнул я. — Но с тех пор наше расследование несколько... продвинулось.

— Анжи. — прошептал Валленкур. — Вы говорили с Анжи.

— Мы встречались с госпожой Грушиной, да. — подтвердил я. — Кем она вам приходится?

Валленкур вздохнул и сел на табурет напротив меня, понурился головой. Голубые пряди упали на его лицо.

— Анжи — друг, — тихо проговорил он. — Хороший друг.

— Мы произвели обыск жилья госпожи Вишневецкой. — сказал я. Голова Валленкура дёрнулась, как на пружине; набухшие, с чёрными кругами, глаза уставились на меня. — И мы нашли там, — одной рукой я нырнул в карман и вытащил из него сложенный вчетверо лист упаковочной бумаги, — это. Вам о чём-то говорит эта записка?

— Н-нет... — Валленкур опасливо принял листок, развернул его и взгляделся в написанное, рассматривая его. — Нет, господин инспектор. Я вижу её впервые.

— Мы нашли её в ящике стола госпожи Вишневецкой. — добавил я. — Вы уверены, что не видели ничего похожего там раньше?

— Д-да. — проговорил Валленкур. — Да, я уверен... Хироко держала там бумажник, наши фотографии... печатные... но никакой бумаги. Я бы увидел.

Секунду я вглядывался в его лицо. Похоже было, что Валленкур что-то скрывал — или, как минимум, недоговаривал. Вероятно, он действительно не видел записки... но он видел что-то другое.

— Господин Валленкур, — вслух спросил я, — что произошло двенадцатого марта?

— Обычное дежурство, — после небольшой паузы произнес Валленкур.

— Вы встречались с госпожой Вишневецкой до дежурства?

— Конечно. — Валленкур снова понурил голову.

— Госпожа Вишневецкая что-то говорила вам о предстоящем дежурстве? — снова спросил я.

— Кроме того, каким скучным оно будет? Нет.

— Она говорила что-то о деньгах? — спросил я и почувствовал, как Валленкур снова дернулся, будто его прошибло током. — В бумажнике госпожи Вишневецкой были деньги. Наличными. Вы знаете об этом, господин Валленкур?

Валленкур молчал, исподлобья глядя на меня. Я терпеливо ждал, поглаживая пальцем по ободку включённой на запись Линзы.

— ...Да. — наконец произнес Валленкур. — Да, я знаю, о чём вы говорите, господин инспектор. Перед дежурством Хироко пришла необычайно радостная, а когда я спросил её, почему... она показала мне деньги. Пластиковые такие карточки... сто, пятьдесят, двадцать пять... — я кивком велел ему продолжать. — Я спросил у неё, откуда они, но она не ответила... сказала, что это секрет, и я выбросил это из головы. Там было много денег! Больше, чем Хироко получает в месяц. В три месяца! Тогда это было всё, что меня интересовало.

— Почему?

— Потому что это деньги. — безрадостно рассмеялся Валленкур. — Деньги! Господин инспектор, вы знаете, сколько я плачу за аренду этой квартиры?

Я кивнул в знак согласия. Учитывая, во сколько мне обходится аренда моей собственной квартиры, — а цены в Нойштадте немногим ниже ракунанских, — я вполне мог представить себе эту сумму.

— Но это были купюры. — заметила Фудзисаки.

— Даже если купюры. Их, конечно, сложнее было разменять, но это был только вопрос времени. Следующим вечером мы пошли в ресторан. — глаза Валленкура приобрели мечтательный вид. — Вы знаете, «Китч», это на проспекте Единения... Хироко никогда не водила меня в ресторан. Мы не могли себе этого позволить...

— Это были все деньги?

— Хироко сказала, что это был аванс. — пробормотал Валленкур. — Но не сказала, за что. Мы тогда решили, что этого нам хватит, чтобы... не знаю. Жить вместе? Искать новую работу? Она говорила, что уже подыскивала что-то...

— А вы? — спросила Фудзисаки. — Искали работу?

— Я хотел быть скульптором. — признался Валленкур. — Я же рассказывал вам, я и художку закончил... Но неизвестному скульптору сложно заработать на жизнь, особенно если ему приходится работать с бытовым мусором... а качественные материалы стоят денег. Больших денег. Я если и работал, то только для себя... — он потупился.

Так вот отчего тут так пахнет принтером, подумал я. Видимо, Валленкур работал прямо сейчас, прежде чем его прервали.

— Госпожа Вишневецкая ничего вам не говорила про «Кафе Хайфиш»? — вслух спросил я, вспомнив про ваучеры в бумажнике Вишневецкой. Валленкур помотал головой:

— Н-нет, — сказал он. — Ни разу не упоминала.

— А куда госпожа Вишневецкая отлучалась утром двенадцатого? — спросил я.

— Не знаю, она мне не сказала... — пробормотал Валленкур, — но она сказала, что сядет на четырнадцатый троллейбус, поэтому... не знаю. — он покачал головой. Мы с Фудзисаки переглянулись: четырнадцатый троллейбус сам по себе ничего нам не дает, но если знать адрес кафе...

— Вы не помните, стыковался ли кто-нибудь к четвёртому стыковочному узлу в ночь с

двенадцатого на тринадцатое марта?

— Четвёртому? — заморгал Валленкур. — Не помню. Я был внизу в полночь, а когда поднялся к Хироко... да нет, никто не стыковался, узел был свободен.

— И вы не обратили на это внимания. — уточнил я.

— Я точно помню, что когда я был там, узел был свободен. — повторил Валленкур. — Но я не знаю, какое это имеет значение: прыжковый грузовик так быстро не расстыкуешь...

— А что, если это был не грузовик, господин Валленкур? — спросил я.

— Бред какой-то. — помотал головой Валленкур. — Зачем стыковаться в Порту другим кораблям?

— Вы точно уверены, что не видели раньше этого транспондера? — я постучал пальцем по записке. Валленкур снова поднял её и уставился на написанное. Затем он помотал головой:

— Нет, — сказал он, — раньше я его не видел. Но я видел похожие... ТС — это код Тау Кита, вы же знаете, там нейтральное пространство. Такие транспондеры — временные, часто присваиваются вместе с постоянным... ну, чтобы не возникало вопросов, мало ли что. Тау Кита для этого очень удобное место. Кроме того, там штаб-квартира ИКСО... — он умолк. — Но это вам неинтересно, верно?

— Отчего же, господин Валленкур. — возразил я. — Вы очень помогли следствию. — я поднялся с табурета, но выключать запись на Линзе не стал. — Ещё одно. Вы не против, если мы осмотрим ваше рабочее место?

— Принтер? — заморгал Валленкур. — Да, конечно... Он здесь, в комнате... прошу прощения за беспорядок, я...

— Всё в порядке. — заверил его я, заглядывая в комнату.

Принтер обнаружился у стены, на низком столике: деловито работая лазерами и экструдерами, он вырезал из пластика что-то, отдаленно похожее на статуэтку. Судя по размерам, это был определенно не обыкновенный домашний принтер: размер рабочей зоны, в которой полыхали лазеры, был несколько больше. Пахло горячим пластиком. Натужно жужжали вентиляторы в корпусе принтера.

Я поднёс к принтеру Линзу; меню вылетело мне навстречу, и я пролистал список последних выполненных задач. Позади меня нервно переминался с ноги на ногу Валленкур. В другой ситуации его нервозность была бы подозрительной, но не сейчас: художнику позволительно беспокоиться за своё неоконченное творение.

Кроме того, размер рабочей зоны принтера всё равно не позволил бы напечатать здоровенный меч, разве что — большой нож, но не обнаружилось и того. Я пожал плечами и оставил принтер в покое.

— Спасибо за сотрудничество, господин Валленкур. — кивнул я и прошёл в прихожую. — И ещё одно: госпожа Вишневецкая не оставляла вам никаких... личных вещей? Флешек, бижутерии, чего-то подобного?

— Оставляла. — ответил Валленкур. — Флешку. Она вам нужна? — я кивнул. — Подождите секунду, я принесу.

Мы прошли в прихожую и уже успели обуться, когда Валленкур вернулся; в руке он сжимал флешку — длинный тонкий кристалл, по одному концу которого бежала прямоугольная вязь контактов. В старину такие носили вместо ожерелий и украшений: информация настолько важная, что её нельзя было доверить серверу или умной бумаге.

— Пожалуйста. — сказал он; я кивнул, принимая флешку.

— Ещё раз спасибо, господин Валленкур. — ответил я.

— Вам нужна помощь? — спросила его Фудзисаки. — У вас всё в порядке?

— Нет, — грустно проговорил Валленкур. — Но мне не нужна помощь, спасибо, госпожа инспектор. Только... вы же найдете убийцу Хироко, верно?

— Конечно. — серьёзно, и гораздо увереннее, чем на самом деле, сказал я. — Хорошего вам дня, господин Валленкур.

— До свиданья. — пробормотал Валленкур, и входная дверь, только что открывшись, снова закрылась у нас за спиной.

* * *

— Отправляйся в «Хайфиш», — сказал я Фудзисаки, когда мы вышли на посадочную площадку. Приближался вечер; в стремительно темнеющем небе над Инненштадтом светлячками вспыхивали улетающие люфтмобили. — Расспросишь их про Вишневецкую, посещала ли она их кафе, а если посещала — то насколько часто.

— А адрес? — спросила Жюстина. Я вызвал карту:

— Минутку... набережная Швестерзее, 24. - я моргнул. — Погоди-ка, четырнадцатый же идёт прямо туда!

— Значит, Вишневецкая там точно была. — подытожила Фудзисаки.

— Похоже, что так. — кивнул я, забираясь в машину. — Но это упрощает твою задачу, разве нет?

— Ага, как же. — хмыкнула она. — А ты что?

Я скосил глаза на часы.

— Сбрось меня дома. — ответил я. — У меня встреча.

Кварцевые часы в прихожей показывали ровно пять вечера — 16:55, если верить моим внутренним часам, а не верить им причины не было. Часы на стене были забавной и экстравагантной игрушкой, но, увы, не слишком точной: определять время по положению стрелок на циферблате...

Флешка Вишневецкой отправилась в ящик стола; магнитный замок сыто клацнул, и охранная система затребовала образец ДНК. Я отмахнулся от запроса. Следом — Линза и фотографии тела Вишневецкой. От этого малоприятного зрелища меня в очередной раз передёрнуло, и я, стараясь не смотреть на снимки, движением пальцев в воздухе выделил их и отправил на распечатку. Негромко зажужжал принтер.

Снимки я запаковал в блестящую зеленоватую папку, украшенную гербом в виде четырёхлистника — от Алисы у меня осталось несколько шпук, как раз под такие случаи. Брать полицейский скоросшиватель было бы как минимум нетактично.

Я остановился. С Алисой мы разошлись уже... два года назад?

Иногда время летело чересчур быстро.

Линза отправилась в другой ящик, точно таким же образом закрывшийся. С этого момента я больше не при исполнении. Это и хорошо: при исполнении я бы в жизни не попёрся к Адатигаве на ковёр — без ордера на арест и взвода СПОР за плечами так точно. И делать этого мне очень и очень не хотелось.

Оставив папку, я пошёл на кухню и наскоро перекусил, разогрев суп. На вечер тут, пожалуй, ещё останется... но придется варить что-то другое. Возможно, что-нибудь посущественнее... борщ?

Поглядев в холодильнике, я сделал заказ недостающих продуктов — придёт как раз когда я вернусь, замечательно — и заказал люфтмобиль, выбрав первый попавшийся. На один вечер мне хватит и распоследнего ведра с гайками. Я снова глянул на часы: времени было более чем достаточно, чтобы я добрался до «Лепестка розы» в срок, а то и раньше срока. Адатигаву любит пунктуальность.

Она много чего любит.

Я сходил в душ, вымыл голову и наконец-то избавился от неприятного аромата, оставшегося после сегодняшней космической прогулки. В скафандре, где герметичность поддерживается за счёт механического давления, невообразимо жарко; хорошо ещё, что я пробыл в открытом космосе где-то полчаса, а ведь кому-то приходится ходить в скафандре сутками.

Я высушил голову, расчесал волосы, аккуратно их уложив и немного завив концы, надушился, подкрасил ресницы и подровнял ногти: последнее заняло больше всего времени. Мои ногти, увы, оставляли желать худшего. Но, подумал я, скептически разглядывая плод своих усилий, выглядели они лучше, чем до этого.

Я глянул в зеркало, чтобы оценить плоды остальных своих усилий. На меня смотрели фиалковые глаза, подчёркнутые длинными ресницами; завивающиеся у концов темно-лиловые, почти чёрные, волосы; бледные губы — я не на светский раут собрался, ещё и их красить; худая белая шея, на которой застыли капельки воды. Адатигаве должно было понравиться.

Из шкафа я извлёк кружевную белую рубашку, которую надел вместо своей блузы, и опять вышел к зеркалу. Я не сильно люблю кружева, но пришлось признать, что рубашка шла мне практически идеально. Да, возможно, она была чуть прозрачной... но только чуть.

Кроме того, Адатигава любит мужчин в кружевных рубашках. Не хотелось бы её разочаровывать.

Набросив давнешний тёмно-серый плащ — для контраста тёмного и светлого — я вышел из квартиры, захватив папку. Обедал, мылся и собирался я почти час: на часах было 18:04. Прокатный люфтмобиль уже должен был дожидаться меня. Так и было: на крыше стоял, раскинув посадочные опоры, ярко-оранжевый «МКК Монаро», похожий на расплющенный апельсин с горизонтальным оперением. Не лучшая машина, но, положив руку на сердце, ведром с гайками я бы её не назвал.

Я забрался в салон, запустил турбину, дёрнул шаг-газ и потянул ручку на себя. В отличие от «Муракумо» с центральным расположением штурвала, в «Монаро» ручка располагалась с правой стороны сидения. Рука так действительно уставала меньше, чем когда приходилось тянуться к штурвалу, но я уже привык к ручке спереди.

Оранжевый люфтмобиль взвился в небо, набирая высоту, и развернулся к дальнему концу орбиталища. Маршрут был заложен ещё при оформлении проката, и нужные отметки уже мерцали на лобовом стекле и на дисплее навигатора — при желании, машина могла бы долететь до нужного места сама. Но это было совсем уж неспортивно. Тем более, сегодня я весь день провёл не за штурвалом.

Можно было полетать и самому.

У каждой уважающей себя инспектора уголовного розыска — если, разумеется, она хочет преуспеть в своей работе — неизбежно есть полезные связи, знакомства и источники. Учитывая специфику нашей работы, чаще всего эти полезные связи имеют отношение к преступному миру — который, увы, существует. Некоторые мои преподаватели в Академии МВД любили объяснять это естественным стремлением человечества к саморазрушению. За годы работы в уголовном розыске, расследуя убийства и тяжкие телесные повреждения, я неоднократно мог убедиться в их правоте.

Но преступность, если её нельзя искоренить, нужно купировать и удерживать в тех границах, в которых она не мешает обществу. В этом отношении организованная преступность имеет одно неоспоримое преимущество: она организованная.

Сатурнианская мафия, возможно, и не самые чистоплотные люди по эту сторону орбиты Япета. Но они верны традициям, всегда держат данное слово и стремятся выглядеть уважаемыми членами общества. Кооператив «Монплезир», например, официально занимается сферой досуга — частью которой и есть заведения вроде «Лепестка розы». Культурная жизнь Титана-Орбитального богата и разнообразна: в большом городе находится место всему. С этой точки зрения в деятельности госпожи Адатигавы не было ничего предосудительного.

Но Адатигава занималась и контрабандой, и биржевым мошенничеством, и

махинациями с недвижимостью, и сущими мелочами вроде неучтённых наркотиков. За некоторые случаи из этого списка её даже можно было привлечь. Для всего остального существовал дамкловый меч антимафиозного законодательства — ровно на тот случай, если она, или кто-либо из её коллег, перейдут установленные границы.

И госпожа Адатигава была моим полезным источником.

Такое сотрудничество требовало от нас соблюдения множества условностей и едва ли не большего количества церемоний, но на неё можно было положиться. Когда-то меня угораздило оказать Адатигаве одну неоценимую услугу, а она — не из тех, кто забывает оказанные услуги. Это и стало началом наших с ней отношений. Непростых отношений.

И я надеялся, что смогу получить от неё ответы.

Об альтернативе мне не хотелось и думать.

* * *

«Лепесток розы» встретил меня исполинских размеров волюметрической розой, распадавшейся на отдельные лепестки, чтобы тут же воскреснуть заново, подобно трёхмерному цветочному фениксу. Красные отблески «твёрдого света» плясали по зеркальной мостовой Кирхвегерштрассе, окрашивая багровым фасады домов вокруг.

Я оставил оранжевый люфтмобиль на стоянке примерно за квартал отсюда, чтобы пройтись пешком. Как всегда, это напоминало прогулку по дну рукотворного каменного каньона — по обоим сторонам улицы взметались к далёкому небу железобетонные стены домов, скрытые бело-синей облицовкой. Между ними чёрными нитями тянулись провода контактной сети — здесь ходили троллейбусы. Кирхвегерштрассе проходит через весь Среднегорский, начинаясь у Каирской площади в Инненштадте и заканчиваясь на Среднегорской площади, у конечной одиннадцатого трамвая; дом 82-бис находился как раз неподалёку отсюда. Его угловой фасад, напоминающий форштевень морского судна, был занят огромной вывеской «Лепестка розы», как будто этот дамский клуб являл собой весь без остатка *raison d'être* этого здания. Вполне вероятно, что так оно и есть.

Я перешёл дорогу по сияющим полосам перехода-зебры, оказавшись у массивной колоннады входа: четыре чёрные колонны подпирали балкон с вывеской клуба, а за ними, на вершине коротких ступенек, располагались стеклянные двери из тонированного стекла. Отсутствие очереди на входе могло говорить только о двух вещах: либо клуб уже заполнен, либо, наоборот, он совершенно пуст. Но едва ли Адатигава сделает мне такое одолжение.

У входа дежурили две женщины в непроницаемых чёрных очках и серых жакетах с короткими рукавами — сообразно нынешней моде. Я не видел их глаз, но ясно чувствовал, что они внимательно следят за мной с того момента, как я вошёл под своды колоннады. Одна из них была брюнеткой — длинные прямые волосы аккуратно уложены в две косички

(странная причёска, подумал я); другая — зеленоволосая, с короткой вьющейся стрижкой. Крошечные серьги в ушах мигали серебристыми светодиодами работающей бижутерии, о функциях которой несложно было догадаться. Когда я приблизился, брюнетка сделала шаг в сторону, загородив мне проход. Я ненароком поймал своё крошечное отражение в непроницаемых стёклах очков.

— Вы приглашены? — холодно осведомилась она, явно не ожидая услышать ответа. Ну да — в дамский клуб мужчины обычно не ходят. По крайней мере, не в одиночку и не через парадный вход.

— У меня встреча. — в тон ей сообщил я. — С госпожой Адатигавой. Она должна меня ждать.

— С госпожой Адатигавой? — недоверчиво переспросила она. Я едва заметно кивнул, наградив её надменным взглядом. На несколько секунд она замолкла.

Затем она вежливо поклонилась мне. Её зеленоволосая напарница, помедлив, сделала то же самое.

— Нижайше прошу прощения, — произнесла она гораздо более любезным тоном. — Добро пожаловать в «Лепесток розы», господин Штайнер. Госпожа Адатигава передаёт свои извинения, что не смогла встретить вас лично, — ещё бы, подумал я, это было бы грубейшим нарушением всех мыслимых приличий с её стороны, — и поручила мне провести вас. Прошу вас, следуйте за мной.

Я удостоил её кивком и прошёл за ней вверх по мраморным ступенькам, через разъехавшиеся в стороны двери и могильно-тихий атриум, где застыли, подобно средневековым доспехам, четыре сторожевых робота. Их треугольные головы даже не пошевелились, когда мы проходили мимо.

Моя провожатая провела меня мимо двух лестниц, шедших на второй этаж, и к двустворчатой двери, из-за которой доносились приглушённые голоса и звуки музыки. Приглашающим жестом она отворила дверь, и я вошёл в зал «Лепестка розы».

Большой овальный зал был оформлен в бордовых тонах, начиная от ковров на полу и заканчивая драпировками под потолком. По стенам бежали, ежесекундно изменяясь, золотые узоры, словно пульсирующие жилы. Потолок подпирали колонны из красного мрамора, а между этими колоннами, за многочисленными столиками, сидели посетительницы.

Это был дамский клуб — место, куда женщины приходят, как правило, ради двух вещей: для живого общения в своём, узком, исключительно женском кругу, и для того, чтобы полюбоваться на мужчин. Своих партнёров приглашать с собой обычно не принято, но здесь было, на кого любоваться — иначе клуб перестал бы быть дамским. Это заведения высокого профиля — вход сюда, в «Лепесток розы», был только и исключительно по приглашениям, и только для лучших из лучших. Я готов был поклясться своей Линзой, что этим вечером здесь соберётся если не весь цвет Титана-Орбитального, то значительная его часть.

Барная стойка вдавалась в зал, словно модельный подиум: туда-сюда сновали официанты (все без исключения — мужчины) в красно-золотых ливреях. На сцене, в виду всего зала, на сцене, на виду у всего зала, текуче изгибался в танце юный парень: софиты жадно ловили каждое изящное движение его тела. На моих глазах танцор откинулся назад, ногами обвив шест и одной рукой держась за него, и взглянул прямо на меня. Обворожительно блеснули лиловые ресницы сказочных очей. Длинные нежно-розовые волосы водопадом стремились вниз, к сцене.

Я отвернулся. Танцующий парень был прекрасен — настолько, что я поневоле чувствовал себя очень и очень невзрачным, даже несмотря на завитые волосы и длинные ресницы. Но выглядеть красиво было его работой, не моей.

И хорошей работой. Я мысленно представил себя на сцене дамского клуба и почувствовал, как на щеках выступил непрошенный румянец.

Всё-таки я предпочту уголовный розыск.

Временами посетительницы оборачивались в мою сторону, когда я проходил мимо столиков, но тут же отворачивались — очевидно, заметив мою провожатую, от которой я не отступал ни на шаг. Кое-кого сопровождали спутники-мужчины: те бросали на меня подозрительные взгляды, будто ожидали, что я посягну на их место. Я старательно не подавал виду, но мне было чересчур неловко.

Это было женское царство, целиком и полностью. Один, без сопровождающей, я был здесь непрошеным гостем.

Моя провожатая провела меня через половину зала, к ещё одной двери, и отворила её передо мной. Я перешагнул порог.

Мариэ Адель Рене Адатигава восседала в роскошном кресле посреди комнаты; полы её тёмно-красного, украшенного лиловыми и розовыми цветами и поющими птицами, платья спадали на ковёр у её ног, облачённых в изящные сапоги на невысоком каблуке. Широкие рукава спадали с обеих подлокотников кресла, открывая тонкие запястья, украшенные сияющими браслетами. Серо-голубой подворотник платья охватывал шею Адатигавы, слегка открывая её восхищённым (иных и быть не могло) посторонним взглядам. Одна из безукоризненно завитых прядей длинных тёмно-рыжих волос спадала на левое плечо. Лиловые глаза, чуть посветлее моих, пристально смотрели на меня. Губы тронула улыбка.

— Господин Штайнер! — сладчайшим голосом произнесла Адатигава. — Как я рада вновь видеть вас в добром здравии!

— Благодарю вас, госпожа Адатигава. — слегка поклонился я; наш разговор шёл по-японски. — Я тоже очень рад видеть вас. Надеюсь, ваши дела в полном порядке?

— Разумеется. — проронила Адатигава и сделала властный жест рукой: — Присаживайтесь, прошу вас. Ксения, — в её голосе прорезались стальные нотки, — заberi у

господина Штайнера плащ.

Я позволил моей провожатой — Ксении — снять с меня плащ, и опустился в кресло прямо напротив Адатигава. Нас разделял низкий стеклянный столик.

Владычица преступного мира Титана-Орбитального смерила меня пытливым взглядом, задержавшись сначала на моих волосах (завивка держалась), затем на кружевах рубашки, а затем — на моих руках. Ногти чуть поблескивали, покрытые бесцветным защитным лаком. Адатигава улыбнулась ещё теплее. Её подчинённых, стоявших на почтительном отдалении от хозяйки, такая улыбка, должно быть, приводила в ужас.

— Вы всё столь же прекрасны, господин Штайнер. — промурлыкала Адатигава.

— Как и вы, моя госпожа. — учтиво склонил голову я.

— Вам стоило бы задержаться на вечер. — добавила она. — Сегодня в «Лепестке розы» собирается выдающаяся публика. Лучшие люди нашего города, смею сказать.

— Благодарю, но я вынужден ответить отказом. — произнёс я. — Сожалею, но сегодня вечером меня ждёт работа.

— Жаль, очень жаль. — с неподдельной грустью вздохнула Адатигава. — Могу ли я, по крайней мере, угостить вас?

— Не смею отказываться. — склонил голову я.

Адатигава щёлкнула пальцами, и спустя мгновение появилась другая женщина — в таком же жакете, как и моя провожатая. В руках она держала поднос с бокалами, в которых плескалось что-то алое.

— Эриданское красное, господин Штайнер. — тоном радушной хозяйки произнесла Адатигава, пока её подручная ставила перед нами бокалы. — 2364. Меня уверяют, что тогда был хороший урожай. Спасибо, Мишель. — кивнула она женщине с подносом; та отстранилась, и Адатигава подняла бокал.

Я торопливо поднял свой.

— Ваше здоровье, господин Штайнер. — провозгласила Адатигава.

Бокалы звякнули. Вино действительно оказалось выше всяких похвал.

— И что же привело вас ко мне на этот раз, господин Штайнер? — улыбаясь, спросила Адатигава, держа бокал в отставленной руке. — Едва ли вы просили о встрече лишь для обмена любезностями.

— К сожалению, вы правы, моя госпожа. — учтиво кивнул я и, оставив бокал, положил на стол папку с фотографиями. Желтоватый свет люстры под потолком блестнул на золотистом четырёхлистнике на обложке.

Адатигава недоумённо воззирилась на папку, приподняв бровь. Её подручные недоумённо глянули на меня из-за спины хозяйки.

— Вчерашней ночью, — начал я, — была убита диспетчер Портовой Администрации. Убита на рабочем месте. — я раскрыл папку и легонько подтолкнул её Адатигаве. — Её зарезали виброножом. Никаких других следов убийца не оставила.

Адатигава подхватила одну из фотографий и поднесла поближе к себе, держа листок белыми кончиками своих изящных ногтей. Она внимательно рассмотрела её, и я заметил, что на секунду на бледном лице Адатигавы промелькнуло удивление.

Это было то, чего мне не доставало: Адатигава знала о Вишневецкой. Вряд ли владычицу мафии Титана-Орбитального, взошедшую на свой трон по трупам конкурентов, могло сильно удивить зрелище трупа с перерезанным горлом — даже настолько искромсанным. Десять лет тому назад «Монплезир» развернул настоящую войну с конкурирующей организацией, родом из округа: и хотя она шла вне поля зрения публики, искромсанные трупы полиция находила каждый день. Именно тогда мне и посчастливилось оказать Адатигаве определенного рода услугу, с которой начались наши отношения.

Поэтому дело было определено не в трупе. Но она — через кого-то из младших сестёр-лейтенантов, само собой — и наняла Вишневецкую. Аванс наличными вполне вписывался в общую картину. А так как «Монплезир» занимается и контрабандой, то всё становилось на свои места.

Кроме одного. Зачем принимать контрабанду в Порту, где не стыкуются курьерские корабли?

Адатигава подняла глаза от фотографии. Её лицо вновь приобрело прежнее выражение, отстранённое и с каплей интереса. Она отложила фотографию.

— Как её звали? — спросила она.

— Широко Вишневецкая. Она нездешняя.

— Правда? Право, как грустно. — скорбным тоном промолвила Адатигава. — Молодые люди со всей Гегемонии стекаются сюда, в наш прекрасный город, в поисках лучшей жизни... и лишаются её. Это возмутительно. — она откинулась в кресле, сплетя перед собой пальцы. — Я возмущена. У вас есть подозреваемые, господин Штайнер?

— Вообще-то, — я немного подался вперед, — я подозреваю вас, госпожа Адатигава.

Воцарилось гробовое молчание. Казалось, будто температура в комнате упала на несколько градусов ниже нуля.

Подручные Адатигавы, стоявшие позади кресла своей хозяйки, не переменили ни позы, ни выражения лица. Но теперь в них ясно читалась угроза.

Одно слово, и мне не выйти отсюда живым. После того обвинения, что я только что сделал, спасти меня могло только чудо.

И чудо случилось. Адатигава рассмеялась.

Оцепенение спало. Сёстры-мафиози позади кресла расслабились, отпустив рукоятки пистолетов и клинков, которые они только что готовы были пустить в ход.

— Знаете, что я больше всего ценю в вас, господин Штайнер? — отсмеявшись, спросила Адатигава. — Вашу откровенность. Но я хочу услышать больше. — она подалась вперед. — Так что вы мне скажете, господин Штайнер?

— Что вы убили Хироко Вишневецкую. — ответил я. — Сначала наняли её — вам нужна была диспетчер, чтобы пропустить курьерский корабль в Порту. Вы заплатили ей наличными — аванс, и всё остальное — по окончанию дела. — Адатигава с неподдельным интересом кивнула, и я продолжил: — Корабль прибыл двенадцатого марта. Три дня спустя Вишневецкую убили на рабочем месте, середине смены. Перерезали горло. Я думаю, что это сделали вы.

— И зачем нам это понадобилось бы? — всё с тем же интересом спросила Адатигава.

— А зачем вам мог бы понадобиться курьерский корабль? — пожал плечами я. — Вам нужно было провезти что-то такое, о чём не должна была знать ни одна сторонняя душа. Поэтому, когда дело было сделано, вы убрали Вишневецкую. Нет человека — нет проблемы.

— Стройная теория. — кивнула она.

— Но мне не понятно только одно, — закончил я. — Как можно было убить Вишневецкую на рабочем месте, не оставить никаких следов и отключить все камеры на месте преступления? А главное, — я кивнул на фотографии, — таким способом?

Адатигава отстранилась, вновь сцепив пальцы. На её губах блуждала игривая улыбка.

— Благодарю вас, господин Штайнер. — проговорила она. — За вашу откровенность. — я склонил голову. — И я хотела бы быть с вами столь же откровенна: мы не убивали эту девушку. Ни я, ни кто-либо из моих сестёр. И вам же не хуже моего известно, что в Порту не стыкуются курьерские корабли. — она покачала головой, всё ещё продолжая улыбаться. — Право, зачем нам такие сложности, господин Штайнер?

— Я не знаю. — честно признался я. — Именно поэтому я и обратился к вам.

— Но вы были очень уверены в своих предположениях. — возразила она.

— Вы были самой вероятной подозреваемой, моя госпожа. — учтиво ответил я.

Адатигава вновь рассмеялась, деликатно прикрыв рот ладонью.

— Приятно слышать, что я ещё в чём-то подозреваюсь! — воскликнула она. — Право, вы мне льстите, господин Штайнер.

— Всего лишь правда и ничего кроме правды, госпожа Адатигава. — с улыбкой произнёс я. Адатигава улыбнулась мне в ответ.

— Мы не убивали госпожу Вишневецкую. — повторила она. — Мы не поступаем так с теми, кто помогает нашим делам. Так не принято.

— А госпожа Вишневецкая помогала вашим делам? — спросил я.

— О, господин Штайнер, — предостерегающе подняла ладонь Адатигава, — неужели вы думаете, что я вправе разглашать такие подробности?

— Да, боюсь, что нет. — признал я. Другого ответа я и не ожидал, но это была ещё одна часть нашего с Адатигавай ритуала.

— Смею вас заверить, — добавила она, — что кооператив «Монплефир» ведёт свои дела исключительно законным путём. И что кооператив «Монплефир» не занимается крупнотоннажными перевозками. В конце концов, — она издала смешок, — если бы это было иначе, ваши коллеги давно узнали бы об этом, верно?

Я вежливо кивнул. Мы о многом бы узнали, но через наши системы просачивалось столь же многое. Адатигава вежливо давала мне понять, что дальнейшие расспросы ни к чему не приведут: ответ будет неизменным.

И что ни она, ни её люди не имели отношения к произошедшему в Порту. В это я готов был поверить... но меня не отпускало чувство, что Адатигава чего-то недоговаривала.

В конце концов, влияние «Монплефира» простиралось и на Порт, и на Дэдзиму. Что бы там не произошло, вероятно было, что подручные Адатигавы действительно были в этом замешаны.

Но как именно?

— Вы не против ещё одного бокала, господин Штайнер? — спросила Адатигава, подняв бокал.

— Разумеется. — кивнул я. Из-за кресла появилась Мишель — золотые волосы собраны в пучок на затылке, в руках — открытая бутылка вина. Она наклонилась, чтобы наполнить бокалы, и только тогда я заметил короткие ножны на её левом бедре, выглядывающие из-под полы жакета. — Если только вы не пожелаете выпить на швестершафт...

— Право, господин Штайнер! — подняла брови Адатигава. — Вы меня смущаете.

Я виновато кивнул и поднял бокал.

— За вас, моя госпожа. — произнес я. Адатигава улыбнулась.

Вино и на этот раз было превосходным.

— Вы уверены, что не хотели бы остаться на вечер? — спросила Адатигава, отставив бокал. Я покачал головой. — Жаль, очень жаль. Тогда, боюсь, мы вынуждены распрощаться?

— Боюсь, что так. — склонил голову я. — Благодарю, что уделили мне время, госпожа Адатигава.

Она вздохнула, — мне показалось, что по-настоящему грустно, — и придвинула лежащую на столике папку ко мне.

— Возможно, нам станет что-нибудь известно. — сказала она. — В конце концов, призвать эту неизвестную убийцу к ответу — наш гражданский долг.

— Я не смел сомневаться в вас, госпожа Адатигава. — встав с кресла, я поклонился и

забрал папку с фотографиями. Ксения подала мне плащ. — Ещё раз примите мою благодарность за уделённое мне время.

— Что вы, что вы! — произнесла она. — Я всегда рада вам помочь. Ксения вас проводит.

Я едва дошёл до двери, когда Адатигава вдруг окликнула меня.

— «Дифенс Солюшенс», — сказала она; я обернулся, недоуменно глядя на неё. — Дэдзима, улица Ремонтная, 24. - она глянула прямо на меня. — Возможно, там вы найдёте ответы на свои вопросы, господин Штайнер.

— Благодарю вас, госпожа Адатигава. — учтиво сказал я. — Ещё раз хорошего вам вечера.

— И вам хорошего вечера, господин Штайнер. — кивнула Адатигава. В её голосе послышалась неподдельная печаль.

Я толкнул дверь и шагнул наружу.

* * *

Я оставил прокатный «Монаро» внизу, в гараже, на ходу продлив срок проката: верну завтра утром, да и тем более — не ехать же мне завтра на работу на троллейбусе, боги упаси? Можно было сесть на двадцать пятый, а там пересесть на двести девятый омнибус... нет уж, спасибо. Но раз Жюстина опять забрала наш с ней служебный «Муракумо», то что мне оставалось делать?

Заказ с продуктами дождался меня в ящике в парадном; разложив его содержимое по холодильнику, я, наконец, стянул с себя надоевшую кружевную бестию и водворил её обратно в шкаф. Выбрав какую-то рубашку попроще, я вернулся на кухню и поставил греться остатки супа: борщу придётся подождать.

Пока суп грелся, я вызвал на оконное стекло новости и бегло пробежался по заголовкам в ленте. Про Вишневецкую — ничего (я выдохнул), но зато про мёртвого гайдзина посчитала своим долгом написать половина Титана-Орбитального. Причём по большей части — списав текст заметки друг у друга. Новостные каналы были не лучше: и если общенациональные НСС и ДНК про гайдзина могли и не знать, то наше «Титанское обозрение» сняло целый сюжет. Я включил его и снял суп с плиты.

Журналисты, видимо, приехали уже после того, как наши эксперты забрали труп гайдзина: на тротуаре остался только светящийся контур лежавшего тела. Летящий дрон-камера снимал всё, что попало: забор с табличкой «Регенераторная, 9», городовые, слоняющиеся без дела, наши эксперты в чёрных мундирах, взгромоздившийся одним колесом на поребрик полицейский омнибус.

— Вызов был получен офицерами городской полиции участка по улице

Эрфиндерштрассе, — говорил пресс-офицер, платиновый блондин в безукоризненном синем кителе с погонами старшего инспектора. — Дежурный офицер прибыла на место и, ввиду того, что погибший был иностранцем, уведомила сотрудников районного отдела. Руководством райотдела было принято решение сообщить о происшествии в Главное управление МВД округа. В данный момент проводится расследование силами сотрудников уголовного розыска Национальной полиции...

Я фыркнул и выключил новости. «Проводится расследование», надо же! Мне и без гайдзина забот хватает. Даже сейчас.

Доев, я заварил чай и ушёл к себе за рабочий стол. Пока он включался, я устроился поудобнее, отпил из кружки (вот, то, чего мне весь день не хватало), и задумался.

Адатигава знала о Вишневецкой. Она не сказала этого прямо — и едва ли скажет — но Вишневецкая была ей известна. При этом Адатигава утверждала, что не убивала её, и что её «Монплезира» не ведёт дел в Порту — иными словами, что вся контрабанда «Монплезира» продолжает идти через Минбан, вместе с остальными курьерскими кораблями. Но, если Адатигава знала о Вишневецкой, и если её подручные наняли Вишневецкую, то для чего-то она им была нужна. Для чего, если не для контрабанды?

Контрабанда, которую доставляют на курьерском корабле-невидимке. Который в ИК-диапазоне выглядит, как курьер Е-серии с Луны-Лагранжа, а на радаре — как космический булыжник. Что за контрабанду могут везти на таком корабле?

Приходилось признать, что это было слишком даже для Адатигавы. Адатигава не будет кусать руку, которая её гладит — и не будет провозить в орбиталище то, за что ГСБ закатает её в банку лет на двадцать и глазом не моргнет. То, за что можно убить ни в чём не повинную (больше трёх лет лишения свободы я ей не дал бы) диспетчера, не оставив при этом следов...

Нет, поправил себя я. Какие-то следы у нас остались. Но с высокой вероятностью они ведут в никуда.

Я снова отпил чаю.

Всё, что я знаю на данный момент — то, что двенадцатого марта к четвёртому узлу на терминале Вишневецкой пристыковался неизвестный корабль; что Вишневецкой за это выдали аванс наличными в размере трёх её месячных зарплат (если Валленкур не преувеличивал); и что Вишневецкую убили не кинжалом и уж точно не дедушкиным штык-ножом. Виброклинок не столько режет, сколько пилит, хотя и очень быстро: надрез при этом расширяется, и полученный результат действительно немного напоминает цепную пилу. При достаточном размере клинка, естественно.

Значит, как сказала Маршан, не нож, а меч. Судмедэксперта, регулярно имеющую дело с такими ранениями, не обманешь, и причин не доверять её выводу у меня не было. Но

расхаживать с мечом ещё сложнее, чем с ножом или кинжалом: одно дело держать дуэльный меч прабабушки (в деревянных ножнах, с рукояткой из клонированной кожи, с богато украшенной гардой, нужное подчеркнуть) дома под стеклом, а другое — парадный вибромеч, но только в исключительных случаях и в сейфе, под замком. У вибромеча должен был быть ещё и регистрационный номер — а значит, теоретически, я мог бы его найти.

Если знать, какой.

Кроме того, куда исчезла убийца и как? С мечом на поясе по городу не ходишь — ношение холодного оружия в общественных местах запрещено. Военные и полиция — исключение, но последний раз полицейские носили мечи сто пятьдесят лет назад, как раз во времена Клериссо. Любую другую, кому вздумалось бы расхаживать по городу с мечом на поясе, на первом же перекрёстке повязали бы городовые.

Означает ли это, что убийца — военная... или, во всяком случае, может сойти за военную? Фудзисаки была права: привлекать ветеранов, а особенно — ветеранов спецназа, для громкого скандала было слишком даже для Конституционной партии: уж проще было просто зарезать Вишневецкую в подворотне и оставить следы, указывающие на гайдзинов — ведущие в «Ядерную лампочку», к примеру... Но ветераны? Ради одной-единственной диспетчера?

Да что же видела эта диспетчер?!

Отставив кружку, я послунывил палец и приставил его к столешнице, открывая ящик с флешкой Вишневецкой. Меч, значит... Несколько минут я потратил на то, чтобы проглядеть содержимое флешки — опять фотографии, какие-то документы (служебные, судя по всему), книги, папка с новым сезоном какого-то сериала... По крайней мере, Вишневецкая была отнюдь не глупа: свою сделку с людьми Адатигава она не доверила ни своему компьютеру, ни флешке, ни Валленкуру, а на бумаге — оставила набор букв и цифр, но кто пишет на бумаге?

И теперь никто даже понятия не имеет, что такого было на том корабле-невидимке, за что Вишневецкой сначала заплатили, а потом — перерезали горло, и зачем-то сделали это не ножом и не пилой, а мечом... и как заплатили. Мне вспомнилось, как Ямагата говорила что-то про взломанный банкомат... где ещё было взять наличные?

И «Дифенс Солюшенс» — наводка, которую мне дала Адатигава. Быстрый поиск сообщил, что «Дифенс Солюшенс рс» — частная военная компания, зарегистрированная на Луне... снимают офис и складские помещения в Дэдзиме. Я посмотрел адрес: улица Ремонтная, 24.

Адатигава сказала, что там, возможно, я найду ответы. Но не сказала, какие именно.

Я зло отхлебнул из чашки, чудом ухитрившись не обжечь горло, и тут раздался звонок. Я скосил глаза: звонила Ямагата.

Должно быть, это что-то важное.

— Штайнер! — громко воскликнула Ямагата, стоило мне снять трубку; я поморщился. — Ты не спишь? Я тебя не отвлекаю?

— На часы посмотри, — буркнул я, — восемь вечера всего... Не отвлекаешь. Что там у тебя?

— И нечего грубить. — заявила она. — Помнишь, мы тут копии записей с камер в архивах искали, да?

— Помню. Погоди, — удивлённо сказал я, — вы что, что-то нашли?

— А ты как думаешь? — фыркнула Ямагата. — Запись с телескопов терминала Уэно. Вечером пятнадцатого. Тебе ещё интересно?

— Шутишь. — пробормотал я; это было очень интересно. — Там много?

— Специально для тебя пятнадцать минут вырезала. Всё равно больше не пролезет, только флешкой нести.

— Что там?

— Сюрприз. — довольно заявила Ямагата.

Я призадумался.

— Давай её сюда. — сказал я. — И вот ещё. Помнишь, ты упоминала что-то про взломанный банкомат?

— Помню... — протянула Ямагата. — Три дня назад взломали и обчистили, выгребли где-то миллион марок наличными; больше там не было...

— А где он был? — спросил я. — Банкомат?

— Дай вспомню... на Арсено, возле конечной трамвая номер три, — ответила Ямагата, подумав самую малость. — А что с ним тебя так интересуешь?

— Да так, — сказал я, — просто вспомнилось... И, Тиэко, ещё раз спасибо. Что бы я без тебя делал?

— Да что бы вы все без меня делали? — хмыкнула она. — Держи!

Передо мной мелькнула иконка нового файла, и я отбросил её к столу. Стол тут же мигнул другой иконкой — файл загружен и дожидается своей участи.

— Получил. — подтвердил я. — Спасибо.

— Спокойной ночи! — хихикнула Ямагата и отключилась. Я покачал головой — восемь вечера всего, куда уж тут «спокойной ночи»?! — и развернул полученную видеозапись на весь экран.

На экране раскинулась панорама терминала Уэно, снятая с нескольких камер под потолком; камеры смотрели прямо на галерею стыковочного узла номер четыре — У-4, как сообщал висящий под потолком указатель. Как и вчера, когда мы были тут вдвоём с Еремеевым, иллюминаторы галереи были закрыты ставнями. Шлюз стыковочного коридора не подавал признаков жизни. Табло всё так же горело красным.

Отметка в углу экрана показывала 23:30. Я включил запись.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Поначалу ничего не происходило. Была ночь; в терминале было выключено основное освещение, и аварийные лампы скрывали стыковочную галерею в полумраке. На камерах были видны круги света вдоль стен терминала, где работали лампы — и сумерки сразу за их пределами.

Панорамный обзор не давал мне разглядеть, что происходило в основной части терминала — но было похоже, что и там не было людей, как здесь. Порт сильно автоматизирован, несмотря на весь обслуживающий персонал: даже вчера днём мы повстречали в терминале нескольких космонавтов и кое-кого из obsługi... и всё.

Ночью не было вообще никого. Даже «Синевир», судя по времени, должен был прибыть ещё двадцать минут назад. Терминал пустовал. Я отпил из чашки и покосился на время в углу записи — 23:35.

Ничего не происходило. Я вздохнул и допил остатки чая, продолжая смотреть. Прошло ещё шесть минут, но изображение на записи не изменилось — всё так же мигали индикаторы у шлюза, так же мерцал указатель под потолком, а аварийные лампы отбрасывали на пол и стены терминала круги света.

И один из этих кругов разрезала тень.

Я уставился в экран, глядя, как в поле зрения камер выходит одинокая человеческая фигура. Наполовину скрытая тенью, она, прошла по терминалу к стыковочной галерее, минуя несколько аварийных ламп. Она вышла в центр галереи, встав на свету нескольких ламп, и я понял, что ошибался.

Фигура принадлежала мужчине. Это было очевидно по ширине плеч и бёдер: неизвестный был худощав, почти как я, но спутать его с женщиной было никак невозможно.

Он прошёл к шлюзу, протянул руку к панели управления, и панель ожила — без протестов или сообщений о несанкционированном доступе. Я внимательно следил, как пальцы неизвестного, облачённые в что-то вроде перчатки, бегали по волюметрической панели, как вдруг запись вздрогнула — по-видимому, вместе со всем терминалом. Несколькими секундами позже люк шлюза отошёл в сторону и распахнулся настежь; один из индикаторов загорелся зелёным.

Фигура неизвестного обернулась к камерам и протянула к ним руку. Запись оборвалась. Я глянул на отметку внизу экрана: цифры показывали 23:45.

Я отмотал назад и остановил запись.

Неизвестный стоял перед камерой, развернувшись к ней лицом — но его лицо скрывал шлем, странно маленький для скафандра, с опущенным непрозрачным забралом. Жёсткий

воротник, с которым соединялся шлем, казался матовым в свете аварийных ламп; плечи неизвестного скрывали серые пластины, будто наплечники. На нём было что-то вроде бронескафандра, но меня не покидало ощущение, что для бронескафандра этот костюм был слишком мал.

Я отпустил запись — человек поднял руку, указывая ей на камеры — и остановил снова. Приблизил изображение, чтобы неизвестная фигура занимала почти весь экран, и заметил отблеск на продолговатом предмете, висевшем у неизвестного на поясе.

Как будто на гарде и навершии меча.

Запись оборвалась. Я откинулся на спинку стула.

Таинственный убийца был у меня перед глазами.

День третий

Звонок грубо вырвал меня из объятий сна, в которых я откровенно нежился, да так, что от неожиданности я вскочил на постели, отбросив одеяло. Внутренние часы показывали 7:50; сквозь задёрнутые шторы едва-едва пробивался слабый утренний свет люминёра.

Какая, черти бы её побрали, сволочь звонит мне в восемь утра?!

— Штайнер! — зарычал я, принимая вызов. — Что за чёрт возьми?!

— Убийство. — ответил мне неожиданно серьёзный голос Фудзисаки. — В штабе Конституционной партии.

— И каким боком тут мы?

— Жертву зарезали виброклинком. Точно так же, как Вишневецкую.

Я оторопел. Виброклинком? Точно так же?..

— Жди меня там. — наконец выговорил я. — Скоро буду.

— Штайнер, что-то случилось? — в голосе Фудзисаки послышалось беспокойство.

— Ничего. — отмахнулся я, спуская ноги с постели. — Потом расскажу.

Одевался я с поразительной быстротой. Надев кобуру и застегнув браслет Линзы на левом запястье, я торопливо расчесался, — остатки вчерашней завивки за ночь превратились в ужасающее зрелище, — набросил плащ, обулся и почти бегом выбежал из квартиры. Спустился на лифте в гараж, мимоходом поздоровавшись с попутчицей, забрался в прокатный «Монаро», запустил турбину и подал машину вперёд, на стартовую площадку.

Сон как рукой сняло.

Я всё ещё не мог поверить тому, что сказала мне Фудзисаки. Разумеется, зарезать кого-то виброножом — это уже достаточно необычно, но точно так же, как Вишневецкую... В этом надо было убедиться лично.

Но если у таинственного убийцы — новая жертва... то расследование нужно было завершать. И как можно скорее.

Штаб-квартира Конституционной партии в Титане-Орбитальном находилась на Площади Гегемонии — в Меако, районе, возведённом одним из первых незадолго до провозглашения Гегемонии. Монмартр и остальные орбиталища тогда ещё не были построены, а Титан-Орбитальный был наполовину столицей, наполовину лагерем беженцев, и его срочно требовалось облагородить. Здесь преобладали невысокие здания, меркнувшие по сравнению с гигантскими домами-кораблями и башнями более поздней застройки, все до единого выстроенные в барочном стиле сатурнианской Belle Époque — зелёные крыши с окнами мансард, башенки и лепнина на фасадах, крошечные дворы-колодцы. С одной стороны дома Меако сменяют утилитарные и ампирные здания Нойшпадта — ансамбль

площади Единения с Домпромом и ЗакСом и сам проспект Единения, тянувшийся по диагонали от реки Аракавы до самой Каирской площади; с другой стороны, на берегах Сэкигавы, тянулись ввысь небоскрёбы Инненштадта. Вдали, в направлении Минбана, раскинулся Гюйгенс с его старой застройкой, выстроенный ещё на орбите Земли — белые стены и широкие стеклянные фасады. Над его крышами стальным обелиском возвышалась Цитадель; из-за неё выглядывали двойные шпили Дома органной музыки.

С воздуха эту панораму можно было разглядеть в деталях.

Площадь Гегемонии напоминала круг, который разрезал на две неравных части проспект Гершеля. С одной стороны в площадь вдавался четырёхугольник тротуара, с двух сторон обрамлённый улицами — Альбрехтштрассе, через которую белой полосой тянулась трамвайная линия, и Логиновой. Полукруг домов с противоположной стороны разделяла узкая улочка Сен-Шамон, убегавшая к Адмиральскому бульвару с его трамваями, ходившими к Домпрому и Тангейзерштрассе.

Здесь ходили троллейбусы — собственно, двадцать пятый троллейбус, ходивший у меня под домом, вдоль Мицуиси, шёл прямо сюда, без пересадок. Но ехать в утренней толкучке, с обычными утренними пробками на мостах, на место преступления?

Как хорошо, что я догадался вчера продлить прокат люфтмобиля.

На самом краю тротуара площади я заметил парковку, а на ней — наш бело-синий «Муракумо», рядом с которым я и приземлился. Жюстина ждала меня, положив локоть на столбик парковочного терминала. Сегодня она была в ярко-красном, почти в тон медно-рыжим волосам, макинтоше, из-под которого выглядывали её длинные, в чёрных легинсах, ноги. Завидев, как я выбираюсь из летающего апельсина «Монаро», она прыснула и сняла локоть с терминала.

— Это самое смешное, что я видела за сегодняшнее утро. — сообщила она с усмешкой.

— Это о многом говорит. — заметил я и отослал прокатный люфтмобиль обратно. «Монаро» загудел турбиной и взмыл в небо, обдав нас волной горячего воздуха; полы моего плаща задралась и затрепетали. — Где труп?

— Внутри. — Фудзисаки махнула рукой. — На пятом этаже. Видишь раскрытое окно?

— Ах, так теперь ещё и раскрытое окно? — я прищурился и кивнул. — Пошли.

Наглости, которой Конституционной партии было не занимать, хватило на то, чтобы выкупить у города почти всё пятиэтажное здание старого Дворца собраний — за исключением первого этажа, где два с половиной века назад была принята Конституция Сатурнианской Гегемонии, и подвала, который всё равно отведён под технические помещения. У входа Дворца собраний, таким образом, гордо висит табличка с надписью «Конституционная Партия Сатурнианской Гегемонии» иероглифами, и чуть ниже, мелкими латинскими буквами — «в округе Титан-Орбитальный». Это всё, что вам стоит знать о Конституционной партии.

Наше Законодательное Собрание и раньше служило гравитационной рогаткой в большую политику, творившуюся в залах Монмартра; но на этот раз, после своего недавнего падения, КП собиралась выжать из этой рогатки всё до последней секунды. И никому не позволяла об этом забыть.

Хуже того, перед фасадом Дворца собраний, прямо посреди площади Гегемонии, возвышалась здоровенная — в натуральную величину — верховая статуя Сацуко Мари-Сатурн Клериссо. Скульптор изобразила бывшую премьер-министра стоящей в люке боевого робота-драгуна, с мечом наголо в одной руке, пытливо вглядывающейся вдаль. Драгун, сжимающий огромную, под стать пятиметровому роботу, винтовку, так же зорко смотрел в противоположную сторону от хозяйки. Ноги робота, выроставшие из камня, были широко расставлены. Настоящая Клериссо никогда не ездила на драгуне, но скульптор хотела изобразить одиозную премьера наиболее внушительно — и, похоже, добилась своего.

Жители Титана-Орбитального ласково называли получившуюся композицию (статуя и Дворец собраний позади) «Регулировщицей» или «Туда не ходи, там идиоты». Это всё, что вам стоит знать о чувствах жителей Титана-Орбитального к Конституционной партии.

За спиной Клериссо и её боевого робота нагло стоял, перегородив тротуар, омнибус патрульной службы; сами патрульные выстроились вдоль Дворца собраний и у самого входа. Синих мундиров городских нигде не было видно. В кои-то веки мы среагировали первыми, подумал я, и смело зашагал к Дворцу. Две патрульных у входа попытались было заступить нам дорогу; я встряхнул левой рукой, и Линза выпала в мою раскрытую ладонь.

— Инспектор Штайнер, уголовный розыск. — представился я. Патрульные, козырнув, отступили, пропуская нас внутрь, в парадный зал Дворца собраний.

Высокий свод зала подпирали два ряда колонн из зелёного мрамора, увенчанные золотыми капителями. В дальнем конце зала поднимались вверх белые ступени лестницы, по которым вниз, на пол зала, сбегал зелёный, в тон колоннам, ковёр. Под потолком горели люстры; шторы на окнах зала были плотно задвинуты. По периметру шла отчёркнутая белым мрамором галерея.

Наверху лестницы висело обширное панно — написанное маслом на настоящем холсте — изображавшим подписание Конституции. Написано оно было во всю ту же романтическую Belle Époque Гегемонии, и у изображенных на картине людей было немного сходства с первыми сатурнианами. Не добавляли реалистичности ни изображение огромного сатурнианского флага — тёмно-синего полотна с тёмно-красной азалией посередине — ни богини Амаэрасу, с благосклонным видом взиравшей на основателей Гегемонии. Кроме того, что-то мне подсказывало, что Конституцию писали не на пергаменте.

Зал кишел полицейскими. Разумеется, совсем заполнить его нельзя было, но мы очень старались: всюду стояли или расхаживали патрульные, кто-то кучковался у колонн или посередине зала, а возле лестницы скучал отряд экспертной службы. Заметив их, я помахал рукой; эксперты помахали в ответ. В высшей степени неформально.

Кроме чёрных мундиров, тут были и несколько городских; двое из них стояли спиной к нам, посреди зала, и о чём-то разговаривали с несколькими патрульными. Судя по цветам на погонах, из райотдела пожаловало высокое начальство. Неожиданно круг распался, видимо, заметив нас, и одна из патрульных шагнула вперед. Из-под края чёрного форменного берета выбивался непослушный золотистый завиток. На левой стороне груди блистала всеми цветами радуги Линза.

— Инспектор Штайнер? — на ходу поинтересовалась она. Я кивнул, и она протянула руку: — Инспектор Гейдрих, патрульная служба. Рада, что вы прибыли.

— Давно вы здесь? — спросил я, пожимая ей руку. Для людей одного звания это было не зазорно. Гейдрих пожала плечами:

— Получили вызов в семь часов. Были на месте в семь пятнадцать. — сказала она. — Доложили в Цитадель, они вызвали вас и инспектора Фудзисаки.

— Вы уже знакомы? — спросил я, глянув на Жюстину. Та покосилась на меня.

— Мы успели представиться. — снова пожала плечами Гейдрих и кивком указала на двух городских, оставшихся поодаль. — Пока не прибыли наши... коллеги из городской полиции.

— Вы уже были на месте преступления?

— Ещё — нет. — покачала головой Гейдрих. — Но я узнала имя жертвы.

— Мне вы этого не говорили. — вставила Жюстина.

— И кто жертва? — спросил я.

— Фрида Юкари Сэкигахара. — ответила Гейдрих. — Казначей Конституционной партии.

— Не слышан. — ответил я, и это было чистой правдой. — А ещё кто-то из Конституционной партии здесь есть?

— Разумеется! — Гейдрих закатила глаза. — А кого ещё мне с городскими пришлось увещевать, пока вы не прилетели?

Я виновато развёл руками. На лице Гейдрих промелькнула улыбка.

— Пойдемте, господа, — пригласила она, — я вас познакомлю. — она обернулась и прошествовала к ожидавшим городским. — Госпожа суперинтендант, это инспектор Штайнер и инспектор Фудзисаки, уголовный розыск.

— Очень приятно. — отозвалась одна из городских и шагнула вперед. — Суперинтендант Лефевр, Меакский райотдел городской полиции. Это, — она кивнула в сторону своей спутницы; хвост вьющихся тёмно-синих волос качнулся за её спиной, — моя заместительница, старший инспектор Казанцева-Мунэмори.

— Почтён знакомством, госпожа суперинтендант. — ответил я и коротко поклонился им. Лефевр ограничилась вежливым кивком. С Казанцевой-Мунэмори мы с Жюстиной обменялись рукопожатиями — по её инициативе. Ростом заместительница была на полголовы выше начальницы, с коротко стриженными светлыми волосами: полная противоположность.

— Итак, — покончив с любезностями, перешла к делу Лефевр, — вы, инспектор Штайнер, ведёте это расследование?

— Скажем так, — дипломатично ответил я, — это убийство может иметь прямое отношение к делу, которым мы занимаемся. А может и не иметь.

— Вы не о мёртвом гайдзине из Акинивы, случаем?

— Боги упаси. — ответил я. — Нет, это другое расследование. Но если нас вызвали сюда, то, что ж... — я пожал плечами.

— Будем надеяться, вы разберетесь с этим. — кивнула Лефевр. — Из-за вчерашнего происшествия у нас, — под «нами» она определенно имела в виду городских, — и без того хватает проблем. А равно и ненужного внимания. — она покачала головой. — Убийство функционера Конституционной партии нам совершенно ни к чему.

— Для этого и существует Национальная полиция. — напомнила Гейдрих. У Лефевр нервно дёрнулась бровь от такого безапелляционного заявления. Городовые Титана-Орбитального были свято уверены, что Национальная полиция существует исключительно затем, чтобы лезть в их юрисдикцию и всячески путаться под ногами. В свою очередь, многие в ГУМВД точно так же были уверены, что городская полиция хороша только гоняться за хулиганками и снимать котлов с деревьев, и Гейдрих только что им об этом напомнила.

В Гегемонии существуют десятки орбиталищ, где муниципальные полицейские имеют все полномочия и работают без вмешательства МВД; но Титан-Орбитальный — особый административный округ, и городской полиции приходилось, волей-неволей, сосуществовать с Национальной полицией. Со всем, что из этого следовало.

— Так а что произошло? — спросил я. — Кто обнаружил тело?

— Насколько я поняла, сотрудники штаба, — ответила Гейдрих. — Они вызвали полицию, — причём, насколько я мог понять по количеству мундиров, вызвали именно нас, — и заодно какую-то партийную начальницу. Собственно, мы с суперинтендантом Лефевр недавно имели с ней весьма продолжительный разговор.

— И чего хотела эта... партийная начальница? — поинтересовался я.

— Выразить своё глубочайшее возмущение и потребовать скорейшего расследования. — махнула рукой Гейдрих. — Во всяком случае, насколько я поняла. Она считает, что убийство было политически мотивированным.

— А вы как считаете? — спросил я. Политические убийства в Сатурнианской Гегемонии случаются намного реже остальных — уж для этого наши политики были достаточно цивилизованными. Поэтому для того, чтобы на голубом глазу назвать убийство политическим, необходимо было иметь очень веские на то основания.

Ну, или быть членом Конституционной партии. Да ещё и высокопоставленным членом.

— Я? — спросила Гейдрих. — Я всего лишь командир патрульной службы, инспектор. Это не моя работа. Но если вы настаиваете, — я кивнул, — то странно только одно: если убийство политическое, то почему жертва — казначей, а не какое-то более видное лицо?

— С другой стороны, — заметила Лефевр, нахмурившись, — после того, как вчера кто-то убил гайдзину, не оставив видимых следов, всё может случиться.

Как хорошо, подумал я, что Лефевр не знает о деле Вишневецкой.

— Где сейчас эта партийная начальница? — поинтересовался я. — Похоже, нам необходимо задать ей несколько вопросов. Она видела тело?

— Учитывая, что она была здесь, когда мы прибыли... скорее всего. — ответила Гейдрих и махнула рукой; я обернулся. — Она там, на другом конце зала. Со свитой. Надеюсь, с вами она станет сотрудничать гораздо охотнее, инспектор.

— Надеюсь. — повторил я и обернулся туда, куда указывала рукой Гейдрих; на другом конце зала я разглядел группку людей, — женщин, в основном, хотя, кажется, среди них был один мужчина, — окружавших фигуру в зелёном с лиловым платье. — Стоит хотя бы поздороваться.

— Удачи, инспектор. — ответила Гейдрих. На лице командира патрульных снова промелькнула усмешка.

Мне показалось, что пожелание было совершенно искренним.

* * *

— Политическое убийство! — шепнула мне Фудзисаки, пока мы шли через зал к ожидавшим представителям Конституционной партии. — Только этого нам не хватало!

— Да, и оно — дело рук нашего убийцы. — подтвердил я. — Хуже некуда.

— «Нашего»? Мужского рода? — переспросила Жюстина. — Штайнер, я чего-то не знаю?

— Ямагата вчера видео прислала. — отмахнулся я. — Расскажу попозже.

Группка представителей (членов?) КП оживилась при нашем приближении. После короткого обмена репликами, которого я не расслышал, женщина в зелёном платье выступила вперед; её сопровождающие (подчинённые?) расступились в стороны — свита, уступающая дорогу госпоже. Платье было украшено узором из лиловых и жёлтых цветов, раскинувшихся на длинных рукавах и подоле платья; золотистый пояс был собран за спиной пышным бантом. Светлые волосы женщины были собраны в пучок, удерживаемый заколкой с лиловым цветком. Зеленые глаза окинули меня покровительственным взглядом, и женщина обратилась к Фудзисаки:

— Госпожа инспектор! — сказала она. — Мы счастливы, что вы наконец прибыли! Екатерина Бланшфлёр Малкина, к вашим услугам.

Фудзисаки деликатно кашлянула и отступила на шаг в сторону, виновато кланяясь. Брови Малкиной удивлённо поползли вверх.

— Инспектор Штайнер, к вашим услугам. — представился я. — Это моя напарница, инспектор Фудзисаки. Мы расследуем дело, возможно связанное с убийством, — я сверился с записью, — Фриды Юкари Сэкигахары, казначея вашей партии. И мы хотели бы задать вам пару вопросов.

— Разумеется. — ответила Малкина тоном, выражавшим крайнее возмущение моим

отсутствием манер. В восемь утра мне было откровенно чихать на манеры. — В свою очередь, я надеюсь, что ваше расследование будет завершено как можно быстрее, инспектор Штайнер. Я имею основания подозревать, что убийство Фриды было политически мотивированным. У нашей партии много врагов, и я опасюсь, что могу стать следующей жертвой.

— А кто вы, госпожа Малкина? — спросил я. Малкина недоумённо посмотрела на меня; затем её губы тронула снисходительная улыбка.

— Действительно, вы не знаете. — ответила она. — Я — секретарь отделения нашей партии на Титане-Орбитальном. К вашим услугам.

Я постарался скрыть своё удивление. Секретарь в КП — вторая по важности шишка, не считая главы фракции в ЗакСе... а то и поважнее её: чем-то это похоже на разделение законодательной и исполнительной власти. Во всяком случае, это уж точно поважнее казначея партии... но если секретарь примчалась на место преступления в такую рань, то что-то здесь было не так.

Оставалось узнать, что именно.

— Очень приятно, госпожа Малкина. — ответил я. — Но давайте перейдем к вопросам, если вы позволите. Кто обнаружил тело?

— Глава нашей службы безопасности. — лёгким кивком головы Малкина указала на стоявшую чуть поодаль женщину, шатенку в тёмно-сером жакете. Та поклонилась. — Марина заметила, что камеры в кабинете Фриды перестали работать. — я насторожился. Да, это определённо был наш клиент. — Она вызвала меня.

— Вас?

— Господин инспектор, — наставительно произнесла Малкина, — всё, что происходит в этих стенах, проходит непосредственно через меня. Разумеется, Марина сразу же вызвала меня.

Мелкий тиран со страстью к микроменеджменту, подумал я. Ей бы в стратегии играть.

— Когда это произошло?

— Примерно в... шесть часов? — помедлив самую малость, произнесла Малкина. — Я была на месте через двадцать минут.

— До этого никто не видел тело?

— Разумеется.

— Вы были первой?

— Конечно. — кивнула Малкина. — Я должна была убедиться, что с Фридой всё в порядке. Её работа была... очень важна для партии, господин инспектор.

— И вы сразу вызвали полицию? — уточнил я. Малкина вновь помедлила, словно задумавшись; её глаза стрельнули в сторону, поверх моего плеча.

— Да. — сказала она. — Я сразу поручила Марине вызвать полицию. Я посчитала, что убийство Фриды достаточно серьёзно, чтобы обратиться к органам правопорядка как можно быстрее.

Быстрее? Гейдрих только что говорила, что вызов был получен в семь часов. Почти через сорок минут после прибытия Малкиной.

— Вы покажете, где её кабинет? — спросил я. Малкина решительно кивнула.

— Разумеется. — произнесла она. — Я проведу вас, господин инспектор.

Вместе с Малкиной мы поднялись по широким мраморным ступенькам, укрытым тёмно-зелёными коврами, на пятый этаж Дворца собраний. Поутру здание было совершенно опустевшим: рабочий день в Титане-Орбитальном только начинался, а здесь уже едва ли начнётся. Впрочем, возможно, я недооценивал диктаторские замашки Малкиной.

— Здесь есть ещё кто-то из ваших подчинённых, госпожа Малкина? — вслух спросил я, когда мы миновали очередной этаж. Во все стороны простирались ярко освещенные коридоры. У лестницы застыл робот-охранник; вид жестянки выражал крайнее недоумение.

— Кроме службы безопасности? — уточнила Малкина и покачала головой. — Боюсь, что нет, господин инспектор.

— А госпожа Сэкигахара? — спросил я.

— Фрида оставалась работать в ночь. — пояснила Малкина, глядя впереди себя. — У неё были некоторые дела, которые надо было закончить. Насколько я поняла из её объяснений.

— А когда вы последний раз разговаривали с госпожой Сэкигахарой? — уточнил я.

— Пршлым вечером. — ответила Малкина. — В девять часов. Я звонила ей из дому. Фрида тогда сообщила мне, что остается работать. Я одобрила.

Я покосился на шедшую рядом Фудзисаки; та покачала головой. Целая казначей партии остается работать ночью? Одна?

Что-то здесь было нескладно.

Пятый этаж был точно так же пуст, за одним исключением: в коридоре здесь горел свет и дежурили пятеро патрульных. Завидев нас, они обернулись, заступая нам проход, но мы с Фудзисаки продемонстрировали свои Линзы, и патрульные расступились. Я сделал жест, приглашая Малкину, и она вышла вперед.

— Вот здесь. — сказала она, простирая руку в длинном рукаве. — Третья дверь слева.

— Замок?

— Отключён. — неискренне улыбнулась Малкина. — Нам совершенно нечего скрывать от полиции, господин инспектор.

Это мы ещё посмотрим, подумал я. Пока что Малкина недоговаривала слишком много.

Дверь кабинета послушно отъехала в сторону.

Фрида Юкари Сэкигахара лежала в кресле за широким рабочим столом, отделанным под чёрное дерево, запрокинув голову назад. Если это можно было так назвать: вместо горла

у неё зияла широкая рваная рана, точь-в-точь, как у Широко Вишневецкой. Мрачное зрелище отражалось в зеркальной поверхности стола. Окно позади кресла было распахнуто настежь, и прохладный утренний ветер шевелил длинные синие волосы покойной.

— Вы ничего не трогали? — не оборачиваясь, спросил я у Малкиной.

— Нет, конечно же. — ответила она. Её голос стал неестественно сухим. — Ни я, ни мои подчинённые.

— Окно уже было открыто?

— Да, — ответила Малкина. — Это показалось мне странным ещё снаружи, но я даже не знала... — она отвела глаза от лежащей в кресле Сэкигахары и моргнула. Я кивнул.

— Благодарю вас, госпожа Малкина. — сказал я. — Оставьте нас, пожалуйста.

— Разумеется. — произнесла она, сделав шаг к двери. — Я буду внизу, если вам что-то понадобится, господин инспектор.

Дверь открылась, и Малкина исчезла. Похоже, ей не хотелось долго находиться в одной комнате с покойной.

В этом случае я мог её понять.

— Внизу?.. — задумчиво протянула Фудзисаки и обернулась ко мне: — Такое большое начальство, и не в своём кабинете?

— Да, ты права. — согласился я. — Она очень много недоговаривает... — я оглянулся, глянув на труп Сэкигахары, и содрогнулся от вида растёрзанной шеи. — Но сначала перейдем к делу.

— Имеешь ввиду, наш ли это клиент? — спросила Жюстина.

Я кивнул, отступил на шаг и задрал голову, обводя взглядом потолок кабинета. Белый потолок, зеленые обои на стенах, отделка под дерево вокруг... и крошечный прозрачный пузырь камеры, угнездившийся под дверью.

Камера была неподвижна. Огонёк в её прозрачном нутре, рядом с объективом, не горел. Я вскинул Линзу, направив её на камеру, и был вознаграждён белым шумом помех в возникшем из воздуха окне.

— Да. — сухо сказал я. — Это наш клиент.

Ситуация была аховой. То, что по городу расхаживает неуловимый убийца, который зарезал диспетчера прямо на рабочем месте и бесследно исчез — уже плохо. То, что после диспетчера этот убийца переключился на более высокопоставленных персон — в стократ хуже. У нас и так было два дня, чтобы завершить это расследование, а мы даже не могли напасть на след убийцы; теперь, когда дело приобрело политический оттенок, гнать нас будут ещё больше.

Но дело с каждой секундой становилось всё более непонятным, подумал я. Например, почему убийца сначала убивает Вишневецкую — а потом Сэкигахару, казначея

Конституционной партии? Особенно, если этот убийца — действительно ветеран, нанятый КП?

Что-то здесь не сходилось.

Фудзисаки, вытащив Линзу, делала снимки трупа, склонившись над креслом. Я подобрался поближе. Холодный ветер из окна подул мне в лицо, шевеля занавесками и волосами Сэкигахары. Это было мрачноватое зрелище, и я снова содрогнулся.

Ковёр вокруг кресла потемнел, заляпанный кровью. Несколько капель украсили стеклянную поверхность стола. Жакет и рубашка Сэкигахары тоже были в крови. Всё в точности повторяло сцену убийства Вишневецкой.

В точности?

Я протянул руку и коснулся стола. Стол гневно запищал и затребовал образец ДНК.

— Однако. — пробормотал я.

— Что там? — спросила Жюстина, оборачиваясь.

— Стол. — сказал я. — Помнишь, Вишневецкую тоже убили на рабочем месте?

— Помню. — сказала Фудзисаки. — Думаешь, это важно?

— Важно. — ответил я. — Следы борьбы есть?

Фудзисаки помотала головой. Я нахмурился. *Modus operandi* у преступников редко различается, особенно — у убийц, но чтобы настолько?

— Надо бы посмотреть, что в этом столе. — пробормотал я и уже поднял Линзу, когда Фудзисаки придержала меня за запястье.

— Постой. — сказала она. — У меня есть идея получше.

Я кивнул и отступил на шаг, глядя, как Жюстина, натянув перчатки, обошла кресло и обеими руками взяла ладонь Сэкигахары. Прикоснулась пальцами трупа — аккуратными, без следов борьбы, с ровными длинными ногтями — к стеклянной поверхности.

Стол под пальцами загорелся жёлтым. Послышалось жужжание пробника, и цвет сменился зеленым. Фудзисаки бережно уложила руку трупа обратно и триумфально посмотрела на меня.

— Спасибо. — поблагодарил я и подступил поближе; на столе уже проступила волнометрическая клавиатура, а за ней — сооткнулся в воздухе экран загрузки.

Я недоуменно уставился на девственно чистый рабочий стол. Протянул руку, открывая файловый менеджер.

— Вот это поворот. — пробормотала у меня за плечом Фудзисаки. Я был склонен с ней

согласиться: кроме системных файлов и нескольких приложений, в системе ничего не было.

Ничего не понимая, я открыл текстовый редактор. Графический. Волюметрический. Везде меня поприветствовало безымянное пустое поле. Ранее сохраненных файлов не было.

— Как будто бы всё стерли. — сказал я. — Или систему переустановили.

— Тогда всё равно подчищать бы пришлось... — проговорила Фудзисаки. — Кроме того, она же здесь работала сидела.

— Так Малкина говорит. — заметил я. — Сама подумай: казначей партии сидит сама, всю ночь, без своих подчинённых...

— Странно. — кивнула Фудзисаки. — Но она и могла стереть файлы, разве нет?

— Могла. — кивнул я. — Но зачем?

Фудзисаки пожала плечами.

Я отошёл от стола и подошёл к открытому окну. Высунулся наружу. Из окна открывался вид на площадь — спина статуи Клериссо-Регулировщицы внизу, полукруг зданий напротив, синяя буква «М» над входом в метро. И камеры. Много, много камер наблюдения.

— Зачем ему было открывать окно?.. — пробормотал я. И кинулся обратно в комнату.

Ковёр был уже порядком истоптан. Никаких следов — особенно учитывая, что, помимо убийцы, тут уже побывало множество людей — я бы не нашёл при всём желании. Но убийца должен был куда-то уйти.

А сначала — откуда-то придти.

— Штайнер? — окликнула меня Фудзисаки, всё ещё стоявшая за включённым столом. — Что?

— Подвал. — только и сказал я. — Технические помещения. Подземные коммуникации!

— Ну да, не в дверь же он стучался... — пробормотала Жюстина, но я уже не слушал её.

Вместо этого я взял Линзу и вызвал список ближайших офицеров.

— Гейдрих? — спросил я, как только вызов приняли. — Мне нужна ваша помощь.

* * *

Подвал Дворца собраний был лишен богатого внутреннего убранства. Любое, даже самое непритязательное, здание требует бесперебойной работы систем жизнеобеспечения; во Дворце собраний им был отведён обширный подвальный этаж.

Гейдрих лично вызвалась сопровождать нас, отрядив себе в помощь ещё одного

патрульного, сержанта Мурасаки: вдвоём они спустились в подвал, где при их появлении резко вспыхнул свет. Следом за ними спустились мы с Фудзисаки.

В воздухе витала пыль, скопившаяся на полу и стенах коридора; серые бетонные стены с потускневшими поручнями для невесомости и канавками для проводов. Под потолком, вглубь подвала, бежала световая полоса.

— Дальше? — спросила Гейдрих, обернувшись ко мне. Линза у неё на груди высвечивала планировочную схему подвала.

— Одну секунду. — попросил я и присел на корточки. Слой пыли, лежавший на полу, не был равномерным: в углах её скопилось больше, а часть оставшегося разогнали мы своими шагами. Но кое-что здесь можно было различить.

Я поднёс Линзу к одному из едва заметных следов. След очертился оранжевым: отпечаток ноги, но без каких-либо отличительных деталей.

— Зато теперь мы знаем размер его обуви. — пробормотала Фудзисаки. Я не ответил, продолжив изучать пол; вот следы Гейдрих и Мурасаки — наследили, блин, подумал я, а вот... Линза едва слышно пискнула, и на полу проступил оранжевый отпечаток ещё одного следа — такого же, как предыдущий.

Вплоть до того, что он был направлен к лестнице.

Я выпрямился и обвёл Линзой коридор. Патрульные прижались к стенам, поднимая небольшие вихри пыли, но они не помешали мне отметить ещё две пары следов — одна была почти неразличимой.

И все они вели к лестнице.

— Дальше. — скомандовал я. Гейдрих кивнула и пошла вперед; я прибавил шаг, чтобы поспевать за ней и Мурасаки. Отпечатки следов, оставленные Линзой, продолжали гореть у нас за спиной.

В нескольких местах коридор разветвлялся — где-то здесь были водопроводы, канализационные коллекторы, трансформаторы, автономные системы терморегулирования и очистки атмосферы. Такой комплект можно было обнаружить в подвалах любого здания: строительные нормы МинСЖО очень и очень суровы.

След то и дело петлял, возвращался назад — вглубь коридора, был частичным, но мы успели: след был свежим. А убийца, видимо, не особо стремился его заметить.

Возможно потому, что чувствовал себя в безопасности.

— Здесь. — подала голос Гейдрих, и я поднял глаза от пола; здесь коридор расширялся в небольшой предбанник и упирался в стену, в которой был проделан герметический люк —

такой же, как в диспетчерской Портовой Администрации, но выцветший и поблекший, белый на фоне серых бетонных стен. По периметру комингса люк был обведён красным. Сбоку из стены выглядывал рычаг аварийного отстрела.

За этим люком начинались подземные ходы Титана-Орбитального — канализации, технические коммуникации, коридоры, шедшие к коллекторам, электроподстанциям, подвалам и хранилищам. Некоторые выходили в туннели и подсобные помещения метро — да и здесь, если прислушаться, можно было услышать отдалённый гул поездов. С подземными коммуникациями города я был знаком не понаслышке: за те десять лет, что я проработал в уголовном розыске, полазить по ним мне довелось предостаточно.

Я подошёл к люку и направил на него Линзу; навстречу вылетело окно диспетчера задач. Я пролистал список.

Люк открывался и закрывался: это убийца тоже не посчитал нужным вымарывать. Время указывалось без двадцати шесть; Малкина утверждала, что тело Сэкигахары обнаружили около шести часов. Двадцать минут на то, чтобы пройти через подвал, подняться по лестницам на пятый этаж, войти в кабинет Сэкигахары и перерезать ей горло так, что жертва даже не успела этого понять — иначе неминуемы были бы следы борьбы...

И исчезнуть.

— Ничего не понимаю. — сказала Фудзисаки, подойдя поближе. — Он что, вышел через окно?

— Возможно. — сказал я и развернулся, взметнув плащом вихрь пыли. Отыскал под потолком две камеры и наставил Линзу сначала на одну, затем на другую.

Ничего. Я отмотал запись на 5:40; камеры демонстрировали предбанник в полумраке тусклого аварийного освещения. Люк в стене оставался неподвижным.

А значит, запись лгала. А значит — учитывая, как убийца сумел одурачить камеры наблюдения в Порту — с такой же вероятностью лгали и все остальные камеры во Дворце.

Если не одно «но». Шлюз в диспетчерской Администрации, которым убийца воспользовался как минимум однажды, точно так же сообщал, что последний раз им пользовались при плановом техосмотре. А значит, точно так же мог лгать и этот люк.

— Возвращаемся. — бросил я и быстро зашагал обратно, держа Линзу наготове. Фудзисаки поспешила следом за мной.

Следы, только что помеченные Линзой, выныривали нам навстречу, пара за парой... но вместе с ними проступали и новые. Шедшие обратно.

След вовсе не петлял, как мне показалось; просто не все следы, шедшие обратно к люку, были одинаково различимы.

Я остановился у выхода из подвала. Позади меня горели оранжевым две пары следов — первая и последняя. Всё тех же следов.

А значит, либо диспетчер задач люка лжёт, либо убийца намеренно сбивал нас с толку.

* * *

— Господин инспектор!

Я обернулся, едва успев переступить порог парадного зала: к нам, окружённая своей свитой, приближалась Малкина. Длинные рукава её платья развевались, как вымпелы.

— Госпожа Малкина. — сказал я. Секретарь Конституционной партии поравнялась со мной и требовательно уставилась на меня. Но на этот раз её лицо выглядело почти добродушным.

— У вас есть успехи, господин инспектор? — поинтересовалась она. — Вы что-нибудь обнаружили?

— Возможно. — уклончиво ответил я. — Но эти результаты необходимо проверить.

— Могу ли я просить вас, — начала Малкина, — проверить их как можно быстрее? Время не терпит, господин инспектор. Мы все в опасности.

С этим я, в кои-то веки, был с ней согласен.

— Для этого, — в свою очередь ответил я, — мне потребуется задать вам несколько вопросов. Вам и, возможно, некоторым вашим подчинённым.

— Всё, что вам требуется узнать у моих подчинённых, вы можете узнать у меня. — безапелляционно заявила Малкина и скрестила руки на груди. — Ну что ж. — потребовала она. — Спрашивайте!

— Хорошо. — кивнул я и встряхнул рукавом, вытаскивая Линзу. — Госпожа Малкина, почему вы лжёте?

— Что это означает, господин инспектор? — возмущённо воскликнула Малкина. Её подчинённые всполошились; кто-то шагнул вперёд, но секретарь простёрла руку: — Назад! Господин инспектор, объяснитесь!

— Вы утверждаете, что сразу же вызвали полицию, как только обнаружили тело госпожи Сэкигахары. — спокойно ответил я. — Но инспектор Гейдрих, — я кивком указал на стоявшую чуть позади командира патрульных, — утверждает, что получила вызов только в семь часов. Это легко проверить. И, госпожа Малкина, следующее движение ваших подчинённых будет рассматриваться, как сопротивление полиции.

— Я... Я поняла, о чём вы говорите. — запнувшись, проговорила Малкина. — Да действительно, я допустила... некоторую неточность, господин инспектор. Я действительно вызвала полицию не сразу после того, как обнаружила Фриду, а... по истечении некоторого времени. Мне необходимо было провести некоторые консультации.

— Консультации с кем? — тут же спросил я. Малкина невинно развела руками:

— С другими высокопоставленными членами нашей партии, разумеется. Мы — коллегиальный орган, господин инспектор. Я была обязана — как минимум — поставить остальных руководителей партии в известность.

— Для того, чтобы вызвать полицию? — недоуменно поднял бровь я. Малкина уставилась на меня, как на идиота.

— Для того, чтобы сообщить об убийстве казначея партии. — сказала она. — Как, по вашему мнению, должно было партийное руководство знать об этом, господин инспектор?

Да, вынужден был признать я, это было логичным поступком. Но настолько срочным, что Малкина стала консультироваться до того, как вызвала полицию?..

Вполне возможно. Конституционная партия может и не доверять полиции, особенно — Национальной полиции, как органу исполнительной власти. Иначе не было бы всех тех депутатских запросов, которыми они донимали Мэгурэ.

Но почему-то Малкина обратилась именно к нам. Не к городovým — иначе начальница райотдела не примчалась бы выяснять, кто посмел вмешаться в её юрисдикцию на этот раз.

Странно. Очень странно.

— Скажите, госпожа Малкина, — спросил я, — вы считаете, что убийство госпожи Сэкигахары было политическим, так?

— Именно так, господин инспектор. — кивнула Малкина.

— Тогда почему ваши недоброжелатели — кем бы они ни были — выбрали своей жертвой казначея партии? А не, к примеру, вас?

— О, господин инспектор, — вздохнула Малкина, — я не знаю. Я действительно не знаю. Но я могу только подозревать, что Фрида могла послужить... предупреждением нам: в конце концов, если они смогли добраться до нашей казначея, то чего им стоит точно так же убить, например, меня?

— «Они»? — переспросил я. — Кто мог бы желать вашей смерти, госпожа Малкина?

— У Конституционной партии множество недоброжелателей, господин инспектор. — назидательно проговорила Малкина. — Неужели вы совсем не интересуетесь политикой?

— Мы не интересуемся политикой, госпожа Малкина. — уклончиво ответил я. — Мы её проводим. Так кто ваши подозреваемые?

— Кто угодно! — воскликнула она. — Эти лицемеры из Либеральной партии, в первую очередь, конечно же! И радикалов из числа центристов... вы можете мне поверить, сколько сброда они собрали под свои знамёна... — Малкина поморщилась и с жаром заговорила: — Мы, Конституционная партия, всегда и последовательно заявляли о нашей верности тем принципам, что были заложены основательницами Гегемонии в нашей Конституции, господин инспектор. Разве допустимо, чтобы мы подвергались за это преследованиям?!

— Разумеется, нет. — дипломатично пресёк её тираду я. — Вы совершенно свободны следовать тем принципам, которым посчитаете нужным, госпожа Малкина. Это не воспрещается.

— Но что нам делать? — вновь спросила Малкина. — Фрида Сэкигахара была моей хорошей подругой, господин инспектор. Теперь она мертва. Завтра на её месте могу

оказаться я!

— Обратитесь с соответствующей просьбой в органы правопорядка. — ответил я. — Я уверен, вам обеспечат защиту. А если же у вас есть конкретные имена подозреваемых, госпожа Малкина, то я попросил бы назвать их сейчас. Это может оказаться важным.

Малкина смотрела на меня молча. Её ноздри всё ещё раздувались в праведном гневе, глаза метали молнии. Очевидно, идея обращаться за помощью к Национальной полиции не вызывала у неё бурного восторга.

— Я... сообщу вам. — наконец проговорила она. — Если мне станет что-либо известно.

— Покорно благодарю вас за сотрудничество, госпожа Малкина. — сказал я и отвесил короткий поклон; Малкина слегка наклонила голову. — И ещё одно. Вы знаете, что происходило сегодня утром в подвалах Дворца, госпожа Малкина?

— Нет, разумеется. — удивлённо ответила Малкина. — Подвал не является нашей собственностью... в отличие от остального Дворца.

— То есть, вы не знаете, кто оставил там свежие следы? — спросил я. Наградой мне стало ошеломлённое выражение, промелькнувшее на лице Малкиной. — Очень жаль. И вот ещё что... вполне вероятно, что камеры вашей службы безопасности могли быть взломаны. — я развёл руками и вновь поклонился. — Хорошего вам дня, госпожа Малкина.

— И вам... господин инспектор. — проронила Малкина и развернулась на каблуках, взмахнув рукавами. Её свита устремилась следом.

У лестницы Малкина остановилась и обернулась ко мне. Я ждал оклика, но секретарь Конституционной Партии в Титане-Орбитальном лишь наградила меня пристальным взглядом — со смесью презрения и подозрения.

Замечательно, подумал я, и обернулся к подошедшей Фудзисаки. Следом за ней приблизилась и Гейдрих.

— Должна вам сказать, инспектор, — сказала она, поравнявшись с Фудзисаки, — это было весьма опрометчиво с вашей стороны.

— Возможно. — снова проронил я, глядя сбежавшей Малкиной вслед. — Но она что-то скрывает. Что-то очень важное...

— Что именно? — нетерпеливо спросила Жюстина. Я пожал плечами:

— Потом скажу точнее. — я отвернулся. — Идём.

— Штайнер, куда ты собрался?

— Просить помощи. — не оборачиваясь, сказал я.

Отыскать Лефевр и Казанцеву-Мунэмори оказалось несложно; городские стояли у одной из колонн с потерянным видом, словно недоумевая, куда они попали и что происходит. Их эмоции можно было понять: в кои-то веки никто не спрашивал их разрешения.

— Инспектор, — обернулась ко мне Лефевр, когда мы подошли ближе. — Вы закончили?

— Не совсем. — сказал я. — Госпожа суперинтендант, мне нужна ваша помощь.

Лефевр и Казанцева-Мунэмори удивлённо уставились на меня. За моей спиной Фудзисаки с шумом втянула в себя воздух.

Всех их можно было понять. Формально, я только что допустил грубейшее нарушение субординации: Национальная полиция или нет, но инспектор, просящий помощи у начальницы райотдела — это нечто из ряда вон выходящее.

Но времени на то, чтобы проходить по всем инстанциям, у меня не было. Не говоря уже о том, что без конкретных результатов я предпочёл бы не ставить Мэгурэ в известность.

— И, — протянула наконец Лефевр, — чем мы можем быть полезны, господин инспектор?

— Нам нужен доступ к камерам наблюдения на площади — ответил я. — И, боюсь, он нужен нам сейчас. Я, конечно, мог бы пойти и сделать себе доступ через вашу голову... но у меня нет на это времени. У нас нет на это времени, госпожа суперинтендант.

Лефевр молчала, пристально глядя на меня. Я чуть склонил голову. Пожалуйста, госпожа суперинтендант. Я даже упомяну вас в рапорте.

Потом. Может быть.

— Допустим. — наконец протянула Лефевр. — Вы получите доступ. Зачем?

— У нас есть основания полагать, что преступник скрылся с места преступления. — сказал я. — Мы хотим знать, как.

— И для этого вам нужны записи с камер на площади?

— Боюсь, что да. — снова ответил я.

Лефевр вздохнула и глянула на Казанцеву-Мунэмори. Заместительница только пожала плечами. Суперинтендант кивнула и замолчала, глядя в сторону от меня.

— Хорошо. — сказала она несколько мгновений спустя, снова обернувшись к нам. — Я распорядилась, чтобы вам дали доступ, инспектор. Надеюсь, это того стоит.

— Нижайше благодарю вас. — ответил я и поклонился. Линза пискнула, и перед моими глазами появилось сообщение о новых обнаруженных устройствах. Устройств было под полсотни. — И вновь благодарю вас, госпожа суперинтендант. Старший инспектор.

Лефевр слегка склонила голову в ответ; Казанцева-Мунэмори и вовсе едва заметно кивнула мне. Наши взгляды встретились, и на губах заместительницы промелькнула улыбка.

Я позволил себе улыбнуться в ответ. Что ж, пусть будет так: приятно, когда тебе оказывает внимание привлекательная женщина — а Казанцева-Мунэмори была весьма привлекательной, хоть и строгой на вид. Даже если эта женщина носила синий мундир городской полиции.

— Что делать с телом? — нарушила мои раздумья Гейдрих. Мы расстались с городовыми, оставив их взирать на происходящее в ожидании неизвестно чего.

— Жюст? — спросил я, обернувшись к хмурой Фудзисаки. — Мы ничего не забыли?

— А? — зло переспросила Фудзисаки. — Нет! Снимки есть, следы есть... — она, насупившись, умолкла. Видимо, наш с Казанцевой-Мунэмори обмен улыбками не пришёлся ей по душе.

— Тогда передайте криминалистам, что они могут работать. — сообщил я Гейдрих. — И они могут забрать тело.

— Я сообщу. — ответила командир патрульных. — Что-нибудь ещё, инспектор?

— Если уж вы спрашиваете, то да. — произнёс я. — Вы не знаете, случаем, где здесь поблизости можно перекусить?..

* * *

Раменная на углу Альбрехтштрассе, куда нас отправила Гейдрих, оказалась действительно хорошей.

Мы с Фудзисаки сидели у стойки и завтракали: у меня с утра рисового зёрнышка во рту не было, а рамен здесь готовили действительно свыше всяких похвал. Тёмный, золотистый бульон с тонкой волнистой лапшой и говядиной, острый и чуть сладкий на вкус: если это был не лучший рамен в Титане-Орбитальном, то я готов был прозакладывать своё месячное жалование.

Фудзисаки деловито орудовала вилкой, другой рукой держа миску; я же предпочёл неторопливо растягивать удовольствие, аккуратно наматывая лапшу на вилку. Рядом с нами на стойке стояла хлебница, и я смело вооружился ещё и куском хлеба, время от времени обмакивая его в бульон.

Позади нас раздался шум приближавшегося трамвая: два серебристых вагона, выставившие над головой веера пантографов. Я обернулся, чтобы проследить за ним: трамвай проехал мимо нас, сбавляя скорость. Мелькнул номер маршрута на лобовом стекле — Т5, шедший из Сенкё, на другой стороне орбиталища; вагоновожатая в фуражке, восседающая в кабине, будто на троне. Одну руку она грациозно возложила на переключатель мёртвой руки.

Фуражка напомнила мне о Вишневецкой. Это непрактичный головной убор, в отличие от берета: фуражка норовит свалиться с головы на бегу, и её никак не удержишь на месте в невесомости. Их не носят ни военные, ни мы, полицейские — только представительницы сугубо мирных профессий. Вагоновожатые, например. Или диспетчеры.

Трамвай остановился на перекрёстке. В салоне толпились люди: в девять утра город всё ещё съезжается на работу, а значит — сюда, в центр города.

Я перевёл взгляд на миску и вновь принялся за еду. Девять утра.

Самое время было работать.

— Итак, — сказала Фудзисаки, отставив миску. Я покосился на неё; остатки рамена она разве что не вылизала. — Какая теперь наша рабочая гипотеза?

— Ну, — протянул я, садясь вполоборота. Миску я всё ещё держал в одной руке, вилку — в другой. — Начнём с того, что Малкина лжёт. И, похоже, не только о времени.

— Имеешь ввиду, и о времени тоже? — уточнила Фудзисаки. Я пожал плечами:

— И о времени тоже. Кроме того, ты видела её лицо? Она знала, что в подвале кто-то наследил. И что на камерах Дворца убийца будет отсутствовать, она тоже знала.

— Скорее уж ей не понравилось, что её допрашивает мужчина. — фыркнула Жюстина. — Пусть и инспектор. Да ещё и обвиняет во лжи перед её подчинёнными. Тебе не приходило в голову предоставить расспросы мне, например?

— Старшинство. — напомнил я. — Представь себе, насколько бы Малкина потеряла лицо, если бы её допрашивала младший инспектор. Пусть и женщина.

— Будто мне есть дело до её лица... — пробурчала Фудзисаки. — Так что с твоей гипотезой?

— Элементарно. — произнёс я. — Малкина пропустила убийцу во Дворец и обеспечила ему прикрытие со стороны службы безопасности, чтобы убрать Сэкигахару. Вопрос только, зачем, но... — я многозначительно помахал в воздухе вилкой, — Сэкигахара — казначей, а значит — через неё проходили деньги. Большие деньги. Скажем... Малкина с её помощью присвоила партийные средства, а затем убрала её? Затёрла следы?

— Допустим. — Фудзисаки сложила руки на груди. — Но причём тут Вишневецкая?

— Ладно, наоборот. — сказал я. — КП, — или, скорее всего, лично Малкина, — проворачивала какую-то контрабандную сделку. Они заручились помощью Адатигавы — чтоб у политиков, и не было связей с мафией? — чтобы нанять через неё Вишневецкую и иметь свою диспетчера в Порту. Затем Малкина находит где-то нашего ветерана и нанимает его, чтобы он убил Вишневецкую. Что ей остается? Деньги. Кто знает о деньгах? Сэкигахара. Возможно, сделка финансировалась из партийного бюджета, или что-то в этом роде. Поэтому Малкина организывает её убийство, и теперь пытается выдать его за политическое. На всякий случай. Как тебе такое?

— Вчера ты говорил что-то про скандал. — протянула Фудзисаки.

— Ну, вчера мы не знали про Сэкигахару. — пожал плечами я. — Да и можно сказать, что Малкина сбила два корабля одним выстрелом: и скандал перед высочайшим визитом организовала, и свои тылы прикрыла. И впутала в это нас — вернее, правительство через нас, мы же государевы люди...

— Занятно. — подытожила Фудзисаки. — Ты собираешься всё это повторить Мэгурэ?

Я обернулся. Перед трамваем на перекрёстке загорелся зелёный, и он двинулся вперед, к платформе на той стороне площади.

— Скажем так, — пробормотал я, — не до тех пор, пока мы найдем что-то более существенное.

— А мы найдем? — спросила Жюстина.

— Сложный вопрос. — я поставил миску и соскочил с табурета у стойки. Подумал и постучал по стойке, чтобы оставить хозяйке на чай. — Пошли.

Мы вышли обратно на площадь. Из выходов метро, располагавшегося под площадью, выходили люди; многие оборачивались на столпотворение у Дворца собраний. Я пригляделся; у стены Дворца, вдоль Логиновой, стоял ещё один полицейский омнибус, а оцепление за спиной у Клериссо-Регулировщицы стало сплошным. И, похоже, кто-то раздал патрульным бронежилеты, шлемы и щиты.

Когда-то мне тоже пришлось побывать в бронежилете. Это было в тот же день, когда я познакомился с Адатигавай. Бронежилет тогда пришлось снять.

Нам обоим он только помешал бы.

— Кстати, — словно прочитав мои мысли, поинтересовалась Фудзисаки. — Так что тебе вчера сказала Адатигава?

— Сказала, что она не убивала Вишневецкую. — ответил я. — И что свои контрабандные дела они крутят в Минбане, как и раньше. Но она точно знала о Вишневецкой.

— Но не подтвердила? — прищурилась Фудзисаки.

— Ну конечно. — фыркнул я. — Ты ещё скажи, явку с повинной написала.

Жюстина мрачно хмыкнула. Я обернулся и посмотрел вверх.

Два дома с этой стороны Площади Гегемонии — десятиэтажные, по возрасту никак не моложе Дворца напротив. На одной из мощных колонн, подпиравших фасад, красовалась табличка — «Памятник архитектуры; охраняется законом». В табели о рангах исторической застройки Титана-Орбитального этот — наивысший: памятники архитектуры неприкосновенны даже для ЗакСа.

И это был жилой дом. Мне даже стало интересно, сколько в таком стоит квартира.

Лефевр, благослови её боги, вручила мне доступ ко всем камерам на площади. Проблема была в том, что только на этой стороне площади их было двадцать две. Я прошагал вдоль фасада дома. Взгляд статуи Клериссо напротив упирался прямо в меня. За ней высилась барочная громада Дворца. Одно-единственное распахнутое окно на его фасаде было почти неразличимо отсюда.

— Ничего не видно. — вслух сказал я и махнул Жюстине. — Пошли дальше.

— Так а что мы ищем? — спросила вслед Фудзисаки, спеша за мной.

— Камеру. — ответил я, не оборачиваясь. — С хорошим обзором.

— Хм-м-м. — протянула она. Я подождал, пока загорится «зебра» перехода на улице Сен-Шамон, и перешёл на другую половину тротуара. Фудзисаки поспешила за мной.

Мимо, гудя моторами, проехал троллейбус. Я задрал голову; контактная сеть тонкой

паутиной пересекала небо над площадью. Ещё одна из причин, по которой нельзя просто взять и посадить люфтмобиль там, где захочешь... даже если ты — полицейский.

— Штайнер? — окликнула меня Фудзисаки. Я вздрогнул и огляделся; в задумчивости я дошёл почти до подземного перехода. Над головой у меня тусклым синим светом горела буква «М» — вход в метро. — Ты долго будешь её искать?

— А что? — обернувшись, спросил я. Вместо ответа Фудзисаки ткнула пальцем вверх, на фасад дома, у подножия которого мы стояли.

— Вот. — сказала она. — Камера.

Я проследил за её рукой. Камера, о которой говорила Фудзисаки, угнездилась на уровне примерно седьмого этажа, едва различимая отсюда, на узорчатой капители одной из колонн. Я вытащил из рукава Линзу; семь камер высветились как «ближайшие». Две из них, как я быстро убедился, располагались вообще на соседних домах, и мне пришлось немного попотеть, пока я не нашёл нужную.

Я снова обернулся. Да, действительно: мне, может, и мешали подземный переход, статуя Клериссо и полицейское оцепление, но камере площадь была видна, как на ладони. Мне открывался вид и на парковку перед статуей Клериссо, и на оцепление, и на фасад Дворца собраний. Посредине, над входом, фасад венчала башенка с барочным шпилем; прямо под ней, приблизив камеру, я без труда отыскал распахнутое окно кабинета Сэкигахару.

Я убрал вид с камеры.

— Жюст, — сказал я, — спасибо.

— Всегда пожалуйста, Штайнер. — хмыкнула она. — О чём ты так задумался?

— О вечном. — отмахнулся я. — Когда, ты говоришь, Малкиной доложили про Сэкигахару?

— Примерно в... шесть часов? — глумливо передразнила Жюстина.

— Точно. — кивнул я, сбрасывая запись с камеры на Линзу. — Вот и посмотрим, что именно было в шесть часов...

— А если ничего не было? — спросила Фудзисаки, сложив руки на груди.

Я тяжело вздохнул и посмотрел на неё.

— Тогда мы в заднице. — сообщил я.

* * *

Мы прошли через подземный переход, протолкавшись через выходящих из метро пассажиров, и вышли на другой стороне площади. Вокруг Дворца выстроились патрульные, оперевшись на прозрачные щиты и спешно натянув шлемы с откинутыми забралами. Несколько сине-белых люфтмобилей стояли прямо на тротуаре; в одном из них, свесив ноги

из салона, кто-то увлеченно поедал эклеры.

— С какой радости их столько нагнали? — глядя на оцепление, вслух спросила Жюстина. — Можно подумать, там не труп, а теннисный матч за титул чемпиона...

Я только хмыкнул. Сравнение было хорошее: теннис — национальный сатурнианский спорт, и теннисные фанаты прямо-таки обожествляют своих кумиров. Как правило, при этом они ещё и скоры на расправу, а в качестве аргумента предпочитают что-нибудь колюще-режущее. Ну или, хотя бы, увесистое.

Теннисные матчи и их последствия были для нас отдельной головной болью.

Но Фудзисаки была права. С тех пор, как мы распрощались с Гейдрих, количество патрульных, похоже, утроилось. Ни одно место преступления не требует такого количества охраны; а если Малкина и попросила защиты у полиции (на что имела полное право), то выстраивать ради неё целое оцепление?

Я мог бы понять, если бы под Дворцом собиралась разгневанная толпа — это могло бы оправдать щиты, шлемы и (я прищурился) гранатомёты у патрульных. Но толпы не было, да и не было причин гневаться: Конституционная партия ещё ничего не сделала.

Что-то было не так. Зачем здесь столько патрульных?

На стоянке, забравшись в «Муракумо», я затенил лобовое стекло до полной непроницаемости, чтобы затем вывести на него сохраненную запись с камер. Фудзисаки села рядом, захлопнув за собой дверь. Я отмотал запись на нужное место и включил её.

Запись демонстрировала фасад Дворца собраний, освещённый слабым светом люминёра, и открытое окно на пятом этаже. Странно было, что его никто не заметил с улицы — но в такую рань здесь было мало прохожих.

— Шесть часов. — сказала Фудзисаки. — Чуть раньше.

Я перемотал запись на 5:40. Изображение слегка изменилось; мне пришлось остановить запись и поискать, но я нашёл нужное окно. Оно было закрыто. Шторы были плотно задёрнуты. На всякий случай, я отмотал назад, поминутно: окно оставалось закрытым и в 5:30.

— Отмотай на 5:45. - сказала Фудзисаки, подобравшись в кресле. Я начал перемотку. — Стой. — я послушно остановился. — Включи.

Я включил запись. Примерно минуту ничего не происходило; в утренних потёмках, за задёрнутыми шторами, камера не могла различить ничего, происходившего внутри, в кабинете.

А затем — 5:50:15, показывала отметка в углу записи — окно вдруг распахнулось. Кто-то раздвинул шторы; наружу белыми крыльями рванулись занавески.

— Стой. — скомандовала Фудзисаки, и я остановил запись. — Увеличь. Видишь?

Я приблизил изображение, тут же расплывшееся отдельными пикселями, и пригляделся. В окне что-то было. Вернее, тут же поправился я, кто-то был.

— Отпусти. — я убрал увеличение, и запись включилась снова. Окно опустело: кто-то, только что находившийся в нём, забрался наверх, карабкаясь по фасаду на крышу. На наших с Фудзисаки глазах он ловко забрался на крышу, обогнул башенку со шпилем, выбрался на конёк и быстрым шагом ушёл из поля зрения камеры.

Запись показывала 6:00.

— Какая наглость. — пробормотала Фудзисаки.

— Действительно. — задумчиво протянул я. — То есть, камеры в Порту и диспетчерской он отключает и подделывает, а тут — преспокойно красуется перед всеми камерами на площади...

— Возможно, он спешил. — сказала Жюстина. — Не знаю, почему... Мотай назад.

— Без тебя знаю. — пробормотал я, перематывая запись назад, поминутно. Убийца повторил свое восхождение в обратном порядке — вокруг башенки, вниз по фасаду, к окну, на подоконник... 5:50. Я отпустил перемотку.

Убийца стоял в окне в полный рост; трепещущие занавески застыли вокруг него. Я сразу же узнал странный бронескафандр, который был на нём вчера — бронекостюм можно было надеть поверх любой другой одежды, но он и внутри орбиталища настаивал на скафандре. Лицо закрывал всё тот же шлем с непрозрачным забралом. И, что самое главное, на поясе убийцы висел всё тот же меч в ножнах.

— Вышел. — пробормотала Фудзисаки. — Не вошёл. Значит, он всё-таки был в подвале.

— И засветился перед камерами. — заметил я. — Оригинально. И, главное, куда он исчез?

— Понятия не имею. — сказала Фудзисаки. — Позади дворца, вроде, переулок... между Альбрехтштрассе и Логиновой. Дальше жилые дома... погоди. — она сощурилась. — Чтобы войти, он воспользовался подземными ходами. А вышел через окно да по крышам?

— Что ты имеешь ввиду? — спросил я. Но, похоже, я уже начал догадываться, что именно.

— Что где-то там, — Фудзисаки махнула рукой, стукнувшись костяшками пальцев об стекло дверей, — вход в подземелья. В канализацию, скорее всего, с улицы-то... Туда он и направился. А куда ещё?

— Учитывая, что его только что видели камеры на площади... — протянул я. — Хотя нет, он слишком приметный — а бронескафандр где-то надо снять. Жюст, зачем убийце бронескафандр?

— Ну, он же не только бронированный. — пожала плечами Фудзисаки. — В комплекте

могут идти геккоперчатки, как раз по стенам карабкаться... кроме того, это какой-то странный бронескафандр. — она движением пальцев приблизила изображение. — Вот: плечевой пояс даже с наплечниками слишком узкий. Там должны быть приводы... ну, ты сам знаешь. — я кивнул. — А здесь нет. Может это и не бронескафандр вовсе, или без экзоскелета...

— Ходить по орбиталищу в скафандре... — пробормотал я.

— Или где-то от него избавляться. — напомнила Жюстина и щёлкнула пальцами. — Пойдём.

— Куда? — опешил я.

— В переулочек. — кивком указала она. — Проверим мою гипотезу.

* * *

Улица Логиновой уходила вглубь Меако, теряясь среди высаженных вдоль тротуара деревьев: улицы здесь были узкие, движение — одностороннее, и никакой контактной сети. Исключением был только отрезок возле Дворца Собраний: там, в переулке между Альбрехтштрассе и Логиновой, разворачивались и отстаивались троллейбусы. Один из них стоял в дальнем конце переулочка, когда мы завернули за угол Дворца: прямоугольная морда с шестью глазами фар и горящая цифра «54» на лобовом стекле. Сейчас, в самый пик, он, скорее всего, сразу уедет обратно по маршруту.

— Провода. — задумчиво пробормотала Фудзисаки, глядя вверх. — Точно, слез с крыши.

— Геккоперчатки, говоришь? — переспросил я, разглядывая нависавшую над переулком глухую заднюю стену Дворца. Растяжки контактной сети были вделаны прямо в неё. — От них должны были остаться следы.

— От них — да, но не на тротуаре же. — кивнула Фудзисаки. — Ты люк какой-то здесь видишь?

— Здесь — нет. — оглядевшись, покачал головой я. — Погоди-ка. — я обернулся назад, вглубь улицы, и заметил то, что искал: едва различимый на зеркальной мостовой край канализационного люка. — Вон там.

— Отлично. — хмыкнула Фудзисаки и зашагала к люку. Я двинулся за ней, бросив последний взгляд на троллейбус в переулочке.

Старые дома смотрели на нас занавешенными окнами верхних этажей, отражаясь на мостовой расплывчатыми силуэтами. Если бы не металлический ободок вдоль краёв и прямоугольник аварийной ручки, люк был бы совершенно неразличим на дороге: его крышка в точности повторяла остальное покрытие улицы.

Фудзисаки наставила на люк Линзу. Люк послушно щёлкнул и откинулся в сторону, встав на стопор.

— Вуаля. — сказала она и, присев на корточки, посветила в люк Линзой. В тёмный колодезь убегала вделанная в стену лестница; внизу ничего не было видно. — Чур, я первая!

Я пожал плечами, и Фудзисаки жизнерадостно нырнула в люк. Несколько секунд, и она скрылась в темноте полностью. Из переулка, гудя моторами, вынырнул троллейбус и свернул в сторону площади, вильнув кормой; алыми рубинами вспыхнули стоп-сигналы.

— Я внизу! — донёлся до меня голос Фудзисаки. — Твоя очередь!

Я фыркнул и осторожно влез в люк, держась за вбитые в стену скобы лестницы. В нос мне ударил неприятный запах, присущий только одному месту в орбиталище: канализационному коллектору. И это была даже не самая широкая его ветка.

Спуск был недолгим: темнота вскоре сменилась тусклым зелёным свечением ламп, и я ступил на пол коллектора. Запах здесь был невыносим, и я поморщился.

— Фу!

— Да, запахок что надо. — зажав нос, гнусаво прокомментировала Фудзисаки.

— Это была твоя идея. — напомнил я и достал Линзу, засветившуюся в темноте. Луч света оббежал бесцветные серые стены коллектора. — Куда дальше?

— Туда. — махнула рукой Фудзисаки, отпустив нос. — Дворец собраний был в той стороне, а значит — и тот люк, который мы видели. Ведущий в подвал.

— О. - только и сказал я.

Фудзисаки дёрнула плечами и пошла вперед, тоже вытащив Линзу; я поспешил за ней. Идти было недалеко — почти сразу нам пришлось перебраться через сток коллектора на другую сторону, и пройти по той стороне. Где-то вдали, в глубине туннелей, шумела вода; звук отражался от сводов канализации.

Подземные коммуникации Титана-Орбитального не были для меня внове. Но я бы предпочёл, чтобы они воняли поприятнее. Почему-то резервуары под Штеллингенем и близко не так отвратительно пахли.

Возможно, меня подводила память.

— Ага, сюда. — сказала Фудзисаки, перебравшись через ещё один сток. Рядом с ней в стену был вделан приоткрытый люк. Подойдя к ней, я посветил Линзой: так и есть, створку люка чем-то подпёрли, не давая ей закрыться.

— Не очень умно. — пробормотал я и потянул люк на себя. Слегка зашипев, он открылся шире; Фудзисаки нырнула через комингс первой, и я, оставив люк, поспешил за ней.

Здесь, в тусклом свете одной-единственной лампы, был закрытый люк — тот самый, который мы видели в подвале Дворца собраний. Не говоря ни слова, Жюстина подошла ближе к нему и наставила на него Линзу.

— На, полюбуйся. — пригласила она, и передо мной, в воздухе, появилось окно

диспетчера задач. Я пригляделся к записям.

Люк открывался. В 5:40. И закрывался. Сразу после. Я смотрел на ту же самую запись, и подлинности которой сомневался ещё полчаса назад.

— Вошёл, но не вышел... — пробормотал я. — Хотя мог. Так куда он ушёл?

— Дальше по коллектору. — махнула рукой Фудзисаки; она осматривала комнату Линзой. — Но тут нет следов... повезло нам с пылью в подвале, нечего сказать...

— Могут быть там, в коллекторе. — ответил я и огляделся. Под потолком, предсказуемо, висели две камеры — одна над люком, через который мы вошли, другая — над закрытым люком. На всякий случай, я наставил Линзу на одну из них.

Ответом мне была сплошная статика. Камеры не работали. Точно так же, как и камеры в кабинете Сэкигахары... но не в подвале и в остальном Дворце.

А значит, моя догадка, так замечательно выбившая Малкину из колеи, была верна. Конечно, у хозяев Дворца собраний будет доступ к камерам внутри. Подвал формально не принадлежит Конституционной партии — но я был уверен, что за его систему наблюдения отвечает служба безопасности КП: так проще.

Но на камеры внутри коллектора это не распространялось. А в подземельях Титана-Орбитального камер гораздо меньше, чем наверху, на поверхности. Они есть — и по следам подделанных записей можно было, если постараться, вычислить кого угодно.

Но для этого мне нужна была помощь.

— Вижу, твоя гипотеза подтвердилась. — глядя на меня, хмыкнула Фудзисаки.

— Что-то в этом роде. — ответил я. — Во всяком случае, теперь она гораздо интереснее.

— Жду не дождусь. — сообщила Жюстина. — Пошли?

На обратной дороге я несколько раз останавливался, проводя по полу Линзой. Увы, но было уже слишком поздно: все следы, даже если они и были, успели исчезнуть. А так как здесь пыли было гораздо меньше, чем в маленьком и тесном подвале, то я сомневался, что они вообще остались.

Жюстина галантно предложила мне лезть наружу первому. Я не стал пренебрегать её любезностью, и вскоре оказался наверху; она довольно скоро появилась следом. В качестве финального аккорда Фудзисаки пинком захлопнула люк.

— Итак? — спросила она, отряхивая руки. — Куда дальше?

— Дальше... — протянул я; убийство Сэкигахары здорово спутало мои планы на сегодняшний день. — Как ты думаешь, тело уже забрали?

— Да уж наверное. — пожала плечами Фудзисаки. — Сколько тут ехать до той Цитадели-то... А что, тебе приспичило подсунуть её Маршан?

— Именно. — ответил я. — Пошли.

— А дальше что? — не унималась Фудзисаки. — Я имею ввиду, у нас есть какие-то зацепки, какие-то, хотя бы, намёки, где искать убийцу? Ну ладно, допустим, он пользуется техническими коммуникациями. Но само по себе это нам ничего не даёт!

— Само по себе — нет, — признал я, — а вот в совокупности... Помнишь угнанный люфтмобиль, которым занимаются Эрхард и Тидзимацу? Ну, который бросили посередине Комендантской площади?

— Ну, помню. — пробормотала Фудзисаки. — И какое отношение он имеет к убийце?

— Его угнали в Дэдзиме, помнишь? — спросил я. — Единственное происшествие за всю ночь... да ещё и машину хватились только на утро и целые сутки не могли найти. Сколько обычно летают угонщики люфтмобилей?

— Хорошие? Минут тридцать. — машинально ответила Фудзисаки. — Пока их не догонят...

— А наш убийца регулярно отключает камеры наблюдения и подделывает записи. — напомнил я. — Либо сам, либо — у него есть хорошая группа поддержки. Что им стоит точно так же угнать люфтмобиль?

— Тогда нам надо и сам люфтмобиль посмотреть. — хмыкнула Жюстина. — И это что, единственная наша зацепка?

— Не единственная. — ответил я. — Но знаешь... кажется, мне надо поговорить с Ямагатой.

— Если поймаешь. — пожала плечами Фудзисаки. — Кто за штурвалом?

Я призадумался. Мы уже дошли до середины площади, и за время нашего отсутствия оцепление ничуть не уменьшилось в размерах. Скорее наоборот.

— Моя очередь. — ответил я и пошёл дальше.

Мы забрались в машину, переключив прозрачность у лобового стекла обратно, и я запустил турбину, оставив её выходить на режим. Побарабанил пальцами по штурвалу — чёрному с серебряным и с синим шилдиком «Кордонье» наверху. Фудзисаки тем временем устроилась поудобнее на переднем сидении.

— Посмотри-ка. — вдруг сказала она, и я поднял глаза от штурвала.

На площадь опускался люфтмобиль. Работающий подъёмный вентилятор разгонял во все стороны волны горячего воздуха и пыли. Он был достаточно низко, чтобы я мог разглядеть характерные обводы корпуса и шильдик на носу — точь-в-точь такой же, как на штурвале «Муракумо». Тоже машина «Кордонье», но более новая модель — «Накацукаса», медно-рыжая, блестящая даже под пасмурным небом Титана-Орбитального.

Хорошая машина, про себя добавил я. Тем необычнее, что она садилась прямо посреди площади.

«Накацукаса» выставила шасси и, качнувшись, опустилась на них; вихри, поднимаемые вентилятором, улеглись, и дверца салона откинулась вверх.

Наружу из салона показалась женщина в длинном чёрном плаще: высокая, длинноногая, с чёрными волосами, спадавшими на спину. Она выпрямилась, обернулась, и я обомлел.

На меня смотрели золотые глаза той незнакомки, что окликнула меня два дня назад, в Порту. Вздрогнули и замерли пряди, обрамлявшие лицо.

— Штайнер? — спросила Фудзисаки. — Что-то не так?

Золотые глаза пристально смотрели на меня — словно их обладательница точно знала, где я: в обыкновенном полицейском люфтмобиле, за тонированным стеклом... Наконец, незнакомка отвернулась и зашагала к полицейскому оцеплению; плащ рванулся за её спиной, точь-в-точь, как и мой собственный. К моему удивлению, патрульные расступились перед ней, и незнакомка прошла внутрь оцепления, ко Дворцу. Шеренга патрульных сомкнулась за её спиной.

— Штайнер? — повторила Фудзисаки.

Я помотал головой. Кто она? Почему её так просто впустили за оцепление?

И откуда ей было знать, что я здесь?

— ...Ничего. — пробормотал я, прекрасно осознавая, как фальшиво это звучит. — Полетели.

Фудзисаки пристально посмотрела на меня, но не проронила ни слова.

* * *

— Штайнер? — наконец ответила на вызов Ямагата; до этого мне пришлось прождать несколько минут. В приличном обществе это было бы неслыханным faux pas, но мы, к счастью, были не в приличном обществе. — В чём дело?

— Привет, Тиэко. — укоризненно произнёс я. — Я не отвлекаю?

— Отвлекаешь. — сухо сказала Ямагата. Я нахмурился: чем это Ямагата могла быть настолько занята, что не могла даже прерваться поговорить? Обычно она так делает постоянно. — Чего тебе?

— Твоей помощи. — сухо ответил я. — Мне для расследования нужно.

— О, великие боги... — протянула Ямагата. — Не могу я. Занята. Потом поговорим.

— Чем ты так... — начал было я, но ответом мне была тишина: Ямагата уже сбросила вызов. — А, ладно.

— Что там? — спросила, обернувшись, Жюстина; пока я звонил, она облокотилась на борт «Муракумо», скрестив руки под грудью. Из левого рукава макинтоша, поблёскивая, выглядывала Линза.

— Занята, говорит. — отмахнулся я. — Настолько, что даже поговорить не может...

— Ямагата? Не может поговорить? — переспросила Фудзисаки и покачала головой. —

Там Сатурн ещё не сошёл с орбиты, случаем?

— Или это что-то важное. — заметил я. — Действительно очень важное. Пошли, что ли, навестим Маршан?

— А она хоть кофе нас угостит? — поинтересовалась Фудзисаки.

— Маршан? — спросил я. — Вряд ли. Но попробовать стоит.

В подвале нас ожидал сюрприз: двое патрульных, дежуривших у дверей морга. Я удивлённо остановился на середине шага: морг, конечно, специфическое место (одна Маршан чего стоит!), но не настолько же, чтобы выставлять у него охрану!

— Это что-то новенькое. — пробормотала Фудзисаки.

— Сейчас узнаем. — пообещал я и двинулся к патрульным. Те слегка обернулись в мою сторону. Я двинул рукой, извлекая из рукава Линзу.

К моему удивлению, они не обратили на неё внимания.

— Инспектор Штайнер! — представился я, чуть повысив голос. — Что здесь произошло?

— Прошу прощения, господин инспектор, — ровным голосом произнесла одна из патрульных, — но доступ в морг запрещён всем, кроме непосредственно работников морга.

— Почему? — повторил я. — Что произошло?

— Я не уполномочена сообщать детали. — всё так же ровно произнесла она. Я шагнул вперед, к дверям; патрульные сдвинулись, загородив мне дорогу.

Это было уже нечто из ряда вон выходящее.

— Послушайте, сержант, — стараясь говорить как можно спокойнее, произнёс я. Бросил взгляд на погоны патрульной — старший сержант, почти угадал. — У нас расследование. Там лежат трупы, относящиеся к расследованию. Мы можем войти?

— Прошу прощения, господин инспектор, — повторила сержант, — но доступ в морг запрещён.

— Да всех богов ради, позовите инспектора Маршан, если уж вы мне не верите! — не выдержал я.

— Прошу прощения, — в третий раз повторила патрульная, — но я не имею права покидать свой пост. Я также не имею права пропускать кого-либо, кроме работников морга.

— Да почему? — потребовал я.

— У меня приказ. — ответила сержант и замолчала. Я в замешательстве отступил на шаг. Что они сторожат, труп гайдзина? Но тогда не было бы причин никого не впускать, в Цитадель и пройти-то нельзя без удостоверения... или хотя бы пропуска...

Я похолодел. Они сторожат труп Сэкигахары. И Вишневецкой, заодно: это единственное объяснение. Но почему?

Оцепление вокруг Дворца собраний — со щитами, шлемами и слезоточивым газом,

только что бронетехнику не пригнали. А теперь — здесь. Создавалось впечатление, будто бы кто-то наверху (Мэгурэ?) ни с того, ни с сего начали принимать дело Вишневецкой — Вишневецкой-Сэкигахары — всерьёз.

Почему? Что случилось?

— Штайнер? — окликнул меня знакомый голос, и я обернулся: дверь в лабораторию приоткрылась, и оттуда выглянула старший криминалист Моритани. Её очки поблёскивали в свете ламп под потолком.

— Моритани? — переспросил я и развернулся на каблуках. — Замечательно! Ты, случаем, Маршан нигде не видела?

Вместо ответа Моритани уставился на меня. Я недоумённо моргнул и переглянулся с Фудзисаки; она с удивлённым видом помотала головой. Было впечатление, что мы единственные не понимаем чего-то.

Чего-то важного.

— Заходите давайте. — нарушила затянувшуюся паузу Моритани. — Неудобно тут объяснять.

* * *

— Да ты, Штайнер, легок на помине! — объявила Моритани, стоило нам с Фудзисаки зайти внутрь лаборатории. Дверь тихо закрылась у нас за спиной. — А я только думала, куда же ты запропастился сегодняшним утром... Да, кстати, Маршан здесь нет. У неё выходной.

— Выходной? — переспросил я, проходя вглубь лаборатории. — Посреди недели?

— Ой, я тебя умоляю, — отмахнулась Моритани, усаживаясь в кресло у себя за столом, заставленным бумагами и кофейными кружками. Между ними Моритани пристроила свои ноги в чёрных туфлях; в опасной близости от правой туфли оказалась чашка с целующимися школьницами. — У Головачёвой тоже сегодня выходной, и тоже посреди недели, а Редлера я сама туда отфутболила — в его возрасте мальчики должны много спать с девочками, а не сидеть за монитором... Кстати. — прервалась она, многозначительно подняв палец, — что это вы за очки вчера принесли?

— Когда мы вчера приходили, тебя даже на месте не было. — укоризненно добавила Фудзисаки. — Милая, кстати, чашечка.

— Смейся-смейся... — протянула Моритани, снимая ноги со стола и убирая пресловутую чашку. — А раз уж мы об этом, то вчера у меня — опять-таки — тоже был выходной. И — опять-таки — раз уж мы об этом, кто-то хочет кофе?

— Хотим, конечно! — оживилась Жюстина.

— Замечательно! — просияла Моритани. — Там кофейник. — она неопределенно помахала рукой в воздухе. — Где-то. Был.

Разыскать кофейник оказалось непросто. Творческий беспорядок криминалисту

возводили в ранг высокого искусства — и Моритани с коллегами в нём преуспели. В итоге, кофейник обнаружился где-то в углу, затиснутый между ящиками «ВЕЩЕСТВЕННЫЙ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА» за номерами 45 и 210. Две относительно чистые чашки (одна — с аляповатыми цветочками, а другая — с элегантной подписью «лучшей женщине во Вселенной») оказались, разумеется, в совершенно противоположном конце лаборатории. Фудзисаки, усевшаяся на свободном стуле, откровенно забавлялась, наблюдая за моей бегом туда-сюда. Наконец мне удалось собрать в одном месте кофейник и чашки и даже наполнить их почти остывшим кофе; одну я вручил Фудзисаки.

— Итак, — спросил я, присаживаясь на край одного из столов и отпивая кофе (хоть и остывший, но вполне терпимый), — что здесь происходит, Моритани? И где Маршан?

— У неё выходной, сказала же. — фыркнула Моритани. — Эти две, — она махнула рукой на дверь, имея ввиду двух патрульных у дверей морга, — дежурят там с самого утра. Я тоже пришла, увидела, о... удивилась и позвонила Маршан. Вышел конфуз. — щёки Моритани чуть зарделись, губы тронула улыбка. — Потом пришла шеф.

Улыбка исчезла.

— И что она? — спросила Фудзисаки, глядя вверх кружки.

— Забежала выпить кофе. — сказала Моритани и уставилась в потолок. — Заспанная была, будто только с постели подняли. Шеф живёт в Белльфонте, представьте, как ей удобно.

— Так а чего подняли-то? — поинтересовался я.

— А. - только и сказала Моритани. — Она кофе допила и убежала наверх на совещание. Так до сих пор и не вернулась, а это было... — она снова уставилась в потолок, — час назад. Мне наказала сидеть здесь и держать круговую оборону. Потом пришла Нагатомо и сразу ускакала с бригадой по вызову... — она вдруг села прямо. Очки грозно блеснули. — Ребята, только не говорите, что это были вы.

Мы с Фудзисаки переглянулись.

— Похоже, это действительно были мы. — протянула Жюстина после недолгого молчания.

Моритани сидела, глядя на нас из-под очков. Я снова отпил кофе. Немые сцены мне уже порядком наскучили.

— Ребята, — медленно проговорила, наконец, Моритани, — кого убили, а?

— Казначей Конституционной партии. — ответил я. — Фриду Юкари Сэкигахару. Если это имя тебе о чём-то говорит.

— Не говорит. — покачала головой Моритани. — Но Нагатомо как уехала полчаса назад, так и не вернулась... вы её, случаем, не видели?

— Не-а. — помотала головой Фудзисаки. — Но зато мы видели оцепление вокруг Дворца собраний, будто на матче премьер-лиги. С щитами, шлемами, всем остальным, только что оружие не раздали.

— Кидотай?

— Патрульные. Наши.

Моритани снова замолчала и откинулась в кресле. Но на этот раз в её позе не осталось и следа расслабленности.

— Странно. — сказала она. — Очень странно. И что вы тут делаете?

— Тело должны были привезти. — ответил я. — Думали Маршан спросить, но раз её нет... — я осёкся. — Тело привезли, ведь так?

— Почём я знаю? — спросила Моритани. — Я не видела. Этих двух возле морга — видела, но больше никого.

Я вздохнул и отставил чашку. Видимо, тела Сэкигахары мне не видать: но почему? Зачем прятать его настолько тщательно, не подпуская даже судмедэксперта — не говоря уж о группе, ведущей дело?

А теперь совещание. У меня не было сомнений, что на нём обсуждалось моё дело: вопрос был только, в каком ключе. Пока моя голова всё ещё оставалась у меня на плечах.

Но, похоже, это ненадолго.

— Надо что-то делать. — Фудзисаки поднялась со стула, отставив чашку. Чашка украсила собой лист умной бумаги, тут же пошедший рябью. — Штайнер, что ты там говорил про зацепки?

— Зацепки, всемилостливая Каннон... — пробормотал я. — Ладно. Помнишь, я говорил тебе про то, что люфтмобиль посреди Комендантской площади — не единственная моя зацепка?

— И про то, что собирался об этом поговорить с Ямагатой. — добавила Фудзисаки.

— Ну да. Но я вспомнил про этот люфтмобиль именно потому, что его угнали в Дэдзиме. Там же, где и адрес этой моей зацепки.

— Адрес? — сощурилась внимательно слушавшая Моритани. — Что за адрес?

— Улица Ремонтная, 24. — ответил я. — Некая гайдзинская фирма. «Дифенс Солюшенс». Знаешь о такой?

— А как же. — фыркнула Моритани. — Частная военная компания, зарегистрированная на Луне, с офисами в Солнечной и ещё четырёх системах. Участвуют в гражданской войне на Дельмарве — в основном инструкторами для Северной армии, но принимали участие и в боевых действиях. — она поправила очки, на стёклах которых мерцали открытые вкладки. — Но это как-то далековато от нас, Штайнер. Даже если у них и есть офис и склады в Дэдзиме.

— Далековато, действительно. — признал я. Война на Дельмарве, на самом деле, не была гражданской, но новостные службы мало интересовал такой нюанс — как и тот, что на Дельмарве никогда не было единого планетарного государства. — Но другой зацепки у меня нет. У нас нет, правильнее сказать. Нет, потом нужно будет проверить тот угнанный люфтмобиль... но перед этим нужно что-то более конкретное.

— И чего конкретного ты ждёшь от гайдзинской ЧВК? — скептически поинтересовалась Фудзисаки.

— Ну, давай подумаем. — сказал я. — Наш убийца. Ветеран, которого где-то откопала Конституционная партия в лице госпожи Малкиной. Стряхнула с него пыль, наговорила с три короба красиво звучащей чуши, показала на ни в чём не повинную — больше двух лет условно я ей не дал бы — девочку Вишневецкую, и скомандовала «фас». Так?

— Так. — внимательно кивнула Жюстина. — И что из этого следует?

— То, что убийце нужно оружие. — ответил я. — Виброклинок, что странно, но, предположим, за ваши деньги — любой каприз. Так как в деле замешана Адатигава, то нож можно было бы достать у её сестёр, проще простого; но так как это был не нож, то, значит, вибромеч. Ношение вибромечей, как известно, запрещено, а все, что есть на руках — церемониальные, зарегистрированные, легко отслеживаемые и в сейфе за семью охранными системами. То есть, не вариант: пропажу бы легко заметили.

— Допустим. — снова кивнула Фудзисаки. — Так причём тут ЧВК?

— Элементарно. — сказал я. — У них здесь — ну, в Дэдзиме — офис и склады, так? Их, конечно, проверяют, и оружие — если оно там есть — тоже зарегистрировано, но там другая регистрация. На чей-то церемониальный меч обратят внимание сразу. На гайдзинский, со склада — нет. На это и расчёт.

— То есть что, — сощурилась Фудзисаки, — Конституционная партия сотрудничает с гайдзинами? Пускай даже и селенитами... нет, это ещё хуже. Это же селениты!

— Ну, они могут сотрудничать не напрямую. — пожал плечами я. — Есть же Адатигава. Вот уж кому-кому, а мафии иметь контакты с гайдзинами не зазорно.

— Это не какие-нибудь случайные гайдзины. — возразила Фудзисаки. — Это частная военная компания, причём, как я поняла — достаточно высокого профиля. И эти люди вяжутся в... во что бы там не замышляли Малкина с Адатигавой?

— Никто же не говорит, что в этом замешана вся «Дифенс Солюшенс». - заметил я. — Их штаб-квартира на Луне может понятия не иметь, чем занимается её здешний филиал.

— Допустим. — кивнула Фудзисаки. — И что тогда?

— Ну как что? — недоумённо переспросил я. — Нанесём им дружественный визит. Убедимся, что с их документами всё в порядке, и — что немаловажно — что всё их оружие на месте и должным образом зарегистрировано.

Воцарилось молчание. Моритани, сложив руки домиком, опёрлась на стол, с интересом глядя на меня — и на Фудзисаки, на лице которой отражалась сложная гамма чувств.

— Штайнер, — наконец выговорила Жюстина, — ты что, серьёзно хочешь придти с обыском на склад иностранной ЧВК?

— Ну почему же обязательно с обыском? — невинно поинтересовался я.

* * *

— Знаешь, я начинаю понимать Еремеева. — бормотала Фудзисаки, когда мы выходили из лаборатории. Две патрульных, всё ещё дежурившие у дверей морга, даже бровью не повели, когда мы проходили мимо. — Вернее, я начинаю понимать, почему он всё время говорит, что ты сошёл с ума.

— А я сошёл с ума почему? — спросил я. — Потому, что хочу задать этим милым

гайдзи... э-э-э, людям пару вопросов?

— Гайдзинам из частной военной компании? В Дэдзиме?

— А почему бы и нет? — поинтересовался я. — Дэдзима в чьей юрисдикции?

— А ордер взять? — не отставала Фудзисаки.

— Какой ордер? — неожиданно резко спросил я. — Ты думаешь, Мэгурэ мне сейчас его даст? Даже если я её попрошу?

— Действительно. — только и сказала она и замолчала.

Я отвернулся.

Мэгурэ действительно не выдала бы мне никакого ордера — даже если бы сейчас не шло совещание, в котором участвовало, похоже, всё руководство ГУМВД Титана-Орбитального. Само по себе это не сулило ничего хорошего. У меня же усиливалось подозрение, что по итогам этого совещания должна будет покатиться моя голова.

А значит, инициативу надо было брать в свои руки.

— Ладно. — сказала Жюстина, когда мы вышли из Цитадели к посадочным площадкам. — Допустим. Так как ты собираешься, хм, задавать свои вопросы без ордера?

— Очень просто. — ответил я и вызвал адресную книгу. Отыскать нужный номер не стоило больших усилий: я не так часто пользовался им, как, скажем, полгода назад, но иногда приходилось.

Например, сейчас.

— Алло, — сказал я, как только на том конце линии приняли вызов. — Это инспектор Штайнер, уголовный розыск. Будьте так добры, соедините меня с капитаном Селезнёвой... Алло, привет, да, это я. Слушай, есть такое дело...

* * *

В Дэдзиме было светло.

Ясное голубое небо непривычно задиралось вверх вдалеке; посредине небосвода ярко светила полоса люминёра. Самый депрессивный район всего Титана-Орбитального отличается на редкость хорошей погодой круглый год — не в пример самому Титану-Орбитальному.

Я посадил люфтмобиль на стоянке у проходной штаба СПОР. Трёхэтажное здание с окружающими его казармами и ангарами занимало довольно обширную территорию на углу двух улиц — Кемпфера и Маруямайской. По периметру шёл высокий забор с колючей проволокой, по углам которого торчали вышки сторожевых сенсоров. Стекланный фасад проходной, насколько мне было известно, был пуленепробиваемым; под козырьком плоской крыши он оцетинился камерами наблюдения. Створки массивных ворот украшали

изображения герба Национальной полиции.

Стеклянная мыльница участка на углу Зибольда и Кусумото была точно такой же пуленепробиваемой, но хотя бы пыталась выглядеть дружелюбно — или, во всяком случае, не враждебно. Штаб СПОР же выглядел, как воплощённая монополия государства на насилие.

Двери проходной раздвинулись перед нами, помедлив несколько секунд. За ними открывался узкий коридор, перегороденный турникетом, и стеклянная будка дежурной справа. Отсюда ярким оранжевым мазком был виден форменный берет дежурной.

— Инспектор Штайнер, уголовный розыск. — представился я; дежурная, до того развалившаяся в кресле, поспешно выпрямилась и развернулась, глядя на меня. На погонах чёрного мундира поблёскивали одинокие лычки специалиста — звание, совершенно отсутствующее у нас, обычных полицейских. — К капитану Селезнёвой.

— Одну минуту, господин инспектор. — проговорила дежурная, отведя взгляд. Затем она снова посмотрела на меня. — Удостоверение, пожалуйста, господин инспектор.

Я извлёк из рукава Линзу и продемонстрировал её, высветив удостоверение. Линза несколько раз мигнула — система безопасности считывала информацию. Наконец, дежурная кивнула.

— Всё в порядке, господин инспектор. Вы можете пройти. — сказала она. — Вам нужен провожатый?

— Нет, спасибо, — произнёс я. — Мне не впервой.

— Как вам угодно. Хорошего дня, господин инспектор.

Турникет загорелся зелёным. Я обернулся к Фудзисаки.

— Жюст, подождёшь здесь?

— У машины. — поправила Фудзисаки. — Надолго не задерживайся.

— Постараюсь. — кивнул я и прошёл за турникет. Передо мной открылась другая дверь, и я оказался на территории штаба.

Вся эта проверка — совершенно рутинная — была, тем не менее, жирным следом для Собственной Безопасности. И теперь у меня были причины её опасаться: любой мой поступок, совершенный без ведома начальства, мог быть использован против меня.

Сатурнианское общество не любит нарушения правил — приличия, поведения, чинопочитания, корпоративной культуры, сотен таких же писанных и неписанных законов. Но иногда правила приходится нарушать.

Путь до кабинета Селезнёвой, командира третьей оперативной роты СПОР, был весьма извилист; я то и дело ловил на себе удивлённые взгляды людей в форме. Зачастую они были ещё и в оранжевых беретах: знак отличия СПОР, который ещё необходимо заслужить.

Впрочем, я здесь был далеко не в первый раз.

— Штайнер, — улыбнулась Селезнёва, когда меня впустили в её кабинет. Дверь закрылась за моей спиной, и она поднялась из-за стола, чтобы наградить меня поцелуем в щёку. На этот раз, отметил я, он получился гораздо более дружеским.

— Здравствуй, Канако. — пробормотал я ей на ухо. — Рад тебя видеть.

— А я уж как рада! — усмехнулась, отстранившись, Селезнёва; не спрашивая разрешения, она положила руки мне на плечи. — Что-то ты здорово сдал. — сощурилась она. — Нормально себя чувствуешь?

— Да так. — отмахнулся я. — Просто недоспал. Работа.

— Да, ты говорил. — сказала она. — Правда, в очень общих чертах. Может, кофе?

— Нет, спасибо. — покачал головой я.

Селезнёва улыбнулась и отпустила меня. Я непроизвольно улыбнулся в ответ. Время, которое мы провели вдвоём, всё же давало о себе знать. Особенно сейчас.

Кабинет Селезнёвой был маленьким — размером чуть побольше стеклянных аквариумов у нас в Цитадели, но ненамного. Что самое главное, он был непрозрачным: каменная комната со стенами, выкрашенными в тускло-зелёный цвет. Единственное небольшое окно позади кресла Селезнёвой было плотно закрыто, подоконник заставлен какими-то цветами. Из окна виднелось задиравшееся вверх дэдзимское небо.

— Так что там у тебя? — спросила Селезнёва, усевшись на край стола. — Что за дело?

— Да так, ничего особенного, — пожал плечами я. — «Дифенс Солюшенс», знаешь таких?

— Улица Ремонтная, 24? — уточнила она. — Знаю. Что с ними не так?

— Вот я и хотел бы узнать. Одолжишь мне дюжину своих орлов, а?

— А ордер у тебя есть, марсельский сокол? — рассмеялась Селезнёва. Я виновато развёл руками. — Ну а что я тогда могу сделать?

Я вздохнул.

— Знаешь, Канако, — серьёзно сказал я, — там, внизу, творится что-то очень странное. Настолько странное, что ордера мне пришлось бы ждать до следующего оборота Сатурна, если вообще. А сейчас я боюсь, что полетит моя голова. Выручай, а?

— Возможно. — только и сказала она. — Что случилось?

Я вкратце рассказал ей о произошедшем — убийстве Вишневецкой, Сэкигахары, согнанных по тревоге патрульных, совещании и моих соображениях на этот счёт. Селезнёва внимательно выслушала меня, несколько раз переспрашивая. Наконец я закончил рассказ, и она вздохнула.

— Да уж. — только и сказала она.

— Теперь понимаешь? — спросил я. — Времени совсем в обрез: где-то там бегают убийца, и я должен его поймать. Во что бы то ни стало. А для этого мне нужно кое-что

разузнать. Так ты сможешь?

— А Фудзисаки ты куда дел?

— Возле проходной оставил. — и, подумал я, это было к лучшему: Фудзисаки и Селезнёва друг друга откровенно недолюбливали. По очевидным причинам. — Так что?

Селезнёва пожала плечами и улыбнулась.

— Ну как я могу отказать тебе, Штайнер? — лукаво спросила она, склонив голову набок. — Лейтенанту Кюршнеру в мой кабинет. — приказала она кому-то и, получив подтверждение, кивнула.

Я смущённо потупился.

* * *

Три бело-синих «Грифона» СПОР мчали по улице фон Зибольда, обгоняя неторопливые фургоны и то и дело минуя пронесившиеся по середине улицы трамваи. Мы с Фудзисаки сидели на заднем сидении одного из броневых автомобилей — вместе с лейтенантом Кюршнером, командиром взвода, которого отрядила мне в помощь Селезнёва.

Кюршнер — черноволосый, зеленоглазый, пропорциями напоминающий вешалку для пальто — воспринял идею нанести дружественный визит гайдзинам с небывалым энтузиазмом. Двадцать бойцов его взвода, насколько я мог понять — тоже. Несанкционированность мероприятия, похоже, только делала его интереснее — не тот подход, которого ожидаешь от до предела военизированного СПОР.

— Итак, — сказал лейтенант, откинувшись на сидении напротив нас, — каков наш план, господин инспектор?

— Внеплановая инспекция. — ответил я. — Ваши люди осмотрят складские помещения... под нашим руководством, разумеется. Мы также зададим их руководству несколько вопросов. Изъять данные не выйдет, увы, — я пожал плечами, — но и этого должно хватить.

— Можем конфисковать носители. — буднично предложил Кюршнер. Я покачал головой:

— Не стоит. У них могут возникнуть претензии, если мы будем изымать что-либо без ордера.

— Вы начальник. — согласился Кюршнер.

Фудзисаки с обречённым видом покачала головой. С каждой минутой эта затея нравилась ей всё меньше и меньше.

Номер 24 по улице Ремонтной скрывался за забором — на этот раз выложенным из кирпича в марсианском стиле. За воротами виднелось двухэтажное серое здание: в Дэдземе было мало стеклянных фасадов, и каждый такой административный корпус выглядел, как

худшие образчики архитектуры Нойштадта. У ворот висела металлическая табличка с надписью «DEFENCE SOLUTIONS plc» крупным шрифтом. Я до сих пор понятия не имею что именно означали буквы «plc».

За забором, мазками цвета на фоне серых стен, развевались флаги — наш тёмно-синий досэйки, флаг Лунно-Лагранжийского Альянса и третье полотно, которое я не узнал. Видимо, оно принадлежало самой «Дифенс Солюшенс».

«Грифоны» остановились перед воротами, перегородив въезд. Кюршнер встал, натягивая на лицо чёрную вуаль маски.

— Приехали. — сказал он и толкнул дверь, выходя наружу. Я последовал за ним.

Бойцы СПОР высыпали из «Грифонов» и выстроились у ворот, ожидая приказа. В отличие от кидотаев, упорно носивших под доспехами свои синие мундиры, они были одеты в камуфляж — абстрактную россыпь серого, тёмно-синего и чёрного, создававшую узор, отдалённо напоминавший тигровые полосы. Вместо полного доспеха Кюршнер принял решение ограничиться бронежилетами, но даже так бойцы выглядели устрашающе — шеренга огненно-оранжевых беретов, чёрные вуали, охватывавшие лицо, скрывавшие глаза баллистические очки.

— Ну, и как тебе твоё воинство? — подойдя ко мне, вполголоса поинтересовалась Фудзисаки.

— Оно не моё. — так же негромко поправил её я. — А что, тебе не нравится?

— Ну почему же, — хмыкнула Фудзисаки. — Не хватает только развевающихся знамён, пожалуй.

— А это мысль. — заметил я и обернулся к Кюршнеру: — Лейтенант, вы готовы?

— Так точно, господин инспектор. — утвердительно кивнул тот.

Я вздохнул — назад пути не было — и прошёл к воротам. Сбоку от них виднелась металлическая панель переговорного устройства: прямо над ним угнездилась камера. Ещё одна камера уставилась на меня из-за толстого стекла панели.

Я нажал кнопку вызова. На панели загорелся оранжевый светодиод.

— Кто это? — раздался голос из динамика. Говорил голос по-французски, но с отчётливым селенитским выговором; гайдзины, раздражённо подумал я, даже французский у них не как у нормальных людей!

— Национальная полиция. — сухо ответил я. — Откройте ворота.

— По какому вопросу? — не унимался голос.

— Вас это не касается. — ещё твёрже ответил я. — Откройте ворота.

Огонёк погас, и переговорное устройство замолчало. На секунду я подумал о том, что делать, если гайдзины попросту откажутся мне открывать. Они не имели права, конечно: но и сообщить о таком вопиющем нарушении законодательства я тоже не мог.

Ворота загудели и разошлись в стороны.

Я обернулся на Кюршнера и Фудзисаки и кивком велел им следовать за мной, прежде чем первому — полководец во главе торжествующего войска — вступить на территорию «Дифенс Солюшенс», пустынный дворик посередине четырёхугольника серых складов. У стены одного из них, понутив головы, стояли три рабочих робота — ярко-жёлтые на фоне однообразных складских стен. У административного корпуса — двухэтажного здания, видневшегося с улицы — были припаркованы несколько люфтмобилей: бюджетные модели для долгосрочного проката, каких полно даже в Дэдзиме. Одно из парковочных мест было пустым. Видимо, местный офис «Дифенс Солюшенс» жил отнюдь не на широкую ногу.

Двери корпуса открылись, выпуская мне навстречу три худые, неестественно высокие фигуры; они живо напомнили мне селенитку Армистед, командира «Гваэчжу Грина». Каждая из них была не меньше двух метров росту. Когда они подошли поближе, я очень удивился — и ужаснулся — тому, что из троих селенитов только одна была женщиной.

— Что всё это значит? — гневно поинтересовался один из селенитов-мужчин, выступая вперед. К карману его куртки был приколот бэйдж с «ЛЕФРАНСУА» большими синими буквами. Он обвёл взглядом сначала меня с Фудзисаки, а затем — лейтенанта Кюршнера и его бойцов, и его лицо разгладилось. — В чём дело... господин офицер?

— Инспектор Штайнер. — холодно представился я. — Это инспектор Фудзисаки. Мы из уголовного розыска, ГУМВД в округе Титан-Орбитальный.

— Лейтенант Кюршнер. — добавил подошедший командир СПОР. — Специальное Подразделение Оперативного Реагирования.

Селенит в замешательстве отступил на шаг. Видимо, одного упоминания СПОР было достаточно, чтобы сбить с него спесь. Его сопровождающие — темнокожий мужчина с чёрными волосами и светловолосая женщина — застыли, ошеломлённо глядя за спину Кюршнера, где выстроилась шеренга бойцов в оранжевых беретах.

Они напуганы, понял я. Отлично. Пусть такими и остаются.

— Так кто вы? — спросил я у селенита. Тот нервно сглотнул.

— Арман Лефрансуа. — представился он уже гораздо более мягким тоном. — Это мои помощники: господин Рамачандран и госпожа Фаулер. Прошу прощения... но что произошло, господин инспектор?

— Это инспекция. — ответил я. У вас все разрешения в порядке?

— Конечно же! — воскликнул Лефрансуа. — Все наши лицензии и документы в полном порядке, господин инспектор, смею вас заверить. Но последняя инспекция была всего три недели назад!

— ...Внеплановая инспекция. — ответил я, додумывая на ходу. — До нас дошли сведения о пропаже некоторых предметов с ваших складов. Как вы понимаете, к таким происшествиям мы относимся очень серьёзно.

Лефрансуа замер. На его лице проскользнула гримаса то ли страха, то ли испуга. Я с трудом удержался от торжествующей улыбки: попадание было прямо в десятку.

— На наших складах всё в порядке. — произнёс он. — Вас дезинформировали.

— Сведения из очень достоверных источников. — добавил я. — Поэтому сотрудничество с нами — в ваших же интересах, господин Лефрансуа. В противном случае... — я позволил селениту закончить фразу за меня. С гайдзинами, не выказывавшими должного уважения представителям власти, сатурнианские контролирующие органы особенно не церемонились.

Лефрансуа побледнел. Космоноидам вообще свойственна некоторая бледность: даже темнокожий Рамачандран был, на самом деле, весьма светлого оттенка — по сравнению хотя бы с лепантийцем Гучетичем. Но Лефрансуа сделался белым, как полотно.

— Прошу вас, господин инспектор. — приглашающе произнёс он. В его голосе послышался оттенок обречённости. — Госпожа инспектор. Вы желаете осмотреть наши офисы или сразу склады?

— Склады, разумеется. — ответил я. — У нас есть ваши накладные, господин Лефрансуа. — и это было чистой правдой: Моритани не поленилась снабдить нас с Фудзисаки подробным списком хранимого имущества «Дифенс Солюшенс». — И лейтенант Кюршнер и его люди также идут с нами.

— Но, господин инспектор... — начал было Лефрансуа.

— Это не обсуждается. — оборвал его я.

Селенит обречённо вздохнул.

— Прошу вас. — подавленным голосом пригласил он, указав длинной рукой на склад.

* * *

Склад встретил нас воротами, сразу за которыми начинались ряды двухъярусных стеллажей, уходившие вглубь помещения. Под высокой, со стеклянными окнами, крышей склада покоились сложенные манипуляторы на рельсах. Сами стеллажи были серозелёными, каждый ярус — размерами примерно с половину стандартного контейнера.

— Как давно вы работаете здесь? — спросил я у Лефрансуа, вступая внутрь. Двое складских рабочих — тоже селенитов — воззирились на меня удивлёнными глазами. — Просветите меня.

— Представительство? Примерно с восемьдесят девятого года. — сообщил Лефрансуа, стараясь идти рядом со мной. Величественным взмахом руки он усрал куда-то обоих рабочих; те исчезли среди стеллажей. — Но чуть больше года назад мы, как видите, несколько расширились.

— Отчего же? — поинтересовалась Фудзисаки.

— Компания приняла решение начать крупные закупки вооружения и снаряжения

здесь, на Сатурне, госпожа инспектор. — склонил голову Лефрансуа. — Нам требовался перевалочный пункт, а в Дэдзиме уже был наш филиал. Ваше законодательство здесь не в пример либеральнее, госпожа инспектор.

— Не сомневаюсь. — улыбнулась уголками рта Фудзисаки. Сатурнианское законодательство считает Дэдзиму свободной экономической зоной, где не действовали многие регуляторные нормы — например, касавшиеся экономической деятельности иностранцев. — Но почему именно наше оружие, господин Лефрансуа? Почему не закупать его на Марсе или на Луне, например?

— Потому что оно оптимально подходит для решения задач, стоящих перед компанией. — ответил Лефрансуа. — Особенно ввиду расширения нашего участия на Дельмарве. Большая часть этой партии, — он обвёл длинной рукой обступавшие нас стеллажи, — предназначена для Северной армии — мы сотрудничаем с северянами по вопросам боевой подготовки и стратегической безопасности. Другая часть предназначена непосредственно для наших сотрудников, и, поверьте мне, сатурнианское оружие — действительно одно из лучших, госпожа инспектор.

— Лучше, чем лунное? — уточнила Фудзисаки.

— Лучше, чем лунное. — кивнул Лефрансуа.

Глаза Фудзисаки загорелись. Я мысленно выругал себя последними словами: теперь Жюстину отсюда не вытацишь и складским манипулятором.

— Вы участвовали? — живо спросила она. — В боевых действиях?

— Разумеется, госпожа инспектор. — ответил Лефрансуа. — Мы вернулись в Солнечную буквально месяц назад, для отдыха и переформирования, а также, — он снова указал рукой на стеллаж, — чтобы принять поставку и сопроводить её обратно на Дельмарву. А так как я — старший офицер компании в Дэдзиме, то... — он пожал плечами, сделавшись похожим на богомола.

Фудзисаки многозначительно кивнула и покосилась на меня. Я укоризненно покачал головой.

— И что вы храните здесь? — любопытствовала она, кивая на ближайший стеллаж. Его бок украшал инвентарный номер: на всякий случай я сразу же записал его. Лефрансуа будто просиял от вопроса.

— Защитное снаряжение. — пояснил он. — Бронекостюмы, индивидуальные средства. Позвольте продемонстрировать. — не дожидаясь ответа, он выпростал руку к указанному стеллажу... и стеллаж ожил: дверца в нижнем ярусе отскочила в сторону, и наружу выехала рама, на которой висел бронекостюм.

Бронекостюм чем-то напоминал помесь экзоскелета какого-то диковинного насекомого с рыцарскими латами; подвешенный на раме за плечи, он казался марионеткой, безвольно повисшей на нитях. Открытое забрало шлема напоминало ухмылку черепа. Ячеистая поверхность доспехов была камуфляжного окраса, который я не узнал; впрочем, я вообще не разбираюсь в камуфляже. Но, судя по пятнам зелёного, коричневого и бежевого, он был определён не для наших орбиталищ.

— Ваше? — с трудом скрывая восхищение, спросила Фудзисаки. Лефрансуа отрицательно помотал головой.

— Эта партия предназначена для Северной армии. — пояснил он и обвёл рукой несколько ближайших стеллажей: — Здесь примерно тысяча таких комплектов.

— Тысяча? — спросил подошедший Кюршнер; в полушаге позади него следовала одна из бойцов СПОР. — Целый полк?

— Скорее батальон. — поправил Лефрансуа. — Это модель «Сапфир-МК».

— Коммерческая? — в голосе Кюршнера прозвучало удивление.

— Поверьте, господин лейтенант, — ответил Лефрансуа, — любая модель будет лучше того, в чём ходят солдаты Северной армии. А «Сапфир-МК», хоть и была выпущена почти двадцать лет назад, всё ещё остается одной из лучших на рынке. Мы же не воюем — боже упаси — с регулярными частями Центавры, господин лейтенант. Для условий Дельмарвы такого бронекостюма будет более чем достаточно.

— Где остальное ваше снаряжение? — спросил я, оборвав начавшуюся лекцию. Фудзисаки с упрёком покосилась на меня: похоже, она только-только вошла во вкус.

— На соседних складах вооружение, снаряжение и боеприпасы. — голос Лефрансуа прозвучал так, будто бы его оскорбили в лучших чувствах. — У нас также есть боевые роботы и лёгкая бронетехника, но мы арендуем для них отсек в Порту. Ваши коллеги инспектировали его неделю назад, господин инспектор. Меня заверили, что всё в порядке.

Летуны инспектировали «Дифенс Солюшенс»? Роботы и бронетехника меня не так интересовали, но об этой проверке нужно будет уточнить у Еремеева.

— Они тоже для дельмарвцев? — спросила Фудзисаки.

— Господи упаси, госпожа инспектор! — вскинул руки ладонями вперед Лефрансуа. — Для сотрудников компании.

Я кивнул. Пора было переходить к осмотру.

— Мы проинспектируем ваши склады. — вслух сказал я. — Начнём отсюда. Скорее всего, нам понадобится помощь вас и ваших сотрудников. Оставайтесь здесь.

— Как будет угодно, господин инспектор. — склонил голову Лефрансуа. — Господа Рамачандран и Фаулер к вашим услугам, если вам что-либо понадобится.

— Благодарю вас. — сухо поблагодарил я. — За содействие. — и обернулся к Кюршнеру: — Начинайте осмотр.

— Есть. — коротко ответил Кюршнер, отдавая приказание. Бойцы за его спиной разбежались в разные стороны, группами по трое; ещё двое остались тут, рядом с ним.

Лефрансуа снова сделался блее белого.

* * *

Фудзисаки была на седьмом небе от счастья.

Бойцы СПОР выворотили наружу каждый стеллаж, отчего склад стал напоминать бутик военного снаряжения. Мы с Фудзисаки и Кюршнером ходили между ними, проводя осмотр — вернее, осмотр проводил я, пока Жюстина таращилась во все глаза на окружавшее её изобилие. Когда мы дошли до стеллажей с бронекостюмами, предназначенными для сотрудников «Дифенс Солюшенс», она была готова прыгать от радости.

Пока Фудзисаки восторжённо ходила вокруг торчащих наружу рам с бронекостюмами, я делал пометки в файле Линзы, сверяя номер партии в торце стеллажа с данными в списке. Номер совпадал, и я обошёл стеллаж, чтобы сверить номера по отдельности. Особого смысла в этом не было: все бронекостюмы были на месте.

— «Агат-К»! — восхищённо сообщила Фудзисаки, когда я подошёл к ней. — Знаешь, Штайнер, я готова тебя простить за эту авантюру: это же просто праздник какой-то!

— С чего бы это? — спросил я, разглядывая бронекостюм на ближайшей раме: точь-в-точь такой же, как и «Сапфир-МК», только шлем и нагрудник несколько другой формы. Вместо пятнистого камуфляжа поверхность бронекостюма была нейтрально-серой, но я догадывался, что она могла легко изменить окрас.

— Как с чего?! — воскликнула Фудзисаки. — Это же «Агат-К»! Да, коммерческий, но это лучший коммерческий бронекостюм, который себе можно позволить!

— И все они на месте. — сухо добавил я. — По крайней мере, на этом стеллаже. Пошли. — я двинулся к следующему стеллажу, уже вывернутому наружу. К сожалению, и здесь все доспехи были на месте.

Фудзисаки обиженно надулась. Я понятия не имел, отчего: я никогда больше необходимого не интересовался бронекостюмами.

Мы обошли все стеллажи с бронекостюмами «Дифенс Солюшенс» — одинаковыми «Агатами-К», не обнаружив ни единой пропажи, ни единого изъяна. Всё было на местах — в точном соответствии с накладными. И ни один «Агат» не был похож на тот доспех — или скафандр? — который носил убийца Вишневецкой и Сэкигахары. Для начала, при всей его долговязости, «Агат» был раза в полтора шире в бёдрах и плечах.

— «Дифенс Солюшенс» хорошо снаряжает своих сотрудников. — заметил Кюршнер; мы стояли у крайнего стеллажа, напротив открытых погрузочных ворот склада. За воротами блестели на свете люминёра трамвайные рельсы: как и в Титане-Орбитальном, по всей Дэдзиме курсировали грузовые трамваи. — Но если позволите, господин инспектор... — я поднял бровь, глянув на лейтенанта, и слегка кивнул, — ...здесь что-то странное.

— Что именно? — поинтересовался я, скрывая удивление: чего такого мог заметить Кюршнер, чего не заметил я? Не то чтобы здесь что-то было: всё было на месте...

— Бронекостюмы. — ответил Кюршнер. — Они слишком новые, господин инспектор. Честно говоря, у меня такое впечатление, что их ни разу и не надевали.

— Лефрансуа что-то говорил о закупках снаряжения. — напомнил я. — И о том, что часть этого снаряжения шла непосредственно им.

— Но где тогда их старые бронекостюмы? — спросил Кюршнер. — Если этот

Лефрансуа говорит, что они вернулись сюда прямо с Дельмарвы? Не в хабэшках же они там бегали, Каннон помилуй... простите, господин инспектор...

— Ничего. — покачал головой я и поскрёб подбородок. лейтенант был прав: это действительно было подозрительно. И я действительно этого не заметил: то, что у «Дифенс Солюшенс» должны были остаться старые бронекостюмы, не пришло мне в голову.

Наскоро я пролистал список хранимого имущества. Других «средств индивидуальной защиты», кроме «Сапфиров», «Агатов» и ящика бронезилетов на третьем складе, там не значилось.

Я хмыкнул и пошёл вглубь склада. Кюршнер, поколебавшись, последовал за мной.

Лефрансуа был там, где мы его оставили: посредине зала, под охраной двоих бойцов СПОР, с Фаулер и Рамачандраном неподалёку. Селенит нервно переплетал длинные пальцы; его подчинённые неловко переминались на месте. Вывернутых наружу стеллажей вокруг они упорно пытались не замечать.

— Господин инспектор. — произнёс Лефрансуа, когда я подошёл ближе; в голосе селенита звучал неподдельный испуг. — Надеюсь, ваш осмотр проходит успешно?

— Вполне. — сказал я. — На данный момент. Скажите, господин Лефрансуа, а где ваши старые доспехи?

— Старые? — удивлённо уставился на меня Лефрансуа. — Простите, о чём речь, господин инспектор?

— Вы вернулись в Солнечную месяц назад. — спокойно и очень терпеливо произнёс я. — На переформатирование и отдых после Дельмарвы, как вы сами сказали. Простите, но сложно представить, чтобы вы — и ваши люди — вернулись с планеты без своего обмундирования. Например, без бронекостюмов. Итак, где они?

— А-а-а! — воскликнул Лефрансуа; бледных щёк селенита коснулся румянец. — Я понял, о чём вы, господин инспектор. Боюсь вас разочаровать: наши старые доспехи отбыли с нашим кораблём дальше, на Луну. Предполагалось, что мы примем поставку и вернемся обратно на Дельмарву уже в новом обмундировании... вы ведь видели «Агаты», господин инспектор?

— Видел. — кивнул я. — А почему же вы не оставили старые бронекостюмы здесь, господин Лефрансуа?

— Мы не можем их здесь содержать. — развёл руками Лефрансуа. — К сожалению, для них не было свободных стеллажей, а морга у нас здесь нет, господин инспектор. Пришлось оставить их на корабле, и, увы... — он с сожалением пожал плечами, — ...расстаться с ними.

— Морга? — прищурился я. Что-то подсказывало мне, что речь шла не о трупохранилище.

— Ремонтно-эксплуатационного помещения для бронекостюмов, господин инспектор. — негромко подсказал Кюршнер. Я мысленно чертыхнулся: так опозориться перед гайдзинами, да ещё и на ровном месте!

— Именно так. — кивнул Лефрансуа. — За пределами морга — или другого подобным образом оборудованного помещения — мы не имеем права содержать бронекостюмы.

Поэтому мы были вынуждены их оставить. — он вновь пожал плечами. — Мы также не можем начать осваиваться с новыми «Агатами», господин инспектор. Это запрещено.

В его голосе прозвучал упрёк.

— Благодарю вас, господин Лефрансуа. — холодно ответил я. — Если позволите, мы хотели бы продолжить осмотр. Оружейного склада.

— Разумеется. — медленно кивнул Лефрансуа, снова бледнея на глазах. — Оружейный склад находится там, — он указал в дальний конец помещения, — за закрытой дверью. Это также одно из ваших требований, господин инспектор.

— Так откройте её. — спокойно потребовал я.

— Сию минуту, господин инспектор. — склонил голову Лефрансуа и отряхнул пальцы. — Фаулер, — обернулся он к помощнице: та вскинула голову, — помогите господину инспектору.

— Слушаюсь. — кивнула селенитка. — Пройдемте, пожалуйста, господин инспектор...

— Одну минуту. — сказал я и глянул на Лефрансуа. — Господин Лефрансуа, а где ваше оружие? Или оно тоже, — я сделал паузу, — отправилось на Луну?

— Нет, что вы, — помотал головой Лефрансуа, старательно избегая встречаться со мной глазами. Я сощурился. Запуганный Лефрансуа мне нравился определенно больше, но сомневаюсь, что напугал его я. — Наше оружие там же, на оружейном складе. Оно внесено в накладные. Всё совершенно законно, господин инспектор.

— Не сомневаюсь. — ответил я. — Вы разрешите его осмотреть?

— Разумеется, господин инспектор. — проговорил Лефрансуа.

— Спасибо. — ответил я тоном, не предполагавшим никакой благодарности, и обернулся к ожидавшей Фаулер.

Та кивнула и простёрла руку в приглашающем жесте.

* * *

Фаулер привела нас — меня, Кюршнера, двух бойцов и подросевшую Фудзисаки с широкой улыбкой до ушей — к массивной круглой двери, преграждавшей вход на оружейный склад. Дверь была достаточно высокой для того, чтобы в неё прошёл любой стандартный контейнер — ну, или два стеллажа с бронекостюмами. Плитки пола были исчерчены следами от колёсиков грузовых тележек.

Фаулер протянула руку к консоли сбоку от двери: из воздуха соткалось окно, и селенитка несколько раз коснулась его. Окно мигнуло: в стене чуть выше открылся проём сканера сетчатки. Фаулер грациозно склонилась к нему.

Сканер довольно пискнул, и дверь, только что казавшаяся монолитной, разошлась в стороны. Следом за ней поочередно распахнулись и остальные три. Я восхищённо присвистнул: оружейная Цитадели обходилась гораздо менее изощрёнными мерами безопасности.

— Это единственный вход? — уважительно спросил я.

— Внутри есть спуск в подвал, — качнула головой Фаулер; её голос, даже несмотря на необычный французский, был мелодичным, мягким и словно малость печальным. — Но мер предосторожности там несколько меньше.

Я кивнул. Ну, подвал или не подвал... в Дэдземе тоже были подземные коммуникации — разумеется! — но их доступная людям часть была куда менее обширной.

Всё зависело от того, что я здесь найду.

— Пройдемте, пожалуйста. — пригласила Фаулер. Длинные пальцы селенитки коснулись моего левого плеча: я недоумённо глянул на неё. — Надеюсь, вас удовлетворят результаты осмотра... господин инспектор?

Я дёрнул плечом, стряхивая её руку.

— Надеюсь. — холодно произнёс я и прошёл внутрь. Фаулер так и застыла с поднятой рукой.

Свет зажёгся, стоило мне переступить порог: здесь не было световодов в потолке. Сложенные под крышей манипуляторы отбрасывали гротескные тени.

Весь склад был заставлен обычными оружейными шкапами, наглухо закрытыми; никто не потрудился составлять из них стеллажи, как с полуконтейнерами, и моему взору открывались двойные ряды шкафчиков, равномерно расположенных по всему складу. Вдоль стен тоже шли ряды шкафов. Если верить накладным — а накладные были у меня перед глазами — оружия на складе «Дифенс Солюшенс» хватило бы на то, чтобы вооружить целую армию. До тех пор, пока оно было под замком, это маленькое расхождение меня не волновало.

Но что-то здесь было не так. Совсем не так. Если всё в порядке, то что так пугало Лефрансуа? Помешать моему осмотру он не мог — этот мой блеф удался блестяще: селениту и в голову не пришло, что грозный инспектор Национальной полиции может действовать не то что без ордера, но даже без ведома начальства. Но чего такого страшного было в самом осмотре?

— И что она себе позволяет? — недовольно пробормотала себе под нос Фудзисаки. — Распускает тут руки...

— Я живой, как видишь. — ответил я и обернулся к Кюршнеру и его двум бойцам: — Лейтенант, приступайте. Как только найдете что-то необычное — зовите меня.

— Есть. — кивнул Кюршнер и развернулся на каблуке. — Маликова, Хаас, — скомандовал он бойцам, — приступайте.

Разгром, учинённый на центральном складе, повторился в меньшем масштабе:

Маликова и Хаас — капрал Маликова и специалист Хаас, судя по погонам, болтавшимся у них на груди — распахивали каждый шкафчик, встречавшийся на их пути. Первый же шкафчик оказался заполнен кинетическими винтовками: на нас с Фудзисаки уставилась шеренга матово-серых ствольных коробок.

— F.35M. - безошибочно определила Жюстина. — Минобороны что, распродает старые склады? Им же лет по тридцать, не меньше... — я и слова сказать не успел, как она выдернула одну из винтовок из стойки и повертела её в руках. — Ты смотри, 2363 год...

— Ты бы хоть перчатки надела. — укоризненно сказал я. — Вещдоки.

— Вещдоки... — протянула Фудзисаки и поставила винтовку на место. Я поднял Линзу, чтобы сверить номера — тот, что на шкафчике, и номера винтовок. Все они были дотошно внесены в накладные.

Винтовок было много. F.35 была старой моделью, спроектированной ещё до Второй Солнечной — здоровенное ружьё с жёстким прикладом, длинным стволом и спусковым крючком позади магазина. Современные кинетические карабины — F.82 — были раза в два её короче. Полицию перевооружили на семейство F.80 всего три года назад, поэтому старые винтовки я ещё застал. Два раза — один раз в Академии МВД, а другой раз — на стрелковой квалификации пять лет тому назад. Мне даже довелось из неё пострелять.

— Дельмарвцы, небось, стреляют вообще из каких-то карамультуков. — прокомментировала Жюстина, когда мы проходили мимо очередного распаханного шкафчика. Рядом с винтовками были бережно упакованы съёмные оптические прицелы. — Или что это, утилизация старых запасов?

— Разрядка. — напомнил я. — Тем более, эти винтовки даже Берлинский кризис не застали, на складах их должно быть ещё полным-полно...

— Ага. — фыркнула Фудзисаки. — Пятьдесят третьего года выпуска... Ну или вообще военного времени, там тихий ужас...

— Тебе виднее. — пожал плечами я, но тут раздался голос Кюршнера:

— Господин инспектор!

Мы поспешили мимо уже распаханых шкафчиков, уставленных оружием, туда, где нас ожидал Кюршнер, скрестив руки на груди. За его спиной, вдоль стены склада, выстроилось сразу несколько шкафов, уже предусмотрительно открытых: на стойках покоилось оружие.

И что это было за оружие.

— Великие боги! — ахнула Жюстина.

Здесь были винтовки, штурмовые карабины, ручные пулемёты, автоматические дробовики, гранатомёты, две шеренги пистолетов, несколько крупнокалиберных снайперских винтовок и даже занимавшая добрую половину одного из шкафчиков автопушка с мотоподвесом. Личное оружие сотрудников «Дифенс Солюшенс», сразу понял я: не меньше сотни стволов, и ни один из них не был похож на другой. Во всяком случае, подо всем обвесом.

— Недурная коллекция. — заметил Кюршнер. В его голосе послышалась зависть. Я только и мог, что кивнуть: зрелище действительно впечатляло. Даже меня.

Моих скромных познаний в оружии, в основном подчёрпнутых из служебных циркуляров и бесконечных монологов Фудзисаки, хватило, чтобы это оценить. Сотрудники «Дифенс Солюшенс» ни в чём себе не отказывали, когда дело касалось оружия, и ухитрились собрать тут образцы стрелкового оружия со всей Вселенной. Я сразу — не без труда — разглядел две или три F.35 с прицелами, складными прикладами и в ячеистой камуфляжной расцветке: кое-какие другие экземпляры тоже показались мне смутно знакомыми.

Фудзисаки, казалось, утратила дар речи. Она восторжённо вертела в руках один из штурмовых карабинов, забыв даже натянуть перчатки. На боку ствольной коробки были отчётливо видны двойные звёзды и крошечная надпись «Сделано на Центавре».

— Ты знаешь, как он называется? — спросил я у Жюстины. Та недоумённо уставилась на меня; затем к ней, похоже, вновь вернулась речь:

— Конечно! Это штурмовой карабин M76, калибр — 6.8 на 43 миллиметра, сорок пять зарядов в магазине, батарея на пятьсот выстрелов без подзарядки... гибридный голографический прицел, тактическая рукоятка, встроенный лазерный целеуказатель, трехточечный ремень...

— Достаточно. — оборвал её я и поднял Линзу, наведя её на карабин. Номер, под которым он был внесён в базу, оказался в полном порядке.

Я нахмурился. На секунду мне пришло в голову, что весь мой блеф был насмарку: здесь действительно ничего не было. Всё оружие, указанное в списках, было на месте. Лефрансуа было нечего опасаться.

Но он боялся. И я не мог понять, чего, если всё, увиденное мною, было на своём месте и в полном — полнейшем! — порядке.

Адатигава солгала? Это было бы возможно, если бы на моём месте была любая другая офицер полиции. Но не я. Со дня нашего знакомства Адатигава никогда не лгала мне. Недоговаривала — да, и неоднократно; но не лгала. Зачем ей начинать сейчас?

— Господин инспектор? — спросил Кюршнер, и я вздрогнул от неожиданности. — Капрал Маликова на связи.

— Она что-то нашла? — спросил в ответ я, обернувшись к нему.

— Она... — начал Кюршнер и прервался. — Вам лучше посмотреть самому, господин инспектор.

Я внимательно посмотрел на него. Лицо Кюршнера скрывала вуаль маски, глаза — непроницаемые баллистические очки; но даже с ними мне показалось, что лейтенант чем-то удивлён.

И встревожен.

* * *

Капрал Маликова стояла у распахнутого оружейного шкафчика. Её лицо, закрытое серой тканью маски и баллистическими очками, было совершенно спокойным. Во всяком случае, так казалось снаружи.

Шкафчик был пуст. Я поднял Линзу, чтобы найти его номер: судя по списку, в шкафчике должны были храниться противотанковые ракеты. По пути сюда мы миновали несколько таких же шкафчиков — с винтовками, ракетами и гранатомётами. Оружие, которым «Дифенс Солюшенс» собирались вооружить армию Северной Дельмарвы. Которым можно было легко устроить небольшую войну.

И теперь часть его исчезла.

— Я осмотрела несколько шкафчиков. — докладывала Маликова; голос капрала чуть подрагивал от волнения. — Все они были пусты.

— Шкафчики с ракетами? — уточнила Фудзисаки. Всё раздражение из-за того, что её оторвали от коллекции оружия, с неё как рукой сняло.

— Возможно. — ответила Маликова. — Я не знаю, что должно было быть в шкафах, госпожа инспектор. Но они были пусты.

— Продолжайте осмотр. — распорядился я. — Помечайте все пустые шкафы.

— Есть. — козырнула Маликова. Я развернулся к Кюршнеру.

— Хаас что-то нашла?

— Ещё нет... — начал было Кюршнер и вновь прервался. — Пойдите... Хаас нашла ещё один пустой шкаф. — сообщил он. — Через два ряда отсюда, направо.

— Осмотрите все эти ряды. — приказал я. — По обеим сторонам.

— Есть. — кивнул Кюршнер и удалился.

Пока бойцы СПОР проводили осмотр, мы с Фудзисаки проверили Линзами каждый из пяти первых шкафчиков. Только один из них — первый — оказался предназначенным для хранения ракет; в остальных должны были быть винтовки. Не было ни одной.

Это была катастрофа.

Поиски Кюршнера и его подчинённых обнаружили ещё десять шкафчиков, разбросанных по рядам вокруг. Исчезли винтовки, пулемёты, гранатомёты, ещё один шкаф противотанковых ракет. В последнем шкафу, обнаруженном специалистом Хаас, когда-то были тяжёлые пулемёты.

Целый небольшой арсенал в полторы сотни единиц оружия. Пятнадцать шкафчиков. Всё это исчезло с охраняемого склада с беспрецедентными мерами безопасности — всё, как и

требовалось по законодательству, нормативам МВД и Министерства обороны. В полуторамиллионном орбиталище.

Это была настоящая катастрофа.

— И что нам теперь делать? — нарушила молчание Фудзисаки. — Ну, кроме как доложить Мэгурэ?

— Не знаю. — сказал я. — Но у нас очень большие проблемы.

— Как объяснить шефу, какого чёрта мы здесь забыли, то есть? — сухо уточнила она. — Это да, это проблема...

— Я думал, тебе тут нравилось. — упрекнул я.

— Нравилось! — фыркнула Фудзисаки. — До недавних пор! Сто пятьдесят стволов, Штайнер! Этого хватит на целую роту!

— Поэтому я и не знаю, что с этим делать! — рявкнул я. — Потому что мы этим не занимаемся! Этим занимается ГСБ! В самом лучшем случае!

Я осёкся. ГСБ. В этом деле много чем должна была заниматься ГСБ: начиная, хотя бы, с контрабанды в обход общепринятых каналов, и заканчивая мертвым гайдзином Франтишеком Котерой в разбитых очках, от которых начинает болеть и кружиться голова. И уж тем более ГСБ должна заниматься чем-то наподобие исчезновения партии кинетического оружия, потому что это было слишком серьёзной пропажей.

Очки, вспомнил я. Мэгурэ говорила, что ей придётся сообщить о них по инстанции — то есть, снова же, в ГСБ.

Очевидно, то же самое придётся сделать и мне.

— ...Штайнер? — осторожно спросила Фудзисаки. — Чего молчишь?

Я помотал головой. Мешаться под ногами у службы национальной безопасности Гегемонии мне хотелось меньше всего.

— Пошли. — сказал я. — Нам всё ещё нужны виброклинки.

— А с пропажей что? — тут же спросила Жюстина.

— А что нам ещё остается? — пожал плечами я.

Фудзисаки внимательно глянула на меня, обеспокоенно сдвинув брови. Затем она выпрямилась и кивнула.

— Пошли. — повторила она. — Куда?

Вместо ответа я заглянул в список, хранившийся на Линзе. Да, эта задача определенно была попроще: на складе было всего около полусотни виброклинков.

Оставалось только их отыскать.

Мы зашагали вглубь склада, между шеренг шкафчиков, на ходу проверяя номера. Возможно, внутри этих шкафов тоже была пустота; возможно, исчезло куда больше винтовок и гранатомётов, чем обнаружили бойцы Кюршнера.

Я отогнал от себя эту мысль.

Стоило пойти путём наименьшего сопротивления. Вызвать Кюршнера и приказать ему загнать сюда весь взвод, чтобы они перевернули вверх дном весь склад. Вызвать подкрепление, наконец. Но с другой стороны, у меня просто могло не быть времени на это.

— Нашла! — воскликнула Жюстина, и я резко остановился, развернувшись на каблуке. В глазах заплясали отблески от Линзы, которую Фудзисаки держала в поднятой руке. — 1098, 1099, эти?

— Эти. — кивнул я, мельком бросив взгляд на список: напротив пары десятков наименований в графе «N контейнера» стоял номер 1098. Наименований было около сотни. — Откроешь?

Фудзисаки кивнула и распахнула ближайший к ней шкаф. Я притронулся к панели на другом, и его дверца бесшумно отскочила вверх, встав на стопор.

В одном оружейном шкафу помещается примерно десять кинетических винтовок. Виброклинок в ножнах занимает даже меньше места. Стойки для оружия, помещающиеся в шкафах, модульные: там, где в другом шкафу стояли бы две винтовки, сейчас висело, рукоятью вверх, по три меча.

Габаритами виброклинок ничем не отличается от такого же клинка, только сделанного из стали и практически безобидного. Обыкновенными стальными мечами когда-то дрались на дуэлях — до первого пореза, хотя проткнуть незащищённого человека можно было даже таким мечом. Практически сразу же в моду вошли дуэльные доспехи.

Виброклинок не обошёлся бы порезами. Собственно, надолго остановить виброклинок не могут даже пластины бронекостюма. И тем не менее, убийца выбрал именно такое оружие, чтобы убить сначала Вишневецкую, а потом — Сэкигахару. Чудом ухитрившись не отсечь им головы, хотя виброклинок способен сделать это одним взмахом.

— Коротковаты будут. — пробормотала Фудзисаки. — Тут где-то семьдесят сантиметров...

— Да уж, не досэй-гунто. — кивнул я в знак согласия. — Жюст, а зачем им вообще виброклинки?

— «Дифенс Солюшенс»-то? — переспросила она. — А я почём знаю? В принципе, виброклинки почти бесшумные, но... — она умолкла и обернулась ко мне. — Ты думаешь о том же, о чём и я?

— Что Вишневецкую прирезал случайно проходивший мимо отряд спецназа? — переспросил я.

— Именно. — кивнула Жюстина. — Я не знаю, чем они там на Дельмарве занимались, но явно же не в окопах сидели; а эти мечи, как ты заметил, не досэй-гунто, для красоты с ними никто не будет расхаживать. Что ещё остается?

— У Малкиной будут большие проблемы. — пробормотал я. — Если мы что-то докажем. Тут все мечи на месте.

— Аналогично. — Фудзисаки помахала Линзой. — Пятнадцать.

— Итого тридцать. — подытожил я. — Ещё один шкаф.

— Какой?

— У тебя справа.

Фудзисаки обернулась к соседнему шкафчику, подошла ближе и тронула панель на его торце. Дверца распахнулась. Наши Линзы синхронно мигнули, обменявшись данными с идентификационной меткой шкафчика — 1100.

— Вуаля. — сказала Фудзисаки, и я подошёл поближе.

Здесь тоже висели виброклинки: рукоятками вверх, по три на каждой стойке, поблёскивая золочёными деталями: простая круглая гарда и такое же навершие. Небольшая кнопка переключателя у основания рукояти не оставляла никаких сомнений: это были именно виброклинки.

Вибромечи. Конечно, до почти метровых досэй-гунто, парадного оружия сатурнианских военных, им было далеко: но это был хоть и короткий, но меч. И Фудзисаки была права: применение для такого меча могло найтись только одно.

А их здесь почти полсотни. Чем «Дифенс Солюшенс» занимается там, на Дельмарве?..

Я остановился и присмотрелся ещё раз.

Одно из креплений на стойке посередине было пустым.

* * *

— Господин инспектор, — поднял голову Лефрансуа, когда мы — я, Фудзисаки и Кюршнер — приблизились к нему. Глаза селенита нервно бегали по сторонам, длинные пальцы сплелись. Видно было, что Лефрансуа старательно избегал смотреть на застывших по бокам, будто статуи, бойцов СПОР.

Я знаю, чего ты боишься, подумал я. И тебе есть чего бояться.

— Господин Лефрансуа. — ответил я, на этот раз не удостоив его даже кивком. Если бы Лефрансуа чуть лучше разбирался в нашем этикете, он сразу понял бы, что это плохой знак.

— Я могу чем-то помочь вам, господин инспектор? — спросил Лефрансуа, глядя на меня. Он не стал отводить взгляд или прятать глаза: похвальная, но ожидаемая, честность.

— Да, можете. — сказал я. — Например, вы можете пояснить, куда исчезли полторы сотни единиц оружия с вашего склада. Склада, который, как заверила меня госпожа Фаулер, надёжно охраняется и оснащён всеми мерами предосторожности!

Лефрансуа отшатнулся. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но тут же захлопнул его: оттуда вырвался сдавленный взглас.

— Вы понимаете, что произошло? — негромко спросил я. — Полторы сотни стволов, господин Лефрансуа. Боевого оружия. Вы знаете, сколько статей Уголовного кодекса вы только что нарушили?

— Мне ничего не было об этом известно! — выкрикнул Лефрансуа, и в его голосе, наконец, прорезалась сталь. — Мне никто не сообщил о нарушении мер предосторожности — мер, которые наша компания предприняла! В точности так, как того требует ваше правительство, господин инспектор! Это не вы должны обвинять меня, это я должен просить вашей помощи, потому что с моего склада только что похитили часть моего груза! За который я отвечаю головой!

— Вы можете отвечать чем угодно, господин Лефрансуа. — ровным тоном проговорил я. — Но вы не в той ситуации, чтобы повышать голос на сотрудника правоохранительных органов Сатурнианской Гегемонии.

— Нет, позвольте! — рявкнул Лефрансуа. — Я слишком долго был вежлив с вами, инспектор! Я оказал вам полное и безоговорочное сотрудничество, обеспечил полный доступ, и теперь вы выходите и обвиняете меня?! — он шагнул вперед, нависнув надо мной. Только сейчас я понял, насколько же высоким был селенит: в Лефрансуа было больше двух метров росту, и при всей худобе он был жилистым и узловатым, как углеродный трос. — Я устал заискивать перед вами, инспектор, слышите?! И я не собираюсь принимать на себя вину за то, о чём не имел ни малейшего понятия, в ситуации, когда я — пострадавшая сторона!!

— И тем не менее, — оборвал его я, — своим бездействием вы прямо нарушаете статьи 222, 224, 225 и 226 Уголовного кодекса Сатурнианской Гегемонии. И если вы произнесёте ещё одно слово, то сюда добавится ещё и статья 294.2, «Препятствование сотруднику правоохранительных органов Сатурнианской Гегемонии при исполнении служебных обязанностей»!

Лефрансуа ничего не ответил, глядя на меня сверху вниз. Я ответил ему тем же.

— Лейтенант Кюршнер? — спросил я, не отводя взгляда. Правая щека Лефрансуа подрагивала, ноздри длинного носа гневно раздувались. На тощей узловатой шее пульсировала жилка.

— Господин инспектор? — подал голос Кюршнер.

— Вы уже вызвали подкрепление, лейтенант? — спокойно поинтересовался я.

— Так точно, господин инспектор, остальная часть роты на подходе. — отрапортовал он.

— Отлично. — сказал я, не сводя глаз с Лефрансуа. — Надеюсь, что до их прибытия у вас не возникнет никаких осложнений... не так ли, господин Лефрансуа?

Селенит ничего не ответил, всё ещё неотрывно смотря на меня из-под сдвинутых бровей. Наконец он коротко и сухо кивнул.

— Благодарю вас. — ответил я и отступил на шаг. — За ваше сотрудничество.

Я развернулся и пошёл к выходу со склада. Жюстина бросила последний взгляд на склад и распахнутые стеллажи с бронекостюмами и пошла следом за мной.

— Ты ничего не сказал про меч. — сказала она, стоило нам отойти от склада.

— Конечно. — ответил я. — Это было бы слишком подозрительно, и у нас нет доказательств. Пока нет.

— А когда они будут? — спросила Фудзисаки.

— Это зависит только от нас. — пожал плечами я. — И от того, насколько убедительны мы будем.

— Перед Мэгурэ?

Я тяжело вздохнул.

— Да. — сказал я. — Перед Мэгурэ.

Делать этого мне всё ещё не хотелось — не со всеми этими непонятными совещаниями с утра пораньше — но сейчас моя позиция, по крайней мере, была менее шаткой.

Осталось только добавить завершающий штрих.

— Участок, — сказал я вслух, вызывая диспетчерскую Управления Национальной полиции в Дэдзиме. — Штайнер, семь-девять-пять-семь-четыре. Хищение оружия в крупных размерах, возможно незаконная передача, по адресу: улица Ремонтная, 24. Примите к сведению, оружие кинетическое, повторяю, кинетическое. Участок, приём.

— ...Вас поняла, инспектор. — произнесла дежурный диспетчер, помедлив несколько секунд. Я мог её понять: не каждый раз тебя опарашивают сообщением о похищении крупной партии кинетического оружия. — Доложите обстановку, приём.

— Обстановка спокойная, — ответил я, — хозяева территории готовы к сотрудничеству. И, пожалуйста, вышлите только бригаду криминалистов, я уже запросил подкрепления у штаба СПОР. Приём.

— Вас поняла, инспектор. Бригада в пути, ждите. Отбой.

— Вас понял, участок. — сказал я. — Отбой. — и обернулся к Фудзисаки. Та стояла, скрестив руки на груди, носком туфли постукивая по плитам двора.

— Он будет выставять себя потерпевшей стороной. — сказала она. — Лефрансуа.

— Если это ему поможет. — спокойно ответил я, и в ухе вдруг раздался звонок. Линза на запястье слегка завибрировала. Я скосил глаза на номер, возникший перед глазами.

Звонила Мэгурэ.

— Штайнер, слушаю. — сказал я, принимая вызов. Грудь словно сдавило стальными клещами.

— Где вы, чёрт побери, шляетесь? — спросила Мэгурэ.

— Мы в Дэдзиме. — ответил я как можно спокойным тоном. Карты были на столе: шеф оказалась на шаг впереди меня. — Проводим расследование.

— Ах, в Дэдзиме? — переспросила шеф. Её голос не предвещал ничего хорошего. — Ко мне. Оба. Немедленно.

— Шеф, послушайте... — начал было я.

— Это приказ. — оборвала меня Мэгурэ. — Немедленно.

Связь отключилась. Я глянул на Жюстину.

— Что ж, — проговорила Фудзисаки, — кажется, у нас нет выбора.

— Да, ты права, — медленно сказал я. — У меня такое же чувство.

* * *

— Явились. — проронила, не оборачиваясь, Мэгурэ, стоило нам переступить порог её кабинета. Я тотчас же пожалел об этом: шеф была мрачнее тучи. — Ну проходите.

Я нерешительно прошёл внутрь, но садиться не стал. Фудзисаки прошла следом, встав рядом со мной. За её спиной дверь захлопнулась, окончательно отрезав стеклянный аквариум кабинета от внешнего мира.

Шеф стояла у окна кабинета, скрестив руки под грудью. Рукава её серого платья, разукрашенные алыми волнами, спадали книзу. Растрепавшиеся каштановые волосы были стянуты в хвост обыкновенной, без прикрас, резинкой. Мэгурэ выглядела измученной, но это не делало её менее грозной.

— Сегодня утром, — сказала она, и её голос прозвучал глухо, — у меня был долгий разговор. С генерал-суперинтендантом Поздняковой-Руссо. С окружным прокурором, госпожой Левитинской. С главой городской администрации, госпожой Савано. Затем у меня было совещание руководителей отделов ГУМВД — включая, кстати, и наших визави из руководства городской полиции. А затем — затем — у меня был разговор по межорбитальной связи с гвардии генерал-майором Кусанаги, командующей лейб-гвардии премьер-министра, которая прибывает сюда — на Титан-Орбитальный — завтрашним утром. В сопровождении, разумеется, подразделений Гвардии.

Я открыл было рот, но Мэгурэ подняла палец, приказывая мне замолчать. Она всё ещё смотрела в окно, на город, простиравшийся вокруг, но её глаза метали молнии.

— А буквально час назад, — ровным, демонстративно спокойным, тоном проговорила она, — на моё имя поступил доклад от Отдела Собственной Безопасности. В котором, помимо прочего, поднимался вопрос, каким образом один из моих подчинённых, некий

инспектор Штайнер, проводит внеплановую инспекцию на территории, арендуемой иностранным подрядчиком, не имея при этом ордера? Да ещё и, при этом, в сопровождении взвода СПОР?

— Шеф, — заговорил я, — я понимаю, как это всё выглядит, но...

— МОЛЧАТЬ!!! — резко развернувшись, рявкнула Мэгурэ. — Можешь всё объяснить, да?! Отсутствие ордера ты можешь объяснить?! Свои вечерние прогулки к Адатигаве можешь объяснить?! Мёртвую казначея Конституционной партии можешь объяснить?! Мне пришлось пятнадцать минут выслушивать жалобы госпожи Малкиной!!! Разговоры с начальством летунов через мою голову можешь объяснить?! И как ты СПОР привлекал, тоже через мою голову, ты тоже можешь объяснить?! Где твои результаты, Штайнер?! А?! Я дала вам обоим три дня — ТРИ! ДНЯ! И чем вы занимаетесь?! Лазаете по канализации? Нарушаете субординацию?! Чем?!

— Шеф! — выкрикнул я; Мэгурэ осеклась на полуслове, недоуменно уставившись на меня. — Шеф, послушайте, у меня есть результаты. У меня есть записи убийцы на видео. У меня есть основания подозревать, что госпожа Малкина лжёт и действует сообща с убийцей. Возможно, убийца — гайдзин из «Дифенс Солюшенс»; у него был с собой меч, как две капли воды похожий на те, что хранятся на складе в Дэдзиме. С которого исчезло полсотни единиц ручного кинетического оружия. Мы можем его выследить, шеф, у нас ещё есть время! Пока он не добрался до следующей жертвы! Нужно всего лишь пробить номер похищенного меча, допросить руководство «Дифенс Солюшенс», и...

— И что? — оборвала меня Мэгурэ. — И что дальше, Штайнер? Ещё позавчера ты рассказывал мне о контрабанде. Сегодня уже не контрабанда, уже Конституционная партия и «Дифенс Солюшенс». Кто следующий? Центаврианская разведка?!

— Шеф!! — взмолился я. — У меня есть результаты!! Да, я виноват, я нарушил субординацию, но мне требовалось действовать быстро, но убийца почти в моих руках!! Кроме того, исчезло оружие, и даже если «Дифенс Солюшенс» тут не при чём, мы должны его найти, но это — дело техники!!..

— Нет, Штайнер, — покачала головой Мэгурэ. — Это больше не дело техники. Это больше вообще не ваше дело. И не наше. Расследование закрыто.

Я ошеломлённо отступил на шаг. В горле застрял ком. Закрыто?! Как?! Оно не может быть закрыто!

Не сейчас, когда я так близко!!!

— Шеф, — вновь торопливо заговорил я, — вы не можете. Я почти закончил его! Мы почти поймали его, это была последняя...

— Расследование закрыто!!! — прорычала Мэгурэ. — И если ты, Штайнер, скажешь ещё хоть одно слово, то вместе с делом ты положишь на стол свою Линзу!!!

Я сглотнул. Руки сжались в кулаки; ногти, всё ещё покрытые вчерашним лаком, до боли врезались в ладони.

Я проиграл.

— Вон отсюда. — холодно процедила шеф. — Оба. Пока ещё можете.

* * *

Жюстина крепко держала меня за запястье всю дорогу до лифта; она шагала торопливо, волоча меня за собой, словно пытаюсь увести меня как можно дальше от шефа, не срываясь при этом на бег. Я не оглядывался и не смотрел по сторонам, но я затылком чувствовал на нас обоих взгляды всего отдела уголовного розыска.

Люди расступались перед нами, словно нас окружал невидимый кокон. Во многом так и было: гнев Мэгурэ висел над нами обоими, словно грозовая туча, словно заразная болезнь.

Я проиграл. Я поставил всё, что мог, на один-единственный шанс... только затем, чтобы этот шанс у меня отобрали. И развеяли по ветру.

Толпа у лифтов расступилась вокруг нас, невольно образовав круг со мной и Фудзисаки посередине. Я не знал, как себя сейчас чувствует моя напарница; я чувствовал только её пальцы, сомкнувшиеся на моём запястье, сдавливающие его до синяков.

Двери лифта распахнулись, и я замер. Из лифта вышла та, кого я меньше всего ожидал увидеть здесь, на этаже уголовного розыска: начальница следственного отдела, комиссар Гешке, собственной персоной. Длинный хвост золотистых волос спадал на плечо безупречного чёрного мундира, скрывая золотые цветы на серебре комиссарского погона. На чёрном кителе блестела каждая пуговица.

Гешке вышла из лифта и остановилась, глядя на неожиданную сцену. Она удивлённо подняла бровь, а затем — расплылась в дружеской, и насквозь фальшивой, улыбке.

— Инспектор Штайнер! — произнесла Сказочница, глядя на нас. — Инспектор Фудзисаки! Какая приятная неожиданность!

Больше я сдерживаться не мог.

Мэгурэ закрыла расследование. Значит, она кому-то передала дело. Куда может передать дело уголовный розыск?

Правильно, в следственный отдел. А значит — Гешке. Празднующей победу Гешке.

Я шагнул вперед. Фудзисаки попыталась удержать меня, но было поздно: свободной рукой я схватил Сказочницу за лацкан кителя и дёрнул на себя. Футляр, который держала Гешке, упал на пол; умная бумага рассыпалась во все стороны.

— Приятная?! — заорал я. — Ах приятная?! Да вам, должно быть, очень приятно, госпожа комиссар! Поглумитесь над нами пришли, да?! — я расхохотался. — Да забирайте

своё дело! Пожалуйста! И все заслуги себе припишете, я вас прошу, я вас умоляю! Вы же всегда...

Фудзисаки прервала мою тираду, наотмашь ударив меня по лицу.

От неожиданности я выпустил Гешке, отшатнувшись назад. Фудзисаки загородила Сказочницу собой: её глаза, точь-в-точь, как у Мэгурэ, метали молнии.

— Штайнер, — тихо проговорила ошеломлённая Гешке, глядя на меня круглыми от удивления глазами. Я тяжело дышал; сильно болела левая скула, куда пришёлся удар Фудзисаки. — Мы не забирали вашего дела. Его забрало ГСБ.

Моему мозгу потребовалось несколько секунд, чтобы расшифровать буквы в слова. ГСБ. Гегемоническая Служба Безопасности.

Я отрицательно помотал головой. Гешке я не верил. С чего мне было верить женщине, за профессиональные заслуги прозванной «Гешке-Моногатари»?

— Это правда. — снова повторила Гешке. — Ваше дело передано ГСБ. Мне очень жаль...

— Госпожа комиссар, я покорнейше прошу прощения. — торопливо проговорила Жюстина, разворачиваясь и низко кланяясь перед ошеломлённой Сказочницей. — Примите наши глубочайшие извинения за этот инцидент. Прошу вас, простите моего напарника, у него был тяжёлый день... — говоря это, она схватила меня за плечо и потащила к лестнице, не переставая кланяться на каждом шагу. Гешке недоумённо смотрела ей вслед: голубые глаза Сказочницы были круглыми, как памятные монеты.

* * *

Фудзисаки протащила меня несколько этажей вниз по лестнице, пока, наконец, не остановилась и не потрянула меня:

— Твою мать, Штайнер!!! — зарычала она. — Что за цирк ты устраиваешь?! Что за чёрт?!

— Что за чёрт?! — заорал в ответ я. — Сама не знаешь, что за чёрт?! Он был почти у нас в руках, Жюст!!! Почти!!! Это был наш единственный шанс, последний шанс, и мы его упустили!!! Мэгурэ его упустила!!!

— Заткнись и послушай меня!! — зашипела Жюстина. — Да, у нас отобрали дело, и что?! Да, я тоже злюсь, да, мы его упустили, но что, я кидаюсь из-за этого на Сказочницу Гешке?! На глазах у всего отдела?!

— Два дня. — прошипел в ответ я. — Два, чёрт побери, дня я кручусь, как взбесившийся гироскоп, бегаю по всему городу, лазаю по канализации, из кожи вон лезу, нарушаю все правила, чтобы поймать этого ублюдка, и что я получаю?! Что?! Дырку я получаю, от бублика!!! Прекрасно!!! Просто, чёрт возьми, прекрасно!!!

— А я что?! — выкрикнула Фудзисаки. — Про меня ты так, забыл подумать?! Что я тоже с тобой ношусь, терплю твои выходки и твои постоянные нарушения правил, во всём тебе потакаю, в рот заглядываю, а теперь я ещё и защищать тебя должна?! Перед Сказочницей?! Какого дьявола ты на неё набросился?! Тебе что, тестостерон мешает, или что?!

— Ах так?! — резко спросил я. — Тестостерон мне, значит, мешает, да?! Знаешь что?! Всё!! С этого момента у меня вы-хо-дной, я умываю руки, а ты давай, иди, — я гневно махнул рукой, — целуйся в дёсны с Гешке, поклоны ей отбивай, ноги целуй, у тебя это хорошо получается!!! Только без меня!

Я развернулся и быстро зашагал вниз по лестнице. Не успел я дойти до следующей площадки, как Фудзисаки вдруг оказалась передо мной и загородила мне дорогу:

— Штайнер, — ровным голосом проговорила она, одной рукой придерживая меня за плечо. — Я не шучу. У тебя истерика. Успокойся, прошу тебя. Пожалуйста.

Я отбросил её руку.

— Мне не нужна твоя жалость. — прошипел я и зашагал прочь. Фудзисаки так и осталась стоять посредине лестницы.

Оборачиваться я не стал.

* * *

Этим вечером в «Ядерной лампочке», как всегда, было полно народу. Самое злачное место округа, знаменитый на всю Дэдзиму бар космонавтов, где ни один вечер не обходится без драки, вся мебель сделана из металла и накрепко приварена к металлическому полу, а за стойкой дежурит невозмутимо протирающий стаканы бармен Пексан, чей рост заставил бы призадуматься любого селенита. Из-за этой репутации каждый вечер здесь набивается полный зал, а так как космонавты после долгих перелётов пьют, не зная меры, для драки обычно хватает малейшего повода.

Насколько я знаю, владельцы «Ядерной лампочки» от этого в полном восторге. Слава их заведения гремела на добрую половину обитаемой Вселенной.

Я сидел у барной стойки, устало облокотившись на неё, и изо всех сил старался не замечать шум, стоявший в зале. «Ядерная лампочка» — не то место, куда приходят забыться, но я очень старался.

Я заглянул в стакан. Кроме двух лужиц растаявшего льда, там уже ничего не осталось, но я машинально допил и их.

— Ещё одну. — негромко попросил я и подтолкнул стакан к Пексану; бармен, не глядя,

подхватил его. Глаза Пексана всё время скрывали тёмные очки: «Ядерная лампочка» принципиально освещается только зеленоватыми тритиевыми лампами, и я удивлялся, как бармен вообще может хоть что-то разглядеть.

Похоже, это ему не мешало.

Еремеев когда-то объяснял мне, сидя за этой же стойкой, про старые космические корабли, ещё до Первой Солнечной — летавшие на ядерных лампочках, газофазных ядерных реакторах. Я не запомнил остальных деталей, но «Ядерная лампочка» старалась выглядеть похожей: провода вдоль стен, мерцающие светодиодные экраны, рукоятки для невесомости на полу и потолке, даже стулья у стен были откидными. Потолок подпирали балки с просверленными в них круглыми отверстиями. Еремеев говорил, что это делалось для облегчения веса; в те времена каждый грамм был на вес золота.

— Прошу. — сказал Пексан, поставив передо мной стакан. В золотистой жидкости плавали два кубика льда. Я благодарственно кивнул, поднёс стакан к губам и хорошенько отхлебнул: виски обожгло горло. Но это было то, что нужно.

Когда жизнь окунает тебя в дерьмо, причём окунает с головой, остается только два выхода — либо упасть кому-нибудь в объятия, либо напиться. Падать в объятия мне было некому: я поругался даже с Фудзисаки.

Оставалось только напиться.

Я поставил стакан обратно, на стойку: льдинки, плававшие в нём, глухо стукнулись друг об друга. Вместо него я вытащил из левого рукава Линзу: она привычным движением выпала мне в ладонь, и я поднял её к свету. В зеленоватом свете она всё так же мерцала и переливалась, оставляя на барной стойке причудливые отблески.

Линза — прозрачный кругляш восьми сантиметров в диаметре, внутри которого, как насекомое в янтаре, заключён крохотный металлический герб Национальной полиции. И сам кругляш, и герб были сделаны не из стекла и металла, а из метаматериалов и компьютерония, которые и делали Линзу незаменимым инструментом офицера полиции. Фонарик и волюметрический проектор в её функционале шли одними из первых.

Но в первую очередь Линза означала статус. Когда-то я начинал читать книгу, из которой пошло название; и хотя книгу я вскоре бросил, оно показалось мне подходящим. Носить Линзу могут только сотрудники Национальной полиции, органа исполнительной власти; государевы люди. Линза — это власть, тщательно отмерянная крупица власти.

Возможно, поэтому от неё так трудно отказаться.

Я прослужил в уголовном розыске пятнадцать лет — с тех пор, как выпустился из Академии МВД: сначала лейтенантом на побегушках, затем — младшим инспектором, а последние пять лет — полноправным инспектором. Я мог жаловаться на свою работу, но

одновременно не мог представить, как я буду существовать без неё.

Я не мог сдать Линзу. Это было бы выше моих сил.

Я снова отпил из стакана, осушив его, и ещё раз взгляделся в кругляш Линзы, поблёскивавший на свету ламп. Повертел его, разбрасывая по барной стойке новые отблески, и вернул обратно в рукав. Едва слышно щёлкнуло крепление на запястье.

Я не мог представить себе жизни без Линзы... но сейчас я думал, есть ли в ней смысл. И не находил ответа.

Линза — власть... но вся эта власть не помогла мне довести начатое дело до конца. Самое сложное, самое запутанное расследование на моей памяти. Теперь я мог признаться себе, что таким оно и было. И я его провалил.

— Ещё одну. — пробормотал я, толкнув стакан к Пексану, и уронил голову на руки. Я проиграл. Я повторил это уже несколько десятков раз, но боль и обида никуда не исчезли. А пустота в душе, казалось, с каждым разом только росла.

Последний стакан, подумал я. Какой смысл был пить дальше, если это всё равно не помогало?

— Прошу. — я поднял взгляд: передо мной стоял заново наполненный стакан. Я кивнул бармену и сделал щедрый глоток. Стало чуть получше. Показалось даже, что пустота на мгновение отступила, и я отпил снова.

В углу зрения поблёскивали тревожные значки пропущенных вызовов. Сердце сжалось, и мне вдруг стало ужасно, невыносимо одиноко. Фудзисаки пыталась дозвониться мне пять раз подряд: на шестой я попросту выключил ассистента. Мир без привычно достраиваемой реальности выглядел пугающе пустым и безжизненным, но я выдержал целых десять минут ужаса, прежде чем включить его заново. Звонков больше не было.

Только сейчас я понял, что у меня не осталось никого более близкого, чем Жюстина.

А теперь я отринул и её.

— Слышь, красавица, — раздался незнакомый голос у меня над ухом; на плечо мне легла чья-то чужая рука. — Освободи-ка место, люди сесть хотят.

Вместо ответа я дёрнул плечом, стряхивая с себя руку. В следующий момент стакан жалобно звякнул и покатился по стойке, расплёскивая драгоценный виски, потому что меня грубо сдёрнули с табурета.

Передо мной стояли пятеро космонавтов в синих комбинезонах, показавшихся мне смутно знакомыми: где-то я такие уже видел. Один из них сграбастал меня за отворот плаща.

Все пятеро были гайдзинами, цветом кожи и телосложением непохожие на обитателей Солнечной. Двое из них были женщинами; они стояли чуть позади, сложив руки на груди и презрительно глядя на меня. Взгляды мужчин, впрочем, были не лучше.

— Я с тобой разговариваю, красавица, — сообщил державший меня гайдзин; говорил он по-русски со странным акцентом, но за пределами Солнечной много где говорят по-русски. — Я тебя по хорошему просил, а? Хули ты ерепенишься?

— Убери руку. — презрительным тоном процедил я. — По хорошему.

— Ты смотри, — гоготнула одна из женщин, — оно ещё и разговаривает!

— А то что будет, красавица? — спросил космонавт, рывком дёрнув меня на себя; он был несколько крупнее меня, но ненамного выше. — Ты обидишься и заплачешь?

— Нет. — ответил я, смотря прямо на него. — А вот ты — очень даже.

Брови гайдзина сдвинулись.

— Слышь, красавица, — прорычал он, — я не понял, ты нарываешься, или чё?!

Подходящее окончание сегодняшнего вечера, подумал я.

И, размахнувшись, свободной рукой ударил космонавта под дых. Я был меньше и легче гайдзина, выросшего где-то в колониях или даже в Сибири, в неизвестно какой среде и в другом притяжении. Но для меня не было запрещённых приёмов.

От неожиданности гайдзин охнул, выпустив меня, и сложился пополам — прямо навстречу моему колену, врезавшемуся ему в солнечное сплетение. Он рухнул на пол, схватившись за живот, и его приятели тут же бросились в атаку. Я отшатнулся в сторону, уходя от удара, и подставил одному из них подножку: космонавт качнулся вперед, навстречу барному табурету, и я щедро добавил ему обеими локтями в спину. Его вскрик оборвался глухим ударом об металлическое сидение.

Третий космонавт зарычал и бросился на меня; я уклонился от кулака, летевшего мне прямо в лицо, и ударил его в горло. Гайдзин отшатнулся от удара, и я с размаху врезал ему кулаком в челюсть — так, что он рухнул назад, размахивая руками, и врезался спиной вперед в стоявшую неподалёку группу космонавтов в оранжевых комбинезонах, смазав одному из них кулаком по носу.

Космонавты в оранжевом были высокими и худыми, явно выходцами из Солнечной. Больше того, они тоже показались мне странно знакомыми. Как будто бы я видел их всего пару дней назад.

— Хлопці! — зычно воскликнула одна из них по-каллистянски, — Наших б'ють!

В «Ядерной лампочке» началась неконтролируемая цепная реакция.

Каллистяне — а это были именно они — с кулаками бросились на своих новых

обидчиков, включая едва успевших подняться с пола — чтобы обнаружить, что за них тут же заступился ещё кто-то, и в мгновение ока вспыхнула драка.

Я увернулся от чьего-то удара — это была одна из женщин в синем комбинезоне — и, размахнувшись, ударил в ответ: она вскрикнула и отшатнулась, но тут же бросилась на меня снова. Я охнул — её кулак врезался мне в плечо, — и ответил ей ударом в челюсть, отбросив её назад. Другой женщины нигде не было видно. Драка уже распространилась на весь бар: вопли, ругательства и удары смешивались с грубым ритмом музыки.

Кого-то, повалив на пол, пинали ногами. Я зазевался и получил удар в висок; в ушах зазвенело, и меня кто-то сгрёб за грудки. Я заметил только синий комбинезон и буквы — «LEPANTO EXPRESS» — на нашивке, когда меня с размаху швырнули на барную стойку. Я заорал от боли и попытался ударить напавшего, но промахнулся.

Космонавт зарычал и ещё несколько раз ударил меня об стойку, но затем вдруг выпустил меня; я сполз вниз, ударившись затылком об край табурета. Моего обидчика оттащили и начали избивать двое каллистан, но от этого было не легче: кто-то из всех сил ударил меня ногой по рёбрам.

Это оказался тот космонавт, приставший ко мне первым: у него была рассечена губа, один глаз был подбит, а нашивку с комбинезона кто-то сорвал, но он в исступлении накинулся на меня, пиная ногами. Ещё один удар пришёлся по рёбрам, другой — в живот; я охнул, согнувшись, и следующий удар пришёлся мне в грудь.

Я схватил его за ногу и дёрнул вниз изо всех сил: гайдзин заревел, рухнув на пол, но я резко вскочил на ноги, едва не упав сам, и наступил ему ногой в пах. Космонавт завизжал, и я ударил его снова: под туфлём что-то издало чвякающий звук.

— ПОЛИЦИЯ!! ВСЕМ ОСТАВАТЬСЯ НА МЕСТАХ!!

Перекрывая музыку, истошно заревела сирена, вспыхнул яркий свет, и в распахнутые двери «Ядерной лампочки» ворвались бойцы СПОР. С ног до головы они были одеты в бронекостюмы для подавления беспорядков — с противоударными пластинами, надвинутыми прозрачными щитками и сферообразными шлемами; руки, облачённые в перчатки экзоскелетов, сжимали дубинки, которые бойцы тут же, с превеликой радостью, пустили в ход.

Ослеплённые участники драки бросились врассыпную, сталкиваясь друг с другом, а их теснила серо-чёрная волна, раздававшая удары направо и налево. Кто-то пытался отбиваться: их, как по команде, сбивали с ног и начинали особо рьяно избивать дубинками, пока незадачливый нападавший не затихал. Его оттаскивали, в брешь становились бойцы из задних рядов, и шеренга СПОР продолжала движение.

Один из бойцов вдруг вырос передо мной, занося дубинку для удара; я чудом отшатнулся и дернул рукой, выбрасывая из рукава Линзу:

— Инспектор Штайнер! — проорал я, тыча Линзой перед собой. — Национальная полиция! Я свой!

— Инспектор, вы? — донёлся знакомый голос из-под шлема; рука с занесённой дубинкой опустилась. — Его не трогать, он наш!

Серая волна двинулась дальше, обходя стойку и оттесняя паникующих космонавтов в соседний зал, а боец поднял прозрачный визор и стянул с лица маску; это оказался лейтенант Кюршнер, собственной персоной. Я удивленно моргнул и сполз вниз по стойке; Кюршнер рванулся вперед и удержал меня.

— Инспектор, что с вами? — спросил он, помогая мне усесться на табурет. — Вы ужасно выглядите.

— Пустяки. — пробормотал я; рёбра саднили, в боку что-то болело, но меня это не особо волновало. — Давно не виделись.

— Взаимно. — кивнул Кюршнер. В его сферическом шлеме с откинутым забралом визора жест получился несуразным.

Зал опустел: по нему ходили другие бойцы СПОР, оттаскивавшие лежачих к выходу и наружу. Двое из них утащили валявшегося рядом со мной космонавта: лицо у него было разбито в кровь. Я покосился на свою правую туфлю; серая подошва стала красной.

Досталось всем: и синим комбинезонам с «Лепанто Экспресса», и каллистянам, невольно вступившимся за меня, и другим, незнакомым мне участникам драки. Из другого зала всё ещё доносились громкие вопли, отдалявшиеся всё дальше и дальше.

За стойкой появился Пексан. Жилет бармена даже не запачкался, заметил я. Яркий свет прожекторов с улицы отражался в его чёрных очках.

— Лейтенант. — кивнул он Кюршнеру. — Вы, как всегда, вовремя: они только начали громить зал.

— Не могли же мы опоздать на самое веселье. — пожал плечами Кюршнер. — Надеюсь, они ничего не разнесли, господин Пексан?

— Сломали два экрана и почти выдрали один из стульев. — поморщился бармен. — Ничего непоправимого. За этим я вас и вызываю, господин лейтенант.

Он отошёл в сторону, и Кюршнер обернулся ко мне. Я устало глянул на него.

— Как вас занесло сюда, инспектор? — спросил он. — Никогда бы не подумал, что вы выпиваете в «Ядерной лампочке».

— Обычно — нет, — сказал я, — но сегодня был особый день. Вам здорово влетело?

— Нам — нет, — ответил Кюршнер, — но капитану полковник устроила такую головомойку, что слышно было на весь штаб. Особенно ту часть, что про «волочиться за каждой смазливой задницей», конец цитаты. Простите, инспектор.

— Я и не обижался. — хмыкнул я; да, это точно про Канако. На мгновение меня

кольнул стыд: подвёл её под выговор, нечего сказать... — Так вы здесь в наказание?

— Если это можно так назвать. — наклонил голову Кюршнер. Я снова хмыкнул.

Громкие вопли из малого зала уже почти затихли. К лейтенанту подбежала другая боец СПОР, уже с откинутым забралом; она торопливо козырнула мне, прежде чем доложить:

— Основное сопротивление подавлено. Начинаем задержания.

— Запрещённые предметы у нарушителей есть? — поинтересовался Кюршнер. Боец помотала головой:

— У нескольких были ножи. — отрапортовала она. — Они уже изъяты, владельцы задержаны.

— Всех перед задержанием обыскать. — распорядился Кюршнер. — Запрещенные предметы — изъять, на владельцев составить протокол. Сопrotивляющихся — подавить.

— Есть! — боец козырнула и убежала. Я покачал головой.

— Похоже, в участке сегодня будет много работы. — сказал я, проводив подчинённую Кюршнера взглядом. Лейтенант только кивнул.

— Как и всегда. — сказал он, и добавил: — Послушайте, инспектор, давайте я отведу вас в участок? Вам здорово досталось, вы должны показаться врачу, а мне всё равно туда ехать... а ребята закончат без меня. Тем более, одному... сами понимаете. Вы же без машины?

— Без. — развёл руками я. Вообще-то, сейчас я предпочёл бы отправиться домой, но до лифта я всё равно не добрался бы сам, а показаться врачу действительно было хорошей идеей: рёбра с каждой секундой болели всё сильнее.

— Идёт. — ответил я. — Только погодите. — я обернулся к Пексану и посплюнул палец. Бармен без лишних слов подставил мне датчик, и я притронулся к нему.

— Спасибо за выпивку. — поблагодарил я. — И прошу прощения за шум.

— Всегда пожалуйста. — спокойно ответил Пексан. Разгром и побоище, только что произошедшие в баре, его ничуть не волновали. — Только в следующий раз не лезьте в драку первым, хорошо?

— Постараюсь. — заверил его я и обратился к Кюршнеру: — Пойдемте, лейтенант?

* * *

У входа в «Ядерную лампочку» — привычное зрелище! — стояли несколько автозакв СПОР, освещавшие мигалками фасад и улицу. Кюршнер задержался, чтобы раздать указания подчинённым, и я сумел полюбоваться на то, как бойцы обыскивают задержанных космонавтов, прежде чем запихать их в автозак. Любые попытки неповиновения жёстко пресекались ещё в зародыше. Каждый выезд СПОР сопровождался такой показательной жестокостью: гайдзины — не граждане Гегемонии, и обращаться с ними можно было как угодно. Почти как угодно.

Всё тело ломило. В виске, куда пришёлся удар, упорно пульсировала боль. В «Ядерной

лампочке» ни один вечер не обходится без потасовки: отчасти, за этим я сюда и пришёл. Теперь, несмотря на боль от всех ушибов и синяков, я чувствовал себя неестественно спокойным, даже довольным. Пустота, глодавшая меня, ненадолго отступила.

В конце концов, просто напиться я мог и без поездки в Дэдзиму — например, в том же «Норде», на улице Коперника; но «Норд» был баром полицейских, а встречаться с коллегами мне тогда хотелось меньше всего.

— Инспектор? — я обернулся; ко мне возвращался Кюршнер. Дубинку он повесил на пояс, красно-синий калейдоскоп мигалок причудливо отражался на прозрачном плексиглазе визора. — Пойдемте, я проведу вас.

— Вам хоть за это не влетит? — спросил я.

Лейтенант громко рассмеялся.

— Да капитан Селезнёва с меня шкуру спустит, если с вами теперь что-то случится! — со смехом ответил он. — И натянет на полковой барабан. Об этом не беспокойтесь, господин инспектор.

— Да, действительно. — ответил я: как же это было похоже на Канако. На секунду появилась мысль позвонить ей — я был уверен, что Селезнёва примчится мне на помощь, стоит мне только попросить, особенно сейчас. Но я не мог. Кроме того, мне было стыдно.

Надо будет перед ней извиниться.

Улица фон Зибольда, по меркам Дэдзимы, была ярко освещенной: желтоватые фонари, отбрасывавшие круги света на широком тротуаре, тускло, вполсилы горящая дорожная разметка, неровный свет вывесок. По меркам Титана-Орбитального улица была довольно мрачной. Мимо то и дело проезжали припозднившиеся фургоны. Посредине улицы, разгоняя фарами полумрак, разминулись два трамвая: я проводил взглядом полупустой вагон с пассажирами, апатично сидящими в салоне. Некоторые из них были гайдзинами.

Участок был в двух кварталах от «Ядерной лампочки», на углу улицы Инэ Кусумото. В Титане-Орбитальном в каждом квартале есть кобан — маленький полицейский участок городской полиции; в Дэдзиме нету городских, кобаны тут не прижились, и приходилось обходиться только стеклянной хлебницей Национальной полиции, дом 1/44 по улице Кусумото. Недалеко отсюда — всего один раз спуститься в подземный переход, но переходы в Дэдзиме были отдельным, ни с чем не сравнимым удовольствием. Расписаться на их стенах не удосужился только ленивый.

Потасовки, грабежи и вандализм. Иногда я думал, что же именно пошло не так с Дэдзимой, и не находил ответа. Многое можно было списать на космонавтов, или на гайдзинов вообще: но это не объясняло, почему сатурниане стремились не уступать им. И почему для элементарного поддержания порядка МВД приходилось держать в Дэдзиме весь СПОР округа.

— Послушайте, господин инспектор, — заговорил вдруг Кюршнер. Я удивлённо обернулся к нему: до этого мы шли молча. — Я немного задумался... Вы не против?

— Нет, конечно. — ответил я. Мы остановились, дожидаясь, пока загорится «зебра» перехода через улицу Инженерную. Мимо проехал небольшой фургон, желтовато-белый в свете уличных фонарей. — Так о чём вы говорили?

— Знаете, — проговорил Кюршнер, — я немного задумался о вашем расследовании, господин инспектор. Я знаю, что вам нелегко...

— Бросьте. — сказал я, разглядев знак на доме напротив. Каким именно принципом руководствовались планировщицы при раздаче названий улицам Дэдзимы, для меня оставалось загадкой. — Всё равно это уже не имеет значения.

— Простите. — извинился Кюршнер. — Но вы рассказали мне, тогда, об убийствах, помните? Госпожа Сэкигахара и эта... Вишневецкая?

— Вишневецкая. — кивнул я, ощутив в душе горечь: я не смогу больше сдержать слово, данное Валленкуру и Грушиной. Возможно, что убийцу их подруги не найдут уже никогда.

— Да, господин инспектор. — «зебра» зажглась, и мы двинулись дальше, вдоль тёмных фасадов домов. — Вы говорили, что им обоим перерезали горло, верно?

— Верно. — сказал я. — Не оставив при этом следов борьбы. И раны слишком велики, чтобы их оставил вибронож... но неважно.

— Я понимаю, господин инспектор, — кивнул Кюршнер, — но я подумал о другом. Вы заметили, что обе жертвы, когда их убили, сидели за компьютером?..

Что-то свистнуло слева над моей головой. Мгновение спустя прогремел выстрел.

Кюршнер бросился вперед прежде, чем я успел хоть как-то среагировать, и пули врезались в него. Лейтенант успел заслонить меня своим телом и толкнуть меня на землю, и я понял, на что похожи звуки этих выстрелов.

На кинетическую винтовку.

Сверхскоростные пули вонзились в Кюршнера, с лёгкостью прошивая броню на его груди. Лейтенант не издал ни звука — когда несколько попаданий прямо на моих глазах оторвали ему руку, брызнувшую кровью и разорванными мускулами экзоскелета, он был уже мёртв.

А затем что-то обожгло моё левое плечо, и у меня в глазах потемнело от невыносимой боли.

Я закричал. И не услышал себя.

Снова раздались выстрелы, и пули вспороли падающее тело Кюршнера; пробитое, оно кругнулось в воздухе и рухнуло назад, примяв меня своим весом. Моя левая рука оставалась неподвижной, и я, стиснув зубы от нестерпимой боли, заставил себя открыть глаза — и увидеть, что вместе с половиной шлема, совершенно бесполезного против стреловидных пуль кинетического оружия, у лейтенанта Кюршнера не доставало половины головы.

Мир закрутился передо мной, и меня стошнило. От очередного раската боли глаза заволкло туманной пеленой. Левое плечо словно пытались вырвать из сустава, и в ушах стучала кровь.

— Штайнер!

Рёв sireны где-то невообразимо далеко. Голос, казавшийся таким знакомым, доносился словно из глубин лифтовой шахты.

— Штайнер, ты в порядке?! Ты жив?! Штайнер!

Темнота вспыхнула красно-синими огнями.

— ШТАЙНЕР!!!

Мир схлопнулся вокруг меня, и я потерял сознание.

День четвёртый

Капитан Канако Селезнёва вышла к трибуне в полном молчании. Удары её сапог об мраморный пол громко раздавались в тишине зала. Левоё плечо её парадного чёрного кителя скрывала траурная белая накидка; оранжевый берет СПОР, подоткнутый под правый погон, казался выцветшим и потускневшим.

— Со звёзд мы пришли, — произнесла она, — к звёздам мы вернёмся. Мы собрались здесь, чтобы проводить в последний путь Ацухиро Мишеля Кюршнера, лейтенанта полиции. Верного офицера, безупречного командира, надёжного товарища и настоящего друга. До последнего вздоха он самоотверженно исполнял свой служебный долг. Ни на секунду, ни на доли секунды он не изменил данной им присяге. Пусть Ацухиро Кюршнер послужит примером — примером доблести, верности и чести — всем нам. Пусть его дух хранит и оберегает нас, в жизни и в посмертии, отныне и до конца времён. И пусть память о нём живёт вечно.

Она опустила глаза.

— Мы не забудем.

— Мы не забудем. — откликнулся многоголосым эхо зал.

Воцарилось молчание. Гроб, накрытый тёмно-синим полотном флага, стоял на постаменте посреди зала; тёмно-алый цветок азалии посреди флага казался кровавой раной.

Я не мог свести с него глаз.

— Можете проститься с покойным. — сказала, наконец, Селезнёва. Зашуршали одежды. Первыми поднялись родители Кюршнера — мать, её сестра, и отец; они подошли к гробу, прикоснулись к нему, и стояли молча, прежде чем отступить в сторону. Всю службу мать Кюршнера просидела с окаменевшим лицом; её супруг же был бледен как полотно, под стать своим траурным одеждам.

Не каждый день узнаёшь, что пережил собственного сына.

За родителями к гробу подошла сестра Кюршнера, вереницей потянулись и другие родственники, и только затем пришла очередь сослуживцев. Подошла, притронувшись к гробу, Селезнёва; подошла командир СПОР, полковник Мозер-Николлье, с заместительницей. Одна за другой подходили коллеги-взводные Кюршнера, затем — бойцы его взвода, все, как одна, с белыми накидками на плече... и, наконец, я.

Ноги казались онемевшими.

На мне не было ничего траурного, кроме перевязи, удерживавшей мою левую руку. Всё тот же светло-серый плащ, всё та же блуза, всё то же самое. Когда я узнал, что прощание с

Кюршнером проходит сегодня, у меня не было времени переодеться.

Я притронулся рукой к гробу — там, где крышка выглядывала из-под флага. На ощупь она казалась шершавой. В горле пересохло.

Я открыл рот, но не смог вымолвить ни слова. Что я мог сказать?

Отдёрнув руку, я развернулся и зашагал к выходу. Двери распахнулись при моём приближении, и полуденное сияние люминёра ударило мне в глаза.

Я не обратил на него внимания.

Моя левая рука, лежащая на перевязи, оставалась неподвижной — лишь иногда отзывалось уколами боли плечо. Пуля прошла вскользь, оставив на плече внушительную царапину, но кинетической энергии хватило, чтобы вывихнуть мне плечо, чуть не выворотив руку из сустава. Врач сказала, что мне ещё повезло.

Я промолчал. Это я видел собственными глазами.

Кюршнер спас меня. Это стоило ему жизни, поскольку доспех СПОР для подавления беспорядков не предоставляет совершенно никакой защиты от пуль кинетического оружия, но он не колебался ни секунды. И будь он хоть на секунду медленнее, в закрытом гробу хоронили бы меня.

Меня нашла Жюстина — лежащим на залитом кровью дэдзимском тротуаре, придавленным телом Кюршнера. Я догадывался, почему она отправилась искать меня тем вечером, но она успела как раз вовремя. Сразу после этого я потерял сознание.

Экспертизу провели ещё утром, когда я лежал в отключке, а врачи госпиталя МВД ставили на место мою чудом удержавшуюся руку. Я не смогу пользоваться ею ещё, по меньшей мере, неделю, но я ещё дёшево отделался.

Кюршнера изрешетили из боевого кинетического оружия калибром шесть и пять миллиметров — то есть, практически любого стрелкового оружия, стоящего на вооружении Сатурнианской Гегемонии. Я смутно догадывался, что это было за оружие — но определить даже модель не представлялось возможным, чего уж говорить о конкретном экземпляре.

У сатурниан нет обычая надолго затягивать проводы умерших на тот свет — не было ни возможности, ни необходимости. Прощание с Кюршнером состоялось через двенадцать часов после его смерти — сегодня в полдень. Церемония вот-вот должна была завершиться: гроб опустится вглубь обшивки орбиталища и оттуда — наружу: вращение орбиталища и одноразовый двигатель вынесут его на орбиту захоронения — которая, когда-нибудь, приведёт его навстречу Солнцу.

Со звёзд мы пришли, к звёздам мы вернёмся. Это не было фигурой речи.

Я почти дошёл до ворот некрополя, как тишину вдруг прорезала отрывистая команда:

— Караул, смир-но!

СПОР существуют в отдельной от нас системе координат, оставшейся им в наследство от старых внутренних войск, и лейтенанта Кюршнера провожали со всеми военными почестями. Гроб, задрапированный флагом, надрывная мелодия похоронного марша, и почётный караул, который должен был проводить его в последний путь — так, как велела бережно пронесённая сквозь столетия воинская традиция.

Полицейские, в отличие от СПОР, не военные — никогда ими не были: чрезвычайной ситуации, в которой я превратился бы в военного капитана, а наши патрульные — в мотострелковый полк полиции, не произошло ни разу за всю историю Гегемонии. Но у нас было кое-что общее: присяга.

— Товсь!

«Вступая на службу в ряды правоохранительных органов Сатурнианской Гегемонии, я торжественно клянусь быть верным своей родине, своему народу и своему законному правительству, хранить служебные и государственные секреты, беспрекословно соблюдать Конституцию, законы и выполнять законные приказы...»

— Пли!

«...Я торжественно клянусь исполнять свои законные обязанности честно, сознательно, храбро, бдительно и самоотверженно; я торжественно клянусь всеми своими силами, до последнего вздоха защищать свою родину, Сатурнианскую Гегемонию, защищать, хранить и беречь права и свободы её граждан, их жизнь, честь, собственность и достоинство...»

— Пли!

«...даже ценой своей жизни».

— Пли!

* * *

С четырёх сторон некрополь — неровное зелёное пятно посреди городских кварталов — окружают деревья, высаженные в четыре ряда; сразу за ними выглядывают плоские крыши домов. Чуть поодаль вонзался в серое небо шпиль Штеллингенской телебашни.

Неважное соседство, подумал я, глядя на дома. Некрополь — белые стены, статуи и ряды кенотафов — гнетущее и мрачное место. Оно слишком напоминает о смерти. Мы

живём долго — средняя сатурнианка вполне обоснованно ожидает дожить до ста пятидесяти лет в полном здравии, и для большинства людей в обитаемой Вселенной этот срок немногим меньше. Но всё когда-нибудь заканчивается.

Для лейтенанта Кюршнера всё закончилось вчера ночью.

По спине пробежали мурашки, когда я понял, насколько близко я сам оказался к смерти. В висках застучало. Если бы пули прошили Кюршнера навывлет, я был бы мёртв.

Я тяжело задышал. Рёбра отозвались болью.

Поздно. Кюршнер — мёртв. Я — жив. Вот только сейчас я слабо понимал, зачем.

Дыхание вернулось в норму. Свободной рукой я опирался об решетчатые ворота некрополя. Белая каменная арка входа возвышалась надо мной.

Я вздохнул, отпустил решётку и шагнул вперед, в царство живых.

Вниз от входа сбегали два пролёта ступеней: перед ними расстился газон, а за ним — стоянка для люфтмобилей и зеркальная петля омнибусной конечной. Петля сливалась в дорогу, мерцавшую тусклой разметкой; улица Тюринга, вспомнил я. Она убегала вдаль и сворачивала почти сразу же за стеной деревьев; отсюда было видно боковой фасад дома. За ней, прямо напротив, раскинулся город: зелёный угол парка Победы, вытянутый серый прямоугольник площади Героев Гвианы, тонущие в зелени крыши Акинивы.

Маршрутного омнибуса на конечной не было. Вместо него у поребрика толпились два других — белые с голубой полосой и надписью «РИТУАЛЬНЫЙ» на лобовом стекле. На одной из скамеек неподалёку скучали водители. Сняв фуражки, они обедали, болтая за едой. Глядя на них, я понял, что зверски голоден: со вчерашнего утра у меня рисового зёрнышка во рту не было.

Позади, в некрополе, церемония должна была подходить к концу: в основание кенотафа Кюршнера торжественно возложат одну из личных вещей покойного. По неписаной воинской традиции этой вещью был личный жетон. Мы верим, что вещи сохраняют частичку души владельца; что дух всегда будет знать, куда возвратиться, и что его будут помнить. Нет ни рая, ни ада: есть только память. Или отсутствие памяти.

Это рациональная вера.

Нужно было уходить. Я не мог заставить себя посмотреть в глаза родителям Кюршнера. Встретаться сейчас с Канако тоже было свыше моих сил. Дойти пешком до Остерштрассе, сесть в троллейбус, доехать до метро, на метро — домой, на Инзельштрассе. Забиться в угол, задвинуть шторы, и не видеть никого. Мир как-нибудь обойдётся и без меня.

Рядом не хватало Фудзисаки. Врач сказала мне, что она просидела в коридоре всю ночь,

не сомкнув глаз — пока ей не сказали, что я в порядке. Я не мог винить её за отсутствие. Но только сейчас я понял, как же мне её не хватало.

Позвонить? На краю зрения всё ещё мигали пропущенные вызовы со вчерашнего вечера. Я развернул один из них, взглядываясь в буквы... и смахнул его прочь.

Домой.

— Господин Штайнер? — раздался голос у меня за спиной, и я обомлел. От того, чей это был голос.

Я медленно обернулся. И увидел её.

Она стояла позади, прислонившись к каменной ограде некрополя и скрестив руки под грудью, в том же длинном чёрном плаще, что и вчера, и два дня назад. Аккуратно подстриженные пряди и чёлка, обрамлявшие лицо. Жёлтые, почти золотые, глаза, пристально смотревшие на меня.

И улыбка, застывшая в уголках её рта.

— Кто вы, — невольно дрогнувшим голосом выдавил я, — и чего вы от меня хотите?

Ещё секунду она разглядывала меня. Затем её улыбка стала чуть шире.

И намного теплее.

— Валерия Минадзуки. — поздоровалась она, шагнув навстречу и протягивая мне руку. — Я ваш друг.

Я покосился на её протянутую ладонь. Затем снова перевёл взгляд на её лицо.

Отчего-то мне стало тошно.

— Ошибаетесь. — сказал я; мой голос звучал хрипло, будто после долгой болезни. — Я помню всех своих друзей. Вы не одна из них... госпожа Минадзуки.

— И тем не менее. — мягко возразила она, чуть наклонив голову. — Я не желаю вам зла, господин Штайнер. И мне нужна ваша помощь.

— А вчера, когда вы так, просто, прошли во Дворец собраний через полицейское оцепление, вам нужна была помощь? — неожиданно резко спросил я. — А за два дня до этого, в Порту, в терминале Уэно? Вы тогда прекрасно обошлись без моей помощи, госпожа Минадзуки.

— Обстоятельства изменились, господин Штайнер. — дипломатично ответила Минадзуки. — Возможно, мы могли бы помочь друг другу...

— Единственное, чем вы могли бы помочь, — оборвал её я, — это оставить меня в покое. У меня уже отобрали дело, госпожа Минадзуки, и я уверен, что вы об этом прекрасно

знаете. Как знали, что я расследовал эти убийства. Вы ведь из ГСБ. Я прав, госпожа Минадзуки?

— Увы. — пожала плечами она и потянулась во внутренний карман плаща. Я непроизвольно напрягся, но она извлекла оттуда всего лишь небольшой пластиковый футляр и, раскрыв его, протянула мне. На меня уставился, сверкая рубиновым светом, цветок азалии в окружении золотого лаврового венка, а под ним — три буквы.

— Я действительно из ГСБ. - всё так же мягко сказала Минадзуки. — Младший советник национальной безопасности Валерия Минадзуки, к вашим услугам. Вы быстро догадались, господин Штайнер.

— Я — сотрудник уголовного розыска. — да, пожалуй, я теперь мог только цепляться за эту фразу до последнего. — Это моя профессия. Но я должен был заподозрить вас раньше. Ещё тогда, в терминале.

— Действительно. — склонила голову Минадзуки. — Вы уже тогда догадывались, что мы работали над этим делом, верно?

— Можно сказать и так. — сухо ответил я. — А потом вы отобрали его у меня. Вчера. Верно? — я зло глянул на Минадзуки. Золотые глаза встретились с моими.

Всем этим делом занималась ГСБ, подумал я. С самого начала. Нам с Фудзисаки было милостливо позволено гоняться за убийцей в своё удовольствие... пока ГСБ не закрыла наше расследование и не забрала дело Вишневецкой-Сэкигахары себе.

Сказочница Гешке не лгала. От этого мне было не легче.

— Да. — ровным голосом сказала Минадзуки. — Верно. Но я считаю, что это решение было ошибкой.

— Ошибкой? — издевательски переспросил я. — Ах, ошибкой? Как это любезно с вашей стороны, госпожа Минадзуки! Только я ничем не могу помочь вам. Расследование закрыто. Вы же сами его и закрыли. Поэтому мне ничего не остается, кроме как умыть руки. Так что, если позволите... — я отвернулся и зашагал вниз по ступенькам, чувствуя, как меня начинает колотить дрожь.

Прочь. Прочь отсюда. Иначе произойдёт что-то непоправимое.

— А если я скажу вам, — раздался за моей спиной голос Минадзуки, — что Вишневецкой и Сэкигахаре не перерезали горло?

Я замер и обернулся к ней. До тротуара оставалась одна ступенька. Водители, сидевшие на скамье, подняли головы, глядя на нас.

— Не говорите ерунды, госпожа Минадзуки. — ответил я, поднимаясь на ступеньку выше, навстречу ей. — Можете мне поверить, перерезанное горло я ни с чем не спутаю. Даже если оно перерезано виброклинком.

— Вибромечом. — поправила меня Минадзуки. — Которым проще отрубить голову, чем оставить её болтаться на плечах. И при этом — никаких следов борьбы. У обеих жертв.

Это не кажется вам странным, господин Штайнер?

— Мне многое казалось странным. — «когда я вёл это расследование», добавил про себя я. — Что конкретно вы имеете в виду?

Минадзуки бросила взгляд в сторону двух водителей и начала спускаться ко мне. Её чёрный плащ развевался при каждом её шаге.

— Сами подумайте, господин Штайнер. — негромко сказала она, поравнявшись со мной. Даже без разницы в ступеньках, она была почти на полголовы выше меня. — Две жертвы. Обоих находят с перерезанным горлом, у обоих — одинаковые раны, отсутствуют на теле следы борьбы или насилия, а их обоих находят сидящими за компьютером, на рабочем месте. Вы не находите, что у этих двух убийств чересчур много общего?

— Нахожу. — ответил я, почувствовав, как по спине пробежал холодок. Кюршнер говорил то же самое, когда его убили. — Потому что их совершил один и тот же убийца.

— С абсолютно, в точности одинаковым исходом? — спросила Минадзуки, и я понял, что она была права.

У убийц нечасто различается *modus operandi*. Но чтобы каждое убийство совершалось настолько идентично предыдущему...

— Хорошо. — нехотя проговорил я. — Я чего-то не знаю. Чего, госпожа Минадзуки?

Вместо ответа Минадзуки снова глянула на водителей, вновь вернувшихся к обеду, и снова обернулась ко мне.

И просияла.

— Послушайте, господин Штайнер, — с улыбкой предложила она, — как вы смотрите на то, чтобы продолжить нашу беседу в более удобном месте?

— Зависит от места. — недоуменно пробормотал я. — А что?

Минадзуки улыбнулась. На этот раз в её улыбке промелькнуло что-то хищное.

— Позвольте мне подвезти вас. — произнесла она, сделав приглашающий жест. Я обернулся вслед за её рукой и уставился на медно-рыжую «Накацукасу», стоявшую посреди парковки.

— Я был бы вам очень признателен. — решился вымолвить я. — Госпожа Минадзуки.

Когда «Накацукаса» взлетала, я успел краем глаза заметить округлый лоб омнибуса, выныривающий из-за поворота улицы Тюринга. На лобовом стекле горели белые цифры 215.

Я отвернулся.

Я почти ожидал, что Минадзуки повезёт меня в здание ГСБ у площади Баумгартнера, но вместо этого «Накацукаса» заложила вираж уже над Штеллингенем и пошла на снижение. По правому борту проскользнула кувшинка Выставочного центра на задирающейся вверх стене орбиталища, полупустая лента Гершельштрассе, затем начались покатые крыши Среднегорского района. Я поднял глаза: навстречу нам приближались небоскрёбы Инненштадта.

Сатурнианские города неохотно растут вверх — даже Титан-Орбитальный, испытывающий постоянный недостаток свободного места. Поэтому Инненштадт выглядел чуждо — высотные здания в окружении городских кварталов едва ли в четверть их этажности. Жилые дома обступали Инненштадт с четырёх сторон, как крепостные стены; Сэкигава с её каменной набережной казалась рвом.

Минадзуки вела люфтмобиль сама — с мастерством, ничуть не уступавшим мне или Фудзисаки. «Накацукаса» пролетела над мостом, на котором вальяжно расходились троллейбусы, и зависла над Каирской площадью, окруженная серебристыми обелисками небоскрёбов. В эпоху строительства Инненштадта в высотном строительстве доминировали нарочито стремительные формы с плавными линиями: паруса и форштевни. К такому форштевню Минадзуки и направила машину, заходя на посадку: перед нами вырос серебристый стеклянный фасад небоскрёба, а затем подъёмный вентилятор загудел, едва слышно зажужжали выпускающиеся стойки шасси, и «Накацукаса», качнувшись, села на посадочную площадку.

Минадзуки выдернула стартер из приборной панели — свист турбины затихал у нас за спиной — и обернулась ко мне.

— Приехали. — сообщила она и подмигнула мне.

Я неумело отстегнулся от сидения и выбрался наружу.

Посадочная площадка была на уровне восьмого этажа; над нами возвышался стеклянный форштевень небоскрёба. Его верхние этажи тонули в тумане. Я взглянул на Минадзуки, выбравшуюся вслед за мной.

— Удобное местечко. — заметил я. Минадзуки улыбнулась.

— Я знала, что вам понравится. — ответила она. — Вы уже бывали в «Шпигеле», господин Штайнер?

— Был. — ответил я, не поведя бровью. — Несколько раз.

Минадзуки вела меня в «Шпигель». Этого я точно не ожидал.

Прозрачные двери посадочной площадки раздвинулись перед нами, открывая сбегавшую вниз винтовую лестницу. Я покосился на створки лифта рядом, но безропотно проследовал за Минадзуки: вдвоём мы спустились по лестнице вниз, в зал, где другая пара дверей вела вглубь ресторана.

У входа нас поджидала метрдотель; Минадзуки обменялась с ней несколькими словами, и та почтительно указала рукой вглубь зала. Меня она проводила несколько подозрительным взглядом. Да уж, мой вид сейчас оставлял желать лучшего.

В «Шпигеле», одном из самых знаменитых ресторанов Титана-Орбитального, я действительно был пару раз — но исключительно по работе. Прийти сюда, чтобы есть и попить, мне так и не довелось.

В Титане-Орбитальном, конечно, есть рестораны и пофешенебельнее — один только «Китч» чего стоит, а ведь были ещё «Метрополь» и «Алтона». В «Алтону» меня в таком виде точно бы не пустили. Впрочем, кухня там была так себе.

Главной же достопримечательностью «Шпигеля» было стекло. Зал ресторана занимал несколько уровней, каждый из которых был обращён к стеклянному фасаду ресторана, за которым кипела жизнью Каирская площадь. Паутина проводов, слегка колышущиеся на ветру деревья вдоль тротуара, стеклянные навесы входов метро и люди, люди, люди. Инненштадт — людное место, даже если вынести за скобки всех офисных служащих: здесь был пересадочный узел метро и троллейбусная конечная для семи или восьми маршрутов из разных концов города. Кто-то просто хотел поглазеть на Инненштадт, триумф стекла и металла в отдельно взятом орбиталище; кто-то возвращался с похода по магазинам. Кто-то проходил мимо.

Сейчас, за полдень, «Шпигель» был полупустым: занята была едва ли треть столиков. Для голодных офисных работниц цены здесь обычно слишком кусаются, чтобы ходить сюда обедать; их начальство — другое дело, и, видимо, большинство посетителей были именно из их числа. Я пригляделся и удивлённо моргнул: за одним из столиков маячила подозрительно знакомая зелёная макушка.

— Одну минутку. — пробормотал я недоумённо обернувшейся Минадзуки. — Я ненадолго. — и прошёл к столику. — Локи!

— Штайнер? — переспросила Дюлафо, оборачиваясь ко мне. — Всемилостная Каннон, Штайнер! — я приблизился к столу; Локи привстала и крепко обняла меня. — Ты живой?

— Как видишь. — сказал я, приподняв висевшую на перевязи руку.

— Ты нас всех до чёртиков напугал. — укоризненно сказала Дюлафо, опускаясь обратно на место. — Всех разговоров только о тебе. Ты в порядке?

— Не совсем. — пожал плечами я и покосился на собеседницу Дюлафо — офисную работницу в строгом тёмно-сером жакете, созерцавшую эту сцену круглыми от удивления глазами. — С кем это ты?

— А-а-а! — воскликнула Локи. — Штайнер, это Татьяна Хамасаки, менеджер из «Сэнкё Ретроэклер». Таня, это инспектор Штайнер, уголовный розыск Национальной полиции.

— Очень приятно. — пискнула Хамасаки. Её карие, почти чёрные, глаза сделались ещё круглее.

— «Сэнкё Ретроэклер»? — переспросил я, глядя на Дюлафо. — Та самая?

— Ага. — бодро подтвердила Локи. — Видишь ли, Таня у нас, в некотором роде, коллега госпожи Халтуриной... но, к счастью, Таня вовремя одумалась и решила встать на путь исправления и сотрудничества с правоохранительными органами... и теперь она будет мне помогать. — Дюлафо широко заулыбалась. — Вот этими самыми ручками. — она кивнула на руки Хамасаки, украшенные длинными жемчужными ногтями.

— Интересные у вас руки, госпожа Хамасаки. — важно кивнул я.

— Там обратная связь... — покраснела Хамасаки. — Господин... инспектор, а вы тоже помогаете госпоже инспектору Дюлафо?

— Разве что если ваша подруга кого-то убила. — указал я. Лицо Хамасаки стремительно побелело. — Так что вряд ли... госпожа Хамасаки.

Локи деликатно кашлянула. По глазам было видно, что она откровенно наслаждалась спектаклем.

— А ты здесь какими судьбами, Штайнер? — полубопытствовала она.

— Меня пригласили. — сказал я. Затем глянул вниз, на помятую блузу и не менее непрезентабельные брюки, и рассмеялся. Дюлафо ответила тем же.

— Да уж. — отсмеявшись, сказала она. — Видок у тебя тот ещё. А кто пригласил?

Я замялся.

— ...Знакомая. — наконец решился я. Отчасти это даже было правдой. — Ничего особенного.

— Надо же! — хмыкнула Дюлафо. — А где Жюстина?

— Понятия не имею. — развёл руками я. — Мне сказали, ушла спать. Я её так и не видел.

— Кто сказал?

— Врачи. В госпитале.

Локи поднялась со стула. Её руки мягко, но решительно легли мне на плечи.

— Разберитесь уже, вы двое. — негромко, но твёрдо сказала она, смотря мне в глаза. — На вас смотреть больно. Это я вам как коллега говорю.

— Коллега? — попытался отшутиться я. — А я-то думал, мы друзья.

— Скажи спасибо. — ответила Локи. — Иначе я бы тебе по башке надавала. Подружески. — она улыбнулась. — Серьёзно. Поговори с Жюстиной. Вам есть, о чём.

— Нам всегда есть, о чём. — вздохнул я. — Не бойся, Локи. Я так и собирался сделать.

— Смотри у меня. — строго сказала Дюлафо и отпустила меня. Её взгляд устремился куда-то поверх моей головы. — Ладно, было приятно тебя видеть, но тебя уже, похоже, хватились.

Я обернулся: действительно, к нам, со встревоженным выражением на лице, шагала Минадзуки. Видимо, она всё-таки меня хватилась.

— Да, ты права. — сказал я. — Ладно, удачи тогда. Доброго дня, госпожа Хамасаки.

— И... и вам. — смущённо выдавила Хамасаки. Локи ещё раз хлопнула меня по плечу и села на место.

— Бывай. — попрощалась она. — И не забудь, что я тебе сказала.

Я кивнул и отошёл от её столика.

— Кто это? — без обиняков любопытствовала Минадзуки, когда я поравнялся с ней. Я бросил на неё укоризненный взгляд.

— Моя коллега. — сказал я. — Она беспокоилась обо мне.

— О. - озадаченно произнесла Минадзуки. — Это хорошо. Пройдемте, господин Штайнер, нас уже ждёт столик.

«Хорошо»? Интересная фраза, подумал я.

Особенно из уст сотрудницы ГСБ.

* * *

Столик, забронированный Минадзуки, оказался на противоположной стороне зала, уровнем выше: мы поднялись по маленькой винтовой лестнице на галерею с четырьмя столиками, почти все из которых пустовали — только за одним сидели две женщины в платьях, увлечённо беседовавшие за обедом. Судя по платьям и поблёскивавшим украшениям, они были не меньше чем начальницами отделов.

В пищевой цепочке кружевных воротничков я хорошо ориентировался.

Наш столик стоял в глубине галереи, в углу: вид отсюда был не слишком хорошим — за окном «Шпигеля» было видно только непроницаемый стеклянный фасад небоскрёба напротив. Но выбиралось это место определено не панорамы ради.

— Что вы будете заказывать, господин Штайнер? — спросила Минадзуки, усаживаясь напротив меня: над столешницей перед нами зажглось меню.

— М-м-м... — задумчиво протянул я, пролистывая вниз список первых блюд. Для меня цены несколько менее кусались — инспектор полиции даже без премиальных получает больше, чем офисные служащие — но всё же отбивали аппетит. Не бутерброды же есть, честное слово...

Минадзуки терпеливо ждала, глядя на меня. Я пролистнул меню обратно, подумал и ткнул, наконец, в шницель по-гамбургски. Минадзуки просияла.

— А пить вы что будете? — невинно поинтересовалась она.

— Чай. — ответил я. — Уж чай-то у них должен быть...

— Ничего боле приличествующего?

— Нет, спасибо. — после вчерашнего вечера я думать не хотел о спиртном — даже о вине. — Вы хотели поговорить, госпожа Минадзуки?

— Одну минутку. — попросила она, заканчивая выбирать заказ. Я не заметил, что она выбрала — меню было развёрнуто тыльной стороной ко мне — но экран меню исчез, и Минадзуки вновь обернулась ко мне.

— Да, господин Штайнер. — сказала она. — Я хотела с вами поговорить. Прежде всего, я хотела бы поговорить о вашем расследовании.

— Моём бывшем расследовании. — враз помрачнев, поправил я. — Но допустим. И что вы хотите знать?

— Всё. С самого начала.

Я вздохнул и откинулся назад на стуле.

— Три дня назад, — начал я, — мы получили вызов из Портовой Администрации. Жертвой была Хироко Вишневецкая, дежурный диспетчер. Её убили на рабочем месте, перерезав ей горло вибромечом. При этом камеры видеонаблюдения в диспетчерской и в шлюзе этажом ниже были отключены, а на месте преступления не осталось никаких следов.

Минадзуки внимательно кивнула.

— Моей основной гипотезой была контрабанда. Исходя из неё, контрабандисты — кем бы они ни были — убрали Вишневецкую, чтобы замести следы своих действий в Порту. Были обнаружены улики, косвенно подтверждающие эту версию. Код транспондера и дата, предположительно, прибытия, за три дня до гибели Вишневецкой — раз. Данные стыковочного узла, который задействовался в то время и, позже, ночью на шестнадцатое число — два. Данные с телескопов и радаров Порты, на которых видно малозаметный космический корабль, предположительно совершавший стыковку — три. Деньги наличными, обнаруженные в комнате Вишневецкой — четыре. Позже её помощник, Валленкур, в ходе беседы подтвердил получение Вишневецкой значительной суммы денег за три дня до смерти. Но, — я поднял палец, — эта гипотеза не объясняет двух вещей. Убийства Вишневецкой — не каждый день перерезают горло диспетчеру на рабочем месте, посреди смены, вибромечом, да ещё и не оставив при этом следов. И того, что курьерский корабль, да ещё и очевидно малозаметный, делал в Порту, где корабли таких размеров обычно не стыкуются.

— И вы обратились, — заметила Минадзуки, — к собственным источникам. Верно?

— Откуда... — начал я и махнул рукой, — а, ладно. Вы всё обо мне знаете, да, госпожа Минадзуки?

— Не всё. — улыбнулась она. В отличие от улыбки той же Сказочницы, улыбка Минадзуки казалась совершенно искренней. — Но многое. Итак, вы отбросили эту гипотезу?

— Скажем так, не совсем, хотя мои источники не подтвердили своей причастности к гибели Вишневецкой. Кроме того, результаты медицинской экспертизы, — вы, наверное, с ними ознакомились, — показали, что Вишневецкую убили именно вибромечом. Не ножом. И даже не штык-ножом. При этом, — добавил я, — не оставив никаких следов борьбы. А голову Вишневецкой — на одной ниточке. Это, как минимум, подозрительно.

— И что было дальше? — спросила Минадзуки.

— Дальше было убийство госпожи Сэкигахары. — произнёс я. — Совпадавшее с убийством Вишневецкой до мельчайших деталей. Тоже перерезанное горло. Тоже виброчеч. Тоже на рабочем месте. И — тоже никаких следов борьбы. Но было ещё кое-что: Малкина. Она знала о том, что во Дворец Собраний проник посторонний — по её же словам там ничто не происходит без её ведома... или, хотя бы, ведома их службы безопасности, которая отчитывается перед Малкиной же. И она солгала. Сказала, что вызвала полицию сразу же, когда между её приездом во Дворец и вызовом прошло сорок минут. Она назвала это консультациями. — я пожал плечами. — Но тогда зачем было лгать?

— Я разговаривала с ней. — произнесла Минадзуки. — С госпожой Малкиной. И я вижу, с чего вы стали её подозревать, господин Штайнер. Мне она лгать не стала.

— А вы её не подозреваете? — спросил я.

— Подозреваю, конечно. — кивнула Минадзуки. — Только по другим причинам.

— А. - только и сказал я и продолжил: — Я перешёл к другой гипотезе. Заказчиком была Малкина. Она нашла убийцу — скорее всего, это какой-то ветеран, которому она и её партия запудрили мозги — и подговорила его убрать сначала Вишневецкую, а затем — и Сэкигахару. Вишневецкая была нужна Малкиной в качестве своего человека в Порту, а затем исчерпала свою полезность и стала лишней. Сэкигахара же... — я развёл руками. — Она — казначей, а значит — знала слишком много о делах Малкиной, какими они бы ни были. Кто мог впустить убийцу во Дворец Собраний незамеченным? Малкина. Кто мог предоставить ему оружие? Тоже Малкина.

— Каким образом?

— «Дифенс Солюшенс». - сказал я. — Их упомянула... мой источник, и я решил проверить их. Нагрянул с проверкой... а дальше вы, наверное, сами знаете. Вы же занимаетесь пропажей оружия, верно? — с тревогой спросил я. По спине пробежали мурашки: десятки винтовок, подобно той, из которой убили Кюршнера и чуть не убили меня, были где-то в Титане-Орбитальном, никем не замеченные и не учтённые.

У меня задрожали плечи. Я сжал руку в кулак, до боли впившись ногтями в ладонь.

— Конечно, мы занимаемся этой пропажей. — донёсся до меня мягкий голос Минадзуки. — Не беспокойтесь, пожалуйста.

Я выдохнул. Слова Минадзуки немного успокоили меня... достаточно, чтобы я перестал дрожать и раскрыл кулак. На ладони остались красные следы от ногтей.

Но страх никуда не делся.

— Давайте ненадолго вернемся назад. — продолжила Минадзуки. — Почему убийца должен быть именно ветераном? Почему не кто-то другой?

— Потому что никто другой не мог убить сначала Вишневецкую, а затем Сэкигахару, таким образом, — сказал я. — Не оставив следов, уничтожив записи, и воспользовавшись нестандартным оружием. Вишневецкую можно было застрелить или зарезать на улице — застрелить даже лучше, гарантий больше. Сэкигахару, возможно, сложнее, но имея на своей стороне Малкину — тоже вполне реально. Но пробраться в Порт и Дворец Собраний

незамеченной, причём в первом случае — не оставив видимых следов, способна далеко не каждая... или, в данном случае, не каждый. Кроме того, Конституционная Партия уже однажды использовала ветеранов для своей грязной работы. Они вполне могли сделать то же самое.

— А гайдзины? — спросила Минадзуки.

— А что гайдзины? — спросил я. — Нет, «Дифенс Солюшенс» вполне могли прирезать и Вишневецкую, и Сэкигахару. Но у меня есть записи камер наблюдения — из Порты и с Площади Гегемонии. Убийца на них мало похож на гайдзина. Хотя бы ростом...

— Я поняла. — кивнула Минадзуки. — И что вы планировали делать дальше?

— Я? — переспросил я. — Собирался вычислить пропавший меч со склада «Дифенс Солюшенс» по базе МВД. После этого пришлось бы импровизировать... объявлять план «Перехват» в городе, привлечь СПОР, арестовать Малкину до выяснения, наконец... Но мы всё равно не знаем, что именно было на том курьере-невидимке. И почему стыковать его потребовалось в Порту, а не в Минбане.

— И почему оно стоило того, чтобы убивать Вишневецкую и Сэкигахару, так? — добавила Минадзуки.

— Именно так. — кивнул я и скосил глаза на мигавшее на столешнице время заказа. — Как вы думаете, долго нам ещё ждать, госпожа Минадзуки?

— Они обычно пунктуальны. — пожала плечами она. — Ещё минут десять.

— Часто здесь обедаете? — спросил я. Минадзуки улыбнулась и стеснительно отвела глаза.

— Не так часто, как хотелось бы. — ответила она.

Я улыбнулся.

— Хорошо, госпожа Минадзуки. — сказал я. — Я рассказал вам всё, что знаю. Теперь ваш черёд.

— Действительно. — снова улыбнулась она. — Прежде всего я хотела бы поблагодарить вас, господин Штайнер. Ваше расследование очень помогло нам заполнить пробелы в нашем собственном.

— Мне помогли. — стеснительно заметил я. — Кстати, а когда именно ГСБ начала своё расследование?

— Чуть раньше вас. — ответила Минадзуки. — Мы узнали о стыковке неизвестного корабля в Порту примерно за день до гибели Вишневецкой — когда корабля уже не было, а стыковочный узел ещё находился в ремонте. Когда к нам поступила информация о смерти Вишневецкой — при необычных обстоятельствах — дело поручили мне.

Я промолчал. Вот откуда Минадзуки знала о моём расследовании тогда, шестнадцатого числа... пожелать мне удачи было очень мило с её стороны.

— У нас тоже были свои подозрения, — продолжала Минадзуки, — но я не решалась действовать до тех пор, пока не была убита госпожа Сэкигахара. За день до этого к нам поступил доклад, — она сделала паузу, — о происшествии на улице Регенераторной и гибели гайдзинского туриста, Франтишека Котеры. Вы знаете о нём?

— Конечно, знаю. — сказал я. — Мы там были.

— И что вы узнали?

— Что гайдзин свалился мёртвый. — фыркнул я. — Ни с того, ни с сего. Вскрытие мы провести не можем, не получив разрешения из посольства Остравы в трёх экземплярах, поэтому причин смерти мы не знаем. Может, у него сердце отказало от нашего притяжения, может, его отравили, может ещё что-то... Но мы не занимались этим делом. Почему вы спрашиваете?

— Потому что в докладе упоминалось про предмет, который был у гайдзина. — ответила Минадзуки. — Очки, если быть точной. Якобы вызывающие головную боль при включении. Разве нет, господин Штайнер?

— Да. — только и сказал я. — Но я всё ещё не понимаю, как гайдзин и его очки относятся к Вишневецкой и Сэкигахаре.

— Вы знаете точное время смерти госпожи Вишневецкой?

— Более-менее. — сказал я. — Оно должно быть указано в результатах медэкспертизы.

— А госпожи Сэкигахары?

Я отрицательно помотал головой.

— Узнав об убийстве Сэкигахары, мы пришли к выводу, что кто-то начинает замечать следы. Поэтому я решила принять меры безопасности, начиная с утра восемнадцатого... но вы, похоже, несколько опередили меня.

— А Малкина опередила нас обоих. — заметил я. — Если уж на то пошло.

— Увы. — только и сказала Минадзуки. — Я получила доступ к телу Сэкигахары настолько быстро, насколько возможно. Госпожа Сэкигахара уже была мертва, когда ей перерезали горло, господин Штайнер. Причём была мертва почти три минуты.

Я молча слушал, но в голове у меня, один за другим, всплывали вчерашние события. Оцепление патрульных вокруг Дворца собраний. Совещание руководства ГУМВД и городской полиции — посвящённое, очевидно, не только мне и моему расследованию. Разговор Мэгурэ с начальством, главой города и окружным прокурором. И — слова Гешке о том, что дело забрала ГСБ. ГСБ, занимавшаяся этим делом с самого начала.

— Вы вывезли тело Сэкигахары. — сказал я; Минадзуки осеклась, внимательно глядя на меня. — Тогда вы приехали специально за ним, верно? Пока мы искали камеры и лазили по канализации. — она кивнула. — Нагнать под Дворец патрульных и закрыть морг, отправив Маршан домой, конечно, решило наше руководство, но вы подали им идею. А в морге до сих пор лежат Вишневецкая и Котера. Если, конечно, вы их ещё не вывезли.

— Не вывезли. — покачала головой Минадзуки. — Но я была там, господин Штайнер. Впрочем, мы снова разминулись.

— Легко сказать, разминулись... — пробормотал я, — о том, что я был на площади, вы прекрасно знали... — Минадзуки снова кивнула. — Но тогда я не понимаю одного. Как Сэкигахара могла быть мертва до того, как её зарезали? И причём тут Котера?

Минадзуки вздохнула.

— И Вишневецкая, и Сэкигахара — обе — были найдены на рабочем месте, за

компьютером. — сказала она. — Франтишек Котера перед смертью был в очках. Вы не заметили здесь ничего общего?

— Между Вишневецкой и Сэкигахарой — да. — проговорил я. — Но Котера... — я запнулся.

Гайдзин... остановился как вкопанный, будто что-то увидел... и рухнул замертво?

— Вы хотите сказать, — начал я, почувствовав, что в горле вдруг пересохло, — что Котеру убило что-то, что он увидел?

— Нет. — поправила меня Минадзуки. — Я хочу сказать, что их всех убило что-то, что они увидели. На экране компьютера. Или на стекле очков.

— Но... — заговорил я и остановился. Ни у Вишневецкой, ни у Сэкигахары не осталось никаких следов борьбы, хотя им резали горло здоровенным вибромечом. И этот здоровенный вибромеч почему-то не отсёк головы им обоим.

И они сидели за компьютером. Вишневецкая была на дежурстве. Сэкигахара работала в ночь. На компьютере Вишневецкой была удалённая запись — та самая, за двенадцатое число, с номером транспондера. На компьютере Сэкигахары не было ничего. Вообще ничего.

Я обратил внимание на эти факты — и тут же отмёл их в сторону, как незначительные. И совершенно зря.

Кюршнер хотел обратить мое внимание на это совпадение. И не успел.

— Как? — только и спросил я тихим голосом. — Как можно умереть от увиденного на экране? Это же не эпилептический припадок, в конце концов...

Минадзуки покачала головой.

— Вы знаете, что такое «василиск», господин Штайнер? — спросила она.

— Мифическое животное?

— «Василиск», господин Штайнер, это компьютерная программа. При работе она осуществляет воздействие на органы чувств, — в первую очередь зрение и слух, — настолько сильное, что человек попросту умирает. Почти мгновенно.

— Впервые слышу. — произнёс я, и это было чистой правдой.

— Неудивительно. — сказала Минадзуки. — «Василиски» вышли из употребления ещё после Первой Солнечной. Это сетевое оружие массового поражения: некоторые версии «василиска» способны самостоятельно распространяться по сети, заражая другие устройства. «Василиск» нужной версии способен опустошить целый город-миллионник почти за час. Оставив все здания целыми.

— И какая это версия? — сглотнув, спросил я. В голове всё ещё не укладывалось: целый город? Почти за час?

В школе — а затем и в Академии МВД, на занятиях по гражданской обороне — нам

показывали кадры кинохроники времён Второй Солнечной: орбиталища, заполненные нервно-паралитическим газом, умирающих людей, штурмовиков Земной Империи в бело-чёрных доспехах и голубых касках с опущенными забралами. Но смерть от газа наступает не мгновенно, а газу нужно время, чтобы распространиться по всему объёму орбиталища. Даже там были выжившие: землянам пришлось добивать их вручную, в ходе зачистки.

А «василиск» способен истребить целое орбиталище за час. В сотни раз эффективнее любого газа.

— Я не знаю. — глухо сказала Минадзуки. — Никто не знает.

— Но распространения не было? — быстро спросил я.

— Пока мы ничего не обнаружили. — ответила она. — Прочёсывать сеть наш киберотдел начал ещё вчера.

— От него вообще можно защититься? — продолжал я. — И почему мы ничего не знаем об этом «василиске»?

— Сетевое оружие массового поражения запрещено применять против гражданского населения. — сказала Минадзуки. — Даже земляне во Вторую Солнечную не решились на такое. Всё военное оборудование и программное обеспечение оборудовано функцией автоцензора, которая сводит программы, подобные «василиску», на нет: поэтому он и не представляет такой угрозы, как прежде. Но никто не оснащает автоцензорами коммерческие устройства, господин Штайнер.

— Значит, Вишневецкую и Сэкигахару убили таким «василиском». — произнёс я. — Перерезали им горло, чтобы сбить нас с толку. И им это удалось, чёрт возьми: мы даже не знаем ничего об этом «василиске»...

— Именно так. — кивнула Минадзуки.

— Но остается Котера. — сказал я. Разрозненные фрагменты в голове один за другим складывались воедино. — Его никто не выбирал, как цель: скорее всего, он просто подхватил «василиска» совершенно случайно. А так как Титан-Орбитальный ещё не превратился в город-призрак, — меня передёрнуло, — значит Котера мог подхватить василиска только рядом с местом, где он хранится. Это возможно?

— Вероятно. — сказала Минадзуки. — Господин Штайнер, вы поможете мне?

Я покосился на столешницу.

— Сколько у нас времени? — спросил я.

Минадзуки проследила за моим взглядом и понимающе улыбнулась.

— Достаточно, чтобы вы пообедали, господин Штайнер. — ответила она. Я улыбнулся в ответ.

Но новости не давали мне покоя.

Появившийся официант поставил перед нами блюда и чашки, поклонился и исчез. Я проводил его взглядом, прежде чем посмотреть на своё блюдо. Шницель, накрытый

яичницей — «по-гамбургски», хотя я смутно помнил, что такое Гамбург — подавался вместе с жареным картофелем, салатом и капустой. Я отпил чай — после сегодняшней ночи он показался мне напитком богов.

Минадзуки отсалютовала мне вилкой. Она заказала себе рыбу по-финкельвердерски — золотистые ломти, присыпанные беконом и украшенные цветной капустой и лимонными дольками.

Обязательно попробую, решил я. Но пока что меня влекла яичница.

— Приятного аппетита, господин Штайнер. — улыбнулась Минадзуки.

— И вам... — пробормотал я, прежде чем взяться за вилку. Яичницу в «Шпигеле» готовили на славу — иначе в заведении с таким названием и быть не могло.

Уже потом, когда мы покончили с едой, а в моей тарелке не было даже крошек, я обратился к Минадзуки, доедавшей последний кусочек своей рыбы. В углу её тарелки лежали две опустевшие лимонные дольки.

— Я помогу вам. — сказал я. — Но у меня есть одна просьба.

— Какая же? — спросила Минадзуки, вытирая уголки рта салфеткой. Её золотые глаза при этом изучающе глядели на меня.

— Устройте мне демонстрацию. — сказал я. — Это возможно?

— Демонстрацию? — переспросила она и кивнула. — Почему бы и нет? Но нам понадобится образец программы «василиска».

— Тот, что в очках Котеры, вас устроит? — тут же спросил я. Минадзуки вновь кивнула.

— Вполне устроит. — ответила она. — Нужно только забрать их из вашего хранилища, господин Штайнер. В Цитадели.

— Вы их оттуда не забрали? — удивился я. Минадзуки помотала головой.

— Я посчитала, что так будет надёжнее. — пояснила она. И, потянувшись через стол, отвела мою руку от загоревшегося на столешнице датчика оплаты. — Не трудитесь, господин Штайнер.

— Прошу прощения? — выгнул бровь я.

— Я плачу. — только и сказала Минадзуки.

Я открыл было рот, чтобы возразить. И тут же закрыл его, не зная, что сказать.

Минадзуки платила за меня так, будто мы были на свидании.

* * *

Свою «Накацукасу» Минадзуки посадила прямо посреди тротуара, носом почти упёршись в мемориальную табличку «250 лет сатурнианскому уголовному розыску» на стене. Я мысленно возблагодарил богов за то, что над улицей Мацуноо нету контактных проводов. Но тут были очень узкие тротуары: одной из стоек шасси машина стояла за

поробриком, на ливневой решётке.

Со стороны входа к нам уже спешила дежурная в чёрной форме. Я выбрался из машины. Минадзуки потянулась было к отвороту плаща, но я остановил её.

— Парковка в неподобающем месте! — на бегу выкрикнула дежурный. — Немедленно уберите машину с тротуара! И предъявите документы!

— Прошу прощения, офицер, — ответил я, заступая ей дорогу; к её чести, она остановилась, как вкопанная. Здоровую руку я запустил за отворот своего плаща, но, похоже, она и так меня узнала. В ГУМВД было немного инспекторов-мужчин с тёмно-лиловыми волосами и рукой на перевязи. — Инспектор Штайнер, уголовный розыск. Мы спешим.

Секунду дежурная рассматривала мою руку и мой плащ со свисавшим вдоль тела левым рукавом. Её глаза расширились, когда она заметила рваную дыру на плече плаща.

— Прошу прощения, господин инспектор! — отрапортовала она, вытянувшись «смирно». — Вы в порядке, господин инспектор?

— Вполне. — ответил я. — Мы ненадолго. Разрешите?

— Так точно, господин инспектор! — козырнула она.

Я обернулся к Минадзуки.

— Пройдёмте. — пригласил её я.

Дежурная так и осталась взирать на припаркованный посреди тротуара люфтмобиль, когда мы прошли за КПП, во двор Цитадели. Отсюда, с земли, штаб-квартира ГУМВД выглядит угнетающе, циклопической тёмно-серой колонной упираясь в небо; её громада закрывает собою дневной свет люминёра, и стёкла на фасаде кажутся непроницаемыми зеркалами, под стать стенам. Цитадель ниже большинства небоскрёбов Титана-Орбитального, но она была спроектирована в другую эпоху, в другое столетие — грубая, неказистая и в то же время монументальная, как зенитная башня.

Нижние пять этажей Цитадели были отделаны в другом стиле, нежели всё остальное здание — белым и чёрным камнем с арочными окнами; эту деталь добавили уже при Гегемонии, во время первых реконструкций. Таких арочных окон и колоннад нету ни на одном другом здании Гюйгенса — за исключением, может, готического Дома органной музыки. В торце здания колоннада выступала вперед, образуя портик, за прямоугольными белыми колоннами которого скрывались двери главного входа.

Проходная была полупустой. Немногочисленные посетители, сидевшие у стен, обернулись в нашу сторону. Некоторые из посетителей были в синих мундирах городской полиции.

Я ощутил посторонние любопытные взгляды. Ну вот: торчу, как пятно на Плутоне. Хорошо хоть, я ещё не читал новостей.

— Штайнер! — я обернулся: к нам, проскользнув (а то и перескочив) через турникет, бежала Цунэмацу. Выглядела Нонна встревоженно, и её можно было понять. — Ты живой?! Ты в порядке?!

— В порядке, в порядке... — сконфуженно пробормотал я, оказавшись под перекрестным огнём чужих взглядов: на нас пялилась во все глаза даже дежурная в будке проходной. — Не кричи так, хорошо?

— Хорошо?! — воскликнула Цунэмацу. — Тебя же чуть не убили!

— Но не убили же. — спокойно сказал я. — Не пропустишь? Мы по делу.

Цунэмацу прищурилась, покосившись на Минадзуки. Та улыбнулась — слегка, уголками рта. Цунэмацу хмыкнула.

— А она что? — спросила она.

— Она со мной. — ответил я.

— Куда вам?

— Вниз. — кивнул я. — К Моритани. Она же на работе, да?

— Ну-у, да... — протянула Цунэмацу и помахала нам рукой. — Пойдёмте.

Через турникет мы прошли, провожаемые удивлённым взглядом дежурной. Я совершенно не сомневался, что о моём появлении уже знает не только Собственная Безопасность, но и другие. Например, мои коллеги. Или, например, Мэгурэ.

Мэгурэ. Меньше всего я сейчас хотел бы встречаться с ней. Если бы не очки — и «василиск», спящий в этих очках — я бы обошёл Цитадель, а вместе с ней и шефа, десятой дорогой.

Осталось надеяться, что ей не вздумается вдруг срочно вызвать меня на ковёр.

— Что нового? — спросил я у Цунэмацу. Та обернулась и пожала плечами:

— Ну, как что? — ответила она. — Гвардия приехала.

— Где? — спросила Минадзуки. Нонна, сощурившись, глянула на неё.

— В Порту, где же ещё. — сказала она. — Их же целый корабль... Летуны все на ушах стоят, — продолжила она, обращаясь ко мне. — А, ещё Эрхард и Тидзимацу никого не нашли. Забрали люфтмобиль со штрафплощадки и поехали возвращать владельцу.

— В Дэдзиму? — уточнил я.

— Угу. — кивнула Цунэмацу. — Не сказали кому, правда.

Я пожал плечами. Угнанный люфтмобиль сейчас волновал меня в последнюю очередь.

— Вы дальше дорогу найдёте? — спросила Цунэмацу, остановившись у входа на лестницу. — А то мне наверх надо...

— Опять кадры тебя эксплуатируют? — сочувственно спросил я. В бытность свою молодым принеси-подай лейтенантом мои отношения с отделом кадров складывались похожим образом.

— Да какие кадры! — махнула рукой Цунэмацу. — Мне в отдел надо, там уже заждались...

— А-а-а. — протянул я и нахмурился. — Слушай, Нонна, ты не могла бы, ну... помалкивать о том, что я здесь? Всё равно я ненадолго, да и лишнее внимание... — я двинул плечом, указывая на безжизненную левую руку, — сама понимаешь.

— Мы беспокоились, Штайнер. — серьёзно сказала Нонна, глядя на меня. — Когда узнали про то, что тебя ранили.

— Чушь, — фыркнул я. — Фридель и Орловская меня терпеть не могут...

— Где Жюстина? — неожиданно спросила Цунэмацу. — Она же искала тебя. Разве нет?

— Я не знаю, где она. — грустно сказал я. — Когда я пришёл в себя, её уже не было.

Цунэмацу печально вздохнула, понурился голову.

— Я скажу, что с тобой всё в порядке, хорошо? — тихо спросила она.

— Да. — попросил я. — Скажи.

Она кивнула.

— Удачи. — сказала она и взбежала вверх по лестнице. На площадке Цунэмацу остановилась, обернулась в последний раз — мне показалось, будто её глаза блеснули — и скрылась из виду.

— Идём. — сказал я, не оборачиваясь и непроизвольно переходя на «ты». — Нам вниз.

* * *

У дверей морга внизу всё ещё дежурили двое патрульных. По сравнению с нашей предыдущей встречей, сегодня они были облачены в бронежилеты, но это было ещё не самое странное: на плече у каждой из патрульных висел штурмовой карабин. Выглядели карабины так, будто последние лет пять пролежали в оружейной комнате, но к ним были примкнуты полностью снаряжённые магазины.

Я сглотнул и укоризненно глянул на шедшую рядом Минадзуки. Она всего лишь пожала плечами. Видимо, это была не её инициатива.

Патрульные проводили нас подозрительными взглядами, но не попытались остановить ни меня, ни Минадзуки. Этого было достаточно, но по спине у меня всё равно бегали мурашки.

Дверь с табличкой «ЛАБОРАТОРИЯ», находившаяся в дальнем конце подвала, оказалась запертой. Я постучал. Когда ответа не было, я постучал ногой.

Патрульные у дверей морга и бровью не повели.

Зашуршали замки, затем раздалось жужжание доводчика, и дверь распахнулась, представив нам Моритани. В руках криминалист держала давнешнюю чашку с целующимися школьницами. Увидев перед собой Минадзуки, она недоумённо заморгала и обернулась — чтобы увидеть меня.

— Штайнер. — ровным голосом сказала Моритани. — Чего ты тут делаешь?

— Тебя ищу. — ответил я. — Можно, мы зайдём?

— А кто это? — прищурилась Моритани.

— Валерия Минадзуки, к вашим услугам. — вежливо представилась Минадзуки и коротко поклонилась. Моритани неуверенно дёрнула головой.

— Она со мной. — добавил я. — Так тыпустишь нас или как?

Моритани вздохнула.

— Заходите. — пригласила она и отступила в сторону, чтобы закрыть за нами двери. — Кофе?

— Позже. — сказал я, входя в лабораторию. — От кого ты запираешься?

— От греха подальше. — отрезала Моритани. — Вы с Жюстиной как вчера ушли, сразу притащилась шеф, мрачнее тучи. Сказала, что случилось ЧП, все на ухах стоят, на совещании были городовые, что звонили из городской администрации и прокуратуры... Это то, что я думаю, да, Штайнер?

— А что ты думаешь? — хмуро спросил я.

— Что твою Сэкигахару пришили ровнехонько перед приездом премьер-министра. — ответила Моритани. — И что у тебя не получилось изловить убийцу, и тебя сняли с дела. А потом мне вечером звонит Жюстина и говорит, что в тебя стреляли. Что ты в больнице. — Моритани сдвинула брови, укоризненно глядя на меня. — Что ты наделал, а, Штайнер?

— Свою работу. — бросил я.

Моритани отвернулась и прошла вглубь лаборатории, к своему столу.

— Хорошо же ты её сделал, — пробурчала она, — нечего сказать...

— Саяна, — сказал я; Моритани застыла на полушаге. — Мне нужна твоя помощь.

Пауза. Минадзуки удивленно посмотрела на меня.

— Зачем? — не оборачиваясь, спросила Моритани. Её голос звучал глухо.

— Я продолжаю расследование. — ответил я.

Моритани развернулась и ударила меня по лицу.

Я отшатнулся назад, чуть не потеряв равновесие. Минадзуки подхватила меня за плечи.

— Расследование?! — выкрикнула Моритани. Её глаза горели. — Какое расследование, Штайнер?! Ты в своём уме, а?! Тебя сняли с дела, тебя чуть не убили, а ты имеешь наглость, — она шагнула вперед, — придти сюда и говорить, что собираешься продолжать

расследование?! — она замахнулась, ударив меня второй раз. Пощёчина вышла настолько сильной, что моя голова дёрнулась в сторону. — Ты хоть понимаешь, как мы все беспокоились?! как беспокоилась я?! как беспокоилась Жюстина?! Понимаешь?! Нет?! Так я тебе мозги вправлю!! — она замахнулась вновь, и я сжался внутри, ожидая ещё одной пощёчины... но удара не последовало.

Минадзуки крепко сжимала её запястье.

— Достаточно, госпожа Моритани. — сказала она ледяным голосом.

Моритани тяжело задышала, переводя взгляд с Минадзуки на меня; её грудь так и ходила ходуном под тонким гольфом. Я покосился на Минадзуки: лицо сотрудницы ГСБ, ещё недавно бывшее удивлённым и дружелюбным, теперь напоминало непроницаемую маску.

— Тебя чуть не убили. — прошептала Моритани.

— Я знаю. — сказал я таким же тихим голосом. — И поэтому я прошу твоей помощи.

— Штайнер...

— Я должен его поймать, Саяна. Иначе будет слишком поздно.

Плечи Моритани дрогнули.

— Что тебе надо? — не глядя на меня, спросила она. Чёрные волосы, упавшие вниз, скрывали её глаза.

— Очки гайдзина. — ответил я. — Которые мы принесли позавчера. Они ещё у тебя?

— Ну да. — Моритани отстранённо кивнула. — Зачем они тебе нужны? Они же сломанные.

— От этого они не перестают быть уликой. — сказал я. — Ты же знаешь. Принеси их, пожалуйста.

Моритани вздохнула.

— Хорошо. — медленно кивнула она. — Отпустите меня.

Минадзуки разжала пальцы. На её лице не дрогнул ни один мускул. Моритани потёрла запястье — я разглядел следы от пальцев на коже — и прошла ко двери в хранилище: соседнюю залу, доверху заполненную ящиками с вещдоками. Я был там ровно один раз и впредь зарёкся даже заходить туда: найти что-либо без каталога там было невозможно. Даже для посвящённых.

У двери Моритани остановилась, взявшись за ручку, и обернулась ко мне:

— Ты правда оттащил Сказочницу за воротник? — спросила она.

Я кивнул.

— Ты даёшь. — восхищённо пробормотала Моритани и исчезла за дверью. Доводчик с жужжанием захлопнул её.

Минадзуки посмотрела ей вслед.

— Ей можно доверять? — спросила она, по-прежнему разглядывая табличку «ХРАНИЛИЩЕ» на двери.

— Кому, Моритани? — переспросил я. — Можно. Она мой друг.

— Ваши друзья все настолько склонны к рукоприкладству? — прищурилась Минадзуки.

— Они просто беспокоятся обо мне, только и всего. — пожал плечами я. Жест вышел нелепым; левое плечо, с повисшей мёртвым грузом рукой, слушалось меня весьма условно.

Дело было не в беспокойстве, и я это знал. Все они — Фудзисаки, Локи, Моритани, даже Цунэмацу, безусловно младшая Цунэмацу! — больше всего хотели меня защитить, во что бы то не стало. Даже Селезнёва, отрядившая мне в помощь верного Кюршнера.

За мою карьеру я неоднократно рисковал здоровьем: если не считать того случая с пожарной лестницей в Гюйгенсе, когда я переломал себе половину рёбер, я ещё раз десять падал с различной высоты и ломал себе руки и ноги. На меня четыре раза бросались с ножом, дважды — с тесаком и один раз — с раскалённой сковородкой, последним доводом обозлённого хозяина. В Шамп-Марезе одна дворовая хулиганка, чем спастись бегством, предпочла вытащить самодельный пистолет — и на три года отправилась плавать в банке за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов. На моё счастье, стрелять она не умела, а пистолет оказался пятимиллиметровой палкой-плевалкой.

Каждый раз я отряхивался и вставал, попадал в госпиталь, где врачи неодобрительно качали головами, ухитрялся чудом отпрыгнуть от ножа и перехватить руку со сковородой за полсекунды до удара. С пистолетом мне несказанно повезло, но я всё же остался жив. Драться же я умел — приличные мальчики не дерутся, но в Академии МВД меня научили — а иногда (например, вчера) даже любил. Мне льстила забота подруг о моём здоровье... но подчас она была только обузой.

Даже сейчас.

Дверь хранилища открылась, и оттуда появилась Моритани. В руках она держала ящик «ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА» под номером 522. Я поспешно расчистил место на столе, отодвинув в сторону протоколы и кружки, и Моритани водрузила ящик на стол.

— Прошу. — возвестила она, отпирая крышку ящика. Мы с Минадзуки, не сговариваясь, заглянули вовнутрь, столкнувшись макушками. Очки, запакованные в полиэтиленовый пакет, лежали на дне ящика, глядя на нас разбитыми стёклышками.

Я запустил руку в ящик, пальцем вскрыл горловину пакета, и вытащил очки наружу. Моё

лицо отразилось в оранжевом осколке. Отражение было крошечным, но я ужаснулся тому, как выглядели мои глаза — осунувшиеся, запавшие, с тёмными кругами.

— Спасибо. — сказал я, протягивая очки Минадзуки. — Это они.

Минадзуки кивнула, вертя очки в руках. Я следил за её пальцами, блуждавшими по треснувшей дужке. Она нащупала кнопку на ободке и надавила на неё. Осколки стекла очков вдруг вспыхнули красным. В виске вдруг заняло.

— Любопытно. — только и сказала она, отпустив кнопку. — Вам всё ещё нужна демонстрация, господин Штайнер?

— Да. — кивнул я. — Я хочу увидеть это собственными глазами.

Минадзуки вновь кивнула и отложила очки гайдзина на край стола. Её рука нырнула в карман плаща: оттуда она достала лакированный футляр, в котором лежали баллистические очки — тёмный визор, плотно прилегающий к лицу, с ободком серого цвета. Она раскрыла их и протянула мне.

— Оденьте. — попросила она, и я подчинился, надвинув визор очков на самые глаза — плотно, чтобы не оставлять зазоров, как меня учили на тактических курсах. Прикоснулся пальцем к кнопке включения. Визор очков зажёгся; по краям побежали какие-то надписи, пока система загружалась.

Минадзуки и Моритани очертились оранжевыми контурами. За ними такие же контуры, только жёлтые, возникли вокруг предметов на столе: кружки, ящичка от вещдоков, разбросанных бумаг, очков гайдзина. На краю визора зависла иконка: очки обнаружили мой пистолет и недоумевали, что с ним делать. Я жестом пальцев согнал иконку с визора.

Моритани удивлённо наблюдала за нами.

В футляре Минадзуки лежал тонкий свёрнутый кабель: теперь она вытащила и распутала его. Один конец она присоединила к разъёму на моих очках, коснувшись пальцами моей щеки. Я вздрогнул, но Минадзуки уже убрала руку; вместо этого она взяла очки гайдзина со стола, перевернула их в руках и воткнула свободный штекер кабеля в разъём. Затем она обернулась ко мне.

— Автоцензор должен был автоматически загрузиться. — сказала она, словно успокаивая меня. — Вам лучше сесть, господин Штайнер.

— Действительно, — не стал спорить я, опускаясь на стул и устраиваясь поудобнее. Это было нелегко: я чувствовал себя, как на приёме у стоматолога.

— Штайнер, — испуганно спросила Моритани, — что это вы делаете?

— Проводим следственный эксперимент. — ответил я и поднял большой палец. — Не беспокойся.

— Как скажешь. — хмыкнула Моритани, скрестив руки под грудью. Я нервно усмехнулся.

Следственный эксперимент, надо же.

— Готовы? — спросила Минадзуки. Её палец лежал на кнопке включения очков, зажатых у неё в кулаке. Я глубоко вдохнул.

— Да. — сказал я.

Минадзуки кивнула и нажала на кнопку. Мгновение — я отчётливо услышал, как бьётся моё сердце — ничего не происходило.

А затем перед моими глазами развернулся цветок.

Это был алый цветок, распахивающийся бутон, чьи лепестки расширились и расширились, заполняя всё моё зрение, весь мой мир; они кружились вокруг меня, обволакивая меня со всех сторон, завораживая и пугая, и ни на секунду не прекращая своего движения; каждый лепесток испещряли узоры, призывно движущиеся и пульсирующие самыми различными цветами, от ослепительно-белого до ярко-лилового, и через их мерцание я увидел — почувствовал — как у цветка, закручивавшегося спиралью, вдруг появились чёрные иглы; они вытягивались, закручивались, изгибались вслед за вращавшейся и пульсирующей спиралью цветка; сердце цветка вдруг вспыхнуло голубым, ярко-голубым светом, расширяясь и раздаваясь в стороны, а иглы вытянулись, замедлив свой ход, став похожими на ресницы; и на меня возирился огромный, размером с целую вселенную, глаз.

И он моргнул.

Я рухнул на пол, срывая с себя визор и рукою хватаясь за голову, которую терзала невыносимая, адская боль. Вселенная неожиданно вернулась ко мне, каскадом ударяя по глазам, и меня вырвало прямо на пол.

— Твою мать!.. — зарычала Моритани, и я, отплёвываясь, услышал резкие шаги. — Это что, чёрт возьми, такое?!

— Это «василиск», — сообщила Минадзуки голосом, в котором слышны были обеспокоенные нотки. — Программа, воздействующая на мозг человека. Полагаю, господин Штайнер только что испытал её на себе.

— Как воздействующая?! — заорала Моритани. Послышался грохот и протестующий возглас Минадзуки, а затем — звук удара. — Что с ним?! Что с ним, я тебя спрашиваю?!!

Я перевернулся на спину. Всё тело болело. Падая, я ушиб колено.

Моритани держала Минадзуки за отвороты плаща. Та и не пыталась вырваться. На белой щеке Минадзуки расплывался красный след от пощёчины.

— Моритани, — пробормотал я ослабевшим голосом. В горле застыл мерзкий привкус блевотины. — Отпусти её. Это всё моя идея.

— Твоя идея?! — Моритани отпустила Минадзуки только затем, чтобы развернуться и

рывком поставить на ноги меня. — Штайнер, какого хрена ты, твою мать, творишь, а??!! Тебе чуть руку не оторвало, тебя чуть не застрелили нахрен, тебе мало?! МАЛО??!! Так я добавлю!!!

— МОРИТАНИ! — рыкнул я, и она замолчала, тяжело дыша. — Отпусти меня. И дай воды. Пожалуйста.

Её пальцы разжались, и я опустился — рухнул — обратно на стул. Из Моритани будто выпустили воздух; опустив руки, она понуро пошла к раковине.

— Ты в порядке? — тихо спросила Минадзуки. Я, моргнув, поднял глаза на неё; ни с того, ни с сего она забыла о почтительном обращении.

— Да. — прошептал я. — Я в порядке.

Убийца Вишневецкой и Сэкигахары — и Котеры, напомнил себе я — расхаживал по Титану-Орбитальному с... этим. Перед глазами снова встал красный цветок, распаивающийся вокруг меня, и я зажал рот рукой. Рвота подступила к горлу.

Вернулась Моритани, подав мне мерный стакан с водой. Я благодарно кивнул, тяжело дыша, и осушил его одним залпом. Рука у меня всё ещё тряслась, хватка была слабой. Во рту застыл горький вкус рвоты.

— Не надо было этого делать. — укоризненно сказала она. — Что бы ты не делал.

— Я делаю свою работу. — неожиданно твёрдо проговорил я. — Отчего такая забота, Моритани?

— А отчего нет? — спросила Моритани. — Весь пол мне заблевал, между прочим... Фудзисаки просила присмотреть за тобой. Если ты придёшь. — она развела руками. — Она была права.

— Да уж, — слабо улыбнулся я, — Жюстина меня хорошо знает...

— Штайнер... — начала Моритани, но я покачал головой и встал со стула, зашатавшись на ногах. Она подбежала, подхватив меня за здоровую руку. — Тебя не отговоришь, верно?

— Теперь — нет. — покачал головой я. — Извини, Саяна.

Моритани грустно вздохнула. Отпустив мою руку — на этот раз я устоял на ногах — она обернулась к стоявшей рядом Минадзуки.

— Присмотрите за ним. — попросила она. — Пожалуйста.

Минадзуки кивнула.

— Обязательно. — сказала она.

* * *

Когда Минадзуки снова подняла люфтмобиль в воздух, меня всё ещё мутило. Я тяжело

осел на сидении и отстранённо наблюдал за руками Минадзуки: правой рукой она сжимала штурвал, а другая то и дело касалась приборной панели, что-то проверяя.

— Гвардия прибыла. — сообщила Минадзуки, оборачиваясь ко мне; я приподнял голову, глядя на неё. — Из-за них нам не хотели давать эшелон.

— Но дали? — спросил я. Минадзуки закивала.

— Конечно. — с улыбкой сообщила она.

«Накацукаса» развернулась и полетела прочь, оставляя за спиной Цитадель и плоские крыши Гюйгенса. Под нами промелькнул Меако — купол Сюгаку-холла, прямоугольник Площади Гегемонии с тёмным пятном — статуей Клериссо, серебристые змеи трамваев на Адмиральском бульваре, мосты через Аракаву и Сэкигаву.

— Где вы работаете? — спросил я, всё ещё глядя в окно. — В ГСБ, я имею в виду. Явно не в аналитическом отделе...

— Мы были на «ты». - деликатно напомнила Минадзуки. — Разве нет?

— Ну хорошо, — поправился я. — Где ты работаешь?

— Управление «С». - без обиняков ответила она. — Национальная безопасность. Ты прав, это далеко не аналитический отдел.

Я обернулся к ней. На губах Минадзуки застыла улыбка.

— Не хотел тебя обидеть. — пробормотал я.

— Брось.

Интересно, подумал я, на какой длины поводке ходит Минадзуки. Управление «С» — национальная безопасность — в определенных обстоятельствах было практически всемогущим. Сейчас, скорее всего, были именно такие обстоятельства: но кто-то же должен сторожить сторожей. Даже в ГСБ.

Я невольно представил себе Минадзуки в ошейнике на шее и с длинным поводком в руках, и усмехнулся. Образ оказался на удивление живым.

Обо мне уже должна была знать как минимум Собственная Безопасность. Скорее всего, о моём визите знала и Мэгурэ. Но мне не поступило ни одного срочного вызова — ни по каналу МВД, ни от Мэгурэ, ни от Хомуры, ни даже от Фудзисаки. Похоже было на то, что мой поводок неожиданно удлинился.

Или его просто отстегнули.

За бортом промелькнул Штеллингген — череда бульваров и круговых перекрёстков, окруженных жилыми домами. «Накацукаса» свернула, устремляясь к дальнему концу орбиталища, вдоль последнего отрезка Гершельштрассе. Я глядел в окно, отстранённо наблюдая за городом — перечёркнутый трамваем круг Монмартрплатц, белые крыши депо метрополитена, эстакада вдоль Монмартрского проспекта, по которой бежали поезда.

Мелькнула внизу запятая Берлинерплатц. Для нас, на «Муракумо», путь отсюда до Регенераторной занял примерно семь минут, считая взлёт...

— У нас есть план? — спросил я, глядя в окно. По Монмартрскому проспекту проезжал эшелон военных транспортёров: спереди и сзади его сопровождали полицейские на мотоциклах — мерцающие красно-синие пятнышки света. Троллейбусы жались к поребрику, давая им путь.

— Проникнуть на склад по адресу улица Регенераторная, 9. - сообщила Минадзуки, глянув на меня; я поймал отражение её золотых глаз в окне. — Проверить системы склада на предмет наличия «василиска»... или следов хранения «василиска». Проверить склад на предмет наличия других улик. — она усмехнулась уголками рта. — Это звучит слишком просто.

— А если мы ничего не найдём? — заметил я.

— Вернемся к твоему плану. — только и сказала Минадзуки. — С мечом и «Дифенс Солюшенс». Возможно, мы ещё успеем.

— Возможно. — кивнул я и снова понял, что мне было страшно.

Стена орбиталища неожиданно выросла впереди, и Минадзуки потянула шаг-газ, переводя «Накацукасу» в режим висения. Она медленно опустила люфтмобиль вниз до тех пор, пока он не качнулся, стойками шасси коснувшись зеркальной поверхности улицы. Вентилятор ещё продолжал разгонять вокруг машины тучи пыли, когда Минадзуки уже откинула дверь, выбираясь наружу. Я последовал её примеру, не без труда выбравшись из салона. Плащ соскочил с левого плеча, подхваченный волной воздуха, и тут же опал вдоль тела, оставив открытым рваный рукав блузы и кобуру с пистолетом у меня на боку.

Минадзуки подошла ко мне и накинула плащ обратно. Я с благодарностью посмотрел на неё.

Улица Регенераторная была пустой. Куда не посмотри, в обе стороны простиралось зеркальное полотно, с обеих сторон отделённое серым камнем поребрика. Справа высился бело-красный фасад дома; слева за заборами понуро торчали крыши складов, упиравшиеся в отвесную стену орбиталища. Едва слышен был гул ветра.

Не было никого. Ни синих мундиров городских, ни патрульных машин, ни Зорькина, ни Ивасэ, ни Куртэ-Добровольской со спутниками. Не было даже самого мёртвого гайдзина. Там, где позавчера лежало его тело, не осталось ничего — ни единого следа. Номерная табличка мерцала на заборе, будто кенотаф.

Мы весьма щепетильны к следам умерших. И хотя Котера был гайдзином, на мгновение мне стало его жаль.

— Пойдём. — сказала Минадзуки.

Дверь в воротах оказалась незапертой. Я почувствовал, как по спине пробежал холодок,

но толкнул её. Доводчик с гневным жужжанием отскочил, раздался щелчок стопора, и дверь распахнулась в крошечный дворик перед складом. Сюда едва поместился бы грузовой фургон, но я был уверен, что с другой стороны склада было кольцо или подъездной путь трамвая. По обеим сторонам склада шёл забор, отделявший его от соседних.

Было пусто. И от того ещё более не по себе.

Я потянулся здоровой рукой под плащ, свисавший с левого плеча, и вытащил из кобуры пистолет. На индикаторе боезапаса горела цифра «15» — пятнадцать патронов, полный магазин. Я удовлетворенно кивнул и перешагнул порог, держа пистолет в опущенной руке.

— Сможешь им пользоваться? — спросила позади Минадзуки. Я обернулся и фыркнул:

— Обижает. — только и сказал я. Разумеется, я мог им пользоваться: пистолет Симоно, калибра 7.62 мм, отличался двумя вещами: низкой дульной скоростью и столь же низкой отдачей. Стрелять из него одной рукой было проще простого.

У кинетического оружия была определенная проблема — очередь из кинетического карабина остановит кого угодно, но, как правило, насмерть и в клочья. Вчера я наглядно в этом убедился. Крупнокалиберная пуля пистолета Симоно предназначалась затем, чтобы противник, получив такую пулю, упал и не двигался. Но остался жив. Иногда после оказания неотложной помощи.

Минадзуки кивнула, поравнявшись со мной. Вдвоём мы уставились на складское подворье, выглядевшее если не заброшенным, то порядком запустевшим. Склад таращился на нас безглазой миной ворот в бетонной стене.

Я поискал характерный глазок камеры на фасаде и почти сразу нашёл то, что искал — чёрный купол прямо над воротами, уставившийся на нас. На краю купола отчётливо горел зелёный огонёк записи.

— А, чёрт. — сказал я. Достать Линзу мне было нечем; единственная рука была занята пистолетом.

— Помочь? — спросила Минадзуки; я помотал головой, зажав пистолет между колен, и запустил руку за отворот плаща. Нашупал Линзу, вытаскивая её наружу. Плащ совершенно предсказуемо рванулся с плеча вместе с ней, но Линзу я высвободил.

Всё ещё нелепо сведя ноги, я выпрямился и направил Линзу на глазок камеры. И очень удивился, когда на меня уставилась пустота: на изображении с камеры складской дворик был абсолютно, совершенно пуст.

Я отмотал изображение на день назад. Ещё на день.

Картинка оставалась той же.

Камера не заглядывала через забор, отделявший дворик от улицы Регенераторной. Она

не могла заметить ни труп гайдзина, ни окруживших его городских, ни нас с Фудзисаки. Но я всё же проверил запись в тот день и в то же время.

Картинка оставалась всё той же.

Ловко, подумал я. Выключенную камеру заметят рано или поздно, но работающая камера ни у кого не вызовет подозрений — если за ней не следить специально. Да и то... я отмотал запись на ночь. Дворик был всё так же пуст — но теперь его густо оплели ночные тени и тусклые отблески уличных фонарей. Никаких подозрений. Если не знать, где — и что — искать...

— Кажется, мы пришли по адресу. — прокомментировал я, передавая доступ к изображению Минадзуки. Вместо ответа та подошла и вновь вернула съехавший плащ на моё плечо. — Спасибо.

— Не за что. — чуть улыбнулась она.

Я перехватил пистолет. Рукоять легла мне в ладонь, как влитая: оружие в руке успокаивало, придавало уверенность... а уверенности мне сейчас очень не хватало.

Было ощущение, будто мы с Минадзуки заходим в ловушку.

Дверь склада, подле коричневых раздвижных ворот, тоже оказалась незапертой; в тёмном помещении щелчок стопора прозвучал оглушающе. Из окон под потолком сочился тусклый свет, падавший на какие-то неясные силуэты внизу. Секундой позже, одна за другой, начали зажигаться лампы, и я остолбенел.

Склад был заставлен контейнерами... нет, не контейнерами, оборвал себя я: у контейнеров другие размеры, контейнеры прямоугольные, чтобы подходить один к одному в грузовом отсеке или кузове, а не суженные трапециевидные силуэты, выкрашенные в серо-зелёный защитный цвет. Точно такой же, что и у шкафчиков и стеллажей там, наверху, в Дэдзиме, на складе «Дифенс Солюшенс».

Но это были не шкафчики. И даже не стеллажи с бронекостюмами, ждущими внутри. Это было что-то ещё. Но что?

— Что-то здесь не так. — проговорила Минадзуки. — Слишком пусто.

— По-твоему, это пусто? — тихо спросил я, поднимая пистолет. — Тут кто-то был. Вот, смотри, — я ткнул стволом перед собой. — Слой пыли довольно тонкий. Следов уже не разглядишь, но... — я осёкся и снова поднял пистолет наизготовку.

Световые полосы ламп убегали вглубь склада, останавливаясь у дальней стены. Под ними стояли ряды трапециевидных контейнеров... и ничего — или никого — больше. Но мне отчётливо показалось, что здесь кто-то есть. Прямо сейчас.

Минадзуки насторожилась. Её рука сама собой скользнула вниз по бедру, ныряя за полу

плаща, и вернулась обратно, сжимая пистолет. В отличие от узкой ствольной коробки моего ПС, этот пистолет был угловатым прямоугольным монстром из чёрного пластика. Зелёные огоньки на мушке блестнули, будто злые глаза.

— Мы здесь не одни. — пробормотал я.

— Возможно. — шепнула Минадзуки, подняв пистолет. Я с опаской поглядел на её оружие и отвернулся, задрав голову к потолку.

Между окнами световодов в потолке царил полумрак — свет ламп не добивал туда, а дневного было недостаточно. Там, в царстве теней, вытянулись две стрелы складских манипуляторов, жёлтых с чёрными тревожными полосами. Длины им хватало, чтобы без труда достать до любого уголка склада.

И мне только что почудилось какое-то движение там.

Ни фонарика, ни Линзы. Минадзуки держала пистолет обеими руками; золотые глаза сощурились, оглядывая помещение. Я напряженно вглядывался в полумрак под коньком крыши, стараясь разглядеть хоть что-то.

Послышался шорох. Я дёрнул стволом пистолета на звук и прислушался. Не было ничего, кроме мерного гудения ламп на краю слышимости.

И с потолка что-то упало.

Двухметровая фигура, отдалённо похожая на человеческую всем, кроме внешности. Треугольная голова с узким рыльцем и торчащей сбоку антенной. Бочкообразный торс, закрытый бронезиловым в камуфляжном чехле. Неестественно узкая талия, мощные ноги, заканчивавшиеся двухпальными ступнями. Стальные руки, сжимавшие кинетическую винтовку.

«У нас также есть боевые роботы и лёгкая бронетехника на складе в Порту, зазвучал в голове голос Лефрансуа. Ваши коллеги инспектировали его неделю назад».

Глаза на треугольной голове вспыхнули красным. Руки вскинули винтовку.

«Меня заверили, что всё в порядке».

Рыльце издало низкий чирикающий звук.

И, один за другим, с потолка посыпались боевые роботы.

* * *

Минадзуки выстрелила.

Робот опрокинулся назад; два выстрела, один за другим, снесли треугольную голову с железных плеч. Рука Минадзуки схватила меня за шиворот и затащила за ближайший из контейнеров — как раз вовремя: остальные роботы синхронно, как один, подняли винтовки и открыли огонь.

Я почувствовал, как у меня задрожали колени. Очереди прошли насквозь ворота склада, взметнули каменную пыль ударами об пол. По ногам брызнула каменная крошка.

Вчера такая очередь прошла мимо, зацепив моё отчаянно занывшее плечо. Я едва не лишился руки. В животе липким холодным комом ворочался страх — нет, ужас.

Обмануть пули дважды не удастся.

— Нам надо бежать. — вспыхнули буквы на краю зрения: Минадзуки. Я обернулся к ней. Её брови были сведены, лицо сосредоточено. Руки сжимали пистолет. — Когда я скажу, беги к выходу.

— Но как?! — в панике подумал я. — Меня же убьют!

— Не убьют. — золотые глаза строго глянули на меня, и я тяжело сглотнул.

Стальные шаги раздались совсем близко. Я затаил дух. Минадзуки подняла пистолет.

Ей тоже страшно, подумал я. Пальцы, сжимавшие пистолет, побелели; указательный палец выбивал нервную дробь вдоль ствола; дыхание было неровным и прерывистым. Золотые глаза торопливо стрельнули вбок. Минадзуки закусила губу.

Я поймал себя на том, что у меня начинали стучать зубы.

Шаги лязгнули рядом.

Минадзуки сорвалась с места.

Она выскочила в проём между контейнерами, прямо навстречу роботам, и её пистолет оглушительно грохнул несколько раз кряду. Раздался грохот. В нос ударило горелым.

— БЕГИ! — приказала Минадзуки, и я побежал.

Дверь наружу, со склада, оставалась открытой. Выбежать наружу... со склада... вызвать подмогу... бросить Минадзуки здесь?!

Я обернулся и увидел, как над контейнером, за которым только что прятались мы, возник силуэт с треугольной головой. Металл лязгнул об металл.

Я выбросил вперед руку, движением снял предохранитель, и выстрелил.

Пуля оглушительно звякнула, ударившись об голову робота, и тот прыгнул — и я выстрелил снова. Пуля глухо ударилась обо что-то, но робот даже не обратил на неё внимания, приземляясь на пол и вскидывая винтовку...

Минадзуки выстрелила ему в спину.

— БЕГИ!!! — зарычала она, пятясь назад. Индикатор боезапаса на её пистолете горел красным. Из-за соседнего контейнера выпрыгнул другой робот; ещё двое вынырнули из прохода с поднятыми винтовками.

Я выстрелил. Рука дрожала, пистолет ходил ходуном, и из трёх пуль только одна смазала по треугольной «брови» ближайшего из трёх роботов, оставив царапину — но этого хватило, чтобы роботы — все трое — резко обернулись ко мне.

Минадзуки застрелила одного. Пистолет вдруг исчез; в её руке, словно по волшебству, возник другой, и ещё два выстрела раздались мгновенно.

А затем локоть Минадзуки врезался мне в живот, и я вылетел спиной вперед, цепляясь ногами за порог склада.

Пистолет выпал из разжавшихся пальцев; падая, я больно ударился затылком, локтем и спиной. Неистово заболели рёбра, и мне стоило больших усилий не закричать от боли.

Минадзуки выбежала следом, не оглядываясь. Схватила меня за руку и вздёрнула на ноги.

— Бегом! — рывкнула она.

Ещё несколько выстрелов просвистели над нами, сорвав ворота склада с петель. За стеной оглушительно завывала сирена. Минадзуки тащила меня за собой, одной рукой держа за локоть; другая сжимала пистолет.

В рухнувших воротах показались фигуры. Я насчитал их не меньше полдюжины. В поднятых руках были винтовки.

Минадзуки втащила меня в щель в воротах и выстрелила — прямо над моим ухом. Выстрел ушёл мимо, и она толкнула меня вниз, оземь — за полсекунды до того, как ответная очередь пробила насквозь ворота двора.

— Я только повредила их. — выдохнула Минадзуки. Индикатор на её пистолете всё ещё горел зелёным. — Парочку списала. — она оттащила меня за забор и снова помогла подняться. Лязгающие шаги металлическим стаккато раздавались сразу за воротами, и желудок свело от ужаса.

— Пистолет... я выронил... — забормотал я.

— Он бесполезен. — оборвала меня Минадзуки. — Бежим к машине.

— Когда?
— Сейчас!

Мы побежали. Стоило нам миновать ворота, как очередь грохнула вновь — пули прошли ровно там, где мы были мгновение назад. Минадзуки распласталась вдоль забора, левой рукой прижимая к нему меня. Её грудь ходила ходуном; моя — тоже. Плащ волочился по полу, давно позабытый.

И сверху, из-за забора, перед нами рухнули ещё два робота. Стальные лапы ног, пружиня, ударились об тротуар, и две винтовки одновременно взметнулись вверх.

Чёрное жёрло ствола уставилось на меня, затмевая свет.

Сердце ударило поминальным гонгом, и два выстрела слились в один.

* * *

Нас спасла Фудзисаки.

Грудь робота, стоявшего передо мной, взорвалась, окатив меня градом осколков; я едва успел вскинуть руку, закрывая лицо. Пуля пробила робота насквозь, войдя в щель между плечом и торсом, и вонзилась в брусчатку тротуара, подняв фонтан камня и пыли. Другой робот рухнул ничком; ему не доставало большей части груди вместе с головой.

— Штайнер!! — рявкнула Фудзисаки. — Бегом!

«Муракумо», такой родной в своей бело-синей раскраске, рухнул на шасси, садясь на авторотации, но Фудзисаки уже была на земле, сжимая в руках необычного вида винтовку. Люфтмобиль тяжело грохнулся оземь, ревя глохнущей турбиной, ровно тогда, когда через забор, один за другим, начали выпрыгивать роботы.

Жюстина вскинула винтовку и открыла огонь.

Первые несколько роботов успели развернуться в её сторону, оценивая новую угрозу, когда пули вонзились в них одна за другой. Двоих швырнуло оземь — из пробитых корпусов повалил чёрный дым; ещё одному оторвало руку вместе с половиной туловища; четвертому снесло голову. Обезглавленное тело вскинуло винтовку, но Жюстина выстрелила снова, точно в центр тяжести, и робот рухнул грудой металла.

Но оставшиеся открыли шквальный огонь.

Мы с Минадзуки едва успели спрятаться за «Муракумо», когда началась ответная стрельба. Фудзисаки развернулась ко мне, держа винтовку — в которой я с удивлением узнал давнешний «Фёдоров Автомат». Поверх давнешнего ярко-красного макинтоша был

напряжен разгрузочный жилет, карманы которого топорщились запасными магазинами; глаза Жюстины скрывали оранжевые баллистические очки.

— Ты подмогу вызвал?! — выкрикнула она. Я помотал головой. — Вызывай! побыстрее! — она высунулась из-за фюзеляжа «Муракумо» и несколько раз выстрелила. В нос ударило палёным. В ответ прогремело несколько разрозненных выстрелов; все они ушли поверх наших голов. Выла сирена.

Роботы были вовсе не глупы; они рассредоточились по улице, за углами домов и заборов, за урнами и цветочными кадками, стоявшими на тротуаре. Несколько неподвижных металлических тел валялись посреди улицы. Мне казалось, что я мог услышать лязг торопливых шагов и злое нечленораздельное чириканье.

— Штайнер, семь-девять-пять-семь-четыре! — заорал я, вызывая диспетчерскую. — Регенераторная, девять! Нападение на офицера! У них кинетическое оружие!

— Вас... вас поняла, инспектор. — запнувшись, отозвалась дежурная. — Примите во внимание, городская полиция получила вызов по вашему адресу пять минут назад, приём.

— Какие, к чёрту, городские?! — заорал я. — Их здесь перестреляют! Глаза разуйте!

Минадзуки выглянула из-за машины и выстрелила несколько раз из пистолета. В ответ задрезжал уже «Муракумо», в фюзеляж которого вонзилось несколько пуль.

— Твою мать! — зарычала Жюстина, стреляя поверх укрытия. Полицейские люфтмобили, конечно, бронированы — но далеко не настолько, чтобы их долго обстреливали из штурмового кинетического оружия. Фюзеляж машины загудел от новых попаданий.

— Вас поняла, инспектор. — ответила дежурная; голос её подрагивал. — Подкрепление будет на ваших координатах через десять. Примите во внимание, наряд городской полиции находится в пути, приём.

— Вас понял! — крикнул я. — Отбой! — и, оборвав связь, обернулся к Жюстине: — Жюст, сюда идут городские!

— Какого хрена?! Их же здесь перестреляют!

— Именно это я и сказал!

Фудзисаки пригнулась, отбросила разряжённый магазин, вставила новый. Взвела затвор — «Фёдоров Автомат» одобрительно загудел.

— Нужно убираться отсюда, — бросила Минадзуки; один из пистолетов лежал перед ней, другой она перезаряжала. — Машина долго не выдержит.

— Эй! — недовольно воскликнула Фудзисаки. — Это наша машина!

— И тем не менее. — Минадзуки перегнулась и протянула пистолет мне. — Держи. Сможешь пользоваться?

— А у меня есть выбор? — спросил я, оглядывая оружие. Ни перезарядиться, ни взвести, ничего, даже попадать будет в молоко... — Надо бежать. До того угла. — я махнул пистолетом.

— Почему того? — спросила, не оборачиваясь, Фудзисаки; она выстрелила снова, несколько раз. Раздался звук попадания, грохот металла об землю.

— Кобан в той стороне, городские будут идти оттуда.

— Точно.

Фудзисаки отпрянула от машины — несколько пуль прогремели над нашими головами. Я непроизвольно отдернулся. Тяжёлый пистолет оттягивал руку.

— На счёт «три». - хмуро сказала она. — Я вас прикрою. Три... два...

Забор слева от нас взорвался наружу.

Жюстина и Минадзуки развернулись и начали стрелять; навстречу, из пролома, повалили новые роботы, и выстрелы застали их врасплох. Двое рухнули назад, и вместе с ними попятнулись и остальные машины. Но тут же открыли огонь те, что оставались на улице.

«Муракумо» загудел и вдруг глухо вздрогнул. Мне в нос ударил слабый запах озона.

— Бегом! — заорал я, подпрыгивая на ноги, и побежал. Минадзуки побежала за мной; позади несколько раз грохнул «Фёдоров Автомат», и Жюстина, пригибаясь, припустила следом.

А затем «Муракумо» взорвался.

Последнее попадание пробило топливный бак машины, и люфтмобиль вспыхнул, как зажжённый фальшфейер. Во все стороны брызнули стёкла; взрывом разворотило хвост фюзеляжа, разбрасывая ошметки двигателя во все стороны. С грохотом сорвался с оси и отлетел в сторону, вращаясь, подъёмный вентилятор, и «Муракумо» развалился пополам.

Пронзительно завывала сигнализация «Накацукасы». Издали, со дворов и уличных парковок, ей ответили сигналы других потревоженных машин, сливавшиеся в механический погребальный плач.

Мы едва успели завернуть за угол, когда роботы вновь открыли огонь. Фудзисаки выставила наружу «Автомат» и несколько раз стрельнула вслепую; ответом было ещё два выстрела, и пальба временно стихла. Ревело бушующее водородное пламя, терзавшее остов «Муракумо».

— Грёбанные несусветные роботы! — выругалась Жюстина, проверяя магазин. — Откуда они вообще взялись?

— «Дифенс Солюшенс», — выдохнул я, тяжело дыша. Таких спринтерских дистанций в такой форме я не бегал уже давно. — Склад у них в Порту, помнишь? Летуны проверяли, помнишь?

— Суки! — прочувственно сказала Жюстина. — Грёбанные!

В кои-то веки я был с ней полностью согласен.

В лицо ударил порыв горячего воздуха, раздался низкий гул, и я задрал голову, крепче сжав пистолет: с неба упали два патрульных люфтваги городских — синие с белым вместо белого с синим. Двери распахнулись ещё до того, как машины приземлились, и наружу высыпали семеро городских в спешно натянутых бронежилетах. Трёх людей без формы, но с оружием им было достаточно, чтобы схватиться за пистолеты.

— РУКИ! — рявкнула Фудзисаки. — Мы свои! Свои! — она торопливо махнула рукой, выбрасывая из рукава Линзу. — Инспектор Фудзисаки, Национальная полиция!

— Сержант, спокойно! — раздался смутно знакомый голос из ближайшей машины, и наружу выбралась инспектор Азалия Ивасэ. Её глаза подозрительно окинули улицу, прежде чем она заметила нас. — Господин Штайнер!

— Госпожа Ивасэ. — нервно кивнул я. — Вам и вашим людям лучше уходить отсюда. Немедленно!

— Инспектор, позвольте, но... — начала было Ивасэ, но тут из-за угла, с Регенераторной, высыпала группа роботов. Шесть треугольных голов развернулись к новым целям; шесть винтовок поднялись, как одна.

Городовые бросились врассыпную. Ивасэ нырнула обратно в машину. Пули не задели её, но другой машине повезло гораздо меньше: пуля пробила навывлет лобовое стекло и вошла в двигатель, тут же грохнувший и заглохший.

Мы открыли огонь в ответ. Роботы попятились назад; двое упали, сражённые выстрелами Фудзисаки — Жюстина пятилась к противоположному углу дома, стреляя на ходу. Дважды грохнул пистолет Минадзуки; одному из роботов оторвало руку с винтовкой. Я вскинул тяжёлый пистолет, поймал одного из роботов в прицел и нажал спуск; руку дёрнуло вверх, и выстрел прошёл над треугольной головой.

Из-за угла появился другой отряд.

Городовые, против моих ожиданий, не запаниковали, а рассредоточились и открыли огонь из табельного оружия. Пули со звоном отскакивали от роботов, хотя один всё-таки остановился, недоумённо трясая головой. Тут его и настиг выстрел Минадзуки.

— Бегите! — крикнул я. Выстрелил ещё несколько раз — мимо! — и нырнул за угол, к ожидавшим Минадзуки и Фудзисаки.

На улице всё ещё слышались негромкие выстрелы полицейских пистолетов, которым отвечали залпы кинетических винтовок. Фудзисаки отстреливалась из-за угла: «Фёдоров Автомат» стрелял одиночными, но и их было вполне достаточно.

— Где это грёбаное подкрепление?! — зло спросила она, снова прижимаясь к стене.

— Мне сказали, десять минут! — бросил я. — Скоро!

— Скоро?! — переспросила Фудзисаки. — Скоро нас припрут к стенке! Уже припёрли!

Выстрелы на улице снова затихли. Горячий ветер дыхнул в лицо гулом заработавшего подъёмного вентилятора, и винтовки снова отозвались редким треском. На крыше дома, за которым мы прятались, что-то мелькнуло.

— Сверху! — крикнул я, поднимая пистолет — тяжёлый, неудобный, оттягивавший и без того дрожащую руку. Сощурился, глядя вверх — ряды балконов, выходящих в зелёный прямоугольник двора, край крыши, отделанный красной полосой плитки.

— Где? — спросила Фудзисаки, перехватывая «Автомат» поудобнее.

— На крыше. — пробормотал я; пистолет казался невероятно тяжёлым. — Не вижу его.

— Здесь девять этажей, — пробормотала Минадзуки под нос, — он едва ли будет прыгать, ему нечем тормозить...

— А зачем ему прыгать? — огрызнулась Фудзисаки. — Мы здесь как на ладони!

Вот чёрт, подумал я, вглядываясь вверх. Край крыши сливался с зелёными огоньками на мушке пистолета воедино, и пистолёт всё так же оттягивал руку... но на крыше ничего не было.

Может, мне показалось?

Послышался глухой удар, и я обернулся в сторону улицы — где не было ничего — и успел развернуться одновременно с возгласом Минадзуки.

Робот не стал спрыгивать с крыши. Он обошёл дом по фасаду.

В мгновение ока металлическая фигура спрыгнула с отвесной стены и приземлилась в кувырке. Вскинула оружие. Выстрелила. За полсекунды до того я прыгнул вперед.

Кувырок у меня не вышел — я упал боком, всем весом рухнув на обездвиженную руку, и плечо выстрелило болью. От неожиданности я вскрикнул, выбрасывая вперед руку с пистолетом, и изо всех сил вдавил спуск.

Робот пошатнулся, и я выстрелил снова. И ещё раз.

Эхо выстрела отдалось в каменной чаше двора.

— Они знают, что мы здесь. — выдохнул я и перекатился на спину. Рука вцепилась в пистолет. Всё тело болело.

— Штайнер! — Фудзисаки подбежала ко мне, оттолкнув Минадзуки, и подняла меня на ноги. — Ну! — ноги не слушались меня. Страшно болело плечо.

В небе раздался гул.

— Кавасэ-Одиннадцать, — раздался незнакомый голос у меня в ухе, — наблюдаем ваш

транспондер в пятидесяти метрах от указанных координат. Доложите обстановку, приём.

— Говорит Кавасэ-Одиннадцать, — ответила вместо меня Жюстина; это был наш общий, командный позывной. — Не знаю, где вы, но сейчас нас обложат со всех сторон! Приём!

— Кавасэ-Одиннадцать, вас поняла. — ответил незнакомый голос. — Асахи-Четыре, отбой.

И грянул гром.

Над улицей завис полицейский транспорт — огромная, в два раза больше люфтмобиля, летающая машина в бело-синих цветах Национальной полиции, зависшая на двух подъёмных вентиляторах по обе стороны корпуса. В лицо ударило стеной жара.

Пушка на узком носу транспорта ритмично гремела выстрелами, утюжа перекрёсток с Регенераторной, и каждый выстрел сопровождался грохотом. Транспорт продолжал стрелять, когда задняя аппарель откинулась, и вниз по тросам скользнули первые фигуры в чёрном. Человеческие фигуры.

Пушка затихла. Сквозь гул вентиляторов раздались торопливые шаги, и двое в чёрном выскочили из-за угла. Ствол «Фёдоров Автомата» Фудзисаки слабо дёрнулся им навстречу.

— Свои! — выкрикнула первая фигура. — ОВНП!

— Давно пора! — огрызнулась в ответ Фудзисаки, но ствол опустила.

Отряд вмешательства Национальной полиции, подумал я, глядя на фигуры в чёрном. Полицейский спецназ, гораздо узкопрофильнее СПОР или кидотая... и гораздо лучше снаряженный и подготовленный.

Как раз для таких случаев.

— Инспектор Штайнер, инспектор Фудзисаки? — спросила первая фигура. Её лицо скрывала маска и надвинутый прозрачный щиток, но доспехи визуально подчёркивали её бедра и плечи. — лейтенант Жирардо, Асахи-Четыре.

— Очень приятно. — пробормотал я. — Извините, что руку не пожму...

— Не стоит. — лицо Жирардо было неразличимо под вуалью маски. — Противник?

— Боевые роботы. Вооружены кинетическим оружием. Штурмовым.

— Количество?

Мы с Минадзуки переглянулись. Она пожала плечами.

— Несколько десятков. — сказала Фудзисаки. Жирардо только коротко кивнула.

— Вас поняла, инспектор. — ответила она. — Приступаем к зачистке.

— Пожалуйста. — только и ответил я. — Кажется, вы только что нас спасли.

Командир ОВНП никак не ответила.

Стрельба началась вновь.

* * *

На то, чтобы зачистить номер 9 по улице Регенераторной, у бойцов ОВНП ушло полчаса.

Улица напоминала поле боя. На зеркальной мостовой остались уродливые воронки — поработала пушка транспорта. Забор, отгораживавший склады от улицы, местами лежал в руинах. Остов нашего «Муракумо» выгорел почти полностью и был залит пеной: над улицей барражировала ярко-красная пожарная машина, сестра-близнец полицейского транспорта, а вокруг сустились только что прибывшие спасатели.

Ворота складского двора напоминали марсианский сыр. Бойцы ОВНП при штурме снесли их штурмовым тараном, широко распахнув и чуть не вывернув створки с петель. Ворота склада, сорванные шквальным огнём роботов, выглядели не лучше: одна из створок отлетела во двор, своротив часть забора, а другая была широко распахнута. Внутри склада не доставало нескольких светильников, а серо-зелёные контейнеры, уставлявшие его, были густо испещрены дырками от сквозных попаданий пуль. Один из контейнеров разворотило: рядом с ним взорвалась осколочная граната.

— А здорово они здесь всё разгромили. — восхищённо приговаривала Жюстина, расхаживая по складу. «Фёдоров Автомат» она взвалила на плечо. Вид у Фудзисаки был растрёпанный, усталый и довольный.

У меня уже не было сил радоваться.

— Здорово-то конечно, — сказал я, остановившись у одного из контейнеров и облокотившись спиной об него, — но всё-таки, Жюст. Как ты нас нашла?

Фудзисаки вздохнула и остановилась.

— Спросила у Моритани. — ответила она, не оборачиваясь. — Та сказала, что вы разминулись и что с тобой была... — Жюстина сделала паузу, — ...некая госпожа Минадзуки. Я побежала в оружейную, отобрала у Тацуёси ствол и полетела за вами. — ещё одна пауза. — И очень вовремя.

— Зачем? — спросил я. — Откуда тебе было знать, что я вообще был в Цитадели? У Моритани?

Жюстина резко развернулась на каблуках.

— Ты совсем не понимаешь, да? — зло спросила она.

— Нет, я всё понимаю. — огрызнулся в ответ я. — Например, что тебе ничего не

помешало убежать из госпиталя, только тебе сказали, что я в порядке!

— Да! — выкрикнула Жюстина. — Не мешало! И совершенно зря! Глаз мне нельзя было с тебя спускать, понимаешь, ты сразу... сразу... — она стояла совсем рядом; её рука сжимала отворот моей блузы, — сразу влезешь с головой в какое-то дерьмо, а мне тебя потом вытаскивать!..

Я открыл рот, чтобы возразить ей, и не успел; Жюстина прижала меня к себе и обняла. Ствол «Фёдоров Автомата», съехавшего с её плеча, ткнулся мне в бок.

Я нерешительно обнял её в ответ.

— Извини. — пробормотал я, уткнувшись носом в плечо Жюстины. — Пожалуйста.

— Да ладно... — тихо проговорила она, — ладно...

Послышался приглушённый хлопок. Пол вздрогнул под ногами. Мы не обратили на него внимания.

— Это была идея Мэгурэ, — сказала, наконец, Жюстина, не выпуская меня. Я слушал её, устало прикрыв глаза. — Присматривать за тобой. Она меня вызвала... потом, после твоей истерики и всего. — я поморщился. — Велела следить за тем, чтобы ты не наломал дров. В весьма недвусмысленных выражениях. — её руки вдруг обняли меня крепче. — Я не уследила. Прости.

— Ничего. — пробормотал я. Вьющиеся медные локоны Фудзисаки щекотали мне лицо. — Спрашивать у Моритани тебя тоже она надоумила?

— Нет. — Жюстина коротко мотнула головой, похоронив меня под лавиной рыжих волос. — Это я сама. Догадалась, что ты попрёшься к Моритани. Что тебе там надо было?

— «Василиск». — сказал я. — Помнишь, Маршан говорила про следы борьбы у жертв? Вернее, их отсутствие?

— Помню. — ответила Фудзисаки.

— А про гайдзина помнишь? И очки его, от которых голова болела?

— Помню. Моритани что-то говорила про очки... подожди, это что, те самые?

— Да. Те самые. — ответил я и вкратце пересказал ей услышанное от Минадзуки про «василиска» — а заодно и увиденное.

Жюстина молчала. Её пальцы нервно гладили меня по спине.

— Ты сумасшедший. — сказала она наконец. Слова прозвучали почти нежно. — Зачем ты это сделал?

— Я хотел увидеть всё собственными глазами. — ответил я. — Ты бы поверила на слово? На моём месте?

— Нет. — ответила Жюстина. Немного подумала и добавила: — Наверное.

С дальнего конца склада слышались шаги, и я приподнял голову, оторвавшись от плеча Жюстины: к нам возвращалась Минадзуки. Её золотые глаза чуть округлились, стоило ей завидеть нас.

— ...Вы в порядке? — осторожно поинтересовалась она, подходя поближе.

— Ну конечно, — фыркнула Жюстина, всё ещё продолжая обнимать меня. — Но спасибо за ваше беспокойство, госпожа Минадзуки...

— А ведь нас так и не представили, — улыбнулась Минадзуки в ответ, — госпожа Фудзисаки...

Я мысленно хлопнул себя по лбу. Действительно, представить их друг другу я совершенно забыл...

— Знакомьтесь, — сказал я, неохотно высвобождаясь из объятий Жюстины, — моя напарница, младший инспектор Жюстина Фудзисаки. Жюст, — кивнул я, — это Валерия Минадзуки, она...

— Из ГСБ. — закончила за меня Минадзуки и протянула руку. — Очень рада знакомству, госпожа Фудзисаки.

— Взаимно, — пробормотала Жюстина, пожимая её руку. — Так и думала, что вы где-то там и служите...

Минадзуки с улыбкой пожала плечами.

— Я кое-что выяснила, пока отлучалась. — сообщила она. — Про склад. Регистрационные документы указывают, что он арендуется компанией «Шеврон Транзит», зарегистрированной в Монмартре и занимающейся внутриорбитальными грузоперевозками. Склад арендуется уже несколько лет и не вызывает подозрений. Но что любопытно: директор «Шеврона», некая госпожа Синдзаки, приходится двоюродной сестрой госпоже Серафине Хисако Тальберг, первому вице-секретарю Конституционной Партии Сатурнианской Гегемонии в Титане-Орбитальном.

— Однако. — пробормотал я. — Какое совпадение.

— И зачем КП склад? — спросила Фудзисаки. — Хранить надушенные платочки Клериссо?

— Вполне возможно. — улыбка Минадзуки дрогнула. — Склад действительно использовался по назначению — «Шеврон» работают с Минбана, как и все внутриорбитальные перевозчики, но расходы на транспортировку по городу минимальны. Так или иначе, Конституционную партию всё устраивало. В документах были договора за последние несколько лет, и с юридической точки зрения — насколько я понимаю — всё законно.

Ещё бы, подумал я. Быть двоюродной сестрой вице-секретаря одной из четырёх крупнейших партий Гегемонии законом, действительно, не запрещается.

— Но есть одна неувязка. — продолжала Минадзуки. — В документах, помимо договоров, имеются и грузовые накладные. Согласно последней из них, «Шеврон» должны были доставить на этот склад партию в примерно тысячу единиц груза с Владияпетска. — она обвела обступившие нас контейнеры рукой. — Но груз так и не пришёл.

— Пришёл. — поправил я. — Но другой. И никто ничего не заподозрил...

— «Дифенс Солюшенс»? — приподняла бровь Минадзуки.

— У них была партия боевых роботов и бронетехники, но они держали её в Порту. — ответил я. — Что-то подсказывает мне, что это они. А впрочем... — я оборвал себя на полуслове и зашагал к выходу со склада.

Жюстина и Минадзуки переглянулись и поспешили следом за мной.

Останки роботов валялись там, где их нашли пули — наши или ОВНП, хотя это, как раз можно было понять сразу: от роботов, подвернувшихся под руку спецназовцам, остались рожки да ножки. Дым и гарь со склада давно выдуло, но здесь всё ещё едко воняло оплавленным компьютерием. Расчищенная площадка перед воротами склада напоминала побоище.

Робота, которого Минадзуки застрелила первым, я нашёл почти сразу — машина лежала ничком, в беспорядке разбросав руки. Головы не было: из железных плеч торчал обломанный столб короткой шеи, увитый чёрными пучками искусственных мышц. Металлические пальцы мёртвой хваткой сжимали матово-серую кинетическую винтовку.

Я присел на корточки и пригляделся. На ствольной коробке были выбиты заводское клеймо — «ГИПЕРИОНМАШ СА, 2363», надпись «собственность ВС Сатурнианско Гегемонии» старательно удалена с пластика. Я потянулся в карман плаща, вытащил Линзу и навёл её на оружие.

Эффекта не последовало.

Я отложил Линзу и взялся за длинное цевьё винтовки, повернув её вместе с державшей её рукой: на боку ствольной коробки, сразу над горловиной магазина, должен был быть указан инвентарный номер. Номера не было.

Я вздохнул и устало опустился на пол. Винтовка звякнула об каменные плиты.

— Это она. — сказала Жюстина у меня за спиной. — Точно, она, партия такая же. Шестьдесят третий год, ведь так?

— Жюст, — проговорил я, удивляясь тому, как спокойно звучал мой голос. — Это неважно. Они стёрли идентификацию. Мы потеряли всё это оружие, Жюстина.

Почти две сотни стволов боевого оружия сейчас были где-то в Титане-Орбитальном, и мы не могли их найти. Больше не могли.

Катастрофа повторялась. Но в этот раз её масштабы были гораздо хуже.

Убийца с «василиском» в голове, которого мы не могли поймать. Оружие, которое мы больше не можем найти. Боевые роботы, машины убийства, выпущенные на волю, которым мы ничего не могли противопоставить — потому что не могли найти и ударить по ним первыми. Мы могли только обороняться.

И всё же, подумал я, что эти роботы делали здесь, на складе? Терпеливо ждали, пока один опальный инспектор и его новая знакомая нанесут им визит?

— Господин инспектор, — я поднял голову, оборачиваясь на звук шагов: из-за контейнера вышла лейтенант Жирардо. Её сопровождала боец ОВНП — лицо под надвинутым щитком скрыто маской, штурмовой карабин наготове. — Мы завершили осмотр подвальных помещений. Следов противника не обнаружено. Нами была обезврежена мина-ловушка в одном из помещений. Вам лучше посмотреть самим.

— Вы что-то нашли? — спросила Минадзуки, подаваясь вперед. Жирардо посмотрела на неё и кивнула — нелепый жест в шлеме с откинутым вперед щитком.

Точь-в-точь как у Кюршнера.

В подвал мы спустились в молчании. Внизу горел свет и слышался негромкий гул систем жизнеобеспечения где-то за стенами. В коридоре стояло несколько спецназовцев; заметив Жирардо и Минадзуки, возглавляющих процессию, они поспешно расступились в стороны, давая нам пройти.

У одной из дверей, распахнутой настежь, всю стену украшал чёрный след от взрыва, словно цветок. От стен отлетела штукатурка; дверной косяк под потолком едва держался, а ближайшая к месту взрыва лампа была разбита. Заглянув внутрь, я увидел, что дверь была не в лучшем состоянии: примерно на уровне груди в ней красовалась дыра.

— С внутренней стороны? — спросила Фудзисаки. Она шла рядом со мной, придерживая меня за локоть; я не стал ей мешать. — Датчик снаружи?

— На дверной ручке. — ответила Жирардо, не оборачиваясь. — Как вы догадались?

— Я брала уроки. — усмехнулась Жюстина. Лейтенант двинула бронированными плечами и отступила в сторону.

— Прошу вас. — пригласила она.

Минадзуки вошла в комнату первой; мы с Жюстиной прошли вслед за ней. Раньше эта комната была подсобкой — кладовой, скорее всего: вдоль стен здесь до сих пор стояли полки и стеллажи, уставленные какими-то коробками и инструментами. Место в центре подсобки кто-то расчистил, а стеллажи в дальнем углу сдвинул в сторону, поставив на их место стол.

На столе стоял переносной волнометрический проектор — хорошего разрешения; поискав глазами, я сразу заметил пустой кофр от него. Рядом лежали какие-то периферийные устройства. Подойдя поближе, я сразу опознал в одном из них переносной привод для чтения флешек. Видимо, стол был настоящим антиквариатом: мебель без интерактивных функций...

— Вы проверяли устройства? — спросила Минадзуки у лейтенанта.

— Так точно. — ответила Жирардо. — Они не заминированы.

— Они могут быть хуже, чем заминированы, госпожа лейтенант. — сказала Минадзуки; мне показалось, что она улыбнулась уголками рта. — Позвольте. — не дожидаясь ответа, она протянула руку к проектору, и тот ожил.

Из воздуха соткался полый цилиндр: я не сразу понял, что это была трехмерная модель орбиталища. Внутренние стенки цилиндра были испещрены светящимися линиями разных цветов, переплетавшимися друг с другом: некоторые линии были ярче и толще, другие — тоньше, третьи вообще были совсем тонкими, едва различимыми. Модель повернулась, и до меня запоздало дошло, что линии не были линиями. Они были трубками.

— Коммуникации... — пробормотала Фудзисаки. Я только кивнул; в памяти живо всплыл наш спуск в канализацию за Дворцом собраний. Часть подземелий Титана-Орбитального малодоступны для людей: их обслуживают роботы, телеуправляемые или автономные. Но остальные подземные коммуникации вполне проходимы.

Мне ли было не знать. Канализацию под Штеллингеном я буду помнить ещё долго.

И это ничуть не упрощало нашу задачу. В подземельях мало камер. А у нас нет времени на то, чтобы перепроверять каждую из них на предмет подделанных видеозаписей. А значит, убийца может быть где угодно.

— Он был здесь. — негромко сказал я. — Убийца. Ведь так?

Минадзуки кивнула. Её рука лежала на крышке флеш-привода.

Привод вдруг мигнул зелёным глазом и зажужжал. Глаза Минадзуки остекленели: перед ней открылось какое-то, видимое только ей, меню. Она несколько раз моргнула, обновляя изображение, и, наконец, убрала руку. Зелёный глаз привода погас.

— Он был здесь. — повторила Минадзуки, всё ещё глядя куда-то в сторону, мимо медленно вращающейся модели катакомб Титана-Орбитального. — Но куда он ушёл?..

* * *

Мы вышли со склада навстречу садящемуся полицейскому люфтмобилю. Вихрь горячего воздуха ударил нам в лицо. На улице темнело. Где-то вверху, над Нойштадтом и Шамп-Марез, собирались тяжёлые свинцовые облака: с вечера начинался ливень, который должен был продлиться всю ночь.

Перед высочайшим визитом обязательно нужна генеральная уборка.

Люфтмобиль — бело-синий «Муракумо», при виде которого меня кольнула обида — опустил на дорогу на самом краю неторопливо подсыхающего пятна пены. Я огляделся:

улицу с обеих сторон перегораживал кордон кидотаев, поднятых по тревоге — в доспехах и со щитами. По-моему, им даже выдали боевое оружие. Теперь я удивился бы, если бы не.

— Что теперь? — негромко спросила Жюстина, глядя на разлетающиеся от подъёмного вентилятора пенные хлопья. — Что нам теперь делать? Искать роботов? Искать оружие? Искать убийцу?

— Я должна сообщить об этом руководству ГСБ. - сообщила Минадзуки. — Возможно, в Титане-Орбитальном придётся ввести чрезвычайное положение.

Я промолчал. На моей памяти чрезвычайное положение в Титане-Орбитальном объявляли ровно один раз, шесть лет назад: теракты в Монмартре тогда поставили на уши все силовые ведомства Гегемонии. Но кроме этого в Титане-Орбитальном не происходило ничего — ничего крупнее вечно беспокойной Дэдзимы и потасовок после теннисных матчей.

Но теперь ситуация была слишком серьёзной. Такого ещё не случалось, да ещё и в канун высочайшего визита. Интересно, подумал я, состоится ли теперь высочайший визит?

Убийца. Чего добивался убийца? Он связан с «Дифенс Солюшенс», в этом я не сомневался: пропавшие мечи, а теперь и роботы с пропавшим боевым оружием; но что он хотел сделать? Захватить орбиталище? да, это объясняло бы и оружие, и роботов, и участие Конституционной партии: но зачем КП одно-единственное орбиталище, пусть даже и Титан-Орбитальный? Да и захватить Титан-Орбитальный силами одной роты роботов было невозможно: СПОР, кидотай, патрульные и городовые, а теперь — ещё и Гвардия Гегемонии.

Нет, определенно нет. Если бы убийца хотел захватить Титан-Орбитальный, начинать ему надо было с городской администрации и Законодательного Собрания. Вместо этого он убивает Вишневецкую — простую диспетчера, которая всего-то увидела слишком много (а, кстати, что?). Случайно — или нет — убивает гайдзина Котеру, который проходил мимо склада, где скрывался убийца. И убивает Сэкигахару, казначея Конституционной партии — возможно, по сговору с Малкиной. Во всяком случае, КП предоставляет убийце склад и впутывает в это «Дифенс Солюшенс», убеждая их отгрузить на сторону оружие и роботов, которым нужно только вложить оружие в руки...

Но зачем, зачем?! Я мог понять контрабанду — эта гипотеза ещё недавно казалась весьма логичной. Я мог понять интриги Малкиной — прямо перед высочайшим визитом, не меньше. Но на «Дифенс Солюшенс» и их исчезнувшем арсенале гипотеза начинала разваливаться сама собой, потому что никакая интрига и никакая контрабанда не стоят маленькой войны в орбиталище.

Но КП уже однажды развязала маленькую войну в Китаюсюйске, напомнил себе я. Тогда их планы пошли крахом, партия открестилась от исполнителей, за считанные сутки растеряла рейтинг и пролетела сначала на выборах премьер-министра, а затем — и на парламентских. Им понравилось, и они решили повторить снова?

Нет. Здесь было что-то другое.

Но я не мог понять, что.

— Нам тоже стоило бы, — задумчиво проговорила Фудзисаки. — Сообщить руководству, я имею ввиду... Штайнер?

— А? — спросил я, вздрогнув от неожиданности: слова Жюстины вывели меня из задумчивости, и шаткая гипотеза разлетелась карточным домиком.

— Что дальше?

Я неопределенно двинул правым плечом. Я не знал, что делать дальше. Бежать в Дэдзиму, в «Дифенс Солюшенс»? Там и так должны были работать наши, но это делу не поможет. Искать убийцу, где? В коммуникациях он сейчас мог быть где угодно. Ехать в Порт, искать склад, пытаться отыскать по номерам пропавших роботов?

Впервые за эти дни я не знал, что делать дальше, и это меня пугало.

В ухе вдруг раздался звонок: я покосился на мигающий вызов. Звонил Еремеев.

— Одну секунду, — пробормотал я, отходя назад, за остатки складского забора. Жюстина с Минадзуки оглянулись мне вслед, но я помотал головой и снял вызов:

— Штайнер, слушаю.

— Алло, Штайнер, это ты? Ты живой там? — скороговоркой раздался в ухе голос Еремеева. Я нахмурился: если обычно меланхоличный Жан так тараторит, то случилось что-то очень важное. Вот только что может быть важнее?

— Во-первых, да, я живой, спасибо, что ты позвонил мне аж, — я сверился с внутренними часами, — спустя четыре часа после того, как меня выпустили из больницы. А во-вторых, что ты хотел и что с тобой такое? Я тут немного занят...

— Я тоже, поэтому молчи и слушай. — оборвал меня Еремеев, и я послушно заткнулся. — Мы тут с утра на ушах стоим — в порту пристыковался полный корабль Гвардии, я только сейчас насилу выбрался. Помнишь курьера-невидимку у четвёртого стыковочного узла? TCD 51584?

— Помню. — машинально ответил я. На самом деле и стыковочный узел, и транспондер, и курьер давно вылетели у меня из головы. — А что с ними?

— Помнишь, ты просил меня разыскать что-то по курьеру? — спросил Еремеев и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Сразу после этого я пошёл к Нидермайер, выдал ей сильно урезанную версию, попросил помощи. Она согласилась. Послала запрос в ИКСО, на Тау Кита. Ответ пришёл только сегодня. Кстати, она велела тебе кланяться.

— Взаимно. Так что было в ответе?

— А вот что. — ответил Еремеев. — TCD 51584 — временный транспондер присваивается для дальних перелётов наряду с постоянным транспондером. По первым буквам очевидно, что присваивался он на Тау Кита и находился в их реестре... стандартная практика для кораблей из Солнечной, идущих в Сибирь и вообще к рубежам пространства

ОВД. Так вот, последний раз транспондер TCD 51584 присваивался курьерскому кораблю бортовой номер LLCA 6647449, E-серии, производство — Луна, место регистрации — Луна-Лагранж, о чём нам сообщают первые четыре буквы в номере... Это было год назад, год и четыре месяца. — Еремеев сделал паузу. — Он принадлежал компании «Дифенс Солюшенс рс», тоже с Луны.

Я моргнул. На секунду мне показалось, что я лишился дара речи.

Курьер-невидимка принадлежал «Дифенс Солюшенс». После прибытия курьера вдруг выходит из строя стыковочный узел, где он стыковался; при этом стыковка проходит совершенно незамеченной, а запись удаляет Вишневецкая. Три дня спустя, когда курьер уже давно отбыл, Вишневецкую убивают — даже не за то, что она увидела. А за то, что она знала.

«Дифенс Солюшенс» были замешаны во всём этом с самого начала. Их корабль доставил сюда что-то. Что-то важное. Или кого-то: Лефрансуа ничего не упоминал о курьере, а тем более — курьеру-невидимке. Значит, невидимка нужен был для чего-то другого.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И я, кажется, начал догадываться, чего.

Меч на поясе убийцы — «Дифенс Солюшенс». Исчезнувшие роботы и оружие — «Дифенс Солюшенс». Роботы на складе — Конституционная партия. На том же складе, где безнаказанно планировал свои дальнейшие ходы убийца.

Всё встало на свои места.

— Жан, — сдавленно проговорил я, — спасибо тебе. Большое тебе спасибо. Нижайше кланяйся от меня госпоже Нидермайер, пожалуйста.

— Э-э-э... ну ладно. — пробормотал Еремеев. — Что случилось-то?

— Ты мне очень помог. — без обиняков ответил я. — Остальное потом расскажу.

— Ловлю тебя на слове. — зловеще пообещал Еремеев и добавил, уже гораздо мягче: — Ты там держись, ладно? Я слышал, что с тобой случилось. Рад, что ты живой.

— Я тоже рад. — я предусмотрительно решил не говорить Еремееву о том, что над головой у меня только что летали пули. Пока что ему было совершенно необязательно об этом знать.

— Жюстине привет передавай, я знаю, что она там.

— Всё-то ты знаешь...

— А ты как думал? Ладно, мне пора бежать, работа... — и Еремеев оборвал связь.

— Увидимся... — пробормотал я сам себе.

Кажется, я знал, что надо было делать.

— Так. — сказал я, возвращаясь к Жюстине и Минадзуки. Они почти одновременно обернулись ко мне. — Жюст, тебе привет от Еремеева.

— Ага, я так и поняла. — хмыкнула Фудзисаки. — Ты только с ним так разговариваешь... Так чего он хотел?

— Сообщить нам кое-что важное. — ответил я. — Очень важное. Мы отправляемся в Дэдзиму.

— В Дэдзиму? — переспросила Минадзуки. — «Дифенс Солюшенс»?

— Именно. — кивнул я. — Минадзуки... Валерия. — она вскинула голову. — Мы остались без машины. Подбросишь нас?

Золотые глаза удивленно смотрели на меня. Запоздало я понял, что впервые назвал её по имени.

— ...Ладно. — наконец проговорила Минадзуки. — Но при одном условии. — её губы тронула улыбка; ещё несколько часов назад условия ей ставил я. — Я хочу присутствовать.

— А я могу тебе помешать? — в ответ усмехнулся я.

Минадзуки с улыбкой покачала головой.

Высоко над нами тучи сгущались вокруг люминёра, отбрасывая на окружающий их город тени. Угасающий свет едва сочился между свинцово-чёрных облаков.

— Поехали. — вслух сказала Фудзисаки. — У нас мало времени.

— Мне хватит. — сухо пообещал я. К «Дифенс Солюшенс» у меня был только один вопрос.

Зачем?

* * *

Небо Дэдзимы было таким же пасмурным.

Селезнёва уже ждала нас на улице. За её спиной выстраивалась половина оперативной роты СПОР — с боевым оружием и в боевой броне. Единственным снисхождением из полицейской задаче были прозрачные щитки визоров на шлемах.

«Накацукаса» опустилась посреди улицы Ремонтной, и я выбрался из люфтмобиля среди затихающего гула подъёмного вентилятора. Канако подошла ко мне — ей стоило огромных усилий не перейти на бег — и заключила меня в объятия, притиснув к угловатому нагруднику бронекостюма.

— Канако, ну... — слабо просипел я; хватка облачённой в доспехи Селезнёвой была поистине железной. Вместо ответа она только сильнее тряхнула меня.

— Как я рада, что ты жив. — прошептала она мне на ухо. Железная хватка вдруг разжалась, и Канако выпустила меня. — Не делай так больше. Слышишь?

— Слышу, слышу... — устало вздохнул я и обернулся к подошедшим Жюстине и

Минадзуки. — Знакомься, это Валерия Минадзуки, она со мной и она из ГСБ.

Минадзуки приветливо помахала рукой.

— ГСБ?.. — недоуменно пробормотала Селезнёва и вдруг вытянулась «смирно» и отсалютовала. — Прощу прощения, госпожа советник!

— Не стоит. — склонила голову Минадзуки. — Вы здесь главная, госпожа капитан. Продолжайте.

— Слушаюсь, госпожа советник! — ответила Канако и снова обернулась к нам: — Привет, Жюстина.

— Привет, Канако. — хмуро бросила Фудзисаки. Я неодобрительно глянул сначала на неё, а затем на Селезнёву: капитан СПОР развела руками — «я? а что я?».

Я покачал головой.

Ворота территории «Дифенс Солюшенс» были распахнуты настежь: их перегораживали клиновидными мордами два БТРа СПОР — серые монстры с синими полосами и надписями «ПОЛИЦИЯ» на бортах. Стволы на башенках БТРов целились во двор перед складами. Идти под их прицелом было даже немного страшно.

На стоянке перед двухэтажным административным корпусом появились ещё два люфтбоиля: один был бело-синим полицейским «Муракумо», а другой был какой-то неизвестной мне модели — «МКК», судя по обводам, но я не мог сказать точно.

Из дверей корпуса показались две знакомые фигуры, и я остановился. Позади меня в унисон грохнула сапогами шеренга СПОР, замирая на месте.

Инспектора Эрхард и Тидзимацу, наверное, порядочно удивились этому зрелищу. Но я был удивлён гораздо больше: встретить их здесь я ожидал меньше всего.

— Штайнер! — нашлась, наконец, Эрхард, сдвинувшись с места и подбегая к нам. Бойцы за моей спиной и бровью не повели. — Что это вы здесь делаете?

— Знаешь, Жанна, я у тебя то же самое хотел спросить, — вместо ответа сказал я. — Нонна сказала мне, что вы полетели люфтбоиль владелице возвращать, а вы, чего-то, здесь...

— Так мы владелицу и ищем! — пояснила подбежавшая Тидзимацу. — Битый час уже ищем, хотя это её адрес, весь их офис перевернули...

— Погодите-ка. — встряла Фудзисаки. — Какой офис? Какая владелица? Это всё тот же люфтбоиль, который на Комендантской бросили?

— Ну да! — Тидзимацу махнула рукой. — Вон он и стоит! — её рука указывала на новый люфтбоиль, стоявший на парковке. Административный корпус был прямо перед нами, и я без труда мог разглядеть характерную морду и шильдик на ней — «Накаяма Вадис», семьдесят четвертого года, не меньше. Самое оно для прокатного люфтбоиля, пускай и в долговременном прокате...

— М-м-м. — протянула Жюстина, разглядывая люфтмобиль. — А как, говоришь, зовут эту вашу владельца?

— Лукреция Юмэй Фаулер. — не моргнув глазом, сообщила Эрхард и удивлённо уставилась на нас. — Эй, ребята, вы чего?..

Фаулер? Та самая селенитка, зачем-то трогавшая меня за плечо, единственная женщина из тройки встречавших нас руководителей «Дифенс Солюшенс» — владелица угнанного люфтмобиля?

— Вот забавно, — сказала Фудзисаки, — мы, как раз, и её ищем. Ну, и её в том числе. Вы там, случаем, не встречали господина Армана Лефрансуа?

— Встречали, — ответила Тидзимацу и пожала плечами. — А что?

Я кивнул и развернулся к стоявшей во главе колонны СПОР Селезнёвой:

— Найдите Лефрансуа и приведите его сюда. — негромко сказал я. Канако кивнула — этот вопрос мы оговаривали с самого начала. — И вот ещё. Капрал Маликова здесь?

— Маликова! — повысила голос Селезнёва, и первый ряд колонны раздвинулся, пропуская наружу капрала. Погон всё так же болтался у неё на груди, рядом с надписью «ПОЛИЦИЯ» на нагруднике.

— Господин инспектор? — поинтересовалась Маликова, встав «смирно». Её глаза, теперь не скрытые баллистическими очками, оказались серыми; из-под маски выбивались светло-русые волосы.

— Отправляйтесь на оружейный склад, — распорядился я. — Найдите там контейнер N1100 — он должен быть у дальней стены, если мне не изменяет память. Возьмите оттуда меч — любой меч — и принесите мне.

— Есть, господин инспектор. — кивнула Маликова. — Разрешите идти?

— Разрешаю.

Канако удивлённо глянула на меня. Точно так же смотрели на меня Жюстина, Минадзуки, и даже Эрхард и Тидзимацу. Я ничего не говорил им про меч.

В некотором роде это был экспромт.

Минут через пять входные двери административного корпуса распахнулись вновь, пропуская долговязую фигуру Лефрансуа. С обеих сторон селенита подпирала два бойца СПОР, отряженных за ним: впрочем, шёл Лефрансуа добровольно. Это легко было исправить.

— Господин инспектор, — заговорил Лефрансуа, приблизившись ко мне. — Прошу прощения, но я не ожидал увидеть вас снова...

— Зря, господин Лефрансуа. — ледяным тоном оборвал его я. — Очень зря.

Только сейчас я заметил, насколько он был бледен — даже больше прежнего; в лице селенита не было ни кровинки. Приглядевшись, можно было заметить, что у Лефрансуа

дрожат руки. Нервно дёргалось правое веко.

— Что вы имеете в виду? — выдавил он из себя. Эти четыре слова дались ему с большим трудом.

— Господин Лефрансуа, — всё тем же тоном ответил я, — вчера моя проверка обнаружила на вашем складе пропажу значительной партии боевого кинетического оружия. Сегодня я обнаружил часть этого оружия — без инвентарных номеров и регистрационных меток, которые должны находиться на зарегистрированном оружии всё время. Больше того, из этого оружия меня пытались убить, господин Лефрансуа. — я двинул, как мог, левым плечом, указывая на висящую на перевязи руку. — Мне очень повезло.

— Господин инспектор... — начал было Лефрансуа, но я не дал ему закончить.

— Больше того, господин Лефрансуа, — продолжал я, — до меня дошла информация, что с арендуемых «Дифенс Солюшенс» складов в Порту пропала часть хранившейся там партии боевых роботов. Небольшая часть, где-то полторы сотни машин. Примерно столько же, сколько исчезнувших с вашего склада единиц кинетического оружия. Какое совпадение, господин Лефрансуа, не правда ли?..

— Знаете, что?! — вскричал Лефрансуа. — Я не собираюсь, инспектор, больше терпеть ваши бездоказательные инсинуации.

— Капитан, — спокойно обратился я к Селезнёвой, и та кивнула. Об этом мы тоже условились.

Бойцы СПОР, стоявшие за спиной Лефрансуа, шагнули вперед и, ни говоря ни слова схватили селенита за плечи. Лефрансуа вскрикнул — бойцы заломили ему руки за спину и толкнули его вниз, поставив на колени.

— Что вы себе позволяете?! — выкрикнул Лефрансуа, хватая ртом воздух. Я даже не удостоил его взглядом, вместо этого глядя в сторону склада.

— А знаете, что произошло, господин Лефрансуа? — поинтересовался я. — Вчера оружием с вашего склада была убита казначей Конституционной партии Сатурнианской Гегемонии. На рабочем месте, господин Лефрансуа. А за два дня до того, — я сделал небольшую паузу, — вашим оружием была убита дежурная диспетчер ночной смены в Порту Титана-Орбитального. И тоже на рабочем месте. Им обоим перерезали горло.

Подбежала Маликова, держа под мышкой меч. Она протянула его мне, рукоятью вперед. Я кивнул — слегка наклонив голову, как требовало старшинство — и взялся за рукоять.

Виброклинок тускло блеснул на свету: я одним движением поднял меч, внимательно оглядывая лезвие, и пальцем нащупал кнопку на рукояти, у самой гарды.

Клинок ожил. Лезвие вспыхнуло голубым, низко гудя в воздухе.

— Ваш меч, — сказал я. — Господин Лефрансуа.

— Я-я-я... — забормотал Лефрансуа, замороженно глядя на дрожащее лезвие, — я н-н-не п-п-понимаю, о ч-чём вы говорите...

— Не понимаете? — спросил я. — Так я вам объясню. Таким же мечом убили госпожу

Хироко Вишневецкую, господин Лефрансуа. Ей перерезали горло. Таким же мечом убили госпожу Фриду Юкари Сэкигахару, господин Лефрансуа. Ей перерезали горло. Точно таким же мечом. Мечом, который вчера отсутствовал на своем месте на вашем складе.

— М-мне н-ничего не г-говорят эти... эти имена... — выдавил Лефрансуа и пронзительно взвизгнул, отшатнувшись назад: дрожащее остриё меча оказалось у него перед носом.

— ДОВОЛЬНО! — зарычал я, развернувшись к обмершему селениту. — Вашим мечом убили двух граждан Сатурнианской Гегемонии! Вашим оружием пытались убить сотрудника Национальной полиции! Меня, господин Лефрансуа! И если вы сейчас не расскажете мне всё — слышите, ВСЁ! — то следующим от этого меча умрёте вы!!

— Не надо! — завопил Лефрансуа; глаза селенита были прикованы к дрожащему голубому ореолу, окружавшему поющее в воздухе лезвие меча. — Не надо! Я скажу! Я всё скажу!!

— Скажете. — процедил я. — Так начните же с начала, господин Лефрансуа!

Лефрансуа замолк. Круглые от ужаса глаза неотрывно смотрели на меч, зависший у его лица. Губы селенита что-то безмолвно шептали.

— Земляне. — прошептал Лефрансуа так, что я едва расслышал его сквозь гудение меча. — Это были земляне.

* * *

— Это невозможно. — потрясенно проговорила Фудзисаки. — Землян разгромили пятьдесят лет назад. Они капитулировали.

— Не все. — тихо произнёс Лефрансуа. — Далеко не все. Многим удалось скрыться. За неизвестными прыжковыми точками, в неизведанных мирах. Мы никогда всерьёз не занимались исследованием новых точек после Второй Солнечной. А земляне выжидали там. Всё это время. Ждали своего часа. Своего возмездия.

Земляне, подумал я. Лефрансуа рассказывает мне о землянах. Земная Империя капитулировала и была уничтожена, её пепел — развеян по ветру, а армии и космические корабли — сокрушены и переданы победителям. Земная Империя стала одной из многих мрачных страниц истории — и одной из самых ужасных. Но ничего более.

Теперь Лефрансуа утверждает, что это не так.

— Они перехватили нас в одном прыжке от Дельмарвы. — продолжал Лефрансуа. — Эсминец или крейсер, я не знаю, но они караулили у самой прыжковой точки. Не похожий ни на один корабль ни ОВД, ни Альянса — мы сначала и подумали, что это какой-то новый корабль ОВД. - он умолк, опустив глаза. — Мы ошибались.

— Допустим. — процедил я. — Допустим, я верю в то, что вы рассказываете. Но чего хотят ваши земляне? Как с этим связаны вы?

— Они хотят возмездия, инспектор. — сказал Лефрансуа. — Неужели вы не понимаете? Мы не обнаружили ни следа многих подразделений земных войск в конце войны, полвека тому назад. Их посчитали пропавшими без вести или уничтоженными. Даже «Худ» — единственный корабль землян, вырвавшийся с Земли после нашего вторжения. Мы просто потеряли его след. И не стали искать.

— И они скрывались? — спросила Жюстина. — Там... где бы вы ни говорили?

— Они были очень хорошо осведомлены о происходящем здесь. — глухо ответил Лефрансуа. — Так они нас и перехватили. Мы не были на Дельмарве, инспектор. Мы должны были стать орудием их мести. — его плечи задрожали, нервно задёргалась щека. — Мы им стали.

— Война закончена. — проговорил я. — Почему?

— Оглянитесь вокруг. — негромко проговорил Лефрансуа. — Мы победили. Они проиграли. Потеряли Землю. Потеряли будущее, дарованное им по праву. Этого достаточно.

— И вы, — процедил я, — стали им помогать.

— У нас не было выбора! — вдруг крикнул Лефрансуа. — Не было! Вы думаете, я не отказывался?! Они убили половину моих людей — просто так, на моих глазах!!! Убили, чтобы продемонстрировать мне своего «василиска»!! Чтобы показать, на что готовы пойти ради мести!!

— А я-то думала, вы солдат. — с отвращением бросила Фудзисаки. Её рука сжалась на ложе «Фёдоров Автомата».

— Я БЫЛ СОЛДАТОМ!! — заорал Лефрансуа, рванувшись к ней; бойцы СПО удержали его. — Тридцать лет я прослужил Луне-Лагранжу, госпожа Фудзисаки!! Но никогда — НИКОГДА!!! — я не был самоубийцей!!! Я видел «василиска», вы понимаете?! Через автоцензор! Мне было дано понять, что меня пощадили! Оставили в живых! Я лежал там, на полу, захлёбываясь блевотиной, но у них не дрогнул ни один мускул! Что мне было делать?! Отказаться?! Умереть?!

— Да. — холодно сказал я, изо всех сил стараясь скрыть переполнявшие меня злость и презрение к селениту. — Лучше бы вы умерли.

Взгляд Лефрансуа затравленно метнулся ко мне.

— Вам легко говорить. — дрожащим голосом заговорил он. — Вам легко говорить, инспектор Штайнер. Вы прячетесь за спинами женщин, вас всячески оберегают, вы — живое украшение для дома и офиса. Вы не были там, Штайнер. Вы никогда не видели, как сотня человек умирает просто так, от изображения на экране. Вы не знаете. — его голос опять сорвался на крик. — ВЫ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕТЕ!!!

Я ударил его рукоятью меча.

Лефрансуа отшатнулся назад, упав на руки державшим его бойцам. Его плечи часто тряслись, тощая грудь дрожала. На его лице расплывался красный след от удара.

— Благодарите своего бога, господин Лефрансуа, — прошипел я. — Благодарите за то, что я не стал марать об вас руки. Вы хуже любого преступника. Вы предатель.

Меня всего трясло. Пойти на сговор со злейшими врагами? Врагами, которые травили нервно-паралитическим газом орбиталища? Ссылали людей на неосвоенные планеты и отправляли их в лагеря смерти? С врагами, которые никогда не скрывали своих намерений поставить всю Вселенную на колени — только за то, что Вселенную заселяли не земляне?

— Господин Лефрансуа. — произнёс ледяной голос над моим плечом. — Посмотрите на меня, господин Лефрансуа.

Селенит нерешительно поднял голову, то и дело затравленно стреляя взглядом по сторонам. Я непроизвольно отступил на шаг, опустив занесённую руку с мечом.

Я солгал. Ещё мгновение назад я больше всего в жизни хотел убить Лефрансуа.

— Вы совершили непоправимую ошибку, господин Лефрансуа. — всё тем же ледяным тоном продолжала Минадзуки. Она смотрела на Лефрансуа сверху вниз, сложив руки под грудью; её лицо было непроницаемой маской. — И только потому, что вы, возможно, совершили её против своей воли, я готова дать вам шанс. Ваш последний шанс, господин Лефрансуа.

— Ч-ч-что в-вы х-хотите? — сипло спросил он.

— Всё, господин Лефрансуа. — произнесла Минадзуки. — Вы расскажете нам всё.

Это не было вопросом.

Лефрансуа нерешительно кивнул — дёрнул подбородком, всё ещё глядя куда-то над плечом Минадзуки, поверх шеренги СПОР.

— Какую задачу отвели вам?

— Подготовить плацдарм. — негромко проговорил он. — Нам позволили прибыть сюда месяц назад, на грузовом корабле. Мы вышли на связь с главным офисом «Дифенс Солюшенс», сообщили им нашу легенду. Они отправили нас сюда — на отдых и присматривать за их новыми приобретениями. Другая половина моих подчинённых якобы осталась на Дельмарве. — он сглотнул. — Они ничего не заподозрили.

— Плацдарм. Что вы имеете в виду под плацдармом?

— Мы должны были подготовиться к прибытию исполнителя. Войти в контакт с назначенными лицами. Чтобы когда он прибыл, всё было готово к выполнению его задачи.

— Его? — проронила Минадзуки.

— Исполнителя. Карающей длани землян. Никто из нас не знал его имени. — покачал головой Лефрансуа. — Он прибыл неделю назад. Почти незамеченным.

— Зачем, Лефрансуа? Что он должен сделать?

— Убить вашего премьер-министра. — проговорил Лефрансуа. За моей спиной послышались удивлённые возгласы. Бойцы СПОР беспокойно заозирались. — С помощью «василиска». Достаточно будет одного взгляда, чтобы Сатурнианская Гегемония осталась без главы государства, и никаких следов. Будут назначены досрочные выборы; Гегемония ослабнет, её внимание будет направлено вовнутрь. Её позиция пошатнётся. Подходящий момент для действия. Но сначала надо было замести следы.

— Вишневецкая. — сказала Минадзуки. — Сэкигахара. Что вам о них известно?

— Я не знал их имён, я не солгал. Я знал, что наши расчёты идут через казначея, но не знал, кто она такая.

— Ваши назначенные лица — из Конституционной партии Сатурнианской Гегемонии?

— Да. — ответил Лефрансуа. — Я знаю их имена... некоторых. Госпожа Коноикэ, и она упоминала некую госпожу Малкину... но я не знаю ни кто они такие, ни какие должности они занимают. Госпожа Коноикэ говорила про «нашу казначея»...

— Марина Николь Коноикэ, начальница службы внутренней безопасности Конституционной партии. — произнесла Минадзуки. — Мы знаем, кто она, господин Лефрансуа. Продолжайте.

— Да... Он пришёл к нам. Ночью. Потребовал от нас доступа к складу. Мы дали его, и он взял меч.

— Кто он? Опишите его.

— Я видел его всего раз. Он был в сером... доспехе или скафандре, я не уверен точно. Без шлема: седые волосы, именно седые, синие глаза. Пронзительно-синие, будто искусственные. Голос с металлическими нотками. У него был протез вместо нижней челюсти... вместо шеи. Шлем садился на него, как влитой.

— Как он планировал совершить убийство?

— Получить доступ к устройству. Во время выступления. Любому, в которое может посмотреть премьер-министр. Одного взгляда будет достаточно.

— Но в него могут посмотреть другие. — не выдержала Жюстина. Минадзуки глянула на неё, не поворачивая головы; на её лице не дрогнул ни один мускул, но упрёк был только более явственным. — Другие люди... из свиты его превосходительства, из аудитории... это десятки жертв. Если не сотни!

— Вы думаете, инспектор, — горько проговорил Лефрансуа, — что это его интересовало? Он ненавидит всех нас. Искренне ненавидит. Что для него лишние сто мёртвых космоноидов?

— Когда? — прервала его Минадзуки.

— Завтра с утра, во время выступления.

— Где?

— В Доме Промышленности. Я не знаю, я только видел фотографии... но ему нужно находиться поблизости во время передачи «василиска». Чтобы удостовериться, что тот сработал.

— О боги. — тихо сказала Канако.

Премьер-министр Кисараги-Эрлих должен был выступать в Домпроме — месте, откуда Министерство общего машиностроения когда-то руководило строительством орбиталищ. Домпром был символом — символом единения и превосходства, восстания из пепла, символом новой эпохи и новой Сатурнианской Гегемонии. Выступление там премьер-министра, первого гражданина Гегемонии, было символом и данью символу одновременно.

Лучшего места для покушения было не найти.

— Где он сейчас? — спросила Минадзуки; она даже и бровью не повела.

— Я не знаю. Правда, не знаю! — вскрикнул Лефрансуа. — Он никогда сюда не

возвращался, он только передавал приказы...

— И вы им подчинялись? Вы были здесь целый месяц, господин Лефрансуа. Почему вы сразу не сообщили компетентным органам?

— Потому что у нас была соглядатай. — тихо сказал Лефрансуа. — Она по-настоящему и руководила нашей частью операции. Она вела все переговоры с Конституционной партией; я только присутствовал при этом. И она исчезла. Я не знаю, где она.

— Лукреция Юмэй Фаулер. — произнёс я. — Верно?

Лефрансуа кивнул, упорно избегая встречаться со мной взглядом. Но я уже не обращал на него внимания.

Вместо этого я посмотрел на свою левую руку, недвижно лежавшую на перевязи. Забинтованное плечо, скрытое блузой; рваный рукав плаща, свисавший вниз.

Плечо. Пальцы Фаулер, касавшиеся моего левого плеча. Голос, мягкий и мелодичный, будто слегка печальный. Пальцы на том же плече, куда едва не пришлась первая пуля. И мне очень повезло, что она прошла вскользь.

— Жучок. — сказал я. — Она посадила мне на плечо какую-то метку. Тогда, на складе. — я снова глянул на Лефрансуа; селенит будто съежился. — Вы отряхивали руки. Перед нашим осмотром оружейного склада.

— Да. — выдохнул Лефрансуа. — Один из нас должен был поставить на вас метку. Она решила сделать это сама.

— Почему?

— Фаулер сразу поняла, что вы знаете. Она знала, что полиция расследует убийства. Когда вы появились здесь — со взводом полицейских, больше того — она решила, что вы каким-то образом узнали о нас. Она решила вас устранить.

— Когда она исчезла? — прервал я. Это было важнее всего.

— Вчера. После вашей проверки, после прибытия полиции. Здесь было много людей, и она просто исчезла. — он уронил голову на грудь. — Я не знаю, когда точно.

— И она может быть где угодно. — прокомментировала Фудзисаки. — Прекрасно.

— Вы знали об исчезновении оружия с вашего склада? — вновь заговорила Минадзуки. Лефрансуа дёрнул головой. — Смотрите на меня, господин Лефрансуа. — он рывком вскинул голову, повинаясь приказу. — Да или нет?

— Нет, — выговорил он. — Нет, я не знал. Меня никто не поставил в известность. Я не принимал решений, только делал то, что мне приказывали. Что мне приказывала Фаулер.

— Вы знали об исчезновении боевых роботов с вашего склада в Порту?

— Нет, я не знал. Но я догадывался, что оружие исчезло не просто так.

— Откуда эти роботы? Они тоже часть вашего задания?

— Нет! Их приобрела «Дифенс Солюшенс» у ваших производителей, с разрешения вашего Министерства обороны, для Дельмарвы. Там ограниченный контингент, даже без... без моего подразделения. — слова дались ему с трудом. — Роботы значительно усилили бы его. Видимо, Фаулер — или исполнитель — решили ими воспользоваться.

— Где агент землян держал «василиска»?

— Я не знаю. Правда, не знаю! На отдельном носителе, скорее всего... меня не

посвящали в такие подробности. — сбивчиво проговорил Лефрансуа. Его губы мелко задрожали. — Я знал, что он делает — я видел «василиска» собственными глазами! Но я не знал никаких деталей!

Минадзуки глянула на меня, словно ожидая одобрения, и я кивнул. Она слегка наклонила голову в ответ.

Её рука нырнула за отворот плаща. Лефрансуа остолбенело уставился на блестящий рубиновым герб ГСБ.

— Задержать его. — приказала Минадзуки. — Задержать всех сотрудников «Дифенс Солюшенс». Изъять все документы и носители.

— Слушаюсь, госпожа советник! — ответила Селезнёва и обернулась к своим бойцам: — Рота, исполнять!

Колонна СПОР рассыпалась на глазах, устремляясь к зданию административного корпуса. Лефрансуа уложили лицом в землю, и одна из бойцов обыскивала его. Селенит не сопротивлялся.

Мне было противно даже смотреть на него.

Меч в опущенной руке всё ещё тихо гудел в воздухе — я так и не выключил его. Движение пальца, и гудение затихло.

— Теперь я точно должна сообщить об этом. — сказала Минадзуки; ледяная маска рассыпалась, и её лицо вновь оживило — и показалось невероятно усталым. — Имеет место угроза национальной безопасности. Госпожа капитан, — она обернулась к Селезнёвой, — мне понадобится ваше участие до тех пор, пока не прибудут сотрудники ГСБ.

— Разумеется, госпожа советник. — кивнула Канако.

Минадзуки чуть наклонила голову и обернулась ко мне.

— Похоже, нам придётся расстаться. — сказала она. В её голосе слышалось сожаление.

— Похоже на то, — ответила за меня подошедшая Жюстина; она мягко, но уверенно взяла меня за локоть. — Нам тоже неплохо было бы доложить о том, чем мы тут занимались... — она вздохнула. — Шеф будет просто в восторге.

— Она и так должна быть в восторге. — сухо заметил я. — Сутки напролёт...

— Дальнейшие решения, надеюсь, будут приняты до вечера. — сообщила Минадзуки. — Так что, возможно, мы ещё увидимся. — её губы тронула улыбка. — До свидания, господин Штайнер.

— До свидания. — проговорил я. — И спасибо.

Минадзуки снова склонила голову, пряча улыбку.

— Госпожа Фудзисаки, — сказала она и протянула Жюстине руку. — Рада была познакомиться.

— Взаимно. — ответила Жюстина. — Спасибо.

— За что? — Минадзуки приподняла бровь. Но, похоже, она уже знала ответ.

— За то, что присмотрели за ним. — Фудзисаки пихнула меня локтём в бок; я покачнулся. Минадзуки заулыбалась ещё шире.

Наши взгляды встретились в последний раз, и Минадзуки развернулась и зашагала прочь. Я смотрел ей вслед, пока подол её чёрного плаща не мелькнул за носом перегораживавшего ворота БТРа — и не исчез без следа.

— А она симпатичная, — протянула Жюстина.

С улицы раздался приглушённый гул вентилятора, и «Накацукаса» взлетела в небо, блестя медными бортами, и устремилась вдаль. В следующий момент люфтмобиль был уже неразличимой точкой в пасмурном небе над Дэдзимой.

— А ещё нам нужна машина. — закончила Фудзисаки и оглянулась на меня. — Ты так и будешь ходить с этим мечом, Штайнер?

Я недоумённо моргнул и глянул вниз, на лезвие в опущенной руке. Рукоять лежала в моей ладони, будто влитая. Режущая кромка отливала голубым; на мгновение я поймал в ней свое отражение — неразличимую тёмную фигуру, возвышавшуюся напротив серого неба.

— Ну разумеется. — только и сказал я. — А что ещё мне предъявлять вместо отчёта о проделанной работе?

Фудзисаки усмехнулась. Её рука невзначай тронула свисавший с плеча «Фёдоров Автомат».

Капрал Маликова шагнула вперед и протянула мне ножны.

* * *

Лифт в Титан-Орбитальный оказался забит бронетехникой.

Люфтмобиль, который Фудзисаки реквизировала в интересах закона, сиротливо жался к краю транспортной платформы, сплошь заставленной бронетранспортёрами Гвардии. Тёмно-зелёные машины, принайтованные к платформе за колёса, хранили молчание; но всё же меня не покидало чувство, что они следят за нами. По сравнению с БТР люфтмобиль — тёмно-синяя накаямовская «Аспера» восемьдесят шестого года — казался совсем крошечным.

Эрхард и Тидзимацу предлагали нас подбросить, но Жюстина отказалась. Да и я, глядя

на их служебную машину, с тоской вспоминал наш погибший «Муракумо».

— Как на войну собрались. — сказала Жюстина, глядя на стоящие вокруг бронемшины. Лифт ускорялся, устремляясь вниз по шахте; горевшие вдоль стен светильники яркими пятнами отражались на стёклах салона.

— Почему «как»? — хмуро заметил я, глядя в окно. Ближайший к нам БТР венчала развёрнутая назад башенка с торчавшим из неё широким стволом — точь-в-точь как у бронетранспортёров СПОР, с которыми мы только что расстались. — Это и будет война, Жюст. Маленькая такая войнушка. Еремеев говорил, что там наверху целый корабль Гвардии.

— Спрашивается, и зачем здесь мы. — хмыкнула Фудзисаки. — С городскими заодно... — её взгляд упал на меч, лежавший у меня на коленях. Огни дисплеев приборной панели отражались на чёрной поверхности ножен. — Собираешься таскать его с собой?

— А ты собираешься сдавать «Автомат» обратно? — вместо ответа спросил я, кивнув на заднее сидение: «Фёдоров Автомат» лежал там, и светильники лифтовой шахты то и дело отчёркивали широкие белые полосы на его тёмно-коричневом, под дерево, прикладе.

Копия первого в мире автомата, стреляющая боевыми кинетическими пулями. Чтобы придумать и собрать такую штуку, требовался действительно неординарный склад ума. Чтобы применить такую штуку по назначению, потребовалась Фудзисаки — с её безграничным багажом познаний обо всём, у чего есть ствол и спусковой крючок. Другой и в голову не пришло бы потребовать такую неэргономичную и неудобную рухлядь: слишком короткая, с жёстким прикладом и без пистолетной рукоятки...

Я был почти готов простить создательницу «Автомата». В конце концов, её замысловатое оружие спасло мне жизнь. И не мне одному.

— Я-то ладно, — возразила Фудзисаки, — а ты что? Ты же не умеешь им пользоваться! Даже кэндо в школе не занимался, я молчу, что это виброклинок!

— Не умею. — согласился я. — Не беспокойся, я всё равно сдам его Мэгурэ. Как отчёт о проделанной работе.

— Но не станешь с ним геройствовать? — настойчиво допытывалась Фудзисаки. — Честно?

— Честно. — вздохнул я. — Жюст, ну какой мне смысл, а? Как ты сама только что заметила, я даже пользоваться им не умею...

— Включить же ты его додумался. — фыркнула Фудзисаки. Я усмехнулся.

Лифт вздрогнул и начал тормозить, дойдя до середины пути. Спуск вниз, в Титан-Орбитальный, был не столько долгим, сколько скучным, почти как в метро. Большую часть времени здесь нечем было заняться, кроме как считать отблески светильников в шахте. Да и то это быстро наскучивало.

А нам подчас приходилось мотаться в Дэдзиму по несколько раз на дню.

— Штайнер. — сказала Жюстина, и я обернулся к ней. Моя напарница сидела в

водительском кресле, глядя на застывший авиагоризонт на лобовом стекле. — Знаешь, я рада.

— Чему? — недоумённо спросил я.

— Тому, что сегодня всё обошлось. Для нас обоих. — ответила она. — Не делай так больше.

Я отвернулся. Яркая белая полоса света упала на нас, вдруг резко очертив профиль Жюстины.

— Не делай как? — зло поинтересовался я. — Не делай свою работу? Сиди прячься за чужими спинами, пока настоящие полицейские, не чета тебе, всё сделают? — Жюстина молчала. — А я так не могу, Жюстина. Полиция, вообще-то, дело добровольное, я знал, на что подписываюсь, с первого дня. Я присягу давал, знаешь? Всеми силами, до последнего вздоха, даже ценой своей жизни, помнишь такую? Или на мужчин присяга не распространяется?! Так ты это Кюршнеру скажи! Давай!! А я на тебя посмотрю!!!

— Всё сказал? — оборвала меня Фудзисаки. Её голос звучал слишком спокойно — так, будто бы она сдерживала себя. Изо всех сил.

Я молчал, исподлобья глядя на неё.

— Знаешь, чего тебе не надо было делать? — спросила Фудзисаки. — Не надо было лезть на рожон. Не надо было драться с гайдзинами, чтобы тебя потом преспокойно подстрелили вечером посреди Дэдзимы. Чуть не убили, между прочим. Не надо было напяливать на себя очки Котэры и играть в гляделки со штукой, выжигающей мозги. Не надо было лезть на склад, забитый невесть чем, с пистолетом в руках! — с последними словами её голос задрожал. — Ты знаешь, как тебе повезло, причём два раза подряд? Когда я не выдержала и полетела за тобой, чтобы найти тебя в луже крови на тротуаре? Когда я сломя голову неслась на Регенераторную, чтобы тебя с этой Минадзуки — которую ты встретил за два часа до этого — прижали к стене две боевые жестянки? Знаешь? Так какого чёрта ты так делаешь, а?! Зачем?!

— А что я должен был делать, а?! — закричал я в ответ. — Что?! Сидеть тихо и не рыпаться?! Когда ты сама была чёрт знает где, а шеф собственноручно сняла меня с дела?!

— Со сломанной рукой мог бы и дома посидеть! — выкрикнула Жюстина. — Для разнообразия! Да Мэгурэ тебя туда же и отослала бы, попадись ты ей на глаза!!

— И что бы мы делали тогда?! — рявкнул я. — Что?! Сидели бы по домам и понятия не имели бы ни о «василиске», ни о роботах, ни о землянах?! Прекрасно! Просто прекрасно!

— А с чего ты вообще взял, что это должны были быть мы? — спросила Фудзисаки. — С чего это должен был быть ты, начнём с того? С того, что тебя попросила Минадзуки, и ты, конечно, не смог ей отказать? хотя видел её от силы третий раз в жизни?

— С того, что это было моё дело! — прошипел я. — И оно слишком важно, чтобы бросить его просто так! Слишком!

— А ты здесь один? — огрызнулась Жюстина. — Один?! Почему-то ты меня забыл! Хотя мы с тобой, вообще-то, напарники! И это было наше дело! которое отобрали у нас! И будь уверен, мне от этого было херово не меньше твоего!!

Я втянул в себя воздух... и выдохнул. Лифт остановился и замер.

Фудзисаки вывела реквизированную «Асперу» через туннель на взлётную площадку, подозрительно пустую для этого времени. Люфтмобиль вынырнул из-под козырька, и я сразу увидел причину; над Титаном-Орбитальным нависли тяжёлые грозовые тучи.

— Ты не один. — проговорила Жюстина, выводя машину на стартовую позицию. — Пойми это уже наконец. Одна в космосе не воин, так с чего ты взял, что свой долг ты должен обязательно исполнять в одиночку? Об этом, если ты помнишь, ничего не сказано ни в присяге, ни в уставе. И всё, что мы делали в ходе этого дела — всё! — мы делали вместе. Даже ходили с обыском в «Дифенс Солюшенс» без ордера и основываясь на информации от... от... от Адатигавы, всемилостливые боги! А ты берешь, срываешься с цепи и суёшься под пули в одиночку...

— Я уже совался под пули в одиночку. — негромко сказал я. — И не раз. Хотя бы Акияму вспомни. У меня не было напарницы, я поймал её сам, и ничего, жив остался, и орбиталище даже не взорвалось...

— Тебе помогала Тацуёси. — напомнила Жюстина. — И её девочки из оружейного. Ты же сам говорил, что без них не нашёл бы Акияму.

— Не нашёл бы. — подтвердил я. — Но Акияма-то в них не стреляла. И та девчонка с горохоплюем тоже только в меня стреляла. Тебя-то там не было.

— И совершенно зря не было! — воскликнула Фудзисаки. — Отпустила тебя гулять ночью по Шамп-Марез, на свою голову! Зачем ты вообще туда пошёл?

— Да я на трамвай тогда шёл! — воскликнул я, живо вспоминая подробности того вечера. — Решил дворами срезать, там по улице крюк добрых полтора метра! Ну вот и срезал... — пробормотал я. — На свою голову...

— И тебя это ничему не научило. — покачала головой Жюстина. Она притронулась к наушнику. — У нас есть час. Пока ливень не начался.

Я кивнул и откинулся на спинку сидения. Люфтмобиль, загудев турбиной, пробежался по площадке и взмыл в небо, раскинув короткие крылья.

Жюстина была права. Даже тогда, три года назад, когда я выслеживал Акияму и наблюдал, как с каждым днём разваливалась наша с Алисой совместная жизнь, я не был один. Мне помогали: Ямагата — она тогда ещё не была начальником киберпреступности, но очень близко к тому; Тацуёси — она и её подчинённые помогли мне отследить пистолет Акиямы чуть ли не до принтера, в котором его напечатали; Локи, которая уже тогда захаживала в Сюгаку-холл и «Хэйсэй Кафе» просто так, музыку послушать, даже не по работе; Мэгурэ и Хомура, вступившиеся за меня перед начальством и перед взбешенными городскими. Я выследил и арестовал Акияму сам. Но у меня была помощь.

А потом, два месяца спустя, я познакомился с Жюстиной — трижды чемпионкой Академии по стрельбе, отлично водившей люфтмобиль и знавшей город, как свои пять пальцев. Мы довольно натерпелись друг от друга в те первые месяцы, но у меня никогда не было причин всерьёз быть недовольным своей напарницей.

А потом была Канако. Я был по-настоящему счастлив — впервые после расставания с Алисой — но я не мог не замечать, как смотрела на нас Фудзисаки. Тогда они с Селезнёвой здорово разругались, казалось бы, из-за сущего пустяка — но этого пустяка хватило, чтобы они до сих пор смотрели друг на друга косо.

Жюстина давно была влюблена в меня. Наверное, с того самого времени. Но одно дело — встречаться с капитаном СПОР, которая тебе не только равная, но в отдельной цепочке командования, а другое — с собственной напарницей. Младшей. Отношения старших и младших очень часто переставали быть только рабочими... но на этот раз младшей была Фудзисаки, а старшим — я.

Так не делалось. В первую очередь потому, что мужчина редко когда был старшим. Почти никогда.

Фудзисаки было всё равно. Но я пытался держать дистанцию. Я и так был уникалом: в Национальной полиции никогда не было заморочек, свойственных тем же КВСГ, и мужчины-полицейские были всегда. Но их никогда не было много, а в уголовном розыске — тем паче. И тут был я — на особом счету у Мэгурэ, изловивший и отправивший плавать в банке не одну опасную преступницу. Я вряд ли был лучшим, но я был одним из лучших.

Может, отчасти из-за этого Жюстина и полюбила меня. Об этом я мог только догадываться.

— Жюст... — начал было я, но меня прервала трель входящего вызова, раздавшаяся в ухе.

Жюстина обернулась ко мне; я замахал рукой, и она отвернулась обратно, к приборной панели. Я снял вызов:

— Штайнер, слушаю. — сказал я, так и не заметив, от кого шёл вызов. Иначе я бы очень удивился.

— Господин Штайнер. — произнёс в ухе бархатный голос Адатигава. Голос, который я ожидал услышать в последнюю очередь. Мы никогда не связывались так, напрямую: слишком велик был риск. Риск, который Адатигава только что презрела — а поступить так она не могла без веских на то причин.

Очень веских причин.

— Доброго вам дня. — учтиво продолжила Адатигава. — Вы не заняты?

— И вам доброго дня, госпожа Адатигава. — со всей вежливостью ответил я. Жюстина снова удивлённо обернулась ко мне. — Полагаю, что в данный момент я не занят.

— Превосходно. — ответила Адатигава. — Мне крайне необходимо встретиться с вами, господин Штайнер. Сейчас. Лично.

Я оторопел. Такое предложение перечёркивало все наши тщательно выстроенные

договорённости — ещё хуже, чем прямой, безучастия третьих лиц, звонок. А значит, это было очень серьёзно — иначе Адатигава и в голову не пришло бы нарушить установленные правила приличия.

Сатурниане бережно относятся к своим традициям. Сатурнианская мафия, стремящаяся выглядеть уважаемыми членами общества, свои традиции чтит особенно свято.

Сейчас Адатигава одним махом нарушала их все. Прямой контакт с представителем закона, да ещё и по своей инициативе, для мафии был совершенным и безусловным табу.

Кроме как в самых исключительных случаях.

— В чём дело? — спросил я. Мой голос прозвучал грубо и невежливо... но я справедливо предполагал, что это уже глубоко неважно.

— У меня есть информация. — произнесла Адатигава. — Информация, имеющая прямое отношение к вопросам национальной безопасности, господин Штайнер. И имеющая столь же прямое отношение к вашему расследованию.

Я сглотнул. В горле вдруг пересохло.

Вот оно. Недостающее звено.

— Где я должен буду встретиться с вами? — спросил я.

— Набережная Швестерзее, 24. - сообщила Адатигава. — Кафе «Хайфиш». И прошу вас поторопитесь, господин Штайнер. Если мои догадки верны, мы оба серьёзно рискуем.

— Да. — только и ответил я. — Я скоро буду там, госпожа Адатигава.

— Прошу вас. — только и ответила Адатигава и прервала связь.

Я обернулся к Жюстине.

— Поворачивай. — сказал я. — Швестерзее, 24.

— С чего это? — спросила, не оборачиваясь, Фудзисаки. — С того, что тебе так сказала Адатигава?

— Нет. — ответил я. — С того, что Адатигава никогда не сказала бы мне, если бы это не было крайне важно. С того, что это кафе «Хайфиш», помнишь? То самое, где была Вишневецкая!

— И ты ей веришь? — спросила Жюстина.

Я помедлил.

— Да. — наконец сказал я. — Ей — верю.

Жюстина ничего не ответила.

Тёмно-синяя «Аспера» приземлилась на краю тротуара, порывами воздуха из-под подъёмного вентилятора колыхая деревья набережной аллеи. Свинцовое небо сплошной чёрной громадой нависало над нами; тусклый вечерний свет люминёра едва пробивался через грозные облака.

Озеро Авами, наше Швестерзее, было пусто. Каждый день его заполняли многочисленные прогулочные судёнышки, но теперь они исчезли, разбежавшись по эллингам и причалам, в преддверии грядущей бури. Воды озера казались почти чёрными; на ветру они шли мелкой рябью, беспокойно ударяясь об стену набережной. До полного прекращения полётов оставалось не больше получаса: небо почти полностью опустело. Панорама крупнейшего водоёма Титана-Орбитального выглядела мрачно.

— Как ты доберешься домой? — спросила Жюстина. Двигатель она не глушила, держа на холостых оборотах, и тихий гул вентилятора подчёркивал её слова.

— Попрошу Адатигаву. — ответил я. — Не думаю, что она мне откажет. Или на метро сяду...

— Лучше не садись, — сказала Фудзисаки. — Я не хочу оставлять тебя одного.

— Кто-то должен отправиться к Мэгурэ. — заметил я. — Лучше, если это будешь ты. Кроме того, Адатигава меня в обиду не даст.

— Этого я и опасаясь. — хмуро заметила Жюстина.

Я покачал головой.

— Всё будет в порядке. — сказал я увереннее, чем на самом деле. — Лети к Мэгурэ. Расскажи ей всё.

— Ты позвонишь мне? — нервно спросила Жюстина. — Когда доберешься домой?

— Позвоню. — пообещал я. И действительно намеревался выполнить это обещание.

Это было меньшим, что я мог сделать.

— Обязательно позвони. — сказала Жюстина и, прежде чем я смог ответить, перегнулась через сидение и поцеловала меня.

Её поцелуй вышел неловким и торопливым, но он был искренним: весь свой гнев, всё своё разочарование, желание, отчаяние и всю свою боль Жюстина вложила в эти несколько секунд — несколько секунд отчаянной, спешной близости.

— Ты понял меня? — спросила Фудзисаки, отстранившись от меня. Наши лица всё ещё были в сантиметрах друг от друга, и я смотрел на неё и понимал, что больше всего в мире я хочу быть здесь, рядом с ней.

— Я понял. — хрипло сказал я и улыбнулся. Жюстина слабо улыбнулась в ответ и потянулась вперед, чуть коснувшись губами моих губ.

— Иди. — сказала она. — И береги себя.

Люфтмобиль взмыл в воздух за моей спиной, снова качнув кронами деревьев. Подол плаща хлестнул по ногам. Рука сжимала чёрные ножны меча.

Мне стоило всех своих сил не обернуться.

Кафе «Хайфиш» скрывалось за деревьями набережной аллеи. Каменная стена набережной здесь выдавалась в круглую террасу, одну из множества таких же; всю её скрывал навес кафе. Волюметрическая вывеска изображала облизывавшуюся акулу с повязанной на шею салфеткой: в одном плавнике у акулы была трёхзубая вилка, а другим она как-то ухитрялась держать палочки для еды. Жабры ритмично открывались-закрывались; язык акулы так и бегал по её зубастому рту.

Прекрасное место, кисло подумал я. Как раз в духе Адатигава.

В кафе давно уже не было посетителей. Террасу заставляли круглые столики с закинутыми на них стульями. Ветер хлопал краями навеса. Только один столик, у самого каменного парапета террасы, был занят.

Провожатая — в ней я узнал давешнюю златовласую Мишель — провела меня вглубь террасы, мимо полупустой барной стойки с померкшей доской «МЕНЮ». За столиком сидела Адатигава.

Как и всегда, она была в платье — сегодня тёмно-синем, с крошечными розовыми цветками, в которых легко угадывались азалии. Шею облегал белый подворотник. Тщательно собранные волосы Адатигава сбоку удерживала поблёскивающая светодиодами заколка. Завидев меня, она отставила в сторону свою чашку и обернулась ко мне:

— Господин Штайнер! — начала она. — Как я рада видеть вас... — она осеклась, внимательнее взглядевшись в меня. Я недоуменно смотрел на неё.

— Милостливые боги, Мицуру, — проговорила Адатигава, — ты выглядишь кошмарно.

Таким тоном Адатигава не разговаривала со мной уже несколько лет — если быть точным, со времен нашего первого знакомства. Так же давно она не называла меня и по имени.

Мицуру. В её устах моё имя звучало почти нежно.

— Присаживайся. — приказала Адатигава, кивком указывая на стул; Мишель поспешно отодвинула его, и я присел за стол. — Мишель, кофе господину Штайнеру.

— Чай. — подал голос я. Адатигава виновато улыбнулась.

— Мишель, чай господину Штайнеру. — поправилась она. Мишель поклонилась и ушла, и Адатигава обернулась ко мне.

— Во что ты вляпался? — без обиняков спросила она. Я поморщился. Слышать Адатигава, говорившую обычным тоном, без всегдашней своей подчёркнутой вежливости, было странно: уж слишком много в этом было воспоминаний. — Я знаю, что вчера произошло, но на тебе лица нет!

— Я весь день на ногах. — ответил я. — Так что произошло?

— После. — предостерегающе подняла руку Адатигава. — Всему свое время.

Подошла Мишель, поставив передо мной чашку с блюдцем. Я благодарно кивнул и отпил: моему любимому чаю этот в заплатки не годился, но он был горячим, и это был чай.

О большем я сейчас и мечтать не смел.

На исходе мартовского дня на набережной было холодно — а особенно сейчас, в последние минуты перед дождевым циклом. На дальнем берегу Швестерзее, в Уберзеекквартире, уже зажигались первые огни.

Адатигава терпеливо ждала, пока я допью чай. Меч лежал у меня на коленях; мне больше некуда было его пристроить.

Меч в ножнах, табельный пистолет в кобуре... я был во всеоружии. Как жаль, что весь этот арсенал был совершенно бесполезен.

— Вы хотели меня видеть. — сказал я, отставляя опустевшую чашку. Чай приятно согревал меня изнутри; в меня будто заново вдохнули жизнь. — И большое вам спасибо за чай, госпожа Адатигава.

— О, прошу вас. — подняла ладонь Адатигава, снова возвращаясь к подчёркнуто вежливой речи. — Меньшее, что я могла сделать для вас, господин Штайнер. Да, вы правы. Я хотела вас видеть, и это действительно не терпело отлагательств.

Её рука опустилась на стол, зашуршав длинными рукавами. Пальцы побарабанили по тёмной, безжизненной поверхности столешницы.

— Вы знаете, почему я пригласила вас именно сюда, господин Штайнер? — спросила Адатигава, глядя на разбегавшуюся по чёрным водам озера рябь. — В кафе «Хайфиш»?

— Я могу догадываться. — вежливо заметил я. — Широко Вишневецкая?

— Совершенно верно, господин Штайнер. — проговорила она, всё ещё глядя на озеро. Тусклый вечерний свет очерчивал благородный профиль Адатигавы: острый прямой нос, вздёрнутые брови, волосы, собранные в пучок, подворотник платья, охватывающий шею. — Мы завербовали Широко Вишневецкую именно здесь. Предложили ей помочь нам в наших делах. Она согласилась. — губы Адатигавы тронула печальная улыбка. — Вы с самого начала были правы, господин Штайнер: «Монплезир» замешан в этом деле. Я замешана в этом деле.

— И вы были удивлены. — добавил я. — Когда я показал вам её фотографию.

— Когда я услышала от вас, что госпожа Вишневецкая мертва. — поправила меня

Адатигава. — За два дня до нашей с вами встречи одну из наших сестёр — ту, которая и связывалась с Вишневецкой — нашли мёртвой в её собственной квартире. С перерезанным горлом. Когда я увидела тело Вишневецкой на вашей фотографии, я заподозрила неладное. А на следующий день... — она сделала паузу; я заметил, как губы Адатигава задрожали, — ...я узнала, что погибла госпожа Сэкигахара. С которой я разговаривала всего за несколько часов до её смерти.

Я молчал. Адатигава знала Сэкигахару. Причём, похоже, знала её весьма близко.

— Подумать не могла, что разговариваю с ней в последний раз. — тихо проговорила Адатигава. — И подумать не могла, что её убьют. Точно так же, как убили всех остальных: Вишневецкую, нашу сестру Жермен... и не оставили ни следа.

— Вы знали Сэкигахару. — прервал её я. — Но вы ничего мне не сказали.

Адатигава медленно повернулась ко мне.

— Я не знала. — ответила она. — Тогда ещё не знала. Понимала, что всё это не могло быть просто совпадением... но затем Фрида позвонила мне. А затем её убили.

— Вы провели убийцу в Титан-Орбитальный. — медленно проговорил я. — Вы и Конституционная партия.

— Вы уже догадались. — сказала Адатигава. — Фрида Сэкигахара была моей подругой, господин Штайнер. С тех самых пор, как мы с ней учились в одном классе старшей школы. Потом Фрида поступила в Тидай, а я, — повелительница мафии Титана-Орбитального невольно улыбнулась, и даже эта грустная улыбка очень напоминала оскал акулы с вывески кафе, — пошла по этой скользкой дорожке. Но мы всегда были дружны. Казначей Конституционной партии — полезная союзница, а я умею ценить дружбу. Мы оказали друг другу множество услуг, господин Штайнер. И когда Фрида позвонила мне и сказала, что нуждается в моей помощи, я не смогла ей отказать.

— Вы понимаете, — тихо спросил я, — что это государственная измена?

— Да. — только и сказала Адатигава, глядя прямо на меня. — Фрида так и сказала. Позавчера вечером, когда позвонила мне.

— И что ещё она сказала вам?

— Всё.

Адатигава сцепила пальцы и подалась вперед, облокотившись на стол. От её привычного хладнокровного безразличия не осталось и следа.

— Фрида рассказала мне о заговоре. — произнесла она, глядя поверх сцеплённых пальцев. — О плане убить Кисараги-Эрлиха руками «Дифенс Солюшенс». Фрида ни на секунду не верила в землян, господин Штайнер. Никто из них не верил. Ни Малкина, ни Коноикэ, ни, тем более, Сэкигахара — а она распорядилась всеми средствами. Миллион марок, который должен был пойти на оплату услуг госпожи Вишневецкой, она взяла из партийной кассы и перевела на подставной счёт: нам оставалось только забрать деньги наличными. И это была одна из наименьших статей расходов.

— Взломанный банкомат. — вспомнил я. — В Шамп-Марез. Это были вы?

— Да. — кивнула Адатигава. — Нам нужны были наличные деньги, безо всяких следов. Не тот случай, когда можно доверять электронным деньгам, господин Штайнер. А в остальных случаях Фрида пользовалась именно ими.

Я медленно сел на стуле. До меня не сразу дошло, что только что сказала Адатигава.

— Вы имеете ввиду, — вслух проговорил я, — что где-то есть доказательства причастности Конституционной партии?

— Не «где-то», господин Штайнер. — покачала головой Адатигава. — Они у меня.

Я ошалело уставился на неё. Доказательства. Денежные операции — хотя бы денежные операции, хотя бы что-то, что с уверенностью могло связать Конституционную партию с «Шевроном» и «Дифенс Солюшенс». И с убийцей.

И они были у Адатигавы?

— Фрида позвонила мне тем вечером. — видя моё замешательство, продолжила Адатигава. — Сказала, что Малкина замечает следы. Попросила меня принять копию её файлов, имеющих отношение к заговору. Расчёты, записки, даже видеозаписи. Я согласилась. — она вздохнула. — Лучше бы я отослала туда своих сестёр.

— Её компьютер был пуст, когда мы пришли туда, — проговорил я. Адатигава медленно кивнула.

— Возможно, она стёрла файлы сама. — ответила она. — Я на это надеюсь. — она снова перевела взгляд на меня. — Я хотела бы передать их вам, господин Штайнер.

Я заворуженно смотрел, как рука Адатигавы исчезает с виду и появляется вновь — уже с длинным кристаллом флешки, зажатым в кулаке. Адатигава протянула его мне. Длинный рукав платья блестел, водопадом спадая на стол.

— Почему? — только и спросил я.

— Почему? — переспросила Адатигава, приподняв бровь. — Потому что я люблю этот город и эту страну, господин Штайнер. И не имею никакого желания смотреть, как они валяются в хаос на ровном месте из-за того, что четыре года назад кому-то не досталось премьерское кресло. Причём таким способом. Это плохо для нашего дела, а я — деловая женщина. Берите же.

Я протянул руку и принял флешку, взяв её за кончик двумя пальцами. Адатигава одобряюще улыбнулась.

— А кроме того, он пытался меня убить. — будто невзначай добавила она. — Сегодня утром. К несчастью для него, после пары неприятных инцидентов я пользуюсь автоцензором. Поэтому он попытался меня зарезать, господин Штайнер. Таким же мечом, как и ваш.

— Но вы живы. — заметил я.

— Кое-что я ещё помню. — оскалилась Адатигава; её усмешка снова стала похожей на

акуюлю. — Но всё это было крайне неприятно. Поэтому найдите его, господин Штайнер. И поймите. Вам это удаётся лучше всего.

Я спрятал флешку в карман и отвёл глаза. Едва ли я смог бы сейчас поймать кого-либо — особенно сейчас, когда делом занималась Минадзуки и ГСБ, а в городе была Гвардия Гегемонии. Но я не мог сказать этого Адатигаве.

— Конечно. — вместо этого сказал я, снова оглядываясь на неё. — И спасибо, Мариэ.

К моему удивлению, бледные щёки Адатигавы зарумянились. Я тоже давно не называл её по имени.

— Всегда рада помочь тебе, Мицуру. — нежно ответила она. И в её голосе снова, как и вчера, за нежностью скрывалась печаль.

Мы стояли на разных местах, я и она. И никто из нас не был в силах это изменить.

Над домами на противоположном берегу что-то блеснуло. Секундой позже донёсся первый, слабый ещё раскат грома. С улицы донёсся гудок дождевой сирены. Закрытая биосфера орбиталища работала как часы, строго по расписанию.

Адатигава поднялась со своего места. Рукава платья опали волнами.

— Пойдёмте, господин Штайнер, — протянув руку, пригласила она. — Я подвезу вас.

По навесу над нашими головами ударили первые капли дождя.

* * *

Когда я сошёл на крыше своего дома на улице Васильевой-Островской, дождь уже лупил вовсю. Тяжёлые капли сплошной стеной падали вокруг, и я торопливо забежал внутрь, даже не оглянувшись. Меня проводил приглушённый дверью шум ливня, на мгновение заглушённый надсадным рёвом турбины взлетающего люфтбоиля.

Машина Адатигавы была одной из последних в небе Титана-Орбитального. В следующие часы город будет парализован — скован не только ночным графиком движения транспорта, но и закрытым небом. Да и ехать на троллейбусе сейчас, когда в салон набивалось в два раза больше народу, было весьма неудобно.

Лифт нёс меня вниз. В кармане моего многострадального плаща покоилась флешка, которую мне вручила Адатигава.

Доказательства. Подумать только. Их нужно будет отослать в Цитадель, и как можно скорее — а затем... а что затем?

Полдня назад забиться домой и лечь спать было единственным моим желанием.

Как давно же это было.

Лифт замер. Двери, звякнув, открылись, и я вышел в пустое парадное. В окна лестничной клетки глухо молотил дождь.

За спиной что-то тяжело грохнуло.

Я обернулся и увидел стремительно распрямляющуюся, как пружина, стальную фигуру, вдруг прыгнувшую вперед. Меч выпал из моей руки, рванувшейся к кобуре, но робот оказался быстрее.

Металлические пальцы сомкнулись у меня на горле — я захрипел — и робот играючи впечатал меня в стену, поднимая над полом. Я потянулся к кобуре, судорожно хватая ртом воздух — и живот пронзила боль: свободная рука робота врезалась мне в солнечное сплетение. Железная хватка до боли сдавила горло. Я тщетно пытался вдохнуть, но не мог. В глазах потемнело. Ноги заскользили по гладкой стене.

— ШТАЙНЕР! — донёсся голос откуда-то из темноты, и грянул гром.

Захват разжался, и я сполз по стене, судорожно дыша и хватаясь за горло.

Робот лежал посреди парадного, раскинув руки. В треугольной голове, там, где была торчащая антенна, зияла дыра. Из неё тонкой струйкой курился чёрный дым. Воняло плавленной изоляцией и компьютерием.

Минадзуки подбежала ко мне.

— Штайнер! — выкрикнула она, опускаясь передо мной на колени. Её руки схватили меня за плечи. — Штайнер!

— Кх... кх... в-валерия?.. — слабым голосом выдавил я. — от-ткуда ты...

— Не стала ждать лифта. — пояснила она. — Поднялась пешком.

— Т-тут же... кх-х-х... десять этажей... — я закашлялся. Минадзуки терпеливо придерживала меня, пока я не перевёл дух.

Страшно болело горло — каждый вдох давался мне с большим трудом. Ноющая боль растекалась по животу; ныли ещё вчера ушибленные рёбра.

— Пошли, — наконец смог выговорить я. Минадзуки помогла мне подняться на ноги. Другой рукой она подхватила с пола валявшийся там меч.

Свет в прихожей зажёгся, стоило нам войти. Кварцевые часы на стене покорно отсчитывали время: стрелки показывали начало шестого. За окнами шумел дождь. Зеркало в

дальнем конце прихожей загорелось свежими новостями и сообщениями, стоило мне подойти к нему. Одно из сообщений было от сестры.

«Мне сказали, что ты попал в больницу. Что случилось? Надеюсь, ты в порядке. Напиши мне, как только сможешь. Мицуко».

Сообщение пришло сегодня утром.

Минадзуки помогла мне снять перепачканный, мятый плащ, и усадила меня на прямоугольный пуфик возле зеркала. Меч, выпавший из моей руки в парадном, она поставила в стойку для зонтиков.

— Тебе помочь? — спросила она, кивая на мои ноги. Я помотал головой. — Тогда подожди. — не разуваясь, она поспешила на кухню; я услышал, как хлопают дверцы холодильника.

Минадзуки вернулась, держа в руках сложенное полотенце. Присев на корточки, она приложила его к моей шее. Я зашипел; саднящие ушибы обожгло льдом.

— ...Спасибо. — чуть отдышавшись, проговорил я. Минадзуки всё ещё сидела передо мной. Её руки придерживали полотенце со льдом на моей шее.

За окнами блеснуло, на секунду озарив кухню и часть большой комнаты белым светом. Грома я не услышал, но дождь забарабанил по стёклам с удвоенной силой.

— Разувайся. — попросил я.

Минадзуки подчинилась. Она поднялась, сбросив свой плащ, и повесила его на вешалку, рядом с моим. Затем она села на край пуфика, рядом со мной, и начала снимать сапоги.

Я сидел рядом, придерживая рукой полотенце на шее. Лёд таял, просачиваясь сквозь ткань, и рука была мокрой. Струйки воды стекали под ворот блузки. Наконец, я отложил полотенце и начал разуваться.

Одной рукой это было неудобно.

Минадзуки стащила и отставила второй сапог. Под сапогами она носила тонкие чёрные чулки.

— Будешь ужинать? — спросил я, оглядываясь на неё. Она улыбнулась.

— Если тебя не затруднит. — сказала она.

Я поднялся — ноги, на этот раз, меня удержали без посторонней помощи — и прошёл на кухню. Минадзуки вошла следом. На ней был чёрный жилет; под жилетом — гольф с высоким воротником. В двух кобурах на поясе были пистолеты.

Их действительно было два, зачем-то заметил я.

— Присаживайся. — предложил я и прошёл к холодильнику. Зелёное зарево «АКУЛОНа» блеснуло по ту сторону стены дождя. Открыв дверцу, я не без труда вытащил из холодильника кастрюлю и заглянул под крышку. — Хотя готового у меня только макароны...

Пакеты с овощами для борща так и лежали в холодильнике: позавчера они пришли вовремя, но мне оказалось не до борща. Я поставил оскорблённо звякнувшую кастрюлю на плиту и вернулся к холодильнику. Мясного ничего не было.

Минадзуки, привстав, наблюдала за мной. Я открыл морозильник и вытащил оттуда пластиковый пакет, как раз для таких случаев. Маркировка на боку всё ещё была зелёной. Я захлопнул морозильник и стёр изморозь с пакета.

— «Poulet Ю la Kiev», четыре штуки. — вслух прочитал я с этикетки и обернулся к Минадзуки. — А что такое «Киев»?

— Это где-то на Центавре. — Минадзуки поднялась с табурета и забрала у меня пакет с центаврийскими котлетами. — Давай, я помогу.

Я не стал возражать. С одной рукой я всё равно больше мешался, чем помогал.

Мы ели молча, под гулкой перестук капель по окнам. Выпущенная на волю стихия бушевала снаружи, срываясь шквальным ветром, отзываясь далёкими раскатами грома.

Я был очень голоден. От шницеля по-гамбургски, которым Минадзуки угощала меня в «Шпигеле», к вечеру остались одни воспоминания. Тарелки макарон и центаврианской котлеты — из куриного мяса, со сливочным маслом внутри — мне определенно показалось мало. Судя по тому, как быстро разделалась со своей порцией Минадзуки, она была того же мнения.

После второй порции я заварил чай. Минадзуки, вытирая уголки рта салфеткой, попросила кофе.

— И всё-таки. — сказал я, ставя перед ней чашку. — Что ты здесь делала?

— Искала тебя. — ответила Минадзуки и отпила из чашки. — У меня был разговор с руководством. Я сообщила им о «Дифенс Солюшенс», о землянах и о Домпроме. Обо всём, что мы обнаружили.

— И что теперь? — спросил я, усаживаясь напротив. — Что ГСБ будет делать дальше?

— Не мы одни. — чуть улыбнулась Минадзуки. — В городе теперь хозяйничает Гвардия Гегемонии. Полиция будет занята охраной общественного порядка. Фактически введено негласное чрезвычайное положение. Мы же... — она снова отпила кофе, — должны будем ликвидировать убийцу. Но ему — или кому-то ещё — совершенно необязательно об этом знать.

— То есть, вы не знаете, где он. — заключил я и отхлебнул чаю.

— Но мы знаем, где он будет. — поправила Минадзуки. — В Домпроме. Поэтому чрезвычайное положение и не объявлено, а информация о происходящем намеренно замалчивается. Перестрелка на Регенераторной, конечно, успела попасть в новости, но, как я поняла, предварительно она произошла в результате нештатного функционирования партии охранных роботов. — я поднял бровь, и она усмехнулась. — Слова вашей пресс-службы, не мои.

— Разумно. — неохотно согласился я. Один из этих «нештатно функционировавших» охранных роботов только что едва меня не задушил. Ни один робот-охранник не способен на такое.

— Выступления в Домпроме не будет. — продолжила Минадзуки. — Но об этом сообщат в самый последний момент, когда всё будет уже решено. Мы не знаем, какой информацией руководствуется убийца, но он явно не всеведущ. А значит, скорее всего, он отправится туда, куда и планировал. В Домпром.

— А Кисараги-Эрлих? — спросил я. — Он же ещё не в Титане-Орбитальном, верно?

— Премьер-министр находится на борту N1, — сообщила Минадзуки, — который сейчас выполняет манёвры для входа на орбиту Титана. Он и так должен был прибыть только завтра к полудню, поэтому его превосходительству ничего не грозит.

— Но убийца об этом не знает. — заметил я.

— Он готовит засаду. — пожалала плечами Минадзуки. — А мы, в свою очередь, готовим засаду на него. Операция будет проводиться ночью; точное время штаб сообщит позже, исходя из развития ситуации, но у нас наготове группа быстрого реагирования. На период операции она поступит в моё распоряжение.

— Допустим. — сказал я. — Но всё-таки, Валерия. Причём здесь я?

— Мне понадобится связной. Представитель от МВД. Я хочу, чтобы это был ты.

Я задумчиво откинулся на табурете, затылком упёршись в стену. Поднёс к губам чашку. И отвёл глаза.

— Почему я? — спросил я, наконец, всё ещё глядя в сторону. Почти нетронутую чашку я так и держал в руке.

— Наш уговор всё ещё остается в силе. — сказала Минадзуки. — Кроме того, нам действительно нужен будет кто-то от полиции. На всякий случай. Тебя же не отстранили от исполнения, верно?

— Я же не сдал Линзу. — проговорил я. — Но посмотри на меня. На мне живого места нет, Минадзуки. Зачем я тебе?

— Лучше уж ты, чем какая-то инспектор с завышенным самомнением. — ответила Минадзуки. — По крайней мере, тебе я доверяю.

Я обернулся. Минадзуки внимательно смотрела на меня, сцепив пальцы в замок перед собой. На её лице не было и намёка на улыбку.

— А кроме того, ты заслуживаешь быть там. — серьёзно сказала она. — Я отобрала у тебя расследование, Штайнер. В некотором роде я виновата в том, что тебя ранили. — она двинула головой в сторону моей неподвижной левой руки. — Я хочу искупить вину.

— Ты её не искупишь, если меня убьют! — выкрикнул я. — А именно это и случится! Потому что сейчас — сейчас! — меня убьёт первая же пуля! Знаешь, я на многое готов пойти ради своей работы, но становиться обузой я не хочу!!

Я замолчал, тяжело дыша. Горло, едва переставшее саднить, разболелось вновь.

Минадзуки молча смотрела на меня.

— Штайнер, — спокойно сказала она. — Ты не будешь обузой. Не больше и не меньше, чем я. А я далеко не обуза. И тебя не убьют. Ты будешь в бронекостюме. Тебя будет прикрывать спецназ ГСБ. И я.

— Об этом я и говорил! — крикнул я. — Опомнись! Что тебе важнее: поймать и прикончить убийцу или сторожить калеку-полицейского?!

— Калеку-полицейского, которому я обязана всем этим делом, всеми уликами? — спросила Минадзуки. — Которого только что попытались убить в пяти метрах от его квартиры? И убили бы, если бы я не подросла вовремя?!

Я сглотнул. Ответный выпад застрял у меня в горле.

— Ты слишком опасен для него. — отчеканила Минадзуки. — Что бы ты ни думал про себя, Штайнер, но враг не того же мнения. Он пытался убить тебя дважды. Руками Фаулер. Руками робота. Кто гарантирует, что он не попытается убить тебя в третий раз?

Она подалась вперед. Золотые глаза полыхнули огнём.

— Тебя не убьют, Штайнер. — повторила Минадзуки. — Я этого не допущу.

* * *

Свет зажгётся в большой комнате, стоило нам с Минадзуки переступить порог. Зелёные пятна «АКУЛОНа» больше не играли на крышке рояля; за стеной ливня неоновое зарево размывалось до облака кислотного-зеленого тумана.

— А у тебя здесь неплохо. — прокомментировала Минадзуки, оглядываясь по сторонам.

— У меня здесь пусто, ты хотела сказать. — бросил я, проходя в спальню. Там я задержался только для того, чтобы оставить в ящике стола Линзу, кобуру с опустевшим пистолетом и флешку Адатигавы.

Вернувшись, я застал Минадзуки разглядывающей обеденный стол на шесть персон. Слой пыли, скопившийся на нём, был чуть меньшим, чем на рояле, но мне всё равно стало неловко.

Шесть персон собиралось за этим столом только однажды, когда с Монмартра прилетели родители, а из округа — Мицуко. Гостей принимали мы вдвоём с Алисой. Не

самая правильная комбинация по сатурнианским меркам, но родители остались нами довольны.

С тех пор стол на шесть персон так и стоял нетронутым.

— Не пусто, а просторно. — возразила Минадзуки. — Потолок высокий, люстра очень интересная... и стол. Знаешь, я не ожидала увидеть у тебя обеденный стол.

— Как видишь. — неловко пробормотал я, глядя на злостный светильник в форме трёх наполовину раскрытых лепестков. Люстра разбрасывала по краям комнаты замысловатые кружева теней. — Я ничего не менял.

— Даже стол? — прищурилась Минадзуки.

— Ну, кроме стола.

Это было ужасно неловко.

Я ничего не смог возразить Минадзуки. Был я обузой или не был, но она была права. Я был слишком глубоко впутан в это дело, чтобы просто развернуться и умыть руки. Оставался только один способ. Найти убийцу. И ликвидировать его.

Минадзуки не стала говорить, что останется со мной. Это было понятно и без слов.

Из-за чего мне и было неловко.

— И рояль... — восхищённо протянула Минадзуки, обходя стол; она подошла к злостному инструменту, смахнула пыль с крышки, и запоздало обернулась ко мне: — Можно?

— Конечно. — сказал я, подходя к ней. Минадзуки приподняла крышку и откинула её, открывая ряды чёрно-белых клавиш. Она нажала на одну из них: рояль издал нерешительный звук, будто пробуждаясь от глубокого сна.

— Ты играешь? — спросила Минадзуки, оборачиваясь ко мне. Я опустил глаза, глядя на клавиатуру. Пальцы помимо воли легли на неё.

— Играл когда-то. — проговорил я. — Мне не очень нравилось.

— Тогда почему?

— Любой приличный мальчик должен уметь играть на рояле. — двинул плечом я. — Не знаю.

— Нет. Зачем держать его дома?

Я не ответил. Пальцы надавили на клавиши, и рояль зазвучал — раскатисто и неловко, заглушив дробное стаккато дождевых капель.

Минадзуки заморожено глядела на меня, а я играл — мелодию, разученную когда-то давно, в другое время, целую вечность назад. Музыка лилась из-под клавиш, чуждая и непривычная, неловкая и неоконченная.

И вдруг оборвалась.

— Не знаю. — тихо сказал я и отвернулся. Я действительно не знал.

За все эти годы я ни разу не играл на рояле.

Пальцы Минадзуки сжали мою похолодевшую ладонь. Она подошла совершенно неслышно; ноги в чёрных чулках мягко ступали по ковру. Рука легла на моё бесчувственное плечо. Золотые глаза нежно и чарующе смотрели на меня.

Я подался вперед, и её губы встретились с моими. Дрожь пробежала по всему телу, и она прижала меня к себе, крепче, чтобы никогда не отпускать, и во всей вселенной не существовало ничего, кроме её губ.

— Милостливые боги, Мицуру, — прошептала Валерия, — ты выглядишь кошмарно.

День пятый

Я проснулся.

Зеленое марево «АКУЛОНа», сопровождающее мои пробуждения, сияло неоновым заревом через плотно задвинутые шторы. Было слышно, как по окнам дробно стучит дождь.

На внутренних часах было полвторого ночи.

Я осторожно повернул голову: рядом со мной спала Минадзуки. Длинные чёрные волосы разметались по подушке. Из-под края одеяла осторожно выглядывало голое плечо. Во сне она казалась безмятежной.

Интересно, сколько мы проспали? подумал я, залюбовавшись ею. Я действительно не мог вспомнить, когда же мы всё-таки уснули. Но хорошо помнил, что до этого у нас был целый вечер.

Прекрасный вечер.

Всё случилось будто само собой. Я смутно помнил, как мы оказались сначала в спальне, а потом — в постели, и гораздо лучше помнил то, что случилось после. Валерия, белая, словно сияющая изнутри. Страсть, отчаяние и одиночество одновременно. Левая рука, лежащая безжизненным грузом.

Весь вечер я жалел, что не мог ей пользоваться.

Мы любили друг друга под шум дождя за окном, и я не мог даже оторвать глаз от неё — высокой и стройной, будто натянутая до предела струна, с чёрными волосами, которые она то и дело откидывала назад, обнажая тонкую белую шею. Я помнил, как тянулся к ней губами, касаясь алебастровой кожи, помнил её горячее дыхание над ухом, помнил, как отчаянно обнимал её, не желая отпустить и боясь потерять. Я слишком долго был одиноким. Теперь я понимал, что напрасно.

Мы разговаривали — потом, когда я лежал в её руках, уставший и без памяти счастливый, и я рассказывал Валерии обо всём. О рояле, об обеденном столе на шесть персон, о люстре, о квартире на улице Васильевой-Островской. О том, как мы в детстве жили в Среднегорском, на проспекте Марса — в том доме уже давно живут другие люди. Я говорил о Мицуко, о родителях, живущих в Монмартре, об Алисе и Канако, даже о Жюстине. И Валерия отвечала мне — я узнал, что она — старшая из трёх сестёр, что она живёт в Нойштадте, на Хопфенбахской, что она занимается плаванием и что она окончила академию ГСБ, в Монмартре — на несколько лет раньше, чем я окончил нашу Академию МВД. Мы вспоминали, чему нас учили — оказалось, что в программах двух академий было много общего. О чём-то Валерия, озорно улыбаясь, умолчала. Я не стал настаивать.

Я ведь тоже рассказал я ей далеко не всё.

Потом мы снова занимались любовью, и она ни на миг не отпускала меня, и я всё ещё отчаянно жалел, что не мог даже пошевелить своей левой рукой, и её золотые глаза провожали меня до тех пор, пока сон не поглотил меня. И нас обоих.

Пальцы Минадзуки во сне сжимали мою правую ладонь. Даже теперь она не отпускала меня.

Я действительно слишком долго был одинок. Год назад закончился наш роман с Канако — роман, продлившийся два года, после которых мы решили расстаться. Нашей дружбы это не разрушило, хотя при встрече Селезнёва порой целует меня чересчур фамильярно. Но с тех пор я так и оставался один.

Мы с Канако расстались по моей инициативе. Нас разделяла работа — с ночными дежурствами, ненормированными графиками и авралами; теми же самыми, что не оставили камня на камне от нашей с Алисой совместной жизни. Правда, госпожа Френель поняла — спустя два года, проведённых вместе, в этой самой квартире — что в отношениях с инспектором уголовного розыска есть свои нюансы, и что эти нюансы перестали её устраивать. Алисе не нужен был мужчина, ночами пропадающий на службе и работающий по двенадцать часов в сутки, и моя погоня за Акиямой только лишний раз подтвердила это.

Тогда Алиса ушла. Горечь предательства впервые толкнула меня в объятия Канако. Мы виделись нечасто, да и Фудзисаки почти всё время ходила мрачнее тучи, но это всё равно были замечательные два года.

А потом я понял, что устал.

Мы расстались. Я с головой ушёл в работу. Потом в меня стреляли в Шамп-Марезе. Ощущения были не из приятных, но тогда мне, можно сказать, повезло.

А вчера меня едва не убили. Несколько раз подряд. Мог ли я после этого оставаться один?

Наверное. Но у меня больше не было желания.

Валерия пошевелилась рядом со мной. Золотые глаза сонно моргнули.

— Мицуру, — пробормотала она. Чёрные волосы водопадом осыпались на её лицо. Я улыбнулся, пальцами коснувшись одной блестящей пряди. Отвёл в сторону, скользнув пальцами по её уху. Губы Валерии тронула улыбка. Она перевернулась на бок, всё ещё сощурилась после сна. Одеяло съехало с её плеча, и на секунду я обомлел: Минадзуки была действительно прекрасна.

Её рука коснулась моей талии, заставив меня вздрогнуть, и Валерия притянула меня к

себе. Я охотно потянулся ей навстречу.

Отстранившись от её губ, я не удержался и поцеловал её в шею, чуть повыше ключиц. Валерия только рассмеялась и отстранила меня.

— Ну-ну, — смеясь, проговорила она и, выпустив меня, села на постели. — Доброе утро, Мицуру.

— Утро, говоришь? — спросил я. — Рановато будет...

— В самый раз, — ответила она и, зевнув, сладко потянулась. Я восхищённо глядел на неё, откровенно любясь: с худыми плечами, узкой талией и узкими бёдрами Минадзуки действительно походила на струну. Вытянутая, напряженная, с мышцами, играющими под белой кожей на плечах и животе... — Я-то думала, тебя будить придется. — добавила она, глядя на меня.

— Как видишь. — улыбнулся я. Минадзуки прыснула.

— Оказывается, из меня тот ещё стимулятор. — хмыкнула она. — Слушай... ты не против, если я попользуюсь твоим душем?

— Шутишь. — ответил я. — Пользуйся, конечно. Там, за дверью. А что, очень надо?

— Ну же, Мицуру, — промурлыкала Валерия. — Потерпишь.

И, не говоря больше ни слова, она быстро коснулась моих губ и выбралась из постели. Я с ухмылкой наблюдал за её спиной, пока она прошлёпала к двери в ванную, открыла её и заглянула внутрь. Зажёгся свет.

— Великие боги!

Немногим удавалось стоически пережить знакомство с моей ванной комнатой. Учитывая, как редко я пользовался всеми её удобствами — включая джакузи — иногда мне казалось, что все это великолепие я держу исключительно с целью шокировать знакомых.

Ну, и ещё за тем, что один из выходов ведёт прямиком в прихожую.

— И ты не сказал мне об этом?! — громко поинтересовалась Валерия изнутри ванной. Выходить она не спешила.

— А ты и не спрашивала. — отозвался я. — Полотенце там... найдешь, короче.

— Всем можно пользоваться?

— Конечно всем. Хоть джакузи запускай.

Ответом мне была захлопывающаяся дверь. Несколькими мгновениями спустя оттуда послышался шум воды.

В самом деле, Штайнер, сказал себе я, в следующий раз сразу же веди гостью в ванную. В кои-то веки от джакузи будет хоть какая-то польза.

Впрочем, сегодня нам хватило и рояля. Канако до глубины души поразил стол на шесть персон, а Жюстина, разумеется, знала и про джакузи. Что, скорее всего, только укрепляло её

решимость.

Я вскочил на постели, хлопнув себя по лбу: Жюстина!!! Я же обещал ей позвонить! Ещё тем вечером! Всё вылетело из головы: и флешка, и убийца, и операция, и — самое главное! — Жюстина! Четыре, пять часов назад! Полвторого ночи!

Вот так люди друг друга и убивают, мрачно подумал я: сначала забываешь позвонить, а потом — валяешься на полу с сорока четырьмя колющими ранениями в животе, а рядом — окровавленный кухонный нож в отпечатках...

А мы потом расследуй.

Машинально я набрал номер Жюстины. Щёки порозовели. Всё забыл!

— Штайнер!! — вместо приветствия заорала на меня Фудзисаки, едва успев снять вызов. — Ты где шляешься, а?! Ты какого чёрта не отвечаешь, а, я тебе три раза звонила, какого чёрта ты себе думаешь, чем ты вообще, чёрт побери, занимаешься?!

— Извини, Жюст, — понуро проговорил я. — Я был занят. Из головы всё вылетело.

— Из головы у него вылетело! — гневно воскликнула Жюстина. — Чем это ты был занят, а?!

— Ну, сначала меня опять попытались убить... — начал я. — Минадзуки меня спасла. Это если вкратце.

— И где сейчас Минадзуки? — спросила она.

— У меня в душе. — ответил я, не видя смысла отпираться. Ответом мне было молчание. — Жюст?

— С Минадзуки, говоришь? — переспросила Фудзисаки. — Ну, прекрасно! Я прикрываю твою задницу перед Мэгурэ, полночи не сплю, держусь на кофе и остатках нервов, а ты в это время спишь с Минадзуки?!

— Извини. — виновато пробормотал я. — Так получилось.

— Не сомневаюсь, герой-любовник! — гневно фыркнула Фудзисаки. — Одного тебя оставить нельзя!.. Так ты встретился с Адатигавой?

— А! Встретился. Я тебе за этим и позвонил.

— Раньше звонить надо было. — укоризненно заметила она. — И что она сказала?

— Сэкигахара была её подругой. КП оплачивала весь этот заговор. Малкина убрала её, но она успела сбросить Адатигаве доказательства. Кстати, Адатигаву тоже пытались убить. Вчерашним утром.

— Погоди. — оборвала меня Фудзисаки. — То есть, у Адатигавы доказательства причастности Конституционной партии к убийствам?

— У меня, Жюст. На флешке.

На той стороне снова наступило молчание.

— Жюст? — переспросил я.

— И ТЫ ГОВОРИШЬ МНЕ ОБ ЭТОМ ТОЛЬКО СЕЙЧАС?! — зарычала Фудзисаки. — ДВА ЧАСА НОЧИ?!

— Я же сказал, у меня из головы вылетело! — огрызнулся я. — Мне, вообще-то, чуть шею не сломали!

— Из головы у него вылетело!.. Погоди. Ты в порядке?

Я задумчиво ощупал шею пальцами. Ответом мне была ноющая боль от ушибов.

— Жить буду. — ответил я. — Доказательства у меня на флешке. Сбросить?

— Так ты в порядке?

— Да я уже забыл, что там что-то болело! — воскликнул я. — Но неприятно.

— Кто это был?

— Робот. — ответил я. — Минадзуки прикончила его.

— Минадзуки! — фыркнула Жюстина и тут же, похоже, сменила гнев на милость: — А знаешь, стреляет она неплохо. Надо будет сказать ей спасибо.

— Скажешь ещё. Так доказательства тебе нужны?

— А ты что, в Цитадель не собираешься? — спросила Фудзисаки.

— Нет. — ответил я. — ГСБ будет устранять убийцу. Этой ночью. Минадзуки настояла, чтобы я шёл с ними.

— Это с какой радости?

— Ей нужен был связной от МВД. Она выбрала меня. А кроме того... меня уже пытались убить дважды, Жюст. Я не хотел идти, но Минадзуки настояла.

— Так она устранять убийцу собирается или тебя сторожить?

— Я спросил у неё то же самое. — ответил я.

Фудзисаки замолчала.

— И когда вы собираетесь? — спросила она.

— Понятия не имею. — сказал я. — Но лучше оставайся на месте. Отдай доказательства Мэгурэ. И спасибо, что прикрывала мою задницу перед шефом. Правда.

— Твоя задница мне и самой нужна. — хмыкнула Жюстина. — Так где там эти доказательства?

Доказательства лежали там, где я их оставил этим вечером — в одном из ящиков стола. Вытащив флешку, я включил компьютер, дождался загрузки и вставил устройство в нужный разъём — прямоугольный паз, в котором скрылась испещренная контактами часть флешки. Передо мной вылетело окно с новым обнаруженным устройством; махнув рукой, я сбросил его содержимое к себе.

— Принимай. — сказал я Жюстине. — Скажи там, чтобы сильно не пугались, когда к ним постучатся эти гигабайты.

— Там очень много?

— Не особо. Кстати, что Мэгурэ сказала про землян? И «Дифенс Солюшенс»?

— Тебе лучше не знать.

— О. Настолько плохо.

— Ну сам подумай. Шеф и так вся в мыле, а тут появляюсь я с «Автоматом» в одной руке и допросом Лефрансуа — в другой, и ставлю всё с ног на голову. — Фудзисаки тяжело

вздохнула. — Она с совещаний не вылезает. Тебе твоя Минадзуки говорила о том, что в городе творится?

— Ты насчёт Гвардии? — уточнил я. — Ну да, говорила.

— Ну вот Мэгурэ всё время с ними на связи. Там ещё Позднякова-Руссо, городовые, летуны, ГСБ и собственно Гвардия. Балаган.

— Охотно верю. А что с «Дифенс Солюшенс»?

— СПОР оттуда никто не отзывал, если ты об этом. Но там ГСБ теперь хозяйничает, так что ты лучше свою Минадзуки спроси.

— Жюст!

— А что Жюст? — переспросила Фудзисаки. — Что? Я же тебя просила позвонить? Просила? Вообще нельзя тебя одного оставлять...

— Лучше оставайся там. — сказал я. — Тебе ещё доказательства Мэгурэ преподносить.

— Ну спасибочки. — кисло проговорила она. — Давай. Жду передачи.

Я прервал связь.

В досье Сэкигахары было чуть больше десятка гигабайт, но даже у самого быстрого соединения есть пределы. Я так и стоял, следя за ползущей вперед полоской, когда дверь ванны открылась, и наружу вышла Валерия.

— Я связалась с руководством. — будто между прочим сообщила она. — Команда будет вылетать с минуты на минуту. Они подберут нас.

— Вылетать? — спросил я, кивнув на окно. Сквозь шторы тускло сияло ядовито-зелёное облако «АКУЛОНа». — Там же ливень.

— Они в транспорте. — проходя в комнату, пояснила Минадзуки. — Им не страшно. Что-то передаешь?

— Документы по Конституционной партии. — ответил я. — Так как тебе ванная?

— Восхитительно. — сообщила она. Я обернулся, чтобы посмотреть на неё, и так и замер.

Минадзуки стояла передо мной совершенно обнажённая. В бледном свете монитора она будто сияла; капельки воды, оставшиеся на её шее, на плечах, в ложбинке между грудями, блестели серебром. Чёрные волосы разметались по плечам и спине. В правой руке она сжимала полотенце. Золотые глаза озорно глядели на меня.

Она видела меня. Спутавшиеся лиловые волосы в остатках завивки, чёрные круги под глазами, шея в посиневших следах от стиснувших её стальных пальцев. Синяки на груди и боках там, куда позавчера пришились удары чужих ног. Почерневшая левая рука с плечом, перечёркнутым красной полосой рваной раны, безжизненно свисающая вдоль тела.

Адатигава была права: я выглядел кошмарно.

Но Валерию это не останавливало.

Она подошла ко мне. Полотенце упало к нашим ногам, на ковёр, и её пальцы нежно

коснулись моей гладкой щеки. Рука легла на мою талию, и она прижалась ко мне всем телом, заставив меня задрожать. Влажная кожа была горячей на ощупь.

— Я так поняла, — восхищённо выдохнула Минадзуки, — что это для меня?

— Конечно, — пробормотал я, сразу поняв, что она имела ввиду. — А что?

* * *

Душ мы принимали вдвоём. Странно, но после вчерашнего дня и четырёх часов сна я чувствовал себя необычно бодро.

Видимо, я уже забыл это чувство.

Рука начала подавать признаки жизни, когда мы вышли из душа. Признаки жизни на проверку оказались резкой болью в плече. Минадзуки пришлось нести мне обезболивающее: баночка с таблетками лежала у меня в кармане плаща.

Я торопливо проглотил таблетки, кривясь от боли, и укоризненно глянул на стоявшую надо мной Валерию. На этот раз она завернулась в полотенце.

— Видишь? — просипел я. Она пожала плечами:

— Вижу. Но это не проблема. — только и сказала она. — Ты когда-нибудь носил бронекостюм, Мицуру?

Я недоуменно заморгал. Отрицательно мотнул головой. Когда-то я носил бронежилет, но это было очень давно — ещё в бытность лейтенантом. В день знакомства с Адатигавой.

Тот день тоже завершился в постели.

— А придётся. — заверила меня Валерия.

Ей пришлось помочь мне одеться. Одной рукой я вряд ли мог хоть что-то сделать без посторонней помощи. Руку, ещё отзывавшуюся резкими уколами боли, Минадзуки уложила на новую перевязь. Помогла мне накинуть плащ на плечо.

Я не стал надевать свой светлый плащ — после вчерашних мытарств он годился разве что в переработку. Вместо этого я выбрал другой плащ, тёмно-серый; тот самый, в котором я был в ночь убийства Вишневецкой. Он выглядел приличнее всех.

Табельный пистолет Симоно так и остался лежать в ящике стола вместе с кобурой. От него было больше вреда, чем пользы.

Перед уходом я вытащил из стойки для зонтиков меч. Перехватил его поудобнее за ножны. Валерия удивленно посмотрела на меня, но не сказала ни слова.

Я действительно не умел пользоваться мечом. Эпоха Клериссо, когда сатурнианки дрались на дуэлях, а полицейские ходили с мечами, давно минула. Умение обращаться с мечом больше не было обязательным, и хотя я знал, за какой конец его держать, пользы от этого было немного. Кроме того, я обещал Жюстине не геройствовать с мечом.

И всё же я взял его с собой. Вчера меч оказался весьма убедительным доводом.

— Команда уже прибыла. — сообщила Минадзуки, пока мы ждали лифт. Я кивнул и отвернулся в сторону: там, раскинув руки, всё так же лежали останки робота-убийцы. Чёрный дымок больше не тянулся из дыры в его голове, но в воздухе всё ещё висел едкий запах плавленого компьютерония.

Я отвернулся.

Лифт поднял нас к посадочной площадке на крыше. По стеклянному куполу пустого парадного молотил дождь. Ночное небо над головами было иссиня-чёрным. Стеклопанельная выходная дверь расступилась перед нами, и мой плащ рванулся с порывом ветра, ударившим нас в лицо.

Посреди площадки, расставив посадочные лапы шасси, стоял транспорт. Старший брат люфтмобиля чёрной тенью выступал из стены дождя, раскинув в стороны импеллеры двух подъёмных вентиляторов. Точно такой же транспорт вчера поддерживал с воздуха бойцов ОВНП на Регенераторной; но тот был бело-синим, с крупными надписями «ПОЛИЦИЯ» на обоих бортах, а на этом транспорте не было даже бортового номера. Что уже грубо нарушало правила воздушного движения.

Я не сразу разглядел пять серых теней у транспорта. Только когда одна из них приблизилась, я понял, что это была человеческая фигура — одетая в бронекостюм дымчатого, серо-синего камуфляжного оттенка. Прозрачный штурмовой визор на шлеме был откинут наподобие козырька; лицо под шлемом скрывала чёрная полумаска. Тёмно-синие глаза скользнули по мне цепким взглядом.

— А, это вы. — сказала фигура. — Ребята, отбой, это госпожа советник с инспектором пришла.

Позади неё, в открытом бортовом люке вертолётки, я сумел разглядеть ещё несколько других фигур в похожем снаряжении. Спецназовец, тем временем, кивнула Минадзуки и обернулась ко мне:

— Вы инспектор Штайнер? — поинтересовалась она и протянула руку, затянутую в перчатку бронекостюма; я пожал её. — Спецназ ГСБ, к вашим услугам. Зовите меня Королевой.

— Очень приятно, — машинально пробормотал я. Королева была с меня ростом, и это было всё, что я мог сказать о её внешности. Пропорции её фигуры искажал бронекостюм —

похожий на те, что я видел на складе «Дифенс Солюшенс» и вчера, на бойцах ОВНП; но судя по очертаниям, спецназ ГСБ носил бронекостюм другой модели.

Шлем, мало похожий на сферические шлемы СПОР; прозрачный козырёк штурмового визора выглядел на нём запоздалым дополнением. Ремешок шлема был расстёгнут и свободно болтался сбоку. Тело защищал угловатый нагрудник с высоким воротником; поверх него был натянут разгрузочный жилет. Плечевые приводы экзоскелета, скрытые наплечными пластинами делали фигуру Королевы шире в плечах; так же широко раздавались и бёдра бронекостюма. Искусственные мышцы приводов выглядывали из-под броневых плит. Через правое плечо был перекинут ремень штурмового карабина; пистолет торчал из кобуры на боку нагрудника.

— А вы, я вижу, во всеоружии. — хмыкнула Королева, оглядывая меня с ног до головы. — У вас хоть пистолет есть, господин инспектор?

— Он всё равно бесполезен. — двинул плечом я. — Я пробовал.

— Ну, меч вам весьма кстати. — добавила Королева. — Отдел оперативного планирования присвоил нашей цели кодовое обозначение. «Ороти». Узнаёте, господин инспектор?

Я кивнул. И хотя я не совсем понимал логику такого обозначения, я живо вспомнил школьные ещё уроки культуры. Ямата-но-Ороти — восьмиглавый змей из земных легенд, хитростью сражённый богом ветра Сусаноо. Большинство сатурнианских мифов было позаимствовано с Земли. Даже наши боги когда-то были земными.

Как и убийца.

— Королева, — настойчиво осведомилась Минадзуки, — нам ещё долго стоять под дождём?

— Да мы, госпожа советник, только вас и ждали... — протянула Королева и жестом пригласила нас за собой. — Носили раньше бронекостюм, инспектор Штайнер?

— Как-то не пришлось.

— Ничего, — заверила меня Королева, — вы быстро освоитесь, там всё просто. Прошу. — она кивнула на опущенную аппарель транспорта и десантный отсек, откуда за нами наблюдали остальные четверо бойцов. Двое сидели, вытянув ноги и положив оружие поверх колен; ещё две подпирали переборки.

Их было меньше, чем я ожидал. Пять человек — маленький отряд. Даже, наверное, слишком маленький: в отрядах ОВНП и то было от десяти человек бойцов.

Видимо, спецназ ГСБ обходился половиной этого числа.

— Ребята, знакомьтесь, — объявила Королева, — это — инспектор Штайнер, вы про него уже слышали, — на этом месте я чуть не поперхнулся: и когда только успели? — Инспектор, познакомьтесь: команда Два-Один, группа быстрого реагирования ГСБ, — она поочередно представила всех четверых. — Бланк, Мидори, Ранис и Эмиль.

— Доброй ночи, инспектор, — учтиво ответила Ранис; это она подпирала переборку у самого люка, скрестив руки на груди. Карабин свисал вдоль туловища на ремне. Мягкий голос Ранис звучал удивительно неуместно для человека в бронекостюме. — Вы летите с нами?

— Госпожа Минадзуки настояла. — слегка склонил голову я. Ранис понимающе кивнула.

— Инспектор Штайнер здесь в качестве нашего связного с МВД. - сообщила Валерия. — Поэтому я и настояла на его присутствии.

— А на цель он с нами тоже пойдет? — подала голос сидевшая слева Бланк; её Королева представила первой. Ничего особенного в её виде я не заметил, но свободной рукой Бланк придерживала длинный ствол лёгкого пулемёта, стоявшего рядом.

— Разумеется. — не поведя бровью, ответила Минадзуки. Я закатил глаза. Чего-то такого я и ожидал.

— Великие боги. — произнесла Бланк. — Так это для него мы тащили второй комплект?

— Ну. — только и сказала Королева. — Не для тебя же.

— А он хоть носить его умеет?

— Научится. — только и сказала Королева и добавила: — Кстати говоря, Ранис, ты только что вызвалась добровольцем.

— С чего это?

— С того, что я так сказала. Поможешь инспектору надеть костюм.

— Да ну... — фыркнула Ранис, но отклеилась от стены. — Инспектор, давайте сюда.

Двое спецназовцев торопливо поджали ноги, давая мне пройти вглубь десантного отсека. Я сразу заметил два белых контейнера размером примерно с человека, принайтованных к полу чуть поодаль. Ранис подошла к правому из них, нащупала рычаг выпуска; раздалось шипение, и контейнер распахнулся. Костюм безжизненно покоился внутри — скорлупа, подвешенная на раме, точь-в-точь как на складе «Дифенс Солюшенс».

— Снимайте плащ, — тоном лечащего врача распорядилась Ранис, оглядывая бронекостюм. — Раньше носили?

— Не приходилось. — и я уже начинал жалеть об этом. Я протянул меч Минадзуки, — она усмехнулась, но приняла его, — и стал выбираться из плаща. Сделать это с одной рукой было далеко не так просто.

Ранис вдруг обернулась ко мне и остолбенела. Глаза, выглядывавшие из-за полумаски, округлились:

— Вы что... — она осеклась; плащ спал с моих плечей, открывая её взгляду мою левую руку, покоившуюся на перевязи. — Что у вас с рукой?

— В меня стреляли. — ответил я.

— Болит?

— Иногда.

— Эй! — крикнула Ранис, обернувшись к остальным членам команды. — Почему мне никто не сказал, что инспектор ранен?

— Действительно. — проговорила Королева, быстрым шагом подходя к нам. —

Инспектор, что с вами?

— В меня стреляли. — повторил я. — Позавчера. Немного зацепило.

— Из чего? — спросила другой спецназовец — та, которую Королева представила как Мидори. — Огнестрел?

— Кинетическое. — сухо поправил я. Желудок скрутило. — Мне повезло.

Мидори присвистнула.

— Дай я помогу. — требовательно заявила она, обращаясь к Ранис. Та пожала плечами.

— Пожалуйста. — только и сказала та и добавила: — Руку всё равно придётся переложить.

* * *

Я никогда раньше не надевал бронекостюм. Ощущение было необычным.

Доспех раскрылся, как устрица, и Ранис с Мидори надели его на меня: сначала нижний пояс конечностей — поножи, наколенники и набедренные щитки; затем панцирь нагрудника; и только затем — безжизненно обвисший позади нагрудника верхний пояс конечностей. С левой рукой пришлось повозиться отдельно. Левую перчатку, вместе с приводившей её в движение частью экзоскелета, было решено отстыковать; вместо неё моя левая рука по локоть скрылась за новой перевязью, прочно пристёгнутой к нагруднику. Левое плечо неприятно отзывалось болью, пока руку двигали, пристраивая поудобнее, но в итоге Ранис и Мидори остались результатом довольны.

Экзоскелет обхватывал меня по всему телу — ноги, бёдра, пояс, грудь, плечи; теснее всего это ощущалось правой рукой, одетой в перчатку, поверх которой бежали тонкие — но очень прочные — приводы экзоскелета для каждого пальца. Поверх них шел набор из отдельных защитных пластин, превращавших тонкую перчатку в подобие латной рукавицы. На ногах экзоскелет, наподобие стремян, защёлкивался вокруг ботинок. Убедившись, что экзоскелет надёжно закреплен (или, наоборот, что я надёжно закреплен в экзоскелете), Ранис и Мидори надели на меня наплечники, скрывая плечевые приводы. Я огляделся: плечи, скрытые бронекостюмом, казались непривычно массивными.

— Не вертитеесь. — строго приказала Ранис. — Шлем.

Шлемом дело не обошлось; сначала шёл шейный пояс — жёсткий воротник, тоже бывший частью экзоскелета, обхвативший не только мою шею, но и подбородок, челюсть и скулы. Вместе с ним были подогнаны наушники, обхватившие уши. Только затем Мидори подала последнюю деталь облачения: шлем.

Он опустился на мою голову как влитой — я затылком почувствовал, как подкладка шлема расходится, чтобы удобнее обхватить голову. Казалось, что вместе с шейным поясом

шлем образовывал единое целое, оставляя открытым только моё лицо. На краю зрения мигнуло новое устройство; я движением глаз подтвердил его. Перед глазами возникла и пробежала полоска загрузки с незнакомой эмблемой, и в поле зрения рассыпались незнакомые пометки и иконки.

— Подсветку видите? — спросила Ранис, помахав рукой перед моим лицом; её рука, как и вся она, была по контуру очерчена зеленым. Вдали мерцали силуэты Королевы и остальных, за исключением Минадзуки: Валерия почему-то очерчивалась белым.

— Вижу. — ответил я. — Что это?

— Система распознавания. — ответила Ранис. — Неизвестные цели подсвечиваются белым, условно-враждебные — жёлтым, открыто враждебные — красным. И да, по зеленому выстрелить невозможно; оружие просто откажется стрелять. — она протянула руку, пальцами держа отстёгнутый ремешок для подбородка. — Забрало опускается само, но только с застёгнутым ремешком, поэтому когда услышите команду — сразу же пристёгивайте ремешок, вот так, — она показала, как; в углу зрения замигала зеленым незнакомая иконка, — и опускайте забрало. Сразу же включится система ЯХБНЗ...

— Чего, простите?

— Ядерной-химической-биологической-нанологической защиты. Дыхательная маска.

— О.

— В забрало встроены прибор ночного видения и тепловизор. Переключаются... ну, там сразу видно, как. Раньше пользовались?

— Было дело. — действительно; это был первый и последний раз, когда я добровольно лазил в технические туннели под Штеллингенем. Было темно, душно и тесно, но Санникову я в конце концов догнал — и, в итоге, успешно посадил в банку на четыре года, один из которых ей, должно быть, дали за изобретательность.

— Значит, с этим проблем не возникнет. — кивнула Ранис и отступила назад — полюбоваться творением рук своих. — Знаете, инспектор, вам идёт.

— Спасибо. — только и ответил я.

Ранис задумчиво повернулась на каблуках.

— Королева, — громко осведомилась она, — инспектору оружие положено?

— У него меч есть. — фыркнула в ответ Королева. — Но да, выдайте ему что-то.

— А что? Он же с одной рукой.

— Погодите. — вмешалась Минадзуки. Подойдя ближе, она вытащила один из пистолетов из кобуры и протянула мне, рукоятью вперед. Я неловко протянул руку; пальцы сомкнулись на рукояти даже чересчур энергично. К моему удивлению, в латной перчатке бронекостюма пистолет сидел, как влитой. В поле зрения справа вдруг возник каскад баллистических данных, а ровно посередине — точка прицела.

— Спасибо. — снова сказал я. Бронекостюм определенно начинал мне нравиться.

— Пожалуйста. — улыбнулась Валерия. Я усмехнулся в ответ и опустил пистолет; баллистика и прицел исчезли.

— О, отлично, госпожа майор. — обрадовалась Королева. — Только с одним условием, инспектор: держите голову пониже и не геройствуйте. Нас тут пять человек, мы и сами справимся, а вы ещё и с одной рукой. Ничего личного. — добавила она.

— И в мыслях не имел. — честно сказал я.

Соваться под пули мне не хотелось даже в доспехе. Перед глазами вдруг предстало разорванное плечо лейтенанта Кюршнера, с оборванными мышцами экзоскелета и кровавым месивом там, где только что была его рука. Я до боли закусил губу, и видение исчезло.

Валерия встревожено глянула на меня. Я помотал головой.

— А меч куда? — подала голос Мидори. В руках она держала самого виновника торжества. — С таким только на змея ходить...

— Повесим на пояс. — решила Ранис. — Только с одним условием, инспектор: не вытаскивайте его из ножен, прошу вас.

— И не собираюсь. — заверил её я.

Как оказалось, на поясе бронекостюма было предусмотрено специальное крепление для ножен. Меня это не удивило: военные любят свои мечи — почти метровые досэй-гунто — настолько, что предпочитают не расставаться с ними. Даже в боевом облачении.

— Вот, теперь всё. — удовлетворенно провозгласила Ранис. — Инспектор, вы пройдитесь немного, мало ли что.

Я кивнул и сделал шаг вперед. Мне торопливо пришлось отставить руку; шаг получился чересчур размашистым, и я едва не потерял равновесие. Мидори торопливо подхватила меня за левое плечо.

К экзоскелету надо было приноравливаться, понял я, сделав ещё два шага: его присутствие никак не ощущалось, из-за чего обыденные движения получались слишком мощными. Понемногу освоившись, я отстранил поддерживавшую меня Мидори (без неё я бы уже несколько раз подряд растянулся на полу) и вышел из транспорта Подошвы стремян бронекостюма гулко ударяли об плиты посадочной площадки.

Дождь барабанил по куполу шлема на голове, султанами брызг рассыпался об наплечные пластины. Я прошёл по крыше, приноравливаясь к ощущениям, несколько раз согнулся и присел — гибкие пластины нагрудника на животе ничуть не сковывали движений — а затем поднялся и обернулся назад. Спецназовцы ГСБ внимательно наблюдали за моей странной прогулкой.

Плечо совершенно не болело.

— Ну, инспектор, — зазвучал в наушниках голос Королевы, — Как самочувствие?

— Как у сказочного самурая Ильи Муромца. — не моргнув глазом, ответил я. Ответом мне был смех; шутка, похоже, удалась.

Но я не шутил.

— Отлично, — отсмеявшись, сказала Королева. — Давайте обратно, мы скоро взлетаем.

* * *

— Центр, это Два-Один, мы в воздухе, направляемся по курсу к Дому Промышленности приём.

— Два-Один, Центр, вижу вас на экране. Удачного полёта, отбой.

— Вас понял, Центр, спасибо. Отбой.

Транспорт чёрной тенью взмыл с крыши, навстречу дождю; его шум начистую заглушал гул подъёмных вентиляторов. Взлёт, висение и полёт сложились в один росчерк, и машина устремилась вперед, навстречу крышам Меако и башням Инненштадта.

Машину вёл Эмиль. В команде, как оказалось, он был единственным мужчиной. Рядом с ним, в кресле второго пилота, развалилась Королева. В её позе действительно было что-то величественное.

— Волнуетесь, инспектор? — спросила она, откинув голову назад. Я держался рукой за сетку на потолке кабины, будто за ручку в метро.

— Немного. — признал я.

— Расслабьтесь. — посоветовала Королева, складывая руки за головой и откидываясь на сидении; для полноты картины ей оставалось только водрузить ноги на приборную панель. — Эмиль водит всё, что движется, он в некотором роде виртуоз... Ну, кроме драгунов и истребителей, но космический корабль угнать, например, может.

— А приходилось? — спросил я.

— Пару раз. — пожала плечами Королева.

Из прохода между кабиной и десантным отсеком выглянула Минадзуки. Как и я, она тоже облачилась в бронекостюм, но без посторонней помощи. Мне показалось, что для неё это было не впервой.

— Королева, — сказала она, подходя ближе. Её рука, словно невзначай, коснулась моей спины — пускай и скрытой плитами доспеха. — Ты не забыла, что инспектор Штайнер здесь в качестве связного?

— Есть немного. — безынициативно ответила Королева и ткнула за спину большим пальцем: — Рация там. Шнур воткнёте и она в вашем распоряжении... господин инспектор.

— Спасибо. — сказал я. Королева только фыркнула.

— Обращайтесь. — сказала она.

Минадзуки помогла мне отыскать рацию — она оказалась посреди прохода между кабиной и десантным отсеком. Сидевшая у люка Бланк обернулась при моем приближении — из-под маски глянули карие глаза — и привстала было, чтобы помочь; но, заметив позади меня Валерию, тут же села на место. Я покачал головой.

— А ты их пугаешь. — опустившись на сидение, написал я. Валерия весело поглядела на меня.

— Они меня уважают. — поправила она. — Мы с Королевой давно знакомы. Несколько раз работали вместе.

— О.

— Я бы рассказала, но у тебя нет допуска. — виновато улыбнулась она. — Разъём для шнура у тебя на плече.

— Где? А, вот, нашёл, — пальцами я нащупал заглушку на плече бронекостюма и вытянул её наружу и вверх. Воткнул штекер рации в разъём. Справа в поле зрения возник значок связи — вместо моего ассистента все мои вызовы теперь шли через рацию.

— Вроде работает. — вслух сказал я. — Это защищённый канал?

— Обижаете! — раздался из кабины голос Королевы. Минадзуки пожала плечами.

— Слыхал? — спросила она. Я покачал головой и обернулся к загоревшемуся передо мной пульту.

Связной... но я понятия не имел, с кем мне полагается связываться. С диспетчерской? От диспетчерской сейчас больше вреда, чем пользы; да и Королева и её подчинённые, похоже, и сами знают путь. Мэгурэ? Да, шеф, пожалуй, заслуживала отдельного рапорта. Я поднёс руку к пульту, тронув панель настройки... и набрал номер Фудзисаки.

Она ответила не сразу. Я уже начал недоумевать, что случилось, когда в наушниках раздался её голос:

— Штайнер? Ты где?

— Где-то над Инненштадтом. И то же самое я хотел спросить у тебя.

— С чего тебе... а, чёрт. Это защищённый канал? — спросила Жюстина и тут же продолжила: — Прямо сейчас я трясусь в броневике с отрядом кидотаев, где-то в Меако. Казанцева-Мунэмори тоже здесь. — пауза, — Передает тебе привет. — ещё пауза, — Кажется, мы только что чуть не протаранили омнибус.

— Который омнибус? — машинально спросил я. — Что ему там делать-то в два часа ночи?

— А я знаю? В этой штуке нету окон, знаешь ли. — фыркнула Фудзисаки. — Двести третий, наверное, мы тут такими задворками едем... не Гершельштрассе, чай.

— Куда вы едете-то? — уточнил я.

Жюстина вздохнула.

— Это точно защищённый канал? — спросила она.

— Обижаете. — сообщил я. — Так что случилось?

— Досье Сэкигахары случилось. — без обиняков ответила Жюстина. — Мэгурэ отправила меня брать Конституционную партию.

— Ого. — только и сказал я.

— Именно это я и сказала.

— А городские причём?

— Настояли. Мэгурэ с ними на проводе, не забыл? Кроме того, кидотаи — только у них. Не патрульных же с собой брать. — пауза. — Лефевр тоже здесь. В отдельной машине и на седьмом небе от счастья.

— Не сомневаюсь. — хмыкул я. — Автомат при тебе?

— Обижа-а-аешь. — протянула Жюстина. — Так я его кому-то и отдам, он мне самой нужен!

— Ага. А про меня Мэгурэ что-то сказала?

— Много лестного. — ответила Фудзисаки. — Особенно когда слышала про «связного от МВД»... Тебя с ней соединить?

Я призадумался. Говорить с шефом всё ещё очень не хотелось. Но некоторые вещи делать приходится. Да и хороший же из меня связной, если я не разговариваю с собственным начальством!

— Соединяй. — разрешил я. — И, Жюст?..

— М?

— Будь осторожна. — попросил я.

— Буду. — серьёзным тоном пообещала она. — Отбой.

В наушниках раздались короткие гудки. Затем несколько раз щёлкнуло — в эфире раздались чьи-то голоса, сильно искажённые помехами. Затем гудки оборвались, и послышался голос Мэгурэ:

— Штайнер?

— Здесь, шеф.

— Не стану спрашивать, откуда у тебя это досье, — сообщила Мэгурэ, — но ты молодец. Хвалю. А теперь, будь так добр, поясни: что это за дела со «связным от МВД», и почему я узнаю об этом в последнюю очередь? Да ещё и от Фудзисаки?

Я объяснил.

— Вот оно что. — выслушав меня, протянула Мэгурэ. — Ну, если так, то госпоже советнику, конечно, виднее... Продолжай, Штайнер. И только попробуй ударить в грязь лицом перед особистами, ты понял меня?

— Вас понял, шеф. — ответил я. — Всё будет сделано в лучшем виде.

— Поймай этого гада. — неожиданно резко сказала Мэгурэ. — Удачи.

Она отключилась. Я покачал головой.

— Что-то не так? — спросила Валерия, подходя ко мне.

— Мэгурэ. — пожал плечами я. — Отправила Жюстину брать Конституционную партию. С поличным.

— Твоё досье? — уточнила Минадзуки. Я кивнул. — Интересно, что в нём такого...

— Не знаю. — честно ответил я. — Я его даже не читал... Времени не было.

Валерия усмехнулась. Пальцы в латной перчатке экзоскелета нежно коснулись моей

щеки. Я улыбнулся в ответ, откинув голову назад...

— Престол — Два-Один, внимание, — раздался вдруг незнакомый голос в наушниках. От неожиданности я подскочил в кресле, уставившись на вспыхнувший пульт рации. — Маршрут чист, повторяю — чист. Начинайте заход, как поняли, приём.

— Два-Один — Престолу, — заговорила Королева; её слова эхом зазвучали у меня в наушниках. — Доложите состояние цели, приём.

— Престол — Два-Один, состояние цели неизменно. Прорывов не обнаружено. Можете начинать заход, приём.

— Вас поняли, Престол. Начинаем заход. Отбой. — объявила Королева. — Эмиль, сворачивай.

Минадзуки перегнулась через моё сидение, протянув руку к рации. Её брови хмуро сдвинулись.

— Не нравится мне всё это. — пробормотала она. Я недоуменно посмотрел на неё.

Транспорт развернулся, зависнув над мостом Инненштадтбрюке, и полетел вверх, в сторону Меако. Впереди замаячили два корпуса Тидая — каменные башни, высившиеся над зелёными крышами города, расплывавшиеся за стеной дождя. Ярko светились алыми угольками габаритные огни на старой телевышке на крыше Домпрома; из-за главного корпуса университета выглядывала только верхняя часть его серой железобетонной громады.

Пальцы Валерии пробежали по панели, и та изменилась; вместо настройки рации появилась схема Меако и Нойштадта с горящими пурпурными точками разных размеров. Подразделения Гвардии, сразу понял я; они окружали вытянутый овал площади Единения. Цепь постов, отрядов и дронов, расположившаяся посредине Центрального парка. Отряды на улицах Устиновой и Новоуниверситетской. Гвардейцы перекрыли проспект Единения, уходящий вверх и вниз от площади, и двухстороннюю запятую Тангейзерштрассе — улицы Тангейзера, огибавшую площадь позади. За первым кольцом оцепления шло второе; особенно крупными были пурпурные пятна на Театральной площади, в двухста метрах от площади Единения, и возле метро «Прспект Единения». Другие точки — резервные подразделения Гвардии — ожидали на Адмиральском бульваре и площади Накагё.

— Все на месте... — пробормотала Валерия, рассматривая карту, и вдруг протянула руку к рации: — Престол, ответьте, приём.

— Говорите, Два-Один. — раздался ответ диспетчера Гвардии.

— Вы проверяли здания номер 1, 7 и 8 по площади Единения и здание ЗакСа по проспекту Единения на предмет вражеских боевых единиц? Приём.

— Так точно, — ответил Престол после длительной паузы. Я смотрел на то, как стрелка нашего транспорта на карте минует угловой дом на улице Лоншамбон 55/2, шедшей параллельно проспекту Единения. Площадь Накагё, с башней горадминистрации, должна была быть по левому борту от нас. — Вражеских боевых единиц в зданиях номер 1, 7, 8 по площади Единения не обнаружено. Вражеских боевых единиц в здании ЗакСа не обнаружено. Как поняли, приём?

— Вас поняла, Престол. — сказала Минадзуки. — Вы проверяли здания номер 1, 7, 8, а также здание ЗакСа, на предмет дружественных сторожевых единиц? Приём.

— Так точно. Все сторожевые единицы в зданиях номер 1, 7, 8, а также здании ЗакСа, находятся в полной комплектации согласно разрешительным документам. Все они были отключены на время проведения операции. Приём.

— Вас поняла, Престол. — повторила Минадзуки и задумалась. Её пальцы постукивали по панели рации. — Отбой.

— Что-то не так? — спросил я. Перегнувшись через меня, Валерия прижимала меня к сидению; это была бы интересная поза, не будь мы оба в бронекостюмах. Расстёгнутый ремешок её шлема болтался, как маятник, вперед-назад.

— Да. — процедила Минадзуки, глядя на стрелку на карте, уже приближающуюся к Театральной площади. — Мне это не нравится.

— Слишком тихо? — уточнил я. Валерия кивнула. — Но он, — Ороти, — он ведь и не должен подозревать о том, что мы рядом. Поэтому мы и дали крюк мимо Инненштадта, нет?

— Вообще да, — признала Минадзуки, — Но я бы предпочла перестраховаться. Не нравятся мне эти здания... — она замолчала. — Ты помнишь, сколько оружия исчезло со склада?

— Полторы сотни. — тут же сказал я. — Примерно. А что?

— Мы ведь не знаем, скольких роботов он позаимствовал, правильно? — спросила Минадзуки и, не дожидаясь ответа, оттолкнулась от рации и выглянула в кабину. — Эмиль?

— Да, госпожа советник?

— Курс на два часа. — приказала Валерия. — Постоянно держать площадь в прицеле.

— Да, госпожа советник.

Транспорт начал разворачиваться в воздухе; в отличие от люфтомобилей, крупные аппараты замечательно летают боком. Эмиль расставил импеллеры машины, задрав один выше, а другой — ниже, и на лобовом экране вдруг распахнулся, вынырнув из-за домов, широкий променад площади Единения. Я удивился, насколько тёмным он был: на площади отключили всё освещение.

— Теперь вперед. — приказала Минадзуки. — Два-Один — Престолу; мы над площадью, приём.

— Престол — Два-Один; вас понял. Всё чисто, продолжайте.

Я оглянулся на карту. Стрелка транспорта прошла над зданием ЗакСа, пересекла проспект Единения и была уже на площади. Нас едва ли было слышно в шуме дождя, видимость была не из лучших, а если бы у Ороти и его роботов был противоздушный радар — это гораздо упростило бы нашу работу. Дыру в фасаде, оставленную ракетой «воздух-земля», Домпром без труда пережил бы.

Но расслабляться нельзя было.

— Пять минут до высадки. — объявила Королева. — Готовьтесь.

В десантном отсеке началось движение; спецназовцы отстёгивались от сидений и проверяли оружие. Я вытянул из кобуры пистолет Минадзуки и задумчиво повертел его в руках; передо мной тут же появилось окно баллистических данных и точка прицела. Так я даже мог во что-то попасть, держа тяжёлый пистолет одной рукой. До тех пор, пока у меня не закончатся заряды.

Меч свисал с пояса. По крайней мере, он не цеплялся за кресло. Плащ, аккуратно сложенный, лежал у меня за плечами. Мне пришлось потянуться рукой за спину, чтобы нащупать его.

Левая рука, неподвижная в перевязи, ничем не напоминала о себе.

Протяжный визг предупредительного сигнала резко ударил по ушам, заставив меня подскочить в кресле.

— Ракета, пять часов!!! — выкрикнул Эмиль и бросил штурвал в сторону. Транспорт накренился на левый борт; я чуть не вылетел из сидения, схватившись за лямку на потолке. В кабине пылало ярко-алым. Предупредительный сигнал завизжал громче.

Раздался оглушительный чихающий звук, и транспорт трянуло; сирена замолчала. И тут же заревела вновь.

— Восемь часов!!! — транспорт рванулся в сторону, снова чихнув. Сирена теперь редела постоянно. — Нас освещают лазерами, шесть источников!!!

— Так найди мне их!!! — зарычала Королева. Транспорт замотало из стороны в сторону и рвануло вверх; Эмиль резко набрал высоту. Нос машины развернулся в сторону одного из домов — высокой башни в углу площади, напротив сквера. Лобовой экран вспыхнул красным; его целиком заполнила белая рамка вокруг стремительно растущей яркой точки. И не одной.

Ракеты, отрешенно подумал я, ракеты. Противотанковые ракеты.

Эмиль смахнул ещё две из них; чихающие звуки оказались выстрелами активной защиты, сбивавшей ракеты на подлёте. Он рванул штурвал вправо, и ещё две ракеты ушли мимо, не сумев поймать слишком быструю цель. Палуба под ногами вздрогнула; зажужжал, разворачиваясь, лафет пушки.

Транспорт выстрелил. Очередь разорвала ночное небо, врезаясь в фасад дома по диагонали, на уровне верхнего этажа. Наружу брызнуло облако дыма и пыли.

— Четыре часа!!! — заорала Королева.

Транспорт развернулся, не прекращая стрелять. Активная защита кашлянула ещё несколько раз, и с экрана исчезло ещё две ракеты. Очередь ушла в молоко; снаряды исчезли где-то в небе. Ещё один разворот — протяжный вой сирены — и машина камнем рухнула

вниз, пропуская новые ракеты над собой.

Разворот. Подъём. Очередь. Чихающий выстрел активной защиты. Фюзеляж затрясло; одна из турбин вдруг загремела и загрохотала.

И затихла.

— Не дотянем! — выкрикнул Эмиль, перекрывая гудение приборной панели и завывания сирены. — Теряем высоту!!

— А-а-а, блядь, сажай нас! — заорала в ответ Королева. — САЖАЙ!!!

Транспорт, дрожа и дёргаясь всем фюзеляжем, резко пошёл вниз. Натужно завывла оставшаяся турбина, пытаясь замедлить падение, но заглохший импеллер из подспорья превратился в обузу, не давая выровнять транспорт. Я поймал испуганный взгляд Минадзуки; она отчаянно держалась за сетку на потолке и широко расставила ноги, стараясь не упасть и не размазаться по соседней переборке.

Я выдернул штекер рации из разъёма и схватился рукой за петлю сетки, пытаюсь встать, и тут сирена оглушающе заревела.

В транспорт словно ударило огромным молотом, швыряя машину в воздухе, как детскую игрушку. Меня сорвало с ног и швырнуло в переборку; левая рука вспыхнула ослепительной болью. Я заорал и не услышал собственного крика в рёве сирен и протяжном свисте воздуха вокруг. В ноздри ударил запах озона.

— ...ыгать!!! — раздался в наушниках голос, — ВСЕМ ПРЫГАТЬ!!!

Транспорт накренился, и я распластался на потолке. Минадзуки оказалась рядом: она что-то кричала, хватаясь за сетку, но я не слышал её. На лобовом экране кабины была статика и пылающее агатовое зарево тревоги, свист всё усиливался, и за ним не было слышно даже сирен и рации.

— Шлем!! — закричала Минадзуки. — ШЛЕМ!!!

Шлем?! Я схватил болтавшийся ремешок, неумело застегнул его и моргнул, захлопывая забрало. Свист ветра, запах озона и шум оставшейся турбины как ножом отрезало.

А затем транспорт камнем ударился об землю, и меня поглотила темнота.

* * *

— ШТАЙНЕР!!! ШТАЙНЕР!!!

Очнуться в горящем транспорте и обнаружить, что тебя придавило обломком —

незабываемое ощущение. Настолько, что оно твёрдо намеревалось преследовать меня по ночам. Вокруг меня свистело и бушевало пламя — топливо из пробитых баков огненным столбом било в воздух, и огонь охватил уже весь остов разбившейся машины.

Впору было паниковать. В броне уже было нестерпимо жарко, но с одной рукой я не мог даже сдвинуть придавивший меня обломок, не то что выбраться из-под него. Одно было хорошо: ничего нового я не сломал.

В бронекостюме это было сложно.

Из пламени, вертя головой по сторонам, вдруг возникла чёрная фигура. Непроницаемое забрало развернулось ко мне.

— ШТАЙНЕР!! Нашла его! — я узнал голос Минадзуки. С сердца словно свалилась железобетонная плита.

Кусок переборки, рухнувший на меня, Валерия отбросила легко, как пушинку. Затем она так же легко сгребла меня в охапку, рывком поставила на ноги и потащила прочь, в бушующее пламя. На секунду стало нестерпимо жарко — мне показалось, что одежда под доспехами начинает плавиться — но в следующую секунду мы были уже снаружи.

Дождь молотил с удвоенной силой. Искусственная стихия будто бы ополчилась на пожарище.

— ...Спасибо, — выдавил я. Минадзуки отпустила меня.

— Пойдём. — сказала она и взяла меня за руку.

Команда Два-Один собралась поодаль от пылающего транспорта. Огненный столб водорода загораживал от них громаду Домпрома, чёрной тенью высившуюся вдали. Без освещения площадь Единения была абсолютно, непроглядно чёрной; даже отсветы пожарища отступали перед окружавшей нас темнотой.

Спецназовцы были во всеоружии. Карабины они держали наизготовку, а в руках Бланк покоился пулемёт. Их броня даже не закоптилась от жара, сохраняя свой сине-серый камуфляжный окрас. В темноте синие пятна казались почти чёрными.

— Живы, инспектор? — выступив вперед, полюбопытствовала Королева. Её забрало окинуло меня с головы до ног; камеры на нём блеснули в отсветах пламени, как глаза какого-то железного насекомого. — Мы уже начали беспокоиться.

— Его придавило обломком. — ответила вместо меня Минадзуки. — Инспектор бы не выбрался без посторонней помощи.

— Чёрт. — пробормотала Королева. — Ну ничего, инспектор, не беспокойтесь: в таком скафандре из эпицентра ядерного взрыва можно выйти, не то что из костра...

— ...И потом три года вычищать из организма половину таблицы Менделеева. — добавила из-за её спины Мидори.

— Сержант, что я говорила насчёт умничания не по делу?

— Заткнуть пасть и не отвечивать, госпожа командир!

— Вот и заткнись. — Королева снова обернулась ко мне, удостовериваясь, что я в порядке. Так и было: под дождём бронекостюм быстро остыл, но мои туфли теперь промокли насквозь. Огонь и жар не пошли им на пользу. — Две минуты на передышку и идём дальше.

— Куда? — спросил я. — Как? Нас, если что, только что сбили. А если так, то они могут спокойно простреливать и площадь. А у них есть гранатомёты.

— Инспектор, — спросила Королева, — со всем уважением, но кто командует этой операцией?

— Госпожа Минадзуки. — тут же ответил я. — И я уверен, что она со мной согласится. Так куда, — с нажимом повторил я, — мы идём?

Вместо ответа Королева шагнула ко мне.

— Послушай, ты... — начала она и вдруг осеклась. Моя рука сама собой легла на рукоять меча на поясе. Не пистолета и даже не оставшейся дома Линзы, а меча.

Которым я даже не умел пользоваться.

— Инспектор прав. — подала голос Ранис. — Через сквер-то мы пройдем, допустим, но там ещё метров пятьдесят до фасада Домпрома. А у них действительно есть гранатомёты.

Королева молчала. Я молчал, глядя на неё, на глаза-камеры её шлема. Пальцы поглаживали рукоять меча, и я уже мог представить, как лезвие, загораясь, голубым росчерком вылетает из ножен...

Я отогнал видение от себя.

— Очевидно, что наш изначальный план провалился. — нарушила молчание Минадзуки, становясь рядом со мной. — В связи с этим я собираюсь запросить подкрепления у сил Гвардии, занятых в оцеплении, и предпринять штурм Домпрома.

— В лобовую? — спросила Бланк. Валерия кивнула. — Но у них же гранатомёты. И снайперы. И открытые линии огня.

— Придётся повысить ставки. — ответила Валерия. — И нам придётся действовать быстро. Иначе Ороты сбежит.

— А он не начал, случаем, уже сейчас паковать вещички? — хмыкнула Ранис. — Я точно знаю, что из Домпрома есть как минимум один проход в метро. Про служебные галереи я вообще молчу, они чуть ли не в каждом подъезде...

— Да, но тогда мы бы об этом узнали. — указала Минадзуки. — Метро ведь перекрыто.

Её пальцы сжимали моё запястье. Я глянул на неё, не поворачивая головы — с камерами шлема я уже немного разобрался — и отвлёк руку от меча.

— Значит, штурм. — сказала, наконец, Королева; забрало её шлема всё ещё смотрело на

меня, но я видел, как поблескивают на свету движущиеся глазки-камеры. — Но на этот раз снизу вверх, а не наоборот. — она сделала паузу. — Ну и задачки вы задаёте, госпожа советник...

— Я обращаюсь к лучшим. — заметила Валерия. — Верно?

Королева обернулась к ней. И медленно кивнула.

— Да. — сказала она. — Верно.

— Шеф, — вдруг вмешался до этого молчавший Эмиль. Королева и Минадзуки тут же обернулись к нему. — Неопознанные цели. Шесть часов.

Спецназовцы насторожились. Бланк подняла пулемёт; крошечный огонёк встроенного лазерного целеуказателя угрожающе блеснул. Ранис и Мидори вскинули карабины к плечу; прицельные шкалы голографических прицелов тускло отразились на чёрных визорах шлемов. Королева держала свой карабин наготове. В руке Минадзуки оказался пистолет; я сам непроизвольно потянулся к кобуре.

— Твою ж мать. — прокомментировала Королева. — Сколько?

— Двенадцать. — ответил Эмиль; он сам вскинул свой карабин, целясь в темноту. Оранжевый отблеск пламени мелькнул на световоде штурмового прицела. — Двигутся парами.

— Не стрелять. — распорядилась Королева. — Но будьте начеку. — она выступила вперед, держа оружие перед собой. — Ранис, инспектор.

— Поняла. — Ранис загородила нас с Минадзуки собой; её рука нажала на моё плечо. — Пригнитесь.

Я поспешил выполнить команду.

В стене дождя, скрывавшей от нас остальную площадь, вдруг проступили размытые белые силуэты. Королева подняла карабин, целясь перед собой; рядом с ней возникли Бланк и Мидори.

— Эй! — выкрикнула Королева; её голос, усиленный внешним динамиком, звучал гулко. — ГСБ! Назовите себя!

На несколько секунд белые силуэты замерли, но продолжили двигаться вперед. Бланк перехватила пулемёт поудобнее за рукоять спереди.

Я вытащил из кобуры пистолет.

— Алё, прачечная! — рявкнула Королева, — ГСБ! Немедленно назовитесь, или мы стреляем на поражение!

— Не стреляйте! — раздался незнакомый голос из темноты, тоже искажённый динамиком, — Мы свои! Гвардия Гегемонии!

— А по вам что, видно, что вы Гвардия? — фыркнула Королева, но опустила карабин.

Один за другим гвардейцы выступили из темноты; белые контуры вокруг них загорались зелёным. В отсветах от пожарища я смог немного рассмотреть их: гвардейцы носили те же бронекостюмы, что и мы, но из-под доспехов выглядывали длинные, до пола, пурпурные накидки и блестящие чёрные сапоги парадной формы. К шлемам были приколоты султаны из алых перьев. В руках гвардейцы держали длинные винтовки с такими же штурмовыми прицелами, как у карабина Эмиля. F.81, вспомнил я: полноценная, исходная версия укороченного штурмового карабина F.82. Двое держали автоматические гранатомёты.

— По вам тоже не скажешь, что вы — ГСБ. - сказал один из гвардейцев, подходя к Королеве; винтовку он держал стволом вниз, но наготове.

— На, смотри, любуйся! — в руке Королевы незаметным жестом оказался пластиковый футляр удостоверения; на секунду блеснул и исчез рубиновый цветок азалии. — Устраивает?

— Вполне. — ответил гвардеец и, опустив винтовку, поднял забрало шлема. — Гвардии лейтенант Резников, вторая рота, третий лейб-гвардейский пехотный полк, Гвардия Гегемонии. Позывной — Регент-один.

— Регент-один, Регент-один... — пробормотала Королева; забрало она поднимать не стала — видимо, много чести. — Вы должны стоять в оцеплении на проспекте, в сторону Ракунана?

— Командование отрядило нас на поиски после того, как ваш транспорт сбили. — пояснил Резников. — Вы в порядке?

— Если не считать того, что наш план накрылся медным тазом, то да. — ответила Королева. — И... мы... вынуждены просить вашей помощи, лейтенант.

— Разумеется. — кивнул Резников. — Нам приказано оказать вам любую посильную помощь, госпожа капитан.

— Чудно. — сообщила Королева. — Потому что мы должны взять Домпром штурмом. И чем раньше мы это сделаем — тем лучше.

Лейтенант кивнул, но не ответил. Он обернулся к нам; алые перья на шлеме качнулись.

— Госпожа советник. — сказал Резников, обращаясь к Минадзуки. — Вам нужна наша помощь, верно?

— Верно. — ответила Валерия. — Как только что сказала госпожа капитан. Я всецело полагаюсь на её решения.

— Сил моего взвода будет достаточно или мне запросить подкрепления?

— Боюсь, что нет. — сказала Минадзуки. — Вызывайте подкрепление.

— Так точно, госпожа советник.

Он отступил назад, к стоявшим поодаль гвардейцам. Несколько из них обступили Резникова.

Королева покачала головой и подошла к нам.

— Это всё замечательно, — сказала она, — но насколько мы можем повредить

Домпром? Всё-таки памятник архитектуры, и штурмовать его в лоб мы не собирались...

— С землёй ровнять не стоит, пожалуй, — проговорила Минадзуки; в наушниках раздались смешки, — но в остальном — настолько, насколько потребуется для выполнения задания.

— Ага. — совершенно другим тоном сказала Королева. — Тогда у меня есть идея.

Она обернулась в сторону Резникова и гвардейцев.

— Лейтенант! — выкрикнула она. Резников обернулся — окружавшие его гвардейцы расступились — и быстрым шагом подошёл к нам.

— Госпожа капитан? — спросил он.

— В вашем распоряжении есть бронетехника?

— Так точно. — кивнул Резников. — Бронетранспортёры ТАВ.84. В чём дело?

— Тащите их сюда. — приказала Королева. — Они нам пригодятся.

* * *

Дерево заскрипело и рухнуло на землю под натиском бронированного носа БТР; водитель, конечно, старалась нанести скверу на площади Единения как можно меньше урона, но за рулём двенадцатитонного броневика ей это удавалось с трудом.

Пожарище осталось позади. Его отсветы даже издали играли на зеркальной спирали монумента Единения, выроставшего из постаментов посередине сквера. Скульптура выглядела грандиозно: три спирали, символизовавшие три нации будущей Гегемонии, закручивались друг вокруг друга и сливались воедино — в одну сатурнианскую нацию, единую и неделимую, выкованную в общих испытаниях и связанную узами одной, общей культуры. Ни разу за всю более чем двухвековую историю Сатурнианской Гегемонии эти узы не нарушались.

Мы разговариваем на трёх языках, подумал я, провожая взглядом БТР. Мы почитаем одних и тех же богов, мы выросли на одних и тех же мифах и сказках, мы объявили себя наследниками трёх земных наций, трёх империй, трёх республик. Мы подчинили себе Сатурн, мы покорили космос, мы диктовали свою волю половине известной вселенной. Мы сокрушили самый ужасный режим, который когда-либо породила вымершая Земля.

А его призрак возник из ниоткуда. В это до сих пор было трудно поверить.

За стеной дождя рукотворной скалой возвышался Дом Промышленности. Нагромождение прямоугольных блоков, организованная гора, глядевшая на площадь сотнями высоких окон, Домпром был прост и безыскусен — на фоне барочных фасадов Меако и сатурнианского ампира Нойштадта он казался вызывающе чужеродным. Он окружал площадь, как вал крепостной стены: одна из двух железобетонных башен венчалась мачтой телевышки. Эту неотъемлемую деталь добавили позже.

Домпром возводили ещё тогда, когда Сатурнианская Гегемония едва успела зародиться, а город внутри Титана-Орбитального не добрался даже до берегов Швестерзее. Площадь Единения тогда была пустырьём, нынешний проспект Гегемонии — окраиной города, и будущий Дом Промышленности выстроили именно здесь. Здесь творилась история: здесь заседала Сатурнианская Культурная Комиссия, здесь составлялись пятилетние планы строительства орбиталищ, здесь почти полвека размещалось Министерство общего машиностроения, переехавшее на Монмартр только в начале правления премьера Клериссо. Теперь Домпром был просто офисным зданием: в нём размещались департаменты городской администрации, канцелярия округа и окружной суд. Один из подъездов занимал музей.

Никогда бы не подумал, что придётся штурмовать музей. Даже в Исторический мы с Фудзисаки входили, как положено, через парадный вход...

Мы даже ничего не разбили. Хотя лазить по огромной люстре в пятидесяти метрах над полом было тем ещё удовольствием.

Угловатая корма БТР вздрогнула и остановилась, колёсами вгрызшись в дёрн. Гвардейцы, растянувшиеся в линию, замерли следом. Королева вскинула вверх руку, и точно так же застыли и мы.

Резников привёл остаток своего взвода и два БТР с проспекта, и гвардейцы теперь растянулись по всему краю сквера длинной цепью. Сам лейтенант разглядывал высившуюся впереди громаду Домпрома.

Алые перья на шлемах, лиловые накидки под доспехами, измазанные в грязи парадные сапоги, разве что без шпор. Гвардия Гегемонии даже не думала скрываться.

— Вижу двенадцать целей в окнах пятого этажа, над входом. — доложил сосредоточенный голос гвардейца-наводчика. Красные точки на фасаде Домпрома возникали вслед его словам, одна за другой. — Пять целей в окнах девятого этажа, правая башня. Две, три... пять целей в окнах седьмого этажа, правая башня.

— Капитан? — обернулся Резников к Королеве. Та, не оборачиваясь, кивнула.

— Начинайте. — приказала она.

Резников кивнул.

— Пятый этаж — огонь.

— Есть пятый этаж — огонь. — орудие на крыше БТР ожило, поворачиваясь и задираясь вверх на лафете. — Стреляю.

Пушка оглушительно грохнула вереницей выстрелов, и фасад Домпрома разлетелся в клочья. Не так-то и просто сломать железобетонную стену, даже выстроенную почти три века назад и многократно отреставрированную, но снаряды пушки справились с этим в два счёта.

На фасаде выбило все стёкла. Кусок пятого этажа, где прятались противники, изуродовало, оставив от стены дыру с рваными краями — торчащими кусками железобетонных рам и ломанными зубами стекол. Пушка выстрелила ещё раз, и взорвался следующий участок фасада. Вторя ей, на дальнем фланге загрохотала очередь второго БТР.

Роботы Ороты отреагировали мгновенно. Ранис дёрнула меня вниз — над нашими головами засвистели пули, срезая и ломая деревья сквера. Улица перед главным входом превратилась в сплошное облако пламени, дыма и осколков. Гвардейцы, как один, пригнулись. Вскинули винтовки.

— Девятый этаж, огонь!

— Есть, девятый этаж, огонь, стреляю! — башня БТР развернулась направо, ствол качнулся на лафете, выбирая угол, и трижды гаркнул. Навстречу брызнули осколки и куски стен, и три красные точки из пятерых погасли, словно их и не было. БТР выстрелил ещё раз, и исчезли остальные.

— Седьмой этаж, огонь!

— Новые цели, центр, крыша, пять, семь... десять целей! — ствол БТР повернулся обратно, но гвардейцы среагировали быстрее. Линия рухнула на колени, как один, винтовки дернулись вверх и грянули залпом: так стреляла бы гвардия Наполеона, если бы у неё были кинетические винтовки. Пушка БТР грохнула трижды, заглушив какофонию винтовочной пальбы, и куса крыши не стало.

— Муха, муха, МУХА!!! — закричал кто-то, и с угла крыши к бронетранспортёру рванулась огненная стрела. Ближайшие гвардейцы нырнули врассыпную как раз тогда, когда БТР чихнул в ответ, и противотанковая ракета разлетелась огненным дождём, столкнувшись с активной защитой.

В следующий момент башня бронетранспортёра резко развернулась, и снаряды не оставили от стрелка мокрого места.

Гранаты расцвели огненными цветками, разрываясь на фасаде и внутри окон. Красная гроздь точек в окнах седьмого этажа погасла. Ответный залп разорвался над нашими головами, осыпав нас осколками и скосив деревья позади нас. На дальнем фланге раздавались сполохи и кашель активной защиты.

— Огневое прикрытие! — скомандовал Резников и кивнул Королеве: — Ваш выход! Аллеров! — рявкнул он гвардейцу рядом с нами, — ты с ними!

— Все слышали?! — гаркнула Королева. — Вперед! Бланк, ты ведешь, Эмиль, за мной, Ранис — госпожа майор и инспектор на тебе! Гвардия, не отставать! Пошли!

С места спецназовцы перешли на быстрый шаг, на ходу перекрывая сектора обстрела, вступив на улицу — сорвались на бег. До темнеющей колоннады подъезда было добрых двадцать метров.

— Цели, третий этаж!

Грохнули винтовки, обрушивая шквал вольфрама на окна фасада. Я пуще прежнего пригнул голову. Выстрелы гремели за моей спиной — Аллеров и пятеро других гвардейцев стреляли на бегу, прикрывая нас.

— Двери! — выкрикнула Бланк, разворачиваясь. Пулемёт в её руках дёрнулся вверх, и очередь сбила возникший в одном из окон красный силуэт.

— Мидори, заряд!! — рявкнула Королева. — Живо!!

Мидори подбежала к двери, сорвала с пояса заряд и одним движением закрепила его посреди. Входные двери Домпрома были массивными деревянными рамами со стеклянными вставками: механического в них были разве что доводчики.

— Все назад!!! — крикнула она, и двери взорвались. Брызнули наружу выбитые стёкла подъезда. Ранис толкнула меня вперед, в облако дыма и пыли, закрывавшее собой вход. Забрало автоматически переключилось в режим светоусиления.

Двери сорвало с петель и отбросило к дальней стене. По частям. Переломлённые пополам внутренние двери лежали по разным углам. Дверные петли и доводчики вырвало из косяков с мясом. Сверху покачивалась сорванная взрывом лампа.

— Регент-Один, мы внутри! — доложила Королева и скомандовала: — Маркер!

Бланк сорвала с разгрузки цилиндр тактической гранаты и метнула его вглубь помещения; секундой спустя нутро Домпрома вспыхнуло перед нашими глазами, очерченное контурами маркера. Можно было разглядеть стены и потолок атриума, внутри — ни души.

— Бланк, Эмиль, вперед. Мидори, Ранис, за мной. Сержант, — это было адресовано Аллерову, — замыкаете. Пошли!

Шум пальбы снаружи раздавался где-то далеко позади, сливаясь с шумом дождя и свистом ветра в выбитых стёклах. Неожиданно зажёгся свет, и Бланк застыла посреди комнаты, поднимая пулемёт. Королева и Эмиль вскинули карабины, целясь вглубь атриума, но ничего не последовало. Арка входа всё ещё оставалась тёмной. Никто не появился оттуда, чтобы дать нам отпор.

Мы оказались в Домпроме.

— Регент-Один, — медленно проговорила Королева, — мы внутри. Здесь никого нет.

— Вас понял, капитан, — сообщил Резников снаружи. — Нас всё ещё обстреливают, — связь вдруг прервалась в шуме помех, — но большинство вражеских единиц исчезло. Кажется, комитет по встрече уже спешит к вам, приём.

— Поняла, спасибо, Регент-Один. — ответила Королева. — Начинайте штурм.

— Так точно. — ответил Резников. — Начинаем штурм.

Свет загорался сам при нашем приближении. Датчики реагируют на движение — любое движение, так что здесь, на первом этаже, действительно никого не было. Во всяком случае, никого кроме нас.

Арка атриума выходила в короткий коридор, куда с обеих сторон сбегали лестницы, но Королева покачала головой — видимо, нам было не сюда. Позже я узнал, что лестницы вели на этажи над входом, до пятого включительно — как раз те, которые разрушил БТР Гвардии, нанеся непоправимый ущерб памятнику архитектуры.

В конце коридора другая арка неожиданно открывалась в большой зал — прямоугольник белых стен, разделённый поперек двумя рядами колонн. Изнутри Домпром ничуть не отличался от Домпрома снаружи — такой же неказистый, простой и прямоугольный, настолько, что это резало глаз. Там, где Цитадель за годы реставраций обросла деревянными панелями, стеклянными аквариумами кабинетов и интерактивными табличками «Сотрудница месяца» и «Их разыскивает полиция», в Домпроме были гладкие белые стены и чёрные поручни галереи на втором этаже. Там, где во Дворце собраний росли исполинские колонны из зеленого мрамора, а паркетные полы застилала ковры, в Домпроме потолок подпирали простые серые колонны, как на станции «Исицудзи», а пол был выложен точно такой же бело-чёрной плиткой, что и в коридоре, и в атриуме. Впечатления музея он не производил.

Под потолком висел, закрепленный между почти невидимых тросов, увесистый металлический шар с четырьмя штырями, тянувшимися позади. Свет тороидальных люстр, чем-то похожих на сатурнианские орбиталища (кроме нашего Титана-Орбитального, само собой), отражался на его блестящей обшивке. Шар я заметил сразу — наученный горьким опытом склада на Регенераторной, я сразу же начал осматривать потолок. По счастью, люстры-орбиталища хорошо освещали его своды. Висящий под потолком шар отбрасывал гротескную тень на полу.

Мы прошли дальше, оглядываясь по сторонам: сюда, в зал, стекались чёрные арки коридоров, вниз сбегали лестницы. Ранис и Мидори тревожно оглядывали галерею, за чёрным поручнем которой липким покровом стелилась темнота. Бланк и Королева возглавляли шествие. Позади нас, подняв винтовки и оглядываясь по сторонам, шли гвардейцы сержанта Аллерова.

Издали слышались выстрелы и грохот; казалось, сотрясался весь железобетонный монолит Домпрома. Гвардия штурмовала другие подъезды здания, прорываясь внутрь с боем. Нам пока не встретилось ничего.

На дальней стене зала, по обеим сторонам от серых ступеней широкой лестницы, висели портреты; здесь было множество портретов, развешенных по всему периметру зала, но эти два сразу привлекали внимание — большие полотна в массивных рамах, окруженные

мягким ореолом подсветки. Я не сразу догадался, что за металлический шар висел у нас над головами, но людей на портретах узнал сразу же.

Справа висел портрет Гагарина. Художник сильно осовременила образ первого космонавта, изобразив его с характерными сатурнианскими чертами — чуть миндалевидные карие глаза, высокие славянские скулы и прямой галльский нос, застывшие в вечно юной маске, невообразимой у человека двадцатого столетия. Кропотливо воспроизведенные древние медали украшали бирюзовый мундир КВСГ с золотыми погонами командера — такие носили больше века назад, в эпоху адмирала Идзанами. Несомненно, даже в сатурнианском лице угадывалось сходство с настоящим первым космонавтом, но, как мне показалось, даже в «Крыльях Советов» нарисованный Гагарин был куда более похож на настоящего, чем этот портрет.

Его же должны показывать, этот сериал, вспомнил я. Сестра в детстве не пропускала ни одной серии, год за годом, накануне Дня космонавтики... и после, потому что двадцать шесть серий растягиваются на три недели. Я никогда особо не любил «Крылья Советов», но Мицуко была от них без ума. Видимо, поэтому она и поступила в Тидай, выучилась на аэрокосмического инженера и сейчас работает на титанских верфях, а я — хожу по улицам Титана-Орбитального, с Линзой в рукаве и табельным пистолетом в кобуре.

Я так и не ответил на её вчерашнее письмо.

Портрет слева был скорее копией со старой цветной фотографии, заключенной в портретную рамку, и изображал женщину. Длинные русые волосы спадали на худые плечи, облаченные в белый халат старинного фасона, тонкую шею обтягивал воротник свитера. Из-за левого плеча выглядывал край белой доски, на которой старательно выведено начало формулы — уравнения, подарившего людям звёзды. Великая Рогова не дожила до воплощения её открытий в реальность — при её жизни человечество ещё только делало первые нерешительные шаги по Солнечной системе, а сами люди были слишком недолговечны. Даже фотография не могла скрыть этого.

Первый человек в космосе, взлетевший на разваливающейся в полёте ракете, в консервной банке. Гениальный учёный, свои расчёты делавшая на компьютерах в сотни раз менее мощных, чем простейшая из современных машин. Люди другой, более дикой и гораздо более неправильной эпохи. Земляне.

Но без этих землян не было бы ни орбиталищ Сатурна, ни сверхсветовых полётов, ни Солнечного Альянса.

В следующий момент что-то врезалось в мой шлем.

— СНАЙПЕР!!!

Удар был такой силы, что я рухнул на пол; шея болела так, будто её пытались оторвать от тела вместе с головой, и если бы не шейный пояс экзоскелета, я бы действительно её

сломал. В ушах гудело. Перед глазами всё двоилось, тактические символы, отображаемые шлемом, мигали и шли помехами.

— ГАЛЕРЕЯ, ПРАВАЯ СТОРОНА!

Спецназовцы начали стрелять ещё тогда, когда я падал на землю: теперь команда рассредоточилась, продолжая вести огонь по возникшим из ниоткуда противникам. Кто-то схватил меня за воротник нагрудника и потащил назад, не переставая стрелять — карабин оглушительно рокотал над ухом короткими очередями. Громко, в тон вражеским выстрелам, били винтовки гвардейцев.

— ДВОЕ, ЛЕВАЯ СТОРОНА!!

— ВИЖУ! — раздался визг пулемётной очереди. — ЧИСТО!

— ЛЕСТНИЦА!!

Трое роботов перескочили через лестницу, приземляясь на последних ступенях и уже поднимая оружие. Спецназовцы развернулись им навстречу, но позади грянул винтовочный залп, — шесть выстрелов, слившихся в один, — и всё стихло.

Забрало убралось наверх — кто-то отстегнул ремешок моего шлема. Перед глазами появилась растопыренная пятерня в бронированной перчатке.

— Инспектор, сколько пальцев?

— Десять. — пробормотал я. — Что случилось?

— Ты в порядке? — перчатка куда-то убралась, и передо мной появилась обеспокоенная Минадзуки. Её лицо побледнело.

— Не знаю... — ответил я. Голова кружилась. — Что это было?

— Снайпер. — я приподнялся на локте, — Минадзуки помогла мне сесть, — и устоялся на стоящую надо мной Королеву. В опущенной руке она держала карабин. — Госпожа советник, со всем уважением, но я не могу присматривать ещё и за вами. На это я не подписывалась.

— За мною вам присматривать и не следует. — огрызнулась Минадзуки.

— Зато за инспектором — придётся. Потому что у инспектора дыра в шлеме. И потому что из семи человек вражеский снайпер выбирает одного, да ещё и невооруженного!

Я не слушал её. Голова всё ещё шла кругом, но это не помешало мне вспомнить.

Я знал, что так и случится. Потому что Ороги и Фаулер уже целились в меня. Позавчера, в Дэдзиме. Вчера, на Регенераторной, когда мы с Валерией вошли в их ловушку. Вчера, на пороге моего дома. И сейчас, из одиннадцати человек, снайпер выбрал не Королеву, не пулемётчицу Бланк, не стрелка Эмиля, не Мидори или Ранис или кого-то из шести гвардейцев позади нас, а меня.

Валерия была права. Я был слишком важен, чтобы оставлять меня в живых.

— У нас нет выбора. — возразила Минадзуки. — Мы не можем терять ни минуты. И мы не можем оставить Штайнера здесь: с вами ему безопаснее, чем с кем-либо ещё.

— То есть, нам придётся его сторожить. — фыркнула, сложив руки на груди, Королева. — Минадзуки, а ты, случаем, не забыла, зачем мы здесь, а? И то что это не светское мероприятие, а сложная операция? Которая уже чуть не пошла насмарку?

— И что у нас нет времени пререкаться. — сказал я. Королева недоумённо обернулась ко мне; я неуклюже оттолкнулся от пола свободной рукой и поднялся, едва не качнувшись вперед. Минадзуки удержала меня. — И что у меня гораздо больше шансов остаться живым с вами, чем без вас.

Королева замолчала. Крохотные глазки-камеры на забрале её шлема впились в меня. Где-то вдали эхом разносился звук очередей; но здесь, в окружении портретов, царило тяжёлое молчание.

— Идём дальше. — объявила Королева. — Сержант! — это было адресовано Аллерову, обернувшемуся к ней. — Свяжитесь с остальными и займите оборону. Будьте начеку.

Гвардеец кивнул. Его бойцы рассыпались по залу, держа винтовки наготове.

Королева обернулась к нам с Минадзуки.

— Не отставайте. — бросила она и отвернулась. — Эмиль!

— Слушаю, командир.

— Вперед. Бланк, прикрывай.

— Слушаюсь, командир.

Эмиль взбежал вверх по ступеням, на галерею, подняв карабин. За ним с пулемётом наперевес поспешила Бланк.

Мы с Валерией поднялись наверх последними, под чутким присмотром Ранис и шестерых гвардейцев, оставшихся позади. Носок моего ботинка ударился обо что-то твёрдое, и я повернул голову.

Это был робот-охранник — сторожевая модель серого цвета с чёрными иероглифами «ОХРАНА» на груди и спине. Грудь этого робота была разворочена пулями; оторванная рука валялась внизу, на ступеньках. Об неё я и споткнулся.

— Шеф, это сторожевые жестянки. — подала голос шедшая впереди Мидори. — Мы нескольких пришили.

— Я-то думала, отчего они такие картонные. — хмыкнула Ранис. — Сколько в Домпроме таких, пятьдесят штук?

— Тут должны быть люди-операторы, — заметила Мидори. — Я видела, ну, когда подругу на экскурсию водила. А тут никого.

— В худшем случае они уже мертвы. — прокомментировала Минадзуки.

— То есть, их не предупредили?

Валерия промолчала и глянула на меня. Я кивнул в ответ.

Сторожевые роботы. В тех зданиях на площади, с которых пытались сбить наш транспорт, остались только они. Роботы неспособны мыслить творчески, в отличие от людей; но они очень хорошо выполняют приказы.

А чего стоит Ороты, которому подчинялись более сотни боевых роботов, перехватить контроль над куда более простыми сторожевыми жестянками?

— Лифт! — объявила Королева, прерывая разговор. — Бланк, Эмиль, прикройте. Мидори, вперед.

— Есть. — откликнулась Мидори, выходя вперед, к дверям лифтовой шахты. Раздался скрежет и стон упирающегося механизма, а затем створки дверей лязгнули. Распахнуть их силой не составило для Мидори никакого труда.

В моём опыте для этого обычно пользовались монтировкой.

За дверями была пустая лифтовая шахта. Королева подошла к ней и осторожно заглянула внутрь. Повертела головой, что-то высматривая, и отступила назад.

— Чудно. — объявила она. — Поехали.

* * *

Двенадцать из двадцати лифтов Домпрома работают без замены уже полтора века — с тех пор, как отсюда выехало Министерство общего машиностроения, отдав здание в собственность города. Предыдущие лифты проработали больше сотни лет и окончательно пришли в негодность.

Одна из кабинок сейчас висела где-то над нами, отделённая прозрачной перегородкой лифтовой шахты. На крыше другой сейчас стояли Мидори и Королева.

Я подошёл к краю и посмотрел вверх. Дальний конец шахты терялся в полумраке, освещённом только тусклым зелёным светом аварийных ламп.

Я посмотрел вниз.

— А не проще было бы вызвать лифт? — пожаловалась Мидори, согнувшись пополам; карабин свисал с её плеча, глухо ударяясь об бедро.

— Только если хочешь ехать не дальше четвертого этажа. — отрезала Королева. — Открывай.

Мидори чертыхнулась и потянула. Раздался скрежет.

— А, м-мать! — выругалась она.

Позади, в коридоре, раздалось эхо выстрелов. На этот раз стреляли где-то неподалёку.

— Два-Один, Два-Один. — послышался голос сержанта Аллерова. — Вступили в бой с боевыми единицами противника. Как поняли, приём.

— Вас поняла, сержант. — отозвалась снизу Королева. — Количество?

— Десять-двенадцать, — издали послышались новые выстрелы. — Не могу сказать точнее. Меняем позицию. Как поняли, приём.

— Вас поняла, сержант. Осторожнее, они любят падать сверху. Приём.

— Мы заметили, госпожа капитан. Отбой.

— Мне кажется, — будто невзначай спросила из коридора Бланк, — или сейчас все эти железяки будут здесь?

— Мидори!!! — вместо ответа рявкнула Королева.

Мидори снова выматерилась и потянула сильнее; снова раздался скрежет, и крышка аварийного люка, лязгнув, распахнулась.

— М-мать!

— Внутри! — распорядилась Королева. — Бланк, Эмиль!

Минадзуки помогла мне спрыгнуть. Кабинка лифта зашаталась под нашим весом. Я машинально отставил руку в сторону, проковылял к распахнутому люку и нырнул в него. Кабинка лифта снова зашаталась.

Валерия спрыгнула внутрь следующей.

— Здесь! — следом за Ранис в кабинку, где становилось всё теснее, забрался Эмиль, а следом за ним, цепляясь стволом пулемёта за края люка — Бланк. Лязгнула, хлопнув крышка. — Все на месте!

— В коридоре?

— Никого. — я был готов поклясться, что под шлемом Бланк оскалилась. — Но мы оставили там небольшой сюрприз.

Лифт вздрогнул и пополз вверх.

— На нём, случаем, не написано «Этой стороной к врагу»? — поинтересовалась Мидори. Бланк промолчала, и я снова пожалел, что за непроницаемым забралом не было видно её лица.

Цифра «2» на приборной панели лифта сменилась цифрой «3». Ещё несколько мгновений, и её сменила «4».

Где-то далеко внизу раздался громкий хлопок. Лифт мелко задрожал, но продолжил идти вверх.

— Точно, было. — резюмировала Мидори и снова выругалась. — Быстро же они нас нашли.

— А действительно, — вдруг проговорила Ранис. — Если он контролирует роботов-охранников, у него должен быть доступ и к остальной охранной системе.

— Необязательно. — возразила Минадзуки. — Переподчинить охранников можно и отдельно.

— Да, но это нелогично. Иметь рабочую систему и не пользоваться ей? Неудивительно, что он знает, где мы.

Я машинально повертел головой, ища по потолком глазок камеры. К моему удивлению, здесь, среди декоративных полированных панелей кабинки, камер не было.

Но в коридоре они точно были. И, разумеется, в зале и атриуме. А я даже не заметил этого.

— Камеры Домпрома, как и остальные, включены в общегородскую сеть видеонаблюдения. — сказала Минадзуки. — Если бы они работали, мы видели бы все передвижения Ороги и его боевых единиц. Мы их не видим.

— Вы отключили Домпром от сети? — спросила Королева. Валерия помотала головой.

— Он отключил. — коротко ответила она.

Я тронул её за запястье.

— Ты не сказала мне, что в Домпроме не работают камеры! — напечатал я. Минадзуки обернулась ко мне.

— Я не знала. Я делала запросы. — появился её ответ. — Вчера они работали. Как, ты думаешь, мы узнали, что Ороги в Домпроме?

— То есть, он не знает, где мы? — уточнил я. Она дёрнула плечами.

— Возможно.

На приборной панели мигнула цифра «6».

— Два-Один, говорит Регент-Один. Приём.

— Регент-Один, приём. — откликнулась Королева. — Что там у вас?

— Взяли под контроль конференц-зал на третьем этаже. Вступили в бой с боевыми единицами противника в помещениях окружного суда, на четвёртом этаже. — доложил Резников. — Это крупнейшее встреченное нами скопление сил противника. Приём.

— Насколько большое? — спросила Королева. — Приём.

— От двадцати единиц, Два-Один. Примерное число. — пауза. — Подозреваю, что остальные сосредоточены на верхних этажах. Приём.

— Вас поняла. — Королева замолчала, задумавшись о чём-то. — Вот что, Регент-Один: продвигайтесь в нашу сторону, когда закончите. Долго не тяните. Как поняли, приём?

— Вас понял. — откликнулся Резников. — Удачи, Два-Один. Конец связи.

Королева обернулась к приборной панели. Я обернулся следом за ней. На табло мигала цифра «8».

— По местам. — скомандовала Королева. — Оружие наизготовку. Мидори, Бланк, вперед. Эмиль, Ранис, ко мне.

Мои пальцы нащупали рукоять пистолета, высвободив его из кобуры. Шлем, повреждённый выстрелом, сбоил: открывшееся окно баллистических данных шло помехами и было едва заметно, индикаторы мигали, а возникающая посередине точка прицела двоилась.

Чёрт возьми.

— Мидори, маркер. — продолжала командовать Королева. — Ранис, дым в коридор. Бланк — как только дым пойдёт, ты и Мидори вперед, огонь на подавление. Эмиль и я — следом, после нас — Ранис, госпожа советник и инспектор. — Королева обернулась к нам с Минадзуки и кивнула; Валерия кивнула в ответ. — Вопросы?

— Почему я?! — простонала Мидори.

— Потому что! — рявкнула Королева. На приборной панели загорелась цифра «10». — Готовность!

Спецназовцы прижались к стенам кабины; Мидори и Бланк — по обе стороны от дверей, Ранис, Эмиль и Королева — за ними. Ранис словно невзначай прижимала к стене меня; с другой стороны я волей-неволей прижимался к Минадзуки.

Лифт звякнул, вздрогнул и остановился. В руке Мидори появился цилиндр тактической гранаты; пальцем она крутнула переключатель, отводя руку назад.

Двери разошлись в стороны.

В следующий момент Мидори упала назад; граната выкатилась из её руки, осыпав нас алым сиянием, пока очереди из коридора прошивали навывлет заднюю стенку лифта. Кабина тряслась, будто её лихорадило.

— МИДОРИ!!! — заорала Королева. — РАНИС, ДЫМ!!! БЛАНК!!!

Ранис швырнула гранату. Ещё в полёте она разорвалась облаком густого сизого дыма и дипольных отражателей. Выстрелы из коридора затихли; в ответ загрохотал вслепую пулемёт Бланк, поливая коридор огнём.

Мидори была жива. Её правый наплечник и плечо разворотили пули; наружу торчали обрывки разорвавшихся искусственных мышц. Сама Мидори бесперестанно материлась, пока Эмиль оттаскивал её назад, подальше с линии огня.

— РУКА!!! — орала Мидори. — БЛЯДЬ!!! СУКА!!!

— Бланк, маркер и вперёд!!! — зарычала Королева. — Эмиль, Ранис, за ней! Вы двое — шлем обернулся к нам с Валерией, — за ними и не высовывайтесь, сразу к стене, поняли?! Пошли, пошли, ПОШЛИ!!!

Бланк отпустила пулемёт ровно настолько, чтобы сорвать, взвести и метнуть новый маркер; цилиндр кувыркнулся в воздухе и покатился по полу коридора, в дыму — и вспыхнул красным, подсвечивая три... пять... десять целей внутри коридора.

Пулемёт загрохотал снова; Бланк побежала наружу, тут же прижимаясь к стене и не переставая вести огонь. Один из алых силуэтов потух, когда пули чудом нашли его. Ранис и Эмиль нырнули в проём следом, ведя огонь — на подавление, не давая роботам возможности ответить.

Следом побежали мы.

Бланк, Эмиль и Ранис прижались к угловым стенам; перед лифтами коридор расширялся, словно бутылочное горлышко. Пригнувшись, мы подбежали к Ранис, распластавшись вдоль стены; Ранис стреляла, выставив ствол карабина в проход. Мираж тактической гранаты погас, оставив после себя только нечёткие красные метки.

Позади нас Королева, чертыхаясь, сгребла бесперестанно матерящуюся Мидори в охапку и вытащила её из лифта; они прижались к стене напротив, подальше от обстрела. В левой руке Мидори был зажат ремень карабина. Я пригляделся; на её плече, среди развороченных остатков брони, выступила кровь.

Дым начал рассеиваться.

— Сколько их там?! — выкрикнула Королева, поднимая карабин. Она выстрелила несколько раз; одна из меток погасла.

— Не меньше десятка! — откликнулась Ранис, отшатываясь от прохода. Резким движением она вогнала новый магазин в горловину, позади рукояти, и вдавила большим пальцем кнопку предохранителя. — Что дальше?!

— Минадзуки! — Королева обернулась к Валерии. — Куда?!

— Вверх по коридору! — выкрикнула Минадзуки. — Там лестница наверх, к серверной!

— И как нам туда попасть?!

Пули выбивали фонтаны осколков, врезаясь в стены позади нас. Лифт грохотал с каждым попаданием. Шквалу выстрелов вторили короткие очереди с нашей стороны. Эмиль вскинул карабин; погасла ещё одна нечёткая метка. Над пулемётом в руках Бланк воздух шёл волнами от жара радиаторов.

— Осторожно!! — вдруг выкрикнула Мидори. — У них там...!

Раздался низкий свист, и коридор взорвался дождём осколков. Бланк и Эмиль

дёрнулись назад, закрываясь руками. Вторая граната огненным цветком разорвалась позади нас, прямо в кабине лифта.

— ГРАНАТОМЁТ!! — заорала Ранис. Весь её нагрудник был иссечён осколками камуфляжное покрытие содралось, и от брони валил дым.

— БЛАНК!!! — рявкнула в ответ Королева. — ЭМИЛЬ!!!

Бланк обрушила в коридор ещё одну очередь, вскинув пулемёт: несколько маркеров исчезло с поля зрения в мгновение ока. Из-за её плеча вынырнул Эмиль, поднимая карабин. Два выстрела грохнули, как один: пули, намного обогнав звук, поразили двух гранатомётчиков ещё раньше.

— РАНИС!!! ЗА МНОЙ!!! — и Королева ринулась в проём, стреляя на бегу. Ранис рванулась за ней, вскидывая карабин. Несколькими короткими очередями они уложили пятерых роботов, и к ним присоединилась Бланк: коридор Домпрома опять огласила пулемётная очередь. Эмиль выбежал следом, стреляя поверх их голов; его пули опять нашли цель; прижимаясь к стене и пригнувшись, за ним побежала раненная Мидори.

Я поднял пистолет и побежал следом.

Два робота упали прямо с потолка в облаках бетонной пыли; один из них на лету споткнулся, получив в грудь очередь из карабина Ранис, но другой перекатился, вскинул винтовку и выстрелил.

Ранис рухнула на пол, как будто что-то толкнуло её в грудь — швырнуло, как безвольную куклу на шарнирах. Иссечённый осколками нагрудник дымился; на нём виднелись вмятины. Штурмовой карабин выпал из ослабевших пальцев, с дребезгом ударившись об бело-чёрный пол.

Мидори закричала что-то нечленораздельное.

Бланк выстрелила. Пулемёт скосил последнего робота, разбросав его по коридору; посредине туловища машина просто перестала существовать.

— РАНИС!!! — заорала Королева. Она подбежала к своей подчинённой, сорвала ремешок шлема, откинула забрало. Глаза Ранис закатились; под полумаской нельзя было различить дыхание. Она могла быть уже мертва.

Из-за угла выскочили ещё двое роботов. Двумя выстрелами Эмиль уложил одного; пулемёт рявкнул ещё раз, на бегу срезая другого.

Королева так и стояла на коленях у бесчувственного тела Ранис. Карабин сполз с её плеча, лёжа на полу.

— Вперёд! — приказала Минадзуки. — Дверь! Эмиль, Ранис, проходы! Мидори

маркер! Штайнер!

Я обернулся. Минадзуки кивком указала на Королеву и Ранис.

— Помоги!

Позади нас маркер вспыхнул красным, и на краю зрения зажглись тактические маркеры новых целей. Застучала пулемётная очередь.

Минадзуки бесцеремонно схватила Королеву за воротник доспеха, рывком вздёрнула её на ноги и поволокла за собой. Я сунул пистолет в кобуру и, как мог, потащил Ранис следом. Пули засвистели над головой; я согнулся в три погибели.

Мидори подбежала ко мне, подхватила Ранис под руку и помогла мне подтащить её к стене, у ног Эмиля. Только теперь я смог разглядеть следы пуль на нагруднике — одна зияла с правой стороны груди, пройдя через лёгкое.

Другая попала в живот.

Я отвернулся. Красные тактические метки горели с обеих сторон. Минадзуки, отпустив Королеву, высунулась в проход и несколько раз выстрелила. Одна из меток исчезла.

Валерия подбежала к телу Ранис:

— Что с ней? — потребовала она, на ходу поднимая забрало. Мидори обернулась.

— Кровопотеря. — тихо сказала она. — И дырка в животе. Блядь!

— Она может выжить?

— Если повезёт. — ответила Мидори и снова выматерилась, ударив кулаком в пол. Плитка с хрустом треснула.

Минадзуки отвернулась.

— Регент-Один!

— Регент-Один слушает, говорите, Два-Один. — тут же включился Резников.

— Нас зажали на одиннадцатом этаже. Где вы?

— Седьмой этаж. Столкнулись с вражеским сопротивлением. Пулемёты. — коротко доложил лейтенант.

— Поняла. — Минадзуки закусил губу. — Продвигайтесь вверх как можно быстрее. У нас раненные.

— Вас понял. — ответил Резников. — Делаем всё возможное. Отбой.

Из дыры в потолке перед нами посыпалась штукатурка, и вниз упали ещё трое роботов. Я вскинул пистолет и выстрелил; две пули вошли в грудь и голову одной из машин. Другого достала Минадзуки. Третий успел поднять карабин, но короткая очередь заставила его кубарем рухнуть на пол.

Стреляла Королева. Ремешок её шлема был расстёгнут, забрало поднято, а полумаска стянута. Длинное лицо Королевы было бледным, губы приоткрыты, будто ей было тяжело дышать. Руки сжимали карабин.

Минадзуки сунула пистолет в кобуру и обернулась к Мидори:

— Стрелять можешь? — спросила она.

— Плохо и неудобно.

— Сойдёт. Подай мне карабин.

— Мы остаёмся? — спросила Бланк, прижавшись к стене.

— А у нас есть выбор? — бросила Минадзуки. — Королева, ты с Бланк. Эмиль, я с тобой. Мидори — центр, дыра в потолке на тебе. Штайнер!..

Я обернулся к ней и оторопел.

Мне показалось, что в глазах Валерии блеснули слёзы.

— Беги, Мицуру. — попросила она. И кивком головы указала мне за спину.

Я оглянулся, кивнул и побежал.

* * *

Лестница обрывалась на тринадцатом этаже. Дверь с табличкой «СЛУЖЕБНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ» была распахнута настежь. Я взбежал вверх, заглянул внутрь, в тускло освещённый коридор, поводя пистолетом. Никого.

Звуки стрельбы снизу раздавались эхом на лестничной клетке. Это было хорошим знаком, подумал я. Если внизу стреляют, значит Валерия и остальные ещё живы.

Я побежал дальше по коридору, считая двери: закрыто, закрыто, закрыто... впереди дверь распахнулась, и из неё вынырнули два робота — старые жестянки «Дифенс Солюшенс», поднявшие винтовки, целясь в меня.

Я выстрелил. Одному роботу разворотило грудь вместе с плечом, но другой тут же совершил нечеловеческий, животный скачок в сторону, всё ещё держа оружие направленным строго на меня — и винтовка выстрелила.

Я почувствовал, как в левое плечо и в грудь словно ударило молотом и отшатнулся, скидывая пистолет. Плащ сорвало с крепления на левом наплечнике; на нагруднике, будто наградной бант, зияла опалина.

Я нажал спуск, и робот рухнул назад, раскинув руки: три пули пришились ему ровно в

центр корпуса. Индикатор боезапаса мигал жёлтым. Я даже не стал смотреть на него.

Распахнутая дверь встретила меня холодным сиянием светодиодов в полумраке. Вдоль стен тянулись шкафы с аппаратурой. Телевышка, должно быть, была прямо надо мной.

На полу лежали мёртвые тела. Я осторожно обошёл одно из них; остекленевшие глаза женщины смотрели в потолок. Никаких следов на телах не было, не было и крови.

Здесь поработал «василиск», подумал я. А значит, Ороти близко.

Очень близко.

Я осторожно обошёл тела, опустив пистолет. Ряды шкафов мерцали мне навстречу, но ничего кроме: я не видел ни консоли, ни экрана, ни разъёма, ничего. Всё правильно — данные о работе терминала отображаются только для ответственного персонала... а я, в кои-то веки, не был таким. Линзы у меня не было.

Нету ничего более безответственного, чем полицейский без значка.

Что-то двинулось на краю зрения, и я поднял пистолет, целясь в глубину комнаты, между сияющих панелей шкафов. Было слышно только, как на крыше шумит дождь и надсадно жужжат системы охлаждения. По углам затаились тени. Я повёл пистолетом, стараясь разглядеть что-либо: светоусиление в моём шлеме не работало, а света здесь, кроме голубого сияния светодиодов, не было.

А затем сильнейший удар в голову бросил меня на пол.

Шлем спас меня во второй раз. Ударившись об пол, он раскололся почти пополам: все остатки маркеров исчезли из моего зрения. Немилосердно болела шея, которую дёрнуло назад выстрелом — опять сработал шейный пояс, этот механизированный ортопедический воротник. На виске разливалось странное тепло; чуть запоздало я понял, что это была кровь.

Робот спрыгнул с потолка, лязгнув металлическими когтями ступоходов об пол. Я видел, как оглядывается из стороны в сторону его треугольная морда с хищно горящими глазами, как холодный свет серверных шкафов блестит на стволе кинетического ружья. Затем робот развернулся и шагнул ко мне; слышно было, как ритмично звенели его медленные, неторопливые шаги.

И когда робот подошёл ближе, я выстрелил.

Одна пуля попала роботу в левое плечо, заставив его выпустить винтовку. Другая разворотила часть треугольной головы вместе с антенной связи. Третья и четвёртая вонзились в грудь и прошли насквозь, отшвырнув работа назад.

Я с трудом поднялся на ноги, елозя ножами меча по полу. В нос мне ударила вонь

плавленного компьютерония. Подойдя поближе, я лягнул робота ногой.

Тот не двинулся.

Индикатор боезапаса на пистолете горел красным. Я и теперь не стал смотреть на него.

В аппаратную спускалась металлическая лестница, и я взбежал по ней. Шум ветра и дождя был слышен уже совсем близко: я был под крышей. На моём пути оказалась ещё одна дверь, и я распахнул её ногой.

И оказался на крыше Домпрома.

Бело-красная мачта вышки устремлялась в небо над моей головой, сияя гирляндами габаритных огней. Диск и плоскости антенн усеивали её, узел в незримой многомерной паутине сети, протянувшейся через Титан-Орбитальный. Ливень шумел, обрушивая небо на землю, гудя среди решеток телевышки, стуча по антенным обтекателям — и словно рассыпаясь об человеческую фигуру, стоящую посередине крыши.

Я шагнул вперед.

Фигура обернулась. Белые волосы взметнулись, веером рассыпая дождевые капли. На меня глянули, пронзительно вспыхнув, неестественно яркие красные глаза.

Нижней челюсти не было. Кто-то сорвал её с бледного лица, заменив серо-чёрным протезом из полимера и металла, охватывавшим скулы. Словно единое целое, она соединялась с серыми пластинами на плечах. Под дождём блестели искусственные мышцы. В опущенной правой руке, лезвием вниз, покоился меч — брат-близнец моего собственного.

Непроницаемая маска лица ожила.

— Инспектор Штайнер. — глухо произнёс Ороты. Его голос звенел металлом. — Какая встреча.

* * *

— Неужели. — ответил я и поднял пистолет.

Между нами был едва ли десяток шагов. Это не придавало мне уверенности.

— Тебя исключительно трудно убить, Штайнер. — в металлическом голосе не было и тени эмоций. Дуло пистолета, смотревшее ему в грудь, Ороты будто и не замечал.

— А тебя — исключительно трудно найти, Ороты. — произнёс я, крепче сжимая пистолет. — Но теперь бежать тебе некуда.

Тянуть время, лихорадочно пульсировало у меня в голове. Надо тянуть время.

— Должен признать, — продолжил я, — тебе отлично удавалось нас дурачить. Резать глотки трупам, например. Очевидно же, что полиция будет смотреть на раны — пусть от виброклинка, а не холодного оружия — но не удосужится копнуть глубже. Например, посмотреть в глаза.

Налетевший порыв ветра хлопнул моим плащом; выпутавшись из крепления на спине, тот распахнулся, держась на одном плече, и взмыл вверх, будто тёмно-серое крыло.

— Знаешь, над чем я дольше всего ломал голову? — спросил я. Ярко-красные глаза смотрели на меня. — Над тем, как ты исчез из диспетчерской. Не через парадный лифт и даже не по пожарной лестнице. Ты просто вышел обратно в космос, да, Ороти? Готов поспорить, в Порту полно служебных шлюзов, а выходов в центральный ствол — ещё больше. И крайне мало камер — но, думаю, где-то ты точно засветился. Всё, что тебе нужно было — спуститься в Дэдзиму, добраться до Фаулер, забрать её люфтмобиль и исчезнуть. На целые сутки.

Ороти молчал.

— К тому времени ты понял, что тебя ищет не только полиция. — продолжал я, мысленно радуясь, что за шумом дождя не слышно, как дрожит мой голос. — Возможно, ты решил залечь на дно. Скорее всего, ты так и планировал. Фаулер и Малкина сделали за тебя всю грязную работу — обеспечили тебе доступ в орбиталище, снабдили планами коммуникаций, дали тебе твою маленькую армию, помогали заматывать следы. Но ты прокололся с Котерой. Конечно, нас, полицейских, ты и тогда смог сбить с толку — как же, ни следов борьбы, ни яда, ничего такого, отчего Котера мог просто взять и умереть посреди улицы. Но ты не смог сбить с толку ГСБ.

— А потом мы вышли на «Дифенс Солюшенс». - сказал я. — И ты запаниковал. Мы подобрались слишком близко к тебе, верно? Ещё немного, и мы вычислили бы твой меч, а значит — и тебя. И ты приказал Фаулер меня убить. Даже не так: это была её инициатива, но ты всецело её поддержал.

— Тебе лучше было бы умереть там. — процедил Ороти. — Это было бы проще.

— Для тебя? Возможно. — ответил я. — Ловушка на Регенераторной, конечно, была поставлена не на меня, хотя я был бы польщён. Видимо, тогда ты и понял, что я остался жив... и подослал робота ко мне домой, чтобы это исправить. А теперь я здесь.

— В одиночку. — проронил Ороти. — Ты до сих пор тщетно пытаешься мне помешать. Ты исключительно назойлив.

— Но я не знаю только одного. — произнёс я. — «Василиск». Где он?

Ярко-красные глаза несколько мгновений пристально смотрели на меня. Порыв ветра ударил вновь, хлестнув моим плащом.

Ороти молча поднёс левую руку к виску.

В голове. «Василиск» всё это время был у него в голове.

— Я уже помешал тебе. — глядя на него, сказал я. Дождь заливал моё лицо; мне стоило больших усилий не моргнуть. — Твой план провалился, Ороти. С самого начала.

— Мне ничего не стоит превратить это орбиталище в могильник, Штайнер. — отчеканил Ороти. — И теперь меня ничего не удерживает. Обменять полтора миллиона человек на одного премьер-министра, да ещё и мужчину... — последнее слово он почти выплюнул, словно брезгуя. — Долго ли простоит Сатурнианская Гегемония после этого, а, Штайнер?

— Ты блефуешь. — ответил я, в глубине души понимая, что он не блефует. — Если бы тебе хватало духу уничтожить Титан-Орбитальный, ты бы сделал это уже давно. Но это не так, правда? Вы не смогли применить «василиска» тогда. Ты не сможешь и сейчас.

По спине бегали мурашки. В горле пересохло.

Ну же! Валерия! Королева! кто-нибудь!

— Ты понятия не имеешь о том, на что мне хватит духу. — прошипел Ороти. — Ты рассказываешь мне о Войне. Мне! Я прошёл Войну от начала до конца, до последнего боя, последнего выстрела. Я по своей воле стал оружием нашего возмездия. Я видел вещи, о которых ты и помыслить не можешь; и ты имеешь дерзость читать мне нотации?

— Имею. — твёрдым голосом произнёс я. — Потому что ты в моих руках, Ороти. И ты никуда от меня не денешься.

Изо рта Ороти вырвался звенящий смешок.

— А ты сможешь мне помешать?

— У меня есть пистолет. — ответил я, чуть поведя дулом вверх. Под железной хваткой экзоскелета не было видно, как дрожит моя рука. — Не помню, сколько в нём зарядов, так что подумай, повезёт ли тебе.

Меч в руке Ороти вспыхнул голубым, пронзительно зашипев. Падающие капли дождя, сталкиваясь с вибрирующей кромкой клинка, рассыпались сотнями брызг.

Я непроизвольно отступил на шаг.

— Пора умирать. — произнёс он и шагнул вперед.

Я выстрелил.

В суматохе я не понял, сколько раз я нажал на спуск. Но я был так напуган, что выпустил сразу все пули.

Лишь одна из них попала в Ороти.

Крышу озарила яркая вспышка, заставив меня сощуриться, и Ороты ринулся на меня. Я торопливо отскочил в сторону: на месте, где я только что стоял, воздух рассекла сияющая молния.

Ороты был быстр. Он двигался уже тогда, когда я только нажимал на спуск, и пуля лишь царапнула его по левому плечу, слегка повредив искусственные мышцы. Остальные пули ушли мимо; но Ороты был близко.

И у него был меч.

Я подался назад, но он не сбавлял своего натиска: виброклинок взвизгнул у моей головы, и я отчаянно дёрнулся всем телом в сторону, чудом избегая удара. Кровь бешено стучала в висках. Одно неверное движение, и я буду мёртв. Окончательно и бесповоротно мёртв.

И это будет очень скоро.

Новый удар распорол мой плащ, болтавшийся у меня за плечом, оставив от него две длинные полосы истрёпанной материи. Меч блеснул голубым заревом, и я отшатнулся назад, уходя от гудящего лезвия... и упал на крышу, ударившись спиной. Даже через бронекостюм удар вышиб из меня дух; пистолет выпал из разжавшихся пальцев. Я распахнул глаза, чтобы увидеть, как меч Ороты голубой вспышкой загорается надо мной; и моя рука двинулась сама по себе.

Ножны у меня на поясе выстрелили, и я в последний момент подставил свой меч под удар Ороты. Лезвие встретило лезвие. Во все стороны брызнули искры.

Красные глаза Ороты на мгновение расширились.

И мой меч сломался.

Лезвие переломилось пополам, громко зазвенев. Звон потонул в раскате грома.

Ороты занёс клинок надо мной. Я невидящими глазами смотрел, как вспыхивает высоко вверх шипящее лезвие в ореоле дождя...

...и как пули со сверхзвуковым грохотом вонзаются в плечо и руку Ороты.

Его отбросило в сторону. Брызнула кровь. Меч с шипением погас и зазвенел, падая на выщербленные временем плиты на крыше.

Я повернул голову.

Минадзуки стояла у лестницы, обеими руками схватив пистолет. Она была без шлема;

ветер трепал её чёрные волосы. Золотые глаза горели огнём.

— ШТАЙНЕР!!! — выкрикнула она, перекрикивая шум дождя. — МЕЧ!!!

Я вскочил на ноги и обернулся. Выстрелы оторвали Ороти руку по локоть; землянин стоял на коленях, прижимая к себе кровоточащую культю. Из обрубка сочилась кровь; свисали обрывки лопнувших мышц.

Его взгляд вдруг метнулся в сторону, и я оглянулся вслед — чтобы увидеть меч, выпущенный Ороти, отлетевший в сторону, к самому краю крыши.

Изо рта Ороти вырвалось нечленораздельное шипение. Он вскочил на ноги, бросаясь вслед за мечом, протягивая вперед уцелевшую руку — и следом за ним отчаянно метнулся я.

Я успел раньше.

Мои пальцы сомкнулись на рукояти меча, брата-близнеца сломанного, нажатием включили его — лезвие запело — и пальцы Ороти царапнули землю там, где только что был клинок.

А затем я повернул меч и ударил вбок и вниз, отрубая Ороти голову.

Лезвие на мгновение застыло, вгрызаясь в шею землянина — и прошло дальше, брызнув фонтаном алой крови, разрезая наискосок, срывая наплечник с правого плеча. Следом за ним слетела голова, и тело Ороти, вдруг утратив волю, рухнуло плашмя.

Что-то тёплое каплями упало на мою голову, запятнав лицо.

Я опустил меч, не слыша его пения среди дождя. Грудь ходила ходуном. Колени ослабли. Меня всего трясло.

Минадзуки подбежала ко мне, опустив пистолет. Она посмотрела куда-то вниз, и я обернулся следом.

Отрубленная голова смотрела в небо остекленевшими глазами. Металлическая челюсть навечно застыла в удивлённом крике. Капли дождя, упавшие на вечно бледное лицо, напоминали слёзы.

Слёзы ярости.

— Это всё? — услышал я свой голос. Он показался мне чужим.

Валерия кивнула.

— Он мёртв. — сказала она. Её пальцы притронулись к моему плечу; я вздрогнул.

— Я думал, ты так и не придёшь.

— Пришлось задержаться. — ответила она. — Я поспешила, как только смогла.

Я кивнул. Позади нас, далеко у подножия железобетонных скал Домпрома, нерешительно зажглись ярко-белым первые фонари на улице Тангейзера.

— А остальные? — спросил я.

— Бланк и Королеву ранили. — сказала она. — Но они целы. Медики гвардейцев забрали Ранис.

Дождь шумел вокруг, словно пытаюсь смыть произошедшее. Ветер свистел среди ферм телевышки.

— И всё-таки. — проговорила Валерия. — Где был «василиск»?

— В голове. — ответил я. — Он угрожал истребить весь город, Валерия.

— Да. — без обиняков признала Минадзуки. — Он мог.

— И ты не сказала мне?

Она тихо вздохнула, неслышно среди дождя.

— Это была секретная информация. — ответила она.

Я промолчал. Пальцем нащупал кнопку отключения меча, и голубое зарево исчезло.

Алые глаза Ороты навечно погасли, глядя в небо. Я на секунду задержался взглядом на белом лице.

Что он видел? Что он знал?

Мне никогда не узнать ответа.

— Пойдём. — сказала Минадзуки. — Я проведу тебя.

Я кивнул и отвернулся.

Последняя молния озарила небо за моей спиной.

Эпилог (День шестой)

- Жюст?
- М?
- Спасибо.

Жюстина перевернулась на другой бок с шелестом простыней и уставилась на меня.

— За что? — недоуменно спросила она.

Я вздохнул и уставился в потолок.

В спальне было темно. Из-под плотно задёрнутых штор сочилось ядовито-зелёное сияние «АКУЛОНа». Ритмично мигал красный огонёк на письменном столе, оранжевый — на шкафу, ещё один рубиновый — на камере наблюдения под потолком. На краю зрения мигали внутренние часы, показывая время.

Полпервого ночи.

— За всё. — наконец ответил я.

Фудзисаки фыркнула.

— И это лучшее, что ты можешь придумать? — недовольно спросила она, приподнимаясь на локте. Волосы упали ей на лицо, и Жюстина грациозно тряхнула головой, отбрасывая их назад. — За какое-такое всё?

— Не знаю. За то, что осталась жива?

Левая бровь Фудзисаки возмущённо дёрнулась вверх.

— Это была моя фраза! — укоризненно заявила она. Её палец упёрся мне в грудь, но так и остался там: Жюстина сменила гнев на милость. — Кроме того, я пришила Фаулер. Так бы за ней ещё чёрт знает сколько гонялись...

— Ты хоть предложила ей сдаться?

— Эта сука пыталась убить тебя, Мицуру. — сухо напомнила Жюстина. — А ещё она убила троих кидотаев и почти размазала по стенке Казанцеву-Мунэмори, так что мне было не до любезностей. — она вздохнула и опустилась назад на подушку. — Но эта попытка тебе не засчитывается. Пробуй ещё.

Я задумался. Утром Фудзисаки встретила меня в больнице и утащила с собой, провожаемая неодобрительными взглядами врачей. Как я узнал с её слов, во Дворце собраний они с городовыми наткнулись на соратницу Ороты — Фаулер, и Жюстине, в конце концов, удалось её пристрелить.

Она не говорила, что это было легко.

Фаулер была мертва. Уцелевшие функционеры Конституционной Партии были взяты под стражу и давали показания. А Жюстина увела меня с собой, и наш вояж завершился только вчера поздно вечером, в моей постели.

Где-то там были отчёты, которые нужно было написать и Мэгурэ, к которой нужно было явиться на ковёр, но после прошлой ночи они казались настолько малозначительными, что я даже не беспокоился о них.

Нам было не до того.

— И не надоело тебе ещё заботиться обо мне? — спросил я. Фудзисаки страдальчески застонала и села на постели.

— Нет, вы только послушайте его! — воскликнула она, закатив глаза. — «Надоело»! Усвой себе, Мицуру: всё, что я делаю, я делаю потому, что этого хочу. И тебя нянчить в том числе. И не носи больше ерунды, понял? — она подумала и добавила: — Пожалуйста.

— Ну уж нет, — фыркнул я. — Я ещё не настолько плох, чтобы ты меня нянчила...

— Ты совсем даже неплох... — довольно промурлыкала Жюстина, — но сейчас ты даже одеться толком не можешь, со сломанной рукой. Кто тебе будет помогать, Минадзуки?

Я промолчал. Валерию я не видел с прошлого утра. Но у неё были свои дела, свои отчёты и свои доклады.

— А кроме того, — продолжала Жюстина, — хрен я тебя брошу. За тобой же нужен глаз да глаз. Вон, отпустила я тебя вчера, и что ты сделал, полез в одиночку на земного диверсанта?

— Полез. — согласился я. — В одиночку.

— А если бы он тебя в капусту порубил?!

— Так не порубил же!

Фудзисаки покачала головой.

— Ты неисправим, Мицуру. — устало заявила она.

— Никто не совершенен. — ответил я. — Но я предпочёл бы больше так не делать.

— И не делай. — строго приказала Жюстина. — Потому что я теперь буду с тобой.

— Всегда? — спросил я.

Губы Жюстины тронула улыбка.

— Всегда. — пообещала она.

В это можно было поверить.

Я привстал на постели. Жюстина потянулась, чтобы помочь мне; я взялся за её

протянутую руку, и она легко притянула меня к себе. Сил Жюстине было не занимать.

Как жаль, что и теперь я не мог пользоваться левой рукой.

— Так что, Мицуру, — весело поинтересовалась Жюстина, когда мы прервали поцелуй. В её глазах сверкали озорные огоньки. — За что ты так хотел меня поблагодарить?

— А это правда так важно? — спросил я.

— А ты что думал? — возмутилась Жюстина. — Я же знаю, что ты можешь лучше! Сгораю от любопытства. — и это была правда, с улыбкой подумал я: кожа Жюстины была горячей, почти раскалённой, и она обнимала меня, нежно и крепко, словно боясь отпустить.

И я не хотел, чтобы она отпускала меня.

— Спасибо тебе. — сказал я. — За то, что ты есть.

Жюстина рассмеялась.

— Ну ладно уже! — смеясь, воскликнула она. Я улыбнулся. — Если это всё, что я могу вытащить из тебя, Мицуру...

— Положим, не всё, — усмехнулся я. — Слушай, а я ведь помню, когда ты обращалась ко мне не иначе как «господин инспектор»!

— Правда? — в притворном удивлении подняла бровь Жюстина.

— Ага. Первые три дня, потом тебе надоело.

Она фыркнула.

— И к чему ты это? — спросила она.

— Интересно, как скоро тебе надоест звать меня по имени?

Жюстина задумалась. И мягко толкнула меня назад, на подушки.

— Не знаю, Мицуру, — промурлыкала она. — До завтрашнего утра тебя устроит?..

* * *

— Ты отлично поработал, Штайнер! — воскликнула Мэгурэ, стоило мне только приоткрыть дверь в её кабинет. — Я прямо не знаю, что с тобой делать. Присаживайся.

Я затворил за собой дверь и опустился в кресло, даже в аквариуме кабинета провожаемый взглядами доброй половины отдела: я был в мундире. Оба моих плаща пришли в полную негодность: один — расстрелянный пулями, другой — изрубленный мечом. Мне совершенно нечего было надеть, и поэтому пришлось вытаскивать из шкафа форму.

Чёрный с серебром китель, серебряные погоны с четырьмя крошечными азаниями

инспектора, шеврон МВД на левом рукаве и шеврон ГУМВД по Титану-Орбитальному — на правом. Линза, висящая на нагрудном кармане. Меч Ороты, в ножнах своего брата-близнеца, на поясе. Не хватало только чёрного форменного берета.

И левая рука, висящая на белой перевязи. Теперь она болела всё чаще. Возможно, это был прогресс, но мне приходилось всё время принимать обезболивающее.

Мэгурэ внимательно оглядела меня, сидящего в кресле, с головы до ног, и, тяжело вздохнув, потянулась к лежащей на столе папке.

— Отчёт я твой прочитала, — объявила она, демонстрируя мне папку. — Списываете вы их с Фудзисаки друг у друга, что ли... А теперь рассказывай. С самого начала.

Я рассказал. О визите к «Дифенс Солюшенс» и знакомстве с Лефрансуа и Фаулер. С покушении и гибели лейтенанта Кюршнера. О похоронах, знакомстве с Минадзуки, «василиске» и Регенераторной. И заканчивая штурмом Домпрома и убийством Ороты.

Мэгурэ внимательно слушала меня, изредка приподнимая бровь. Руки шеф сложила перед собой, домиком; она внимательно смотрела на меня, пока я говорил — а я, в свою очередь, смотрел на неё.

— Это тот самый меч? — спросила она, когда я закончил рассказ. Я кивнул, отстегнул ножны от пояса и протянул оружие ей.

Мэгурэ кивнула и приняла меч. С шелестом выдвинула клинок из ножен. Свет за окном блеснул на голубоватой поверхности режущей кромки.

На лезвии не осталось ни следа крови. Над этим поработали ножны.

— Вот оно как, значит. — пробормотала она и вернула меч в ножны. — Знаешь, Штайнер, я тридцать с лишним лет работаю в уголовном розыске и много чего повидала, но чтобы вот так, отрубить преступнику голову?.. — она покачала головой. — Это что-то новенькое. Поздравляю, Штайнер: удивил ты меня, нечего сказать...

— Мне помогли. — заметил я. Мэгурэ отмахнулась.

— Неважно. — заявила она. — Я же говорю, ты отлично поработал. Ну, ладно. — она отложила ворох листов и вместо него вытащила другой лист, протянув его мне. — На, держи. Но в следующий раз, будь добр, предупреждай начальство, когда уходишь гулять с ГСБ, понял, инспектор?

— Так точно, госпожа комиссар. — отчеканил я и принял лист. Вгляделся в написанное. Затем оторопел и взгляделся ещё раз. — Шеф, погодите, это же...

— Да, ты всё правильно понял, Штайнер. — злорадно прервала меня Мэгурэ. — Как только ГСБ опять что-то от нас понадобится — я сразу же подсовываю им тебя и умываю руки. Ах, да, и инспектора Фудзисаки с собой бери, разрешаю. Всё равно за тобой нужен глаз да глаз... И ещё одно: я была бы очень признательна, если бы ты в следующий раз не таскал Гешке за китель на глазах у половины отдела. Я, конечно, всё понимаю, но...

— Больше не повторится. — заверил её я. Это было чистой правдой: желания марать руки об Сказочницу у меня ничуть не прибавилось.

Я отложил бумагу. Официальный посредник ГУМВД Сатурнианской Гегемонии по содействию с Гегемонической Службой Безопасности...

Новая должность, конечно, звучала внушительно. Вот только мне казалось, что где-то за ней прячется не менее внушительная кипа бумаги...

— Разумеется, придется повесить тебе оклад, — продолжала Мэгурэ, — но это уже мелочи. Впрочем, ты и так заслужил, просто выбить у финотдела будет легче... Так, что ещё. Меч я заберу, конечно, для государственного обвинения. Меня прокуратура уже вторые сутки из-за него тормозит, и хотелось бы знать, почему именно меня...

— Зачем им? — немного невпопад спросил я. Мэгурэ осеклась.

— А, ты не в курсе. — сказала она. — Готовится большой процесс против КП и «Дифенс Солюшенс», и им нужны вещдоки, но спрашивают их, почему-то, с меня. Ума не приложу, почему прокуратура не капает на мозги ГСБ. Кстати, ваше с Фудзисаки дело восстановлено в полном объёме и тоже пойдёт в материалы обвинения. Поздравляю.

— Спасибо, шеф. — смущённо пробормотал я. Несказанные слова повисли в воздухе, но Мэгурэ была права.

Это действительно было для меня важно.

— Тебе также будет интересно узнать, что госпожа Екатерина Бланшфлёр Малкина была задержана вчера в Минбане сотрудниками УМВД Сатурнианской Гегемонии на транспорте. — церемонно добавила Мэгурэ. — Ей предъявлены обвинения по статьям 105, 171, 172, 205-1, 275, 276 и 277 УК Сатурнианской Гегемонии.

— Однако. — пробормотал я. Статья 275 — «Государственная измена», статья 276 — «Шпионаж» и статья 277 — «Посягательство на жизнь государственной или общественной деятеля» — обвинения серьёзные, от двенадцати до двадцати. По сравнению с ними все остальные статьи были вишенкой на тортике. — Это всё из досье Сэкигахары?

— Именно оттуда. — кивнула шеф. — Разумеется, досье уже подшито к делу. Передай, как-нибудь, мою благодарность госпоже Адатигаве. Анонимно.

— Разве что. — ответил я. Для Адатигавы благодарность начальницы уголовного розыска была бы страшным нарушением всех традиций, даже сейчас. — И что теперь, шеф?

— А что теперь? — переспросила Мэгурэ. — Гешке дописывает нашу сторону обвинения, — ваше с Фудзисаки расследование, — а дальше этим будет заниматься прокуратура. Ну, и ГСБ вместе с ГДВР, они сегодня запросили материалы следствия.

— Внешняя разведка? — переспросил я. — А они тут причём?

— При твоих землянах, конечно же! — воскликнула Мэгурэ. — Любые слухи о землянах и так в их компетенции, а тут — целый диверсант... а то и хуже.

Её лицо вдруг помрачнело.

— Надо же, земляне. — проговорила она. — Никогда бы не подумала, что ещё услышу о

них всерьёз. В семьдесят четвёртом все на ухах стояли из-за землян...

Я промолчал. Я до сих пор не был уверен, верил ли я в возвращение землян. Лефрансуа говорил правду, да, и я убил Ороти... но означало ли это, что земляне вернуться?

По крайней мере, они не вернуться сейчас. Остальное было уже не моей заботой.

— Ну, ладно. — вздохнула Мэгурэ и пристально посмотрела на меня. — Как рука?

— Болит. — честно признался я.

— И сколько тебе с ней ходить?

— Сказали приходиться через неделю.

— Через неделю, значит... — протянула шеф. — Ну раз через неделю, то вот и иди, гуляй: хрен я тебя выпущу на работу с поломанной рукой. Хомура тебе выпишет больничный... А, чуть не забыла! — она нагнулась и выудила из ящика стола ещё одну папку — обтянутую кожей, с оттиснённым на обложке гербом МВД. Я насторожился: папка выглядела Очень Официально. — На, ознакомься.

Я принял папку из рук Мэгурэ и осторожно раскрыл её. Внутри папки обнаружился один-единственный лист бумаги, на котором застыли буквы:

УКАЗ

Министра внутренних дел Сатурнианской Гегемонии.

О вручении медали «За выдающуюся службу» инспектору уголовного розыска ШТАЙНЕРУ М.

За активную работу по охране общественного порядка и борьбе с преступностью, за выдающиеся заслуги по взаимодействию с органами национальной безопасности и проявленные при этом отвагу, самоотверженность и героизм, вручить медаль «За выдающуюся службу» инспектору уголовного розыска ГУМВД Сатурнианской Гегемонии в особом административном округе Титан-Орбитальный ШТАЙНЕРУ Мицуру.

Начальница отдела ведомственных наград и поощрений МВД
ДЕЖАРДЕН А.

Министр внутренних дел Сатурнианской Гегемонии
РИЛЬКЕ М.

Монмартр, Касумигава 2/14.

«21» марта 2394 г.

Внизу бумаги шла ещё одна строчка и росчерк электронной подписи:

Утверждаю. К.-Э.

— Медаль придёт завтра вечером, — ангельским голосом сообщила Мэгурэ, — и послезавтра утром я жду тебя здесь, форма одежды — парадная, и ни-ка-ких возражений. — она ухмыльнулась. — Вам ясно, инспектор?

— Но... э... так точно, госпожа комиссар. — в замешательстве ответил я. — Но...

— Ты её заслуживаешь. — твёрдо сказала Мэгурэ. — Ты куда большего заслуживаешь; и ты действительно хороший полицейский, Штайнер. Немного непредсказуемый и в рамках не держишься, да, но ты даешь результаты. Мне этого достаточно.

— С... Спасибо. — смущённо пробормотал я. Дождаться такой похвалы от Мэгурэ было трудно. В устах шефа «молодец, хвалю» запросто звучало, как ругательство, но хорошим полицейским Мэгурэ называла немногих. Их можно было пересчитать по пальцам.

Теперь в их числе был и я.

— А Фудзисаки? — негромко спросил я.

— А Фудзисаки уже наградили. — ответила Мэгурэ. — Сам её спросишь. Папку только верни. — она повелительно протянула руку. Я послушно отдал ей папку; Мэгурэ вернула её на стопку в углу стола. — Вот так-то лучше. А теперь... — она осеклась, глядя мне за спину. Я удивленно обернулся.

Дверь кабинета приоткрылась, и в неё заглянул высокий мужчина в мундире Гвардии Гегемонии — фиолетовом с красным шитьём и золотыми пуговицами. Из-под полы длинной накидки выглядывали чёрные брюки с золотыми лампасами. Форменный берет украшали алые перья; из-под берета выглядывали короткие тёмно-синие волосы.

— Прошу прощения. — извинился он, оглядывая кабинет. Затем он кивнул и отступил в сторону, распахнув дверь. — Прошу, ваше превосходительство.

Я оторопел. И торопливо вскочил на ноги.

Александр Кисараги-Эрлих вошёл в кабинет. Длинный подол его алого платья струился за ним по сомнительной чистоты ковру. Рукава платья украшали светло-голубые узоры — цветы азалии. Белый подворотник обрамлял шею. Чёрные волосы, собранные в хвост, падали за спину.

— Ваше превосходительство! — воскликнула Мэгурэ и поклонилась. Я поспешно склонился сам. — Покорнейше прошу прощения!..

— Прошу вас, госпожа Мэгурэ. — прервал её премьер-министр Гегемонии. — Не нужно кланяться.

Мэгурэ виновато выпрямилась.

— Ваш визит... — начала она.

— ...Весьма неожиданный, я знаю. — закончил за неё Кисараги-Эрлих. — Обычно я нахожу их весьма эффективными, но это не тот случай. Я действительно хотел вас предупредить, но я всё равно ненадолго.

Лиловые глаза обернулись ко мне. Я вздрогнул.

— Я хотел воочию увидеть людей, которым сегодня многим обязана вся Гегемония. — сказал Кисараги Эрлих, глядя на меня. — С госпожой Фудзисаки я уже имел честь повстречаться. Господин Штайнер...

Он протянул мне руку.

Я ошеломленно смотрел на него. Премьер-министр Сатурнианской Гегемонии, вот так, протягивает мне руку...

Я пожал её.

— ...очень приятно. — завершил Кисараги-Эрлих и одобрительно улыбнулся.

— Это большая честь для меня, — неловко пробормотал я, — ваше превосходительство...

— Вне всякого сомнения. — кивнул премьер-министр. — Но спасибо вам, господин Штайнер. От имени всей Гегемонии.

Он отпустил мою руку и поклонился. Это был короткий кивок, едва ли до середины груди — но это всё равно было больше, чем мог позволить себе старший по отношению к младшему.

— Хорошего вам дня. — попрощался Кисараги-Эрлих.

Он вышел из кабинета, сопровождаемый телохранителем-гвардейцем. Мы с Мэгурэ так и остались стоять, глядя ему вслед, пока подол красного платья не скрылся за углом.

— Великие боги. — первой нарушила молчание Мэгурэ. Она глянула на меня. — Тебе не кажется, что у тебя на редкость счастливый день, а, Штайнер?

Я помотал головой. Перед глазами все ещё стояло видение: премьер-министр Гегемонии, пожимающий мне руку и кланяющийся передо мной...

Что я сделал, чтобы заслужить это всё?

— Беги уже. — сказала Мэгурэ.

Я предпочёл спастись бегством.

* * *

Жюстину я нашёл на проходной. Мы с ней расстались по дороге, на «Ракунане»: она

поехала домой, за своим мундиром. Теперь она стояла передо мной: к кителю был приколот значок лучшего стрелка Академии, золотой со скрещёнными винтовками, а на погонах... блестели не три, а четыре серебрянные азалии.

— Инспектор? — удивленно произнёс я. — Ты теперь инспектор?

Вместо ответа Жюстина обняла меня. Вернее, бросилась мне на шею.

— Полный! — воскликнула она. — Без всех этих приставок и прочего! Вот так! — и она поцеловала меня. А я не нашёл ни сил, ни желания сопротивляться.

Да, мы стояли посредине проходной Цитадели. Да, в середине дня здесь было полно народу.

Да, мне было всё равно.

— Поздравляю. — восхищённо сказал я, отпустив её. — А меня Мэгурэ на больничный отфутболила. И сказала, что медаль дадут.

— И меч забрала? — подняла бровь Жюстина.

— Ну да. Это вещдок. Для государственного обвинения. — пояснил я. — Ну, пойдём?

— Пойдём, конечно! — ответила Фудзисаки. — Только куда?

Провожаемые удивлёнными взглядами, мы вышли наружу, под тень Цитадели. Сверху висели редкие серые облака, через которые то и дело пробивался свет люминёра, отбрасывая необычные тени.

— И как тебе Кисараги-Эрлих? — спросил я. — Премьер-министр?

— Ты что, его видел?

— Ну да. — ответил я. — Он мне руку пожал. И поклонился ещё.

— Однако... — протянула Жюстина. — Нет, он нормальный. Сказал, что мне медаль вручат, кстати.

— «За выдающуюся службу», да?

— Он не сказал. Но не орден Почётного легиона же!

— Не доросли. — усмехнулся я.

— Зато с нами сам премьер-министр здоровался. — пожала плечами Фудзисаки. — Весь отдел теперь обзавидует.

— Ага, — протянул я. — Фридель и Орловская меня и так терпеть не могут...

— А я их вздрючу. — серьёзно пообещала Жюстина.

— Жюст!

— Что Жюст? Имею право! Будут они ещё к тебе приставать тут...

Мы дошли до середины двора, когда я остановился.

— А что с машиной? — спросил я.

— А что с машиной? — переспросила Фудзисаки, сделав большие глаза. Ей это

совершенно не шло.

— Ну. Я тебя спрашиваю. Что с машиной?

— А-а-а! — Жюстина взмахнула рукой. — Лучше и не спрашивай! Дитрих и Макееву помнишь, из отдела робототехнических преступлений? Так вот они вчера слетали по вызову и разбили свою машину, вдребезги. А мы с тобой в отпуске, нас передвинули в очереди... новые машины будут только со следующей недели. — она фыркнула. — Летать не умеют, учиться не хотят...

— То есть, машины нет. — подытожил я. Я уже стал скучать по нашему безвременно погибшему «Муракумо».

— Ну нет. — уныло поддакнула Жюстина. — «Асперу» я вернула, её вчера должны были обратно отогнать. Там сейчас ГСБ хозяйничает. — она кивком обозначила Дэдзиму и офис «Дифенс Солюшенс». — Так что, пошли на метро?

— Да зачем на метро? — спросил я. — Нам на троллейбусе. Сорок девятый же ходит?

— Каждые десять минут, — пробормотала Жюстина, сверившись с картой. — А чего ты забыл на Выставочном, Мицуру?

— Не на Выставочном. — ответил я. — Но близко.

* * *

Мы не поехали на сорок девятом троллейбусе. Вместо этого мы сели в сравнительно более редкий двадцать четвёртый.

Двадцать четвёртый троллейбус шёл по Гершельштрассе — не до Выставочного центра на границе между Ракунаном и Штеллингенем, а дальше, до Монмартрской площади. Салон троллейбуса-гармошки в полдень был полупустым и светлым, словно наполненным воздухом; мы с Жюстиной вошли, расплатились и устроились в хвосте троллейбуса, на задней площадке.

Редкие пассажиры любопытно оглядывались на нас. Двое инспекторов Национальной полиции, причём один из них — мужчина, в чёрных с серебром мундирах — нечастое зрелище даже на общественном транспорте. Особенно, когда мужчина был с рукой на перевязи, а женщина держала его за руку.

А много ли в Титане-Орбитальном инспекторов полиции с рукой на перевязи и волосами цвета сирени?

Моторы троллейбуса тихо гудели где-то над головой. За окном белые со стеклянными фасадами дома Гюйгенса сменились барочными фасадами Меако — лепниной и статуями, изображавшими людей и богов. На площади Гегемонии троллейбус остановился, пропуская разворачивавшихся собратьев, и я, обернувшись, увидел статую Клериссо-Регулировщицы, которую кто-то обильно изгвоздал пятнами краски. Вокруг скульптуры толпились поливомоечные роботы.

Я встретился взглядом со статуей. Каменное лицо Клериссо пристально смотрело вдаль,

надменное и безразличное ко всему.

По улицам ходили патрули кидотаев — по двое и по трое, одетые в настоящие доспехи, с настоящими винтовками, пусть и закинутыми на плечо. У Дворца собраний, за статуей Клериссо, стояли два БТРа. Прохожие подходили к ним, о чём-то спрашивали патрульных кидотаев, даже фотографировались с ними. Кто-то забрался на крышу БТР. Похоже, экипаж не возражал. Или просто не подавал виду.

Троллейбус нырнул под эстакаду Адмиральского бульвара, щёлкнул контактами и свернул дальше по Гершельштрассе. Пересёк Большой Меакский мост. Сэкигава шла рябью. За окном блестели небоскрёбы Инненштадта.

Жюстина держала меня за руку. Её пальцы крепко сжимали мою ладонь, словно боясь отпустить.

Я не хотел её отпускать.

Мы сошли на остановке и пошли пешком, свернув на набережную Сэкигавы. Башня N34 так и возвышалась над домами-кораблями вдалеке. Её вершина поблёскивала в редком свете люминёра.

— То есть, — нарушила молчание Жюстина, — мы приехали сюда всего-то нанести визит Валленкуру?

— Ну да. — ответил я. — Он имеет право знать. Разве нет?

— Ему бы сообщили. Или это ты так, из мужской солидарности?

— Иди ты. — отмахнулся я. В моём понимании мужская солидарность была свойственна исключительно женатым мужчинам за пятьдесят, и сводилась в основном к совместным посиделкам и жалобам на детей, начальниц и супружескую жизнь. Такой мужской солидарности я повидал достаточно.

Входная дверь открылась, стоило мне отдать команду: Линза, как всегда, была лучше любого пропуска. Именно поэтому каждое её применение тщательно отслеживалось... но внимание Собственной Безопасности мне сегодня не грозило.

Не иметь забот, пусть и ненадолго, было очень необычно.

Парадное тридцать четвёртого этажа ничуть не изменилось с тех пор, как мы были здесь в последний раз. За высоким окном напротив лифтов всё так же раскинулся пейзаж ракунанских крыш. В небе сверкнул пролетающий люфтмобиль. Квартира с табличкой «ВАЛЛЕНКУР Сэйдзи» тоже никуда не девалась, и я притронулся к сенсору домофона.

К моему удивлению, дверь нам открыла Анжелика Грушина. Слегка влажные чёрные волосы спадали на плечи торопливо запахнутого халата; один локон приклеился к щеке.

— Господин инспектор. — удивленно проговорила она. — Госпожа инспектор.

— Добрый день, госпожа Грушина. — ответил я. — Не ожидал встретить вас.

— Я тоже, — пробормотала Грушина и, осёкшись, отступила от двери, — Прошу вас, господин инспектор.

Она ушла вглубь квартиры, оставив нас в прихожей, и появился Валленкур. По сравнению с последней нашей встречей, сегодня парень выглядел не в пример ухоженнее — старательно расчёсанные небесно-голубые волосы, темно-синяя с бордовым блуза, чёрные брюки: кажется, хозяин квартиры куда-то собирался. Кроме того, от Валленкура пахло духами.

— Господин инспектор. — сказал он и поклонился. — Госпожа инспектор. Здравствуйте.

— Добрый день, господин Валленкур. — сказал я. — Мы вас не отвлекаем?

— Нет... — протянул Валленкур. — Но мы собирались уходить...

— Не беспокойтесь, — ответил я. — Мы ненадолго. Можно пройти?

Валленкур кивнул и снова провёл нас на кухню — в гораздо меньшем, чем в прошлый раз, запустении. Он, суетясь, принялся убирать со стола закрытые блюда. Мы с Жюстиной сели и терпеливо ждали, пока Валленкур, захлопнув холодильник, не опустился на табурет напротив. Из глубины квартиры послышался гул работающего фена, который отсекала захлопнувшаяся дверь.

— Анжи мне очень помогла. — пояснил, словно извиняясь, Валленкур. — Она пришла ко мне вечером после вашего визита, господин инспектор. Спасла меня. — его голос стал тихим. — Вы чего-то хотели?

— Да. — ответил я и подался вперед. — Убийца госпожи Вишневецкой мёртв.

Валленкур застыл.

— Мёртв? — повторил он, глядя в сторону. Я кивнул. — Значит... значит...

Его плечи дрожали под блузой.

— Значит, Широко отмщена, да? — спросил он, всё ещё не глядя на меня.

— Да. — сказал я.

Валленкур не ответил. Он сидел, понутив голову, не издавая ни звука; лишь иногда вздрагивали под блузой его худые плечи.

Дверь кухни приоткрылась, и мы обернулись: вошла Грушина. Увидев Валленкура, она, не говоря ни слова, ушла — и вернулась, держа в руках платок.

— Спасибо... — прошептал Валленкур, вытирая лицо. Грушина присела рядом с ним, положив руку ему на плечо. Она недовольно глянула на нас.

— Господин инспектор, — начал Валленкур, подняв голову, и осекся. Его заплаканные глаза опухли, белое лицо покраснело. Слёзы всё ещё застыли на его щеках. В руках он комкал платок.

— Я не знаю. — тихо проговорил он наконец. — Я должен чувствовать радость, да? За то, что Хироко отмщена, верно? Но я не могу.

— Вы имели право знать. — мягко, но уверенно ответил я.

— Но это не вернет её. — тихо сказал Валленкур. — Я не хотел мести, господин инспектор. Я ничего не хотел, понимаете?

Он прижал к лицу платок. Грушина обняла его за плечи.

— Вам лучше уйти. — тихо сказала она.

Мы с Жюстиной переглянулись. Я поднялся с табурета.

— Прошу прощения. — сказал я и поклонился. Жюстина ограничилась кивком.

Валленкур ничего не ответил.

Грушина пришла проводить нас, пока мы обувались в прихожей. Она стояла, скрестив руки и облокотившись на стену.

— Зачем? — негромко спросила она. Я выпрямился.

— Потому, что он имел право знать. — повторил я. — Как и вы.

— Лучше бы вы этого не делали. — проговорила Грушина. — Сэйдзи... — она дёрнула плечами. Я кивнул.

— Возможно, вам придётся давать показания в суде. — сказал я.

— Возможно. — ответила она. — Господин инспектор...

— Да?

Грушина обхватила себя руками за плечи.

Она не заменила Вишневецкую, вдруг подумал я. Сатурнианка никогда не станет заменой кому-либо. Она просто пришла Валленкуру на помощь.

— Мы сможем забрать тело? — спросила она, отведя глаза.

— Конечно. — ответил я. — Вы известите родных госпожи Вишневецкой?

Губы Грушиной дёрнулись вверх в слабой улыбке.

— А у нас есть выбор? — спросила она.

Я склонил голову.

— Ещё раз прошу прощения. — сказал я и потянулся рукой в карман кителя. Оттуда я вытащил продолговатый серебристый кристалл флешки и протянул его Грушиной. — Передайте это господину Валленкуру, пожалуйста. Это принадлежит ему.

— Это принадлежит Хироко. — поправила меня Грушина. Я кивнул в знак согласия.

— Всего хорошего, госпожа Грушина. — сказал я и вышел из квартиры.

* * *

— Ну что, — по дороге вниз спросила Жюстина. — Сделал всё, что хотел?

Я покачал головой. Стенки кабины лифта вокруг нас менялись, демонстрируя то залитые светом люминёра зеленые луга, то колоссальные каменные столпы в степях Абасси, то чёрную гладь в окружении высоких, отвесных ледяных стен — озеро Гитигами.

— Не всё. — сказал я. — Есть ещё кое-что.

— А что там было-то? — спросила она. — На той флешке?

Лифт остановился, и пейзажи на его стенках погасли, обнажая блестящий полированный металл кабины.

— Ничего особенного. — ответил я и кивнул на выход. — Пойдём?

Мы вышли наружу, на набережную Сэкигавы. В лицо ударил прохладный ветер с реки, шевеля волосами. Фудзисаки оглушительно чихнула.

— Чёрт. — хмуро пробормотала она.

Я усмехнулся и запрокинул голову. Башня нависала над нами, упираясь блестящими стёклами фасада в облачное небо. Тридцать четвертый этаж дома номер тридцать четыре...

Я усмехнулся и шагнул вперед, навсегда оставив Сэйдзи Валленкура позади.

Зебра пешеходного перехода зажглась, и мы перешли на другую сторону, к каменному бордюру набережной. Река тихо гнала свои воды вниз, повинаясь силе тяжести исправно вращавшегося орбиталища. Мы живём здесь свою жизнь и даже не задумываемся о том, что для землян брошенный мячик летел не прямо, а вбок.

Мы всегда думали, что земляне вернутся, подумал я. А теперь, когда они вернулись — даже не готовы в это поверить.

— И куда мы теперь? — спросила Жюстина, взяв меня за руку. Ветер играл её волосами.

— На метро, я полагаю. — ответил я. — Как ты думаешь, отсюда куда ближе: на

«Мацугасаки» или на «Ракунан»?

— На трамвай. — фыркнула Жюстина. — Он вообще в двух кварталах отсюда ходит...

Так куда мы едем?

— В некрополь. — ответил я.

Жюстина тяжело вздохнула.

— Тогда на метро. — констатировала она. — Зачем тебе в некрополь, Мицуру?

— Ты же знаешь. — только и сказал я.

Она безрадостно кивнула.

До станции «Мацугасаки» было пятнадцать минут пешком — по набережной и вглубь Ракунана, обратно к Гершельштрассе. Красная линия метро большей частью проходит под Гершельштрассе, и уже скоро мы стояли в белом колонном зале станции, ожидая поезда.

Поезд появился из туннеля, разбрасывая по стенам отблески света фар. Мы проехали «Выставочный центр», вышли из поезда под своды верхнего зала «Бульвара Кавагути» и спустились вниз, на платформы зелёной линии. Ещё через пять минут мы уже стояли на эскалаторе на «Улице Воскресенской».

Это была самая окраина Штеллингена. Его жилые дома возвышались вверх перед нами; позади, на эстакаде над парком в долине реки Камагавы, шёл Штеллингенский проспект. Центр города вдалеке тонул в серой дымке: не было видно ни башен Инненштадта, ни Домпрома с корпусами Тидая, ни одинокого обелиска Цитадели.

Нам повезло — 215 омнибус стоял на конечной, светя фарами. Мы устроились у окна; омнибус постоял ещё три минуты, пока заходили другие пассажиры, захлопнул двери и тронулся, гудя мотором.

Штеллингенский проспект вливался в ленту Остерштрассе, бежавшую по окружности орбиталища, и омнибус свернул, объезжая купол Шатцензее, и принялся карабкаться вверх, в сторону Комендантской площади. Крыши и улицы Штеллингена мелькнули за окном ещё несколько раз, исчезая вдали. Омнибус повернул на улицу Тюринга, ощупывая стены домов фарами.

И выехал к некрополю.

Белые стены. Белая арка входа, венчавшая два лестничных пролёта ступеней. Телебашня подпирала горизонт, возвышаясь над окружавшими некрополь деревьями. Здесь меня окликнула Минадзуки, здесь стоял я, здесь — она... а здесь мы пошли с ней к её машине.

Я кивнул сам себе.

— В следующий раз — только на люфтмобиле. — фыркнула Жюстина, оглядываясь на

застывший на конечной омнибус. — Замаешься сюда ехать.

— Мы всю дорогу сидя ехали. — напомнил я.

— Хоть что-то хорошее.

Мы поднялись вверх по ступеням. Одна из решётчатых створок ворот была распахнута. Я протянул руку, вызывая соткавшуюся из воздуха инфосистему некрополя, и ввёл запрос. Мгновение спустя перед нами загорелась путевая точка.

— Пойдём. — тихо сказал я и позволил Жюстине взять меня за руку.

Белые роботы-садовники неслышно суетились между рядов белых кенотафов, подстригая траву. Где-то вдали, вниз по склону, виднелись человеческие фигуры; даже отсюда можно было разглядеть белые траурные цвета на их одежде.

Путевая точка вела нас вниз. Мы прошли мимо одиноко высившейся скульптуры, изображавшей богиню смерти и бога жизни, Идзанами и Идзанаги. Они держались за руки. Скульптор изобразила Идзанаги в длинном платье с открытыми плечами, по моде начала века; Идзанами была в кителе с орденами и цветками азалии на погонах. Длинные волосы спадали богине на спину.

Жюстина крепче сжала мою ладонь.

Белая стена некрополя маячила невдалеке. Каменная тропа между рядами внезапно обрывалась; дальше, до самой стены, расстилалась аккуратно выстриженная зелёная трава. Посредине поля белел панцирь робота-садовника, похожего на огромного жука. Путевая точка горела с правой стороны, в конце крайнего ряда.

На кенотафе лейтенанта Кюршнера.

Дождь стёр последнюю новизну с памятника. Белый камень выглядел так, будто простоял тут уже целую вечность. Посредине лицевой стороны кенотафа чернела высеченная в камне надпись:

ст. лейтенант
Ацухиро Мишель
КЮРШНЕР
(2362–2394)
SERVIR

— Шестьдесят второй?.. — тихо проговорила Жюстина.

Я подошёл к кенотафу. Чёрные буквы в камне глядели на меня, словно с укором.

Что я мог сказать?

Валленкур был прав. Это не была месть. Я не думал о мести той ночью, стоя на крыше Домпрома и из последних сил заставляя голос не дрожать, а лицо — не выдавать холодного, липкого страха внутри. За что мне было мстить?

Servir. «Служить». Кюршнер выполнял свой долг — даже когда спас меня от гибели ценой собственной жизни. Той ночью я выполнил свой.

Ороти мог говорить о возмездии и отмщении. Что, кроме них, могло остаться у человека, который готов был убить целое орбиталище — и даже не планировал возвратиться живым?

Но я не мог. Меня никогда не интересовала месть.

Меня интересовала справедливость.

Я опустился на колени перед памятником. Пальцами коснулся шершавого белого камня.

Ороти был мёртв. Это не вернуло бы к жизни его жертв.

Но это было справедливо.

Я выпрямился и обернулся. По тропе вниз спускалась фигура в развевавшемся чёрном плаще. Она тряхнула головой; водопадом упали длинные волосы.

— Ты знал, что она придёт? — тихо спросила Жюстина.

Я улыбнулся.

Минадзуки подошла к нам. Воротник её плаща был расстёгнут. Белую шею опоясывала чёрная шёлковая лента. По моей спине пробежали мурашки.

— Мицуру. — удивленно сказала Валерия. — Госпожа Фудзисаки.

— Какая встреча. — отозвалась Жюстина.

— Да. — только и сказала Валерия. Она посмотрела на меня.

— Извини. — проговорила она. — Я просто хотела убедиться.

— Что я в порядке? — мягко спросил я.

— Да, но я... — Минадзуки замешкалась. — Нет. Извини, пожалуйста.

Она развернулась и пошла было назад, но Жюстина поймала её за руку. Минадзуки воззирилась на неё.

— Не уходи. — попросила Жюстина. — Я ещё не поблагодарила тебя как следует.

— За что? — спросила Минадзуки, глядя на неё.

— За то, что позаботилась о Мицуру. — спокойно сказала Жюстина.

Валерия не ответила.

— Но я не должна была мешать вам. — наконец нашлась она.

— Ты нам и не помешала, — ответил я. — Но ты могла мне позвонить.

— Да, но я не могу и дальше мешать вам! — Валерия стряхнула руку Жюстины и подошла ко мне. — Мицуру, я... я не хочу становиться между вами. Я же знаю, что госпожа Фудзисаки... что Жюстина любит тебя. Я уже помешала ей один раз. Я не смогу так больше.

— А кто сказал, — спросила Жюстина, — что ты должна обязательно быть между нами?

Воцарилась тишина.

Минадзуки посмотрела на Жюстину. Перевела взгляд на меня. В её золотых глазах было удивление.

— Но нас же ничего не связывает. — проговорила она.

— Разве? — удивилась Жюстина. — По-моему, нас связывает очень многое.

Она коснулась моей ладони.

— Например, Мицуру. — сказала она.

— Жюст!

— Что Жюст? — резко развернулась ко мне Жюстина. — Что, это не так?

Я замолчал. Тем более, что Жюстина была права.

— И вы предлагаете мне... — начала Валерия.

— Для начала, я предлагаю нам всем пойти куда-нибудь в другое место. — прервала её Жюстина. — И поговорить. Для начала. Как тебе такое предложение?

Валерия заколебалась.

— Да, — нашлась она. — Я и хотела поговорить с вами. И сказать спасибо.

— За что? — спросил я.

— Жюстина спасла нам обоим жизнь позавчера. — ответила она. — И вы оба очень помогли ГСБ. То есть, помогли мне. А Ороги и его сообщница теперь мертвы. Тоже благодаря вам.

— И это всё, что ты хотела сказать? — поинтересовалась Жюстина.

— Нет, разумеется, не всё. — добавила Валерия. — Но это было самое важное.

— Вот и прекрасно! — подытожила Жюстина. — Так что, — она оглянулась на меня, — пойдём? Мицуру, ты ведьпустишь нас к себе домой?

Я посмотрел на них обоих. На Валерию и Жюстину, не раз спасших меня от неминуемой смерти. Валерию и Жюстину, ставших для меня самыми близкими во

вселенной. Валерию и Жюстину, протянувших мне руку помощи.

Всего, что произошло со мной за прошлые дни, не было бы без них.

Я был не один.

— Конечно. — улыбнувшись, сказал я.

И протянул им руку.

Больше книг на сайте - Knigolub.net